

КЛАССИКА ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ

ФРАНСИС КАРСАН
ЛЬВЫ
ЭЛЬДОРАДО

Черный
рысак

Львы
Эльдорадо

КЛАССИКА ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ

КЛАССИКА ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ

Франсис Карсак

полное собрание сочинений

Франсис Карсак

**В ГОРАХ СУДЬБЫ
ЧИСТЫЕ РУКИ
ЛЬВЫ ЭЛЬДОРАДО
РАССКАЗЫ**

Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(4Фр)
К26

Карсак Франсис

К26

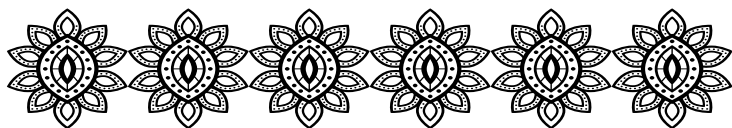
В горах Судьбы; Чистые руки. Повести. Львы Эльдорадо: Роман. Окно в прошлое; Бог, который приходит с ветром. Рассказы. — М.: Черная река, 2017. — 400 с. ил. — (Классика зарубежной фантастики. «Франсис Карсак. Полное собрание сочинений»).

Франсис Карсак — псевдоним Франсуа Борда (1919–1981), французского ученого-палеоантрополога, специалиста по геологии четвертичного периода, одного из наиболее известных писателей-фантастов Франции.

В третий том полного 4-томного собрания сочинений автора вошла трилогия «Тераи Лапрад» — повести «В горах Судьбы», «Чистые руки», роман «Львы Эльдорадо» и рассказы «Окно в прошлое» и «Бог, который приходит с ветром».

УДК 821.161.1
ББК 84(4Фр)

© Самуйлов Л., Безгодов М., перевод, 2017
© Лозицкая Н., Мельников Е., иллюстрации, 2017

Франсис Карсак, Человек-Гора французской научной фантастики

Утром 1 мая, мне позвонил один из сыновей Франсиса Карсака. Он сообщил мне о кончине своего отца, умершего в Тусоне, штат Аризона, от сердечного приступа.

Так ушел из жизни Человек-Гора французской научной фантастики, известнейший специалист по истории первобытного общества, и один из тех редких блестящих умов, которые примиряют вас с человеческим родом.

Я восхищался — и всегда буду восхищаться — Франсисом Карсаком, с которым мне повезло проводить долгие вечера, обсуждая научную фантастику или бессистемно обмениваясь мыслями о нашей личной версии мира.

Франсис Карсак — его настоящее имя Франсуа Борд — родился 30 декабря 1919 г. в Перигоре. Всю свою жизнь он останется связанным к этой территорией, занимающей важное место в истории первобытного общества. Теперь он там похоронен. Будучи великолепным учеником, в шестнадцать лет он сдал экзамены на степень бакалавра*, после чего поехал в Индокитай, где муж его сестры был колониальным управляющим.

После возвращения во Францию была война. Франсуа Борд был мобилизован. Затем пришло поражение... В период Оккупации он возобновил свои занятия в университетах

* Аналог аттестата зрелости или ЕГЭ (*Здесь и далее: примеч. переводчика*).

Бордо* и Тулузы. Там он встретил ту, которая вскоре стала его женой. В течение некоторого времени, чтобы уклониться от S.T.O.**, он вынужден был работать в шахте, добывая бурый уголь, после чего вместе с женой присоединился к Сопротивлению. Затем, наконец, пришло Освобождение. При штурме немецких частей близ Руаяна, Франсуа Борд был серьезно ранен: в него попало около пятидесяти осколков гранаты. Его бумажник, набитый бумагами, остановил один из них около сердца.

— Выкарабкался я просто чудом, — часто говорил он мне. — После того ранения я получил вторую жизнь.

О своем здоровье Франсуа Борд говорить не любил. Он во всех смыслах оставался Человеком-Горой. Таким же, как Тераи Лапрад из «Львов Эльдорадо». И, как и у Лапрада, под львиной внешностью у него скрывалось доброе сердце.

В апреле 1973, в одном из супермаркетов Бордо-Таланса, я узнал его, благодаря фотографии С.Л.А.***: ковбойская шляпа, очки, ковбойский же галстук и заколка в виде наконечника стрелы из серебра — подарок бывших учеников из... Тусона.

В одиннадцать лет, прочитав книгу «Борьба за огонь», он определился со своей будущей специальностью, посвятив себя изучению истории первобытного общества, а поскольку Рони-старший был еще и автором научно-фантастических романов, обе эти страсти будут взаимно дополняться. Франсуа Борд начал писать еще до Второй мировой войны. Превосходное знание английского языка (он писал свои статьи по палеонтологии прямо на этом языке)**** и частые поездки по работе в США открыли ему американскую научную фантастику.

Все эти условия объединились, чтобы породить в итоге Франсиса Карсака.

* Неточность: Бордо был еще до войны.

** Service du travail obligatoire — обязательная трудовая повинность, принудительный выезд и работа на заводах в Германии.

*** «Club du livre d'anticipation» («Клуб научно-фантастической книги») — книжная серия, в которой в 1970 г. под № 25 вышел omnibus Ф. Карсака «Пришельцы ниоткуда» и «Робинзоны космоса» с предисловием Жака Бержье и библиографией Ф. Карсака.

**** Скорее по палеолиту и геологии четвертичного периода.

Франсис Карсак

В начале 50-х годов Франсуа Борд продолжал занятия в Парижском университете. В это время научная фантастика, во многом подражающая американской, робко внедрялась во Франции книжной серией «Рэион фантастик» («Фантастический луч»), журналами «Фиксьон» и «Галакси». В 1951–1952 годах, параллельно с работой над диссертацией по геологии, Франсуа Борд написал роман «Пришельцы ниоткуда», предложив его для серии «Рэион фантастик» под псевдонимом Франсис Карсак исключительно по той причине, что ученые мужья того времени относились с определенным недоверием к любому почитателю научной фантастики, а Франсуа Борд собирался строить научную карьеру.

«Пришельцы ниоткуда» имели успех у целого поколения фанов, да и вообще можно сказать, что Франсис Карсак под-

*Франсис Карсак в год окончания
средней школы (1935)*

толкнул к написанию научно-фантастических романов сразу нескольких молодых авторов: Жан-Пьер Андревон, Поль Ано, я сам и некоторые другие обязаны своим выбором именно ему. Когда появились «Робинзоны космоса» — написанные еще раньше, — отношение фанов заметно изменилось.

В то время Франсис Карсак посещал книжный магазин «Баланс», принадлежавший Валери Шмидту, магазин, который являлся настоящей штаб-квартирой парижской научной фантастики. Там встречались Филипп Кюрваль,

Жак Бержье, Шарль Эннеберг, Жерар Клейн и другие писатели-фантасты. Не подозревая того, Франсис Карсак начал литературное течение, вызвавшее психологический шок у многих из его читателей.

Я вспоминаю эффект, который произвело на меня прочтение «Пришельцев ниоткуда». Я тотчас же ощутил некое эпическое вдохновение и восторженность: в этой саге, свободной от пессимистической низости отражалось все благородство человеческой души. Вновь и вновь закрывая эту книгу, мы находили ту чистоту разума, которая так необходимо для восприятия жизни.

И я могу утверждать, что, сам того не зная, Франсис Карсак помог мне успешно избежать во времена моей юности многих соблазнов. С его помощью мое мифическое «я» обнаружило тот ключ, который позволил мне примириться с моим реалистичным эго.

Спасибо вам еще раз за это, Франсис Карсак. Вы осветили солнцем мое видение пляжей Нормандии, вы вернули мне дыхание жизни.

В 1956 году, став доктором наук, Франсуа Борд получил кафедру палеонтологии четвертичного периода на факультете

естественных наук Университета Бордо, который располагается в Талансе. Он возвратился в Аквитанию, и научная фантастика от этого пострадала. Отныне он так был занят работой, что времени на занятия литературным трудом уже почти не оставалось.

В 1960 году появилось «Бегство Земли», роман, начатый еще до войны и законченный двадцатью годами позже. Я был в Оране, когда прочитал «Этот мир — наш», и должен сказать, что в годы падения Французского Алжира Стальной закон находил там любопытный отклик. Спустя одиннадцать лет Франсис Карсак объяснил мне, что это произведение, написанное с 1952 по 1959 год, служило своеобразным намеком лишь на Индокитай, где он жил когда-то, и что, по его мнению, любая расовая проблема может быть разрешена одной только метисацией. По ироническому совпадению он получил тогда письмо одного репатрианта, которое заканчивалось словами: «Радует уже то, что хотя бы *вы* нас понимаете», и письмо старого феллаха, содержавшее точно те же слова...

Увы, в романе «Этот мир — наш» скрещивание двух видов, подпадающих под действие Стального закона, было невозможно...

В следующем году был опубликован роман «Наша родина — космос», посвященный теме звездных ковчегов, захватывающий роман, в котором Франсис Карсак выражал свой отказ от всех видов тоталитаризма.

Затем читателям пришлось ждать аж до 1967 года, когда им наконец выпала возможность прочесть «Львов Эльдорадо», вышедших в издательстве «Флёв нуар» («Черная река»).

Франсис Карсак в униформе на молодежной стройке (весна 1941 г.)

*Пасха, 1942 г. Франсис Карсак
в отпуске в департаменте Ло
и Гаронна.*

Своим уровнем этот роман значительно превосходил обычные публикации издательства, что оказалось для «Флёв нуар» счастливой неожиданностью. Франсис Карсак написал его всего за три месяца летних каникул. В этой книге, за десять лет до того, как это стало модным сюжетом, он защищал дело экологии, и защищал гораздо более интересно, чем это делали потом многочисленные сторонники доктрины защиты экологии... Шло время. От пустыни Аризоны до пустынь Австралии, через землю Дордони, Франсис Карсак занимался раскопками в поисках наших предков. Его ковбойская шляпа и знаменитая трубка становились легендарными.

В каждую из наших встреч я настойчиво просил его снова взяться за перо. Он написал сорок страниц продолжения «Львов Эльдорадо». Другие старые незаконченные рукописи уснули вечным сном в его просторной библиотеке. Он закончил лишь несколько рассказов, которые добавились к тем, что выходили в разные годы в журналах «Фиксьон» или «Сателлит». Но история первобытных людей интересовала его гораздо сильнее, а время подтачивало его жизнь.

Франсис Карсак восхищался Рони-старшим, считая его непревзойденным мастером. Этим восхищением пропитаны едва ли не все произведения Карсака, а в динамизме его стиля — близком к повествовательному ритму американских авторов — мы чувствуем влияние Пола Андерсона, с которым он был очень дружен.

Франсис Карсак на Национальном французском съезде писателей-фантастов (1974 г.)

Так вот и вышло, что сочинения Карсака ограничиваются шестью* романами и двумя десятками новелл. Его текстами в течение трех десятилетий наслаждались самые искушенные любители фантастики. К несчастью, продолжению переиздания его романов в издательстве «Presses Pocket» помешал один неприятный инцидент. Франсису Карсаку не понравилась иллюстрация к роману «Наша родина — космос», сделанная Войцехом Сюдмаком. Карсак счел эту иллюстрацию вводящей в заблуждение порнографией, не имеющей отношения к его тексту, и аннулировал договор. Теперь нам остается лишь надеяться то, что издатели увековечат его произведения, уважая его чувства.

«Фиксьон» станет первым, кто представит вам после смерти автора «Голос волка», рассказ, первоначально опубликованный в июне 1960 года в специальном номере этого же журнала. По моему мнению, это один из самых красивых текстов, обсуждающих проблему расизма. Лично мне он очень нравится. Я спрашивал Франсиса Карсака о том, как родился этот рассказ. Идея пришла к нему после того,

* Теперь уже, после того как увидел свет ранее нигде не публиковавшийся первый роман автора «На бесплодной планете», — семью.

как он почувствовал себя не в своей тарелке, став свидетелем слишком уж *человеческого* поведения... семейства горилл.

Как Франсуа Борд останется знаменитостью научного мира, так и Франсис Карсак останется памятником французской научной фантастики, венчающим конец этого века.

Сегодня Человек-Гора нас покинул. Он жил так, как сам пожелал жить, и умер, даже не сняв сапоги, в своем доме в аризонской пустыне Сонора, которую он так любил; в согласии с самим собой и с собственным мифом. Сможет ли он обрести там, вдали от родины, блаженство какого-нибудь... *нигде?**

Все мы, любители научной фантастики и я сам, просим его супругу, госпожу Денизу де Сонвиль-Борд, их детей и близких родственников, принять наши искренние соболезнования.

Пьер Бамёль, май 1981 г.

* *Nulle part* в оригинале, что является намеком на роман Ф. Карсака «Ceux de nulle part» — «Пришельцы ниоткуда».

В ГОРАХ СУДЬБЫ

DANS LES MONTAGNES
DU DESTIN

1971

Пролог 1 к роману «Львы Эльдорадо»

В контрольной башне астропорта Джонсвилль, на Офисе II, вспыхнула красная лампочка и зазвонил звонок. К планете приближался звездолет. Бенгт Андерсон аккуратно положил на стол книгу, которую бесцельно листал — торопиться было некуда, — и повернулся вместе с креслом к пульту управления.

— Подъем, парни, за работу!

Джон Кларк оторвал голову от шахматной доски и, не выпуская из пальцев ладьи, ответил:

— Да полно еще времени! Дай хоть закончить.

Но Чунг уже встал и уселся справа от Андерсона.

— Закончим потом. В любом случае — тебе мат в три хода!

Кларк пронзил маленького корейца испепеляющим взглядом, потом пожал плечами и тоже занял свое место у пульта. На загоревшемся экране возникло лицо капитана звездолета.

— Говорит универсальный грузовоз «Денеб» Компании межпланетных перевозок. Прошу разрешения на приземление для высадки двух пассажиров. Точнее полутора.

— Что это значит?

— Сами увидите. Какой квадрат вы мне даете?

— Да любой на ваш выбор. Астропорт пуст. Впрочем, какой у вас тоннаж?

— 12 600 тонн.

— Тогда садитесь в девятом. Мы вас поведем.

— Тише, Лео! Полежи еще. Не очень-то я верю в надежность инертных этой старой калоши! А я поднимусь на мостик. Капитан оказал мне честь — пригласил к себе перед посадкой.

Паралев повернул к Тераи Лапраду свою огромную голову, наполовину прикрыл желтые глаза и зевнул.

— И это все, что ты мне на это скажешь? Что ж, до скорого!

Тераи был вынужден нагнуться и боком протиснуться в узкую дверь кабины, не предусмотренную для его 1 м 99 см и широкоплечей фигуры атлета. Затем ему пришлось скорчиться еще и в лифте, поднявшем его в кабину управления.

— А, это вы, Лапрад, садитесь! Места здесь хватает с тех пор, как эти господа из компании решили, что на лоханках класса «Звезда» вполне можно обходиться без третьего пилота и штурмана! Прибываем через пять минут. Уже видно аэропорт и передатчик материи. Когда двадцать лет назад они изобрели эту штуковину, я думал, что останусь без работы. К счастью, все, что в нее попадает, выходит в виде мельчайшей пыли. Минералам — хоть бы хны, но есть же еще товары, машины... Что до людей, так от них даже на пару сосисок мяса не остается — ха-ха! Видать, не обойтись им пока без нас и без наших кораблей, дружище!

И пузо откинувшегося на спинку кресла капитана Латтропа заходило ходуном от поразившего его приступа смеха.

Тераи посмотрел на трех человек, которые, вместе с находившимся сейчас в машинном отделении механиком, были его спутниками на протяжении трех долгих недель перелета. Латтроп, Макниш, Ямамото, Бэйл. Не интеллектуалы, конечно, хотя их познаниям в области астрономии и математики позавидовали бы многие профессора Земли. Но веселые собутыльники и грозные противники за покерным столом! Скоро они исчезнут из его жизни, как исчезло уже столько друзей, оставшихся за миллиарды километров позади или же и вовсе канувших в небытие. Как его отец и мать. Он снова, в который уже раз, увидел, как высокие языки пламени пожирают лабораторию, закиданную фанатиками-фундаменталистами

зажигательными гранатами. Он долго тогда искал родителей в дыму, но так, увы, и не нашел. Два ассистента заживо сгорели в заблокированном лифте, Лео, совсем еще маленький львенок, запрыгнул ему на руки, один из поджигателей чуть замешкался, и Тераи, случайно наткнувшись на него, сломал ему шею — впрочем, как тот погиб, никто и не разбирался, — а потом обрушилась крыша, и они спаслись только чудом. К черту ее, эту Землю, со всеми ее сумасшедшими!

Ведомый направленным лучом, «Денеб» плавно опустился на гравитронах на бетонную поверхность посадочной площадки.

— Что ж, Лапрад, удачи. Даже не представляю, что такой достойный молодой человек, как вы, будет делать в этой глуши... О, я знаю, что это ваше личное дело. Как знать, быть может, когда-нибудь еще увидимся. Мир тесен, это вам говорю я, капитан Латтроп, избороздивший вдоль и поперек добрую половину Вселенной! Сейчас выгрузим ваш багаж и отчалим. И так из-за этого крюка потеряли немало времени, а это ведь — деньги Компании, разве нет?

Тераи пожал протянутые руки — Макниша, Ямамото (спасибо за уроки каратэ), капитана. Бэйл, механик, ожидал его у двери каюты, не осмеливаясь войти из-за Лео.

— Ваши вещи уже в тендере. Я об этом позаботился. До свидания, Лапрад! Хотелось бы мне, чтобы все пассажиры, которых мы время от времени перевозим, были такими, как вы!

— Пойдем, Лео, дай-ка я надену на тебя ошейник! Понимаю, тебе это не нравится, но не все ведь знают, что ты — паралев, а не зверь, сбежавший из цирка! Вдруг кто с перепугу откроет пальбу, если увидит тебя на свободе? О, я его, конечно, уложу, но жизнь тебе это не вернет.

С недовольным видом лев позволил надеть на себя ошейник, покорно последовал за Тераи в пассажирский лифт, и они вместе вышли на трап. В тот же миг служащий 2-го класса Луиджи Таччини, сидевший в здании астропорта, поднял голову от телетайпа и невольно воскликнул:

— Эй, дядя! Догадайся-ка, кто к нам прибыл на «Денебе»? Лапрад, олимпийский чемпион и трехкратный рекордсмен мира!

— Не носи ты чушь, парень! Этих Лапрадов во Франции, наверное, пруд пруди, — ответил его дядя, начальник аэропорта.

— Именно *Тераи* Лапрадов?

— Вот как! Тогда, быть может, это действительно он. Но что он здесь забыл?

— По документам проходит как геолог. Годовой контракт с Межпланетным металлургическим бюро. И с ним еще некий Лео.

— Лео — а дальше?

— Просто Лео! Больше на него тут ничего нет. А вот, кстати, и они!

С трапа сошел высокий мужчина, за которым следовал лев.

— Подумать только: сейчас я его увижу, возможно, даже перекинусь с ним парочкой слов!

С дрожащим от волнения голосом Луиджи распрямил плечи, стараясь придать как можно более авантюрный вид своей высокой, но худощавой фигуре.

— Хо! Должно быть, он такой же человек, как и все.

— *Такой же, как и все?* Да ты сам-то подумай! Три мировых рекорда за два дня последней олимпиады! Нет, дядя, ты решительно ничего не понимаешь в спорте!

— В любом случае, будь осторожен с его другом Лео!

Зазвонил телефон. Таччини-старший взял трубку.

— Говорит Старджон, региональный директор Международного металлургического бюро. Один из наших геологов, господин Лапрад, должен прибыть на «Денебе». Немедленно направьте его ко мне и не досаждайте ему всеми этими вашими формальностями. Я ясно выразился?

— Да, господин Старджон. Будет исполнено, господин Старджон.

Трубку на том конце уже положили.

— Луиджи, вот твой шанс познакомиться с этим Лапрадом! Отвезешь его в город. А сейчас я должен устроить все так, чтобы ему никто не докучал. Слышал, что сказал господин Старджон? Здесь, Луиджи, если хочешь чего-то добиться, ты должен помнить, что вся эта планета с потрохами принадлежит ММБ!

В открытом аэроглицсере Луиджи почувствовал на затылке горячее дыхание и, обернувшись, едва не уткнулся лицом в огромную морду Лео.

— Мсье Лапрад, скажите вашему зверю не дышать мне в шею! Мне от этого немного не по себе.

— Нет нужды ему повторять. Он уже понял, мсье?..

— Таччини. Луиджи Таччини.

— Так вот, Луиджи, Лео — лев не простой. Это паралев, или, как говорят журналисты, *сверхлев*. С помощью направленных мутаций удалось создать существо, равное по уму семилетнему ребенку. Это уже не зверь! Видите, какой у него выпуклый лоб — у обычных львов они не такие. Лео вполне понимает речь, если с ним говорить просто, и даже на свой манер отвечает.

Лео издал несколько ритмичных, полувнятных рыков.

— Это он так с вами поздоровался.

— Поразительно! Кто же сотворил такую диковину?

— Мой отец и один из его друзей. Из-за этого они и погибли, так же, как и моя мать, которая была с ними в тот день.

— Что же, эти... паральвы взбунтовались?

— О нет. Какие-то безумцы забросали лабораторию зажигательными гранатами. Выжили только я и Лео.

— Но что их на это подвигло?

— Кто знает, что творится в головах некоторых так называемых людей? Вероятно, обыкновенный страх, Луиджи. Но Лео нервничает. Он не любит, когда об этом говорят, да и я тоже.

— Извините, мсье Лапрад. Скажите, а какой ваш лучший результат на полуторке?

— Три пятьдесят девять. Это мое слабое место, как и всех метателей. Быстро я бегаю только спринт, на более длинные дистанции меня уже не хватает. Но большой спорт я оставил еще четыре года назад.

— Почему? Вы же еще молоды!

— Да, мне только двадцать четыре. Нужно было защищать диссертацию. Спорт великих достижений и научные исследования не идут вместе. Я не сверхчеловек, Луиджи!

— Но вы француз, не так ли?

— Нет, я уроженец Океании. Во мне течет кровь четырех рас: полинезийской, китайской, индейской и европейской. Но, похоже, мы уже прибыли. Спасибо, что подвезли.

— Пока вы будете здесь, мсье Лапрад, если я вам понадоблюсь...

— Спасибо. И один совет, Луиджи: поддерживайте тело в тонусе, но не забывайте, что можно быть человеком, и не будучи чемпионом.

Тераи не понравился Старджону с первого же взгляда. Высокий, атлетичный. Директор не любил людей выше и сильнее себя, а потому геолога ждал холодный прием.

— Нам рекомендовали вас Парижский, Чикагский и Торонтский университеты. Кроме того, я прочел вашу диссертацию о Баффиновой Земле и других северных островах. Хорошая работа. У нас здесь хватает блестящих изыскателей, но настоящих геологов среди них нету. Вы же, несмотря на ваш молодой возраст, несомненно, из их числа. Для начала займитесь составлением карты. В вашем распоряжении будут все необходимые вам средства, конечно, в пределах возможного, но и отдачи мы с вас потребуем соответствующей. И вот еще что... Этот ваш зверь... Он будет вам мешать и, возможно, представляет опасность. Вам лучше избавиться от него до того, как он навлечет на вас неприятности.

Тераи встал.

— Лео включен в подписанный мною контракт. Он со мною повсюду. Не нравится его присутствие, так и скажите — я просто сочту контракт недействительным и тотчас же улечу. «Денеб» еще здесь.

— Полноте! Не сто́ит быть таким вспыльчивым! Я пекусь о ваших же интересах, но раз уж вы смотрите на все это таким образом... Под вашу ответственность, понятно?

— Понятно. Можете порекомендовать мне гостиницу?

— В Джонсвиле нет гостиниц. Мы здесь — пионеры, господин Лапрад, не забывайте! Тут найдется немало суровых людей, которых не испугают ни ваши широкие плечи, ни ваш лев. Ваша хижина еще строится. Мы не ожидали вас так скоро, полагали, что вы прилетите звездолетом Компании, через месяц. Возможно, вам удастся снять пока комнату при

местной столовой. Вот только не знаю, пустят ли они вас с вашим животным.

— Попытаться всегда можно, мсье, не так ли?

— Да, и еще одно, Лапрад. Постарайтесь как можно меньше общаться со стиками!

— Со стиками?

— Это туземцы. Так их называют изыскатели: «стики», палки — аборигены на них чем-то похожи. К счастью, они не гуманоиды — никаких тебе «женских» проблем! А то, знаете ли, на некоторых планетах мужчины, бывает, настолько изголодаются по женскому телу, что якшаются даже с туземными девицами... Ну ладно, грузовик подкинет вас сейчас с вещами до столовой. Завтра в восемь утра жду вас с докладом в дирекции. Да, и купите себе офирские часы — они есть в магазине Компании. Здесь в сутках двадцать пять земных часов и двенадцать минут, господин Лапрад, а я привык к пунктуальности.

Столовая оказалась приземистым бревенчатым строением всего лишь в два этажа, построенном в самом конце «улочки», образованной растянувшимися в один ряд хижинами изыскателей, рабочих и инженеров. Содержали заведение все еще молодая вдова, миссис Симпсон, и ее семнадцатилетняя дочь Энн. Вопреки опасениям Старджона, Лео там приняли хорошо. Миссис Симпсон оказалась заядлой читательницей «Ридерз дайджест», где недавно выходила в чуть урезанном виде знаменитая книга Джо Диксона «Божьи создания», в которой этот журналист пытался представить на суд публики сложные биохимические и генетические исследования Анри Лапрада. Тераи едва сдержался, когда любезнейшая миссис Симпсон, преисполненная гордости оттого, что у нее поселится сын этого знаменитого человека, принялась цитировать ему выдержки из этой книги, — ведь именно это крикливое название вызвало гнев американских сектантов-фундаменталистов, все еще очень влиятельных в некоторых штатах, что и привело к трагедии. Энн же лишь чуточку покраснела, что очень шло красивому личику этой довольно-таки пышной блондинки.

— Обед будет через два часа, господин Лапрад. А пока приготовят вашу комнату, можете посидеть в соседнем баре.

Он тоже принадлежит нам; там отменное пиво, да и напитков покрепче — широкий выбор.

Тераи прошел в бар и расположился в углу, Лео растянулся у его ног. Невыразительная официантка поинтересовалась, что им подать.

— Мне — пиво. А Лео — кока-колу в миске пошире.

— Коку... этому зверю?

— Что тут поделаешь: в плане напитков он хорошим вкусом не отличается.

— Это что, шутка такая?

— Принесите — и сами увидите!

Вокруг уже, с любопытством ожидая продолжения, толпились посетители. Раздосадованный, Тераи поднялся на ноги:

— Послушайте, друзья! Учитывая тот факт, что я только что прибыл, я проставляюсь — это нормально. Полагаю, вы работаете на ММБ? Я тоже. Я хочу лишь одного: жить в мире со всеми, но я не позволю разглядывать себя как какое-то дикинское животное только потому, что со мною Лео. Лео — паралев, его разум был искусственно развит. Только и всего. В остальном он — самый обычный лев. Очень мирный, если ему не досаждают или не угрожают. В противном случае... Вы ведь знаете, на что способны львы? Так вот, Лео они и в подметки не годятся.

— Да никто тебе не хотел докучать, — воскликнул рослый изыскатель. — Просто не каждый день видишь, как лев пьет кока-колу.

— Ладно! Смотрите, а потом оставьте нас в покое! Я здесь по меньшей мере на год, еще успеете налюбоваться.

Официантка вернулась с подносом, на котором стояли по баночке пива и кока-колы, бокал и небольшая супница. Тераи открыл банки, вылил кока-колу в супницу, и Лео под восхищенными взглядами зрителей вылакал напиток до дна.

— Видели? А теперь оставьте нас. Как я уже сказал, сегодня всем — по стаканчику за мой счет.

Таким был первый контакт Тераи с теми, кому предстояло стать его товарищами по работе. В этой группе были самые разные люди: дипломированные изыскатели и те, которые научились этой профессии на практике; европейцы, амери-

канцы, китайцы, русские, японцы, один малаец, несколько африканцев. Все они, бегло или не очень, разговаривали на английском или русском (правильном или жаргоне, в зависимости от культуры говоривших), которые давно уже стали языками космоса.

В тот момент, когда Тераи уже в десятый раз объяснил, зачем он прибыл на Офир II, в бар вошел человек, появление которого заставило всех понизить голоса. Маленький механик-парижанин, сидевший слева от Тераи, привстал на цыпочки, чтобы шепнуть ему на ухо:

— Голландец! С ним лучше не связываться — злобный, как черт!

Обернувшись, Лапрад окинул вошедшего взглядом. Почти столь же высокий, как сам он, но широченный, как шкаф, грузный и слегка пузатый, тот выглядел лет на тридцать пять. На вытянутом лице, близко к носу, глубоко посаженные сероголубые глазки. Мощная челюсть, на левой щеке — длинный шрам. Голландец сразу же подошел к геологу.

— Стало быть, это вы — новый босс? Из детского сада — и сразу к нам? Что ж, вам лучше держаться со мной тише воды, ниже травы. Мне, Ван Донгену, плевать на протекции, и я не позволю какому-то молокососу мною командовать! Зарубите себе на носу!

Крутанувшись на пятках, он направился в дальний конец бара, где и уселся в стороне от всех.

— Это еще что за острогот? — спросил Лапрад у своего соседа.

— Именно он обнаружил рудник Магрет, самый богатый. До вашего прибытия считался самой крупной лягушкой в нашей маленькой луже. Постарается таковой и остаться.

— И, думаете, может преуспеть в этом?

— Да, черт возьми!.. К сожалению.

— Похоже, вы не слишком-то к нему благоволите.

— Да к нему тут никто не благоволит, к этой скотине. Просто он очень сильный, собака, и готов до полусмерти отмузить любого, кто ему слово поперек скажет. Вы тоже сильны, полагаю, но вряд ли в этом плане имеете такой опыт, как он. А главное — для него нет запрещенных приемов! Или скорее — только их он и знает!

Тераи пожал плечами. Будет видно. В бар вошел старик с красным носом и глазами пьяницы. Его рабочий комбинезон когда-то, вероятно, был великолепного качества, но теперь, штопанный-перештопанный и сильно выцветший, он тотчас же указывал на безденежье его обладателя или же полнейший пофигизм.

— Кто это?

— Старик Макгрегор. Бухает по-черному. А жаль. Именно он высадился здесь первым двадцать лет назад и обнаружил первые рудные жилы. Прекрасный был инженер, первый здешний директор. А теперь вот...

Механик помолчал немного, а затем продолжил:

— И все равно он отличный мужик, а когда трезвый — неисчерпаемый кладезь полезной информации. Он единственный, кто говорит на языке стиков, или хотя бы может с ними общаться свободно.

— А известно, почему он так спился?

— Кто знает? Одни говорят, что ему омерзительно смотреть на то, как обращаются со стиками, другие — что у него случилась любовная драма, третьи — что в горах с ним произошла какая-то странная история и он чуть тронулся умом. ММБ продолжает держать его на окладе, потому что никто не знает эту планету лучше него. Но в последнее время он так часто напивается, что едва ли это долго протянется.

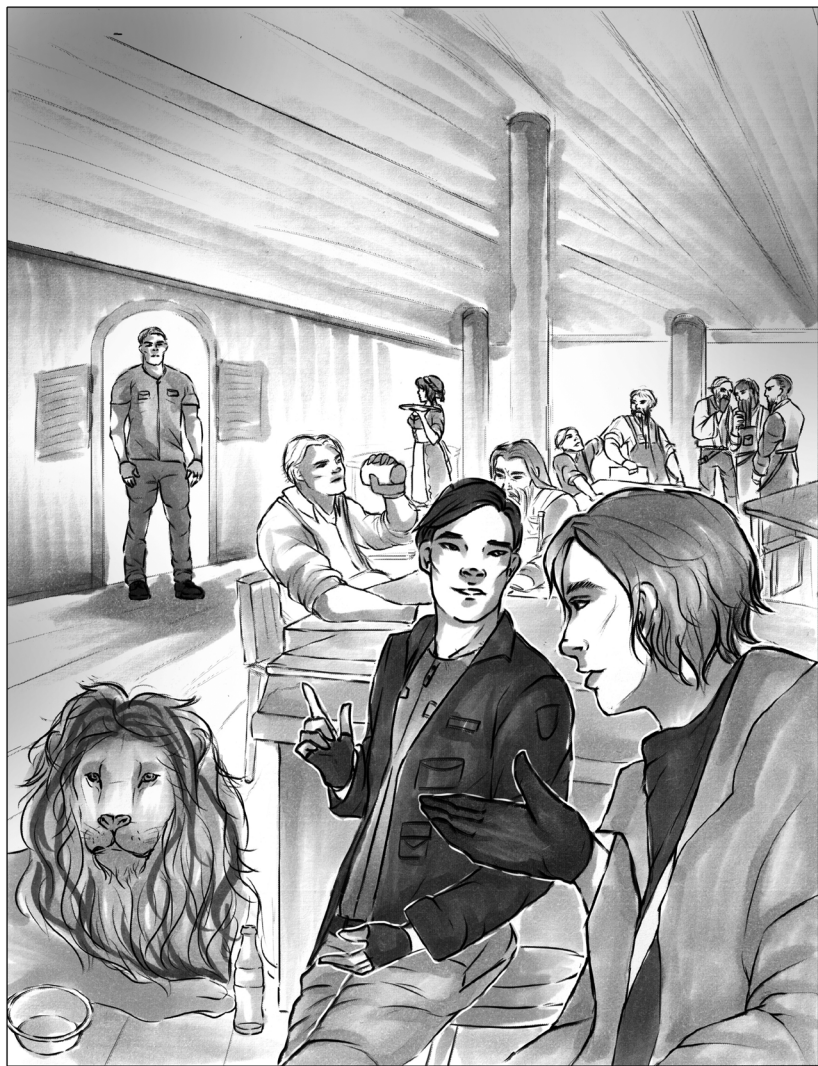
Макгрегор заказал очередной виски. У него было мрачное опьянение; всякий раз он долго и пристально смотрел на стакан, прежде чем поднести его к губам и выпить до дна большими глотками. Никто его, казалось, даже не замечал. Лапрад возобновил разговор с соседями, пытаясь, на основании их реплик, составить себе представление об условиях работы, опасных животных или растительных формах, естественных препятствиях. Макгрегор подошел к стойке за новой порцией спиртного. Он повернулся к Тераи, осмотрел его с головы до ног, а затем пробормотал:

— Ха! Ты уже здесь? Значит, мне не долго осталось...

И он вернулся за свой столик.

— Что он этим хотел сказать?

— Да это ерунда, не обращайтесь внимания, — ответил механик. — Просто он малость с причудами. Говорит, что точно

знает, когда умрет. По крайней мере, повторяет это, когда налижится, как сегодня...

Его прервал глухой удар, вслед за которым послышался крик. Тераи обернулся. Макгрегор лежал на земле с окровавленным лицом, а над ним со сжатыми кулаками стоял, полунаклонившись, Голландец.

— Получил свое, грязный пьянчуга? Или еще хочешь?

— В чем дело? Кто кричал?

Распрямившись, Голландец холодно улыбнулся:

— Ерунда. Пьяный боров толкнул меня, вот я и преподал ему урок жизни. Кто-то имеет что-нибудь против?

Послышались невнятные голоса, глухой ропот, быстро утихший. Лапрад пожал плечами. Его это не касалось. Тем не менее он направился к шотландцу, чтобы помочь ему встать.

— Эй, ты! Не трожь его!

— А если трону?

— Я быстро отучу тебя соваться не в свое дело.

Тераи внезапно ощутил безмерную усталость. «Только из-за того, что я такой крупный, — подумал он, — всякие скоты вечно ищут со мной ссоры, чтобы удостовериться, что они сильнее меня и я не представляю для них угрозы». Эта сцена повторялась так часто, что стала уже походить на некое дежавю. «Что ж, быть по сему!» — сказал себе Лапрад.

— Ну давай, отучай! Лео, не двигаться!

Удар ногой прилетел с такой стремительностью, что Тераи не удалось полностью его избежать. Он успел только чуть развернуться, и удар пришелся не в живот, а по ребрам. Несмотря на боль, он смог отскочить назад, смягчив прямой правый, впечатавшийся в его левую щеку. Он отступил, чтобы не споткнуться невзначай о Макгрегора, все еще лежавшего на полу без сознания. Ван Донген совершил новый быстрый выпад, но этот удар он уже заблокировал резко выброшенной вверх рукой. Далее Тераи удовольствовался уже лишь тем, что невозмутимо парировал следующие, ожидая своего часа, изучая противника. Наконец случай представился, и он смог ударить дуплетом: левый крюк в печень и тут же — прямой в солнечное сплетение. Оба удара глухо прозвучали почти одновременно, и Ван Донген, сложившись вдвое, рухнул на колени, а затем медленно повалился набок под радостные

и изумленные крики зрителей. Один из них вырос перед Тераи и воскликнул:

— Можешь теперь просить у старика Жюля чего душа пожелает! Этот мерзавец увел у нас две заявки, а когда мы с Дугласом попробовали возмутиться, отправил нас обоих на больничную койку. Я надеялся, что когда-нибудь он нарвется на пулю, но о том, чтобы увидеть, как кто-то в честном бою набьет ему морду, даже и не мечтал! Где ты научился так драться?

— Немного занимался боксом. Ну, и были кое-какие стычки с матросами, на островах...

— *Немного* он боксом занимался! Боже милосердный, да твой правый свалил бы и чемпиона, да и левый тоже не плох...

— Когда рука привыкла посылать семь кило на восемьдесят с лишним метров, а тут в ней и диска-то нет, она движется с быстротой молнии!

— Значит, Луиджи был прав? Ты — тот самый Лапр... Берегись!

Рыжая масса мелькнула в воздухе, сбив кого-то с ног. Раздался короткий вопль.

— Оставь его, Лео! Я же тебе приказал не...

— Он спас вам жизнь, этот ваш лев, — сказал Жюль. — Голландец уже готов был всадить вам нож в спину!

Вцепившись в гриву льва, Тераи изо всех сил потянул назад. Лео зарычал, повернул голову с окровавленными клыками, но, увидев, что это Лапрад, успокоился, мирно уселся в углу и принялся облизывать себя, словно кошка.

— Врача! — прокричал кто-то.

— Не нужно, он свое получил!

Голова Ван Донгена была странно деформирована, скальп сорван. Его правая рука все еще сжимала нож. Изыскатели, побледнев, переглянулись.

— Да уж, старина, — сказал один из них, — ты и твой лев... Уж лучше числиться у вас в друзьях!

— Я займусь Макгрегором. Если меня будут искать власти...

— *Власти?* — по толпе изыскателей пробежал негромкий смешок. — Ты хочешь сказать — директор? Он здесь единственная власть. Старджон будет взбешен — это уж как

пить дать. Голландец был его ближайшим подручным. Но ты не волнуйся. За тебя будет столько свидетелей, сколько потребуется, даже те, кто ничего не видели!

Тераи наклонился, поднял Макгрегора.

— Где его хижина?

— Я покажу дорогу, — сказал Жюль. — А ты, Лоуренс, стоняй за врачом.

Хижина Макгрегора находилась примерно в двухстах метрах от столовой. Уже опустилась ночь, первая ночь Тераи на этой планете. Все ему здесь было внове — воздух, едва заметно отличавшийся от земного, запахи, крики животных. Две луны следовали в небе одна за другой. Лео, семеновавший за ним, время от времени останавливался и принюхивался к ветру. Внезапно откуда-то слева раздался пронзительный яростный свист, и лев, испустив боевой клич, изготовился для прыжка.

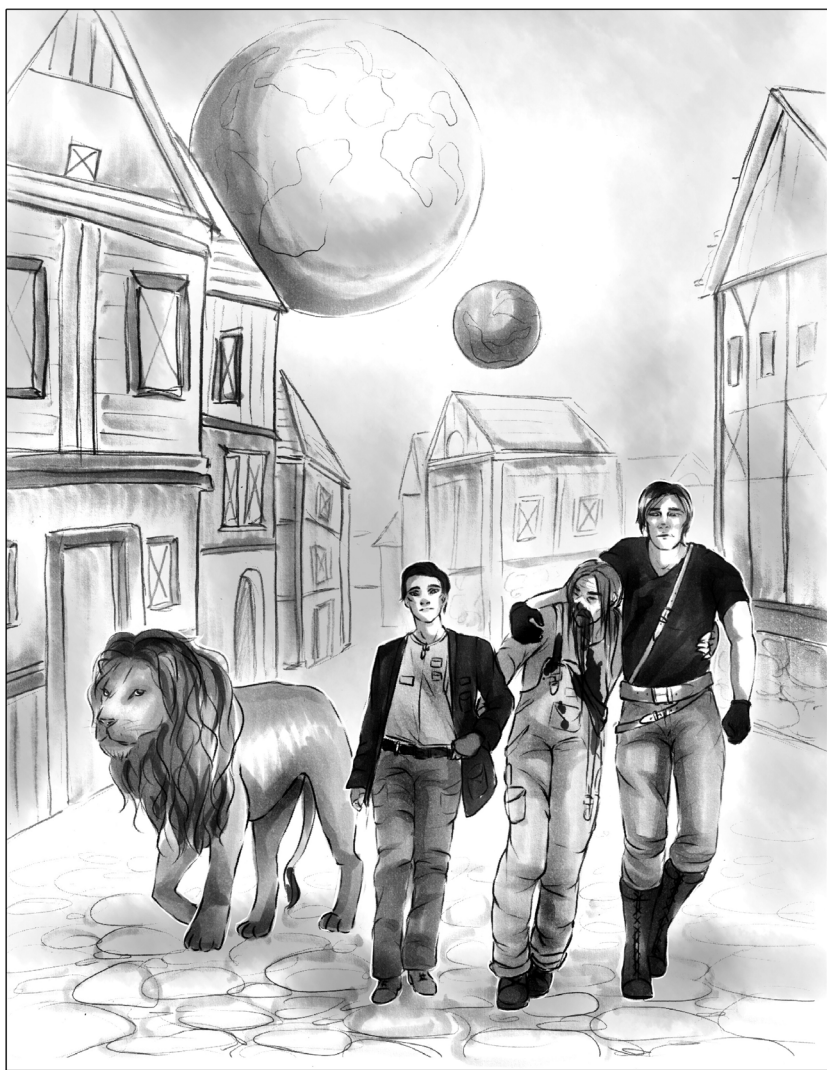
— Не беспокойся, товарищ, — усмехнулся Жюль. — Зверь, который так свистит, своего рода лягушка величиной с кулак. Опасных животных в окрестностях не водится. Ну, вот мы и пришли.

Войдя в хижину, Лапрад опустил Макгрегора на незаправленную кровать. В бревенчатой лачуге была всего лишь одна комната с большим почерневшим камином (должно быть, зимы здесь выдавались холодные), парой хромоногих стульев, расшатанным столом да кучей поистрепавшихся книжек. Пока Жюль смывал с лица шотландца кровь, Тераи пролистал несколько: труды по практической геологии и рудному делу, романы — все это на пяти или шести различных языках.

— Мак говорит на всех этих языках?

— Да, и еще — на языке стиков. Он здесь единственный, кто говорит на нем бегло. Я вот могу связать несколько слов, не больше. Это не так-то и просто!

Макгрегор определенно был человеком образованным. Тераи вспомнил былую жизнь в Океании, всех тех, кого она у себя приютила: вышедших в отставку капитанов, писателей, людей, пытавшихся сбежать от своего прошлого... или же приплывавших искать рай, но снова попадавших в человеческий социум.

— Ты вроде говорил, что он инженер?
— Да, и был первым директором, до Старджона. До того, как запил.

— Как он?

— Скоро придет в себя. У Ван Донгена преподлые... *были* преподлые удары. До чего же здорово, что можно говорить о нем в прошедшем времени!

— Вы так его ненавидели?

— Он был та еще сволочь, Лапрад! Сволочь, состоящая на службе у человека, который думает лишь о прибыли и не знает сострадания. Да ты и сам сможешь в этом убедиться... А ты здесь зачем?

— Устал от Земли и населяющих ее безумцев.

— Здесь их тоже хватает. Большой у тебя контракт?

— Годовой, с правом продления.

— Годовой! Видать, им позарез нужен хороший геолог, а взять особо-то и негде. Работать на ММБ — это тебе не семечки щелкать, Лапрад. Все, что они печатают в своих рекламных брошюрах, — полная брехня, от первой и до последней строчки. «Иди или подохни» — вот их девиз, но правильнее было бы «или» в нем заменить на «и», так оно нередко и выходит!

— Что ж, посмотрим.

— Похоже, ты в состоянии за себя постоять, но... А! Вот и Мак оклемался.

Старик попытался распрямиться на кушетке, но Жюль ему не позволил.

— Где я? Что случилось? О! Моя голова...

— Ты случайно толкнул Голландца, и он как следует на-чистил тебе харю. А когда Лапрад пожелал вступить, попытался врезать и ему. Но тут он малость просчитался и сам в два счета оказался на полу. Тогда ему вздумалось поиграть ножом, и лев Лапрада его прикончил.

— Прикончил? Ах да, Лапрад! Человек Судьбы! Я знал, что ты должен прийти, но не знал точной даты. В жизни всего не запомнишь... И вот теперь за мной должок, а жить-то всего полгода осталось. Горы Судьбы! Иухи, или стики, как вы их называете, это знают. И от этого умирают. Голос мне все объяснил!

Он снова упал на постель и умолк. В хижину поспешно вошел человек.

— Ну, что тут у нас еще? Снова Ван Донген изволит шутить? Да когда же это уже прекратится?

— Уже прекратилось, доктор. Вам больше не придется выхаживать жертв этого скота. Лапрад, познакомься: доктор Вертэс, друг бедных изыскателей.

Доктор Вертэс оказался высоким и худощавым мужчиной, которому остроконечная борода и косоватые глаза придавали несколько дьявольский вид. Он уставился на Тераи.

— Хм, да вы в прекрасной физической форме! Метис, полагаю?

— Да, и горжусь этим.

— Гордиться тут нечем, как нечего, впрочем, и стыдиться! Осмотрю-ка я лучше больного. Хм, ничего серьезного. Если бы не пил как свинья, то прожил бы лет сто и без гериатров! Можете идти, я за ним присмотрю.

Когда они вернулись в столовую, волнение еще не улеглось. Труп Голландца убрали, но на паркете все еще виднелись буроватые пятна. Их встретили здравицами, дружескими похлопываниями по плечу, предложениями выпить. Вызванная на подмогу Энн, стоя за стойкой, не сводила с Тераи восхищенных глаз. Смутившись, он заявил:

— Послушайте, друзья! Я хотел бы пообедать спокойно. Я голоден и устал. Так что, будьте добры, оставьте меня. Мы еще увидимся.

Он пообедал один с Лео в небольшом закутке — обслуживавшая его Энн вспыхивала каждый раз, когда он к ней обращался, — а затем поднялся в отведенную ему комнату. Лео прошелся по ней и в конечном счете устроился поперек порога.

— Что, Лео, доверием не преисполнился? Возможно, ты и прав, хотя я не думаю, что нам что-либо грозит этим вечером. Позднее — возможно, если то, что мне тут нарасказывали, правда.

На следующее утро Старджон принял Тераи более чем холодно.

— Итак, едва появившись, вы и ваш лев убиваете моего человека, одного из лучших! О, я знаю, что он был не прав,

когда вышел из себя и помешал вам поднять этого алкаша. Не прав он был и в том, что схватился за нож. Ваше счастье, что столько народу свидетельствует в вашу пользу, Лапрад. В противном случае, вы были бы уже за решеткой, ожидая ближайшего звездолета, летящего на Землю. Но оставим это: что было, то было. Сейчас же займитесь картой. До сих пор, из-за отсутствия настоящего геолога, мы работали, полагаясь лишь на опыт изыскателей, которые обследовали лишь поверхностные рудные выходы вдоль сбросов плато Вира и ущелий, расположенных у реки Бероэ.

Подойдя к висевшей на стене карте, он указал на различные места, обозначенные там флажками.

— В вашем распоряжении будет топографическая карта масштаба 1: 50 000, составленная по данным аэрофотосъемки и докладам изыскателей. Изучите эту карту как следует, в ее основе лежит множество наблюдений, вот только — не лучшим образом интерпретированных. Я рассчитывал, что Ван Донген поможет вам с этим, а вы взяли — да и убили его. Что ж, разбирайтесь теперь сами.

— Я возьму в помощники Жюля Тибо. Но как работает наша система? Я полагал, что всеми изысканиями занимается только ММБ, но некоторые изыскатели говорили вчера об индивидуальных заявках.

— Неужели? В действительности никаких индивидуальных заявок не существует. Люди у нас получают зарплату — раз в месяц. Если они находят по-настоящему многообещающее месторождение, то ставят заявочные столбы от своего имени и, после должной и тщательной верификации, получают бонус, иногда весьма значительный. Вот это-то они и называют индивидуальными заявками.

— Понятно. На какой штат я могу рассчитывать?

— У вас будет три чертежника-картографа. Из числа изыскателей можете взять кого угодно. Единственное, что мне требуется, — это результаты. Ваш кабинет — номер 16, в глубине коридора. Но чтоб ваш лев под ноги мне не попадался!

На протяжении нескольких недель Тераи работал как одержимый, даже по вечерам унося материалы к себе, в бревенчатую хижину, которая была теперь его жилищем. Жилищем простым, но удобным: спальня, ванная, кабинет и кухня,

которой он пользовался редко, предпочитая питаться в столовой. Он познакомился уже почти со всеми членами земного сообщества Офира II, что оказалось делом несложным, так как его население не превышало 300 человек, в преобладающем своем большинстве — мужчин, хотя тут было и несколько супружеских пар с детьми и даже несколько незамужних женщин. Лео быстро обзавелся друзьями среди ребятни, а когда, на десятый день, он догнал и убил спустившегося с плато и утащившего грудничка «горного волка», то приобрел подруг и среди матерей этих детишек.

Этот «горный волк» оказался первым крупным туземным зверем, которого Тераи увидел на Офире II. Зверь этот на самом деле отдаленно напоминал волка, хотя кожа его была совершенно гладкой, и лишь череп венчал пучок жесткой шерсти.

— На плато их полным-полно, особенно в горах Судьбы, — пояснил ему Жюль Тибо. — К счастью, они редко собираются в стаи, а то были бы по-настоящему опасны для изыскателей-одиночек. Этому малышу повезло, что твой лев оказался рядом.

— Как он?

— Укус довольно-таки глубокий, но доктор Вертэс говорит, что все обойдется.

— Горы Судьбы! Откуда идет это странное название?

— Так их прозвал Макгрегор. Он утверждает, что это точный перевод их туземного имени. Должен признаться, я никогда не задумывался, почему их так называют. «Горы Скорби» подошло бы лучше.

— Там все так плохо?

— Сам увидишь, если пойдешь в следующий раз со мной. Пора обследовать новый район. Утесы плато Вира нам известны уже достаточно хорошо.

— Смотри, — сказал Жюль. — Вон там, внизу, — деревня стиков. Я знаком с их вождем. Если хочешь, можем его навестить.

Деревня, скорее даже деревушка, окруженная бревенчатым палисадом и рвом, притаилась в узкой долине. В ней было с полтора десятка домов, вернее даже шалашей из кам-

ней и глины, крытых широкими, уложенными наподобие черепицы, листьями. На центральной площади можно было увидеть несколько необычайно тонких силуэтов.

— Вообще-то Старджон запретил мне вступать в контакт с ними, но так как я любопытен, то страдаю провалами памяти. Спускаемся, Жюль!

Как только они подошли к деревне, подъемный мост был торопливо поднят и в землю перед ними вонзилось несколько стрел.

— Ах, черт возьми! Твой лев! Я и забыл. Подожди-ка здесь.

Жюль спокойно двинулся вперед, выкрикивая на туземном языке какие-то слова.

Дождь из стрел прекратился, над палисадом возникла голова, — чтобы рассмотреть ее получше, Тераи вооружился биноклем. Голова была вполне человеческой, но какой-то нелепой: глубоко посаженные глаза, хохолок зеленоватых волос, длинный тонкий нос, щелевидный рот над подбородком галошей. Но она выглядела как человеческая, отраженная в кривом зеркале, — настолько узкой и вытянутой она была. Жюль прокричал:

— Можешь подойти, все в порядке, но оставь Лео снаружи, по крайней мере на этот раз!

Тераи вынужден был пригнуться, чтобы пройти через скрытые в палисаде низкие воротца. Жюль ждал его в окружении туземцев, и Тераи понял, почему изыскатели прозвали их стиками: они действительно напоминали палки, или скорее (пусть и смутно) тех земных насекомых, которых называют палочниками: хрупкие и очень тонкие ноги опирались на длинные и узкие ступни; тело, не более 20 см в ширину, сужалось к голове, подобно горлышку бутылки; нитевидные руки заканчивались скелетичными шестипалыми кистями. Стики были одеты в короткие юбочки и вооружены луками и стрелами с искусно обработанными каменными наконечниками, некоторые имели при себе металлические ножи, которые, очевидно, столь часто точили, что они уже превратились в своего рода плоские стилеты. Тераи тотчас же узнал эти ножи: такие за бесценку можно было приобрести на рынках Земли или Нью-Шеффилда. Самый высокий из туземцев был Лапраду по грудь.

Жюль говорил, неуверенно произнося шипящие или щелкающие слоги.

— Пытаюсь объяснить им, что твой лев — друг, но, к несчастью, он слишком походит на одного хищника, который здесь давно уже не водится, но изображение которого имеется у них в храме. Утверждают, что Лео — это Шуинга-Гха — и попробуй ты их переубеди!

К двум десяткам туземцев нерешительно присоединились представительницы женского пола, и внезапно — буквально отовсюду — появились дети, крохотные, бегающие с поразительной скоростью, словно привставшие на задние лапки зеленые ящерицы. Один из этих малышей встал перед Тераи, осмотрел его с ног до головы, сделал кульбит, рассмеялся неожиданно человеческим смехом, а затем пронзительным голосом бросил некую фразу, вызвавшую всеобщее веселье.

— Что он сказал?

— Я не уверен. Я знаю лишь несколько слов на их языке, но, полагаю, он сказал, что ты самое крупное животное, какое он когда-либо видел.

— Не знаешь, кто дал им эти ножи?

— Мы, изыскатели, и дали. Стики — славные парни, которые порой служат нам проводниками. Они живут охотой и кое-каким земледелием. Это вымирающая раса, Тераи, и на сей раз земляне тут ни при чем. Они вернулись в каменный век, и вернулись задолго до того, как на эту планету пришли мы. Так как они малочисленны, абсолютно безобидны, и никакого плана по колонизации Офира II не существует, они постепенно исчезнут сами, тихо и незаметно.

— Но почему они вымирают? Тут же вокруг столько детей — и все на вид шустрые и абсолютно здоровые!

— Зачастую они умирают, не достигнув зрелости. Почему — непонятно. Эта планета принадлежит ММБ, а компанию интересует не ксенология, а производство. Стиков никто никогда не изучал. Макгрегор говорит, что сразу же после обряда инициации — перехода во взрослую жизнь, — они в массовом порядке совершают самоубийства. И он даже утверждает, что знает почему. Вот его и расспроси об этом. Если и есть в этой проклятой вселенной хоть один эксперт по стикам, то это именно он. Но ты только взгляни на взрослых!

По контрасту с чрезмерной активностью молодых, мужчины и женщины выглядели почти неподвижными — застывшие лица, редкие и усталые жесты.

— Что это — болезнь?

— Неизвестно. Вертэс пытался выявить патогенный возбудитель, но так ничего и не нашел. Правда, у него нет необходимых приборов, а Старджон смотрит на эти исследования косо. Считает их лишней тратой времени.

— Хорошо. Я спрошу у Мака. А также попрошу его обучить меня их языку. Этот народ меня заинтересовал. Много их осталось?

— В исследованной части этого континента мы обнаружили примерно с дюжину деревень. Зброшенных — даже больше, и значительно. В других местах их не видели. Но когда-то, должно быть, это была великая раса. Вся планета покрыта развалинами. Ты сам увидишь руины огромного города на плато Вира. Мы будем там завтра.

В нескольких словах, которые остались без ответа, Жюль распрощался со стиками, и через все те же низкие воротца они вышли из деревни. Лео встретил их широким зевком, а затем спокойно прошествовал к воротцам и окропил столб.

— Лео! — возмутился Жюль.

— Он обиделся на то, что его оставили снаружи, — рассмеялся Тераи. — Вот он и поставил свою метку, чтобы все знали, что его территория распространяется и на эту деревню!

На следующий день с вершины холма они увидели город: он лежал в низине на восточном берегу большого синего озера. Руины были покрыты пышной растительностью, но местами из-под зеленого покрова пробивались высокие башни. «Если сравнивать с земными городами, — прикинул Тераи, — в этом мертвом городе когда-то могло проживать от трехсот до пятисот тысяч жителей».

Спустившись, они проникли в город, при помощи мачете пробивая себе проход среди стволов деревьев, срубая лианы. Рядом с озером земля была столь хорошо выстлана камнем, что даже спустя века растения нигде не смогли пробиться сквозь кладку. С десятков улиц сбегалось к полукруглой пло-

щади, выходившей на набережную, от которой отходили молы и пирсы. Две почти невредимые башни высились по обе стороны от причала.

— Заночуем в левой, — сказал Жюль. — Я часто в ней останавливался. Там есть сухие комнаты, да и потолки вполне прочные. Древние стики были весьма искусными строителями...

Стены, выложенные столь точно подогнанными камнями, что порой невозможно было различить места стыков, действительно выглядели так, словно готовы были бросить вызов еще не одному столетию.

— Известно хотя бы примерно, сколь древним может быть этот город?

— Да. Мак, еще будучи директором, отослал образцы дерева на Землю для радиоуглеродного анализа. Он не такой уж и древний, этот город, — ему от трех тысяч девятисот до трех тысяч двухсот земных лет. Интересно другое: именно этот город, по всей видимости, и был первым покинутым стиками. Чем дальше отсюда удаляешься, тем время запустения ближе к нашему, будто из этого места исходило какое-то пагубное излучение. На южном континенте, к примеру, некоторые города были все еще обитаемы две тысячи шестьсот лет назад. Так или иначе, кончилось все быстро: повсюду на планете цивилизация стиков погибла максимум лет за шестьсот. Узнав про эти результаты, Всемирное бюро ксенологии хотело послать сюда научную экспедицию, но ММБ этому воспротивилось. И ничего с этим не поделаешь — они тут боссы, эта планета принадлежит им еще сорок лет!

Пока Жюль устраивался на ночлег, Тераи и Лео прошлись по окрестностям. Геолог намеревался определить, насколько это представлялось возможным, уровень исчезнувшей цивилизации. В одном хорошо сохранившемся доме стены были украшены росписью и барельефами. Сложных машин на изображениях видно не было, но стики везде были представлены в окружении различных домашних животных, как верховых, так и вьючных, похожих на лошадей и быков, или же других, более мелких, которые, должно быть, выступали в качестве собак во время охоты на шуинга-гха (этих хищников Тераи

узнал без труда, они действительно напоминали короткопалых львов). Среди оружия фигурировали луки с двойным изгибом плеч, копья и своеобразные арбалеты с прицелом. Некоторые стики носили щиты или что-то вроде частичных доспехов.

«Не мешало бы произвести раскопки, — подвел итог Лапрад, — но готов держать пари, что они находились примерно на уровне европейцев XVI века. Судя по этой настенной карте, они уже плавали по своим морям. Что же могло положить конец столь мощному развитию? Три тысячи лет! Они определенно опережали нас! Три тысячи лет тому назад у нас все еще был железный век! Мои галльские предки сражались между собой, мои китайские предки лишь только учились философствовать, мои предки маори еще не вышли из Азии, а что до моих индейских предков, то один только Великий Маниту знает, что они делали!»

Вернувшись в лагерь, он рассказал о своих находках Жюлю.

— Да, я знаю этот дом. Там есть и другие, чуть дальше. Кое-где уцелели даже деревянные остовы строений. Они все делали из дерева гаю, а эту древесину никакая гниль не берет. Мы ее используем для креплений в шахтах. А их черепица столь плотно подогнана, что даже ураганы с трудом ее срывают. Каменщики они были превосходные и работали на века, как наши египтяне или наши строители соборов. Но нам о них ничего, или почти ничего, не известно!

Они покинули город на следующее утро, проведя тихую ночь в башне, в сухой и не продуваемой ветрами комнате. А затем для Тераи началось настоящее знакомство с Офиром. Сначала тянулся лес, затем обширные зелено-рыжие саванны, глубокие ущелья, куда восхитительными водопадами, поднимая вихри водяной пыли, которые солнце расцвечивало множеством радуг, устремлялась река Ото-Ото. Иногда, то тут, то там, вдоль не окончательно еще заросшей дороги попадались развалины отдельных древних ферм, почтовых станций или сторожевых постов. Ночи, когда луны следовали одна за другой по небу, отбрасывая многочисленные подвижные тени, были так прекрасны, что невозможно было уснуть, даже несмотря на усталость. Днем, в грозу и под проливным

дождем, приходилось совершать опасные речные переправы, а затем через девственные леса подниматься к первым отрогам гор Судьбы. Возвращались они через долину Бероз и каньон Мертвеца (там когда-то нашли наполовину обглоданный хищниками труп изыскателя), а затем поднялись на плато Ви́ра, куда за ними прилетел вертолет, чтобы доставить обратно в Джонсвилль.

Потом потянулись долгие дни, проведенные за обработкой записей, уточнением карт, предварительным оконтуриванием месторождений, анализом образцов — словом, за всей этой лабораторной рутинной. Судя по всему, горы Судьбы были богаты самыми разными рудами, и Тераи решил направить основные усилия именно на этот сектор.

Но не забывал он и о стихах с их тайной, поэтому как-то вечером отправился в гости к Макгрегору. Старик читал. Он больше не пил и перестал появляться на людях.

— А, это вы! Что ж, вам тогда и начинать... Я уже и не помню, кто кого должен был навестить: вы меня или я... Всего не упомнишь! Да это и неважно. Вы пришли изучать язык стихов, не так ли?

— Но как вы догадались?

— Я много чего знаю, Лапрад, но предпочел бы этого не знать... или иметь возможность забыть! Нам осталось всего четыре с половиной месяца, а язык иухи труден. Но я успею дать вам основы, и вы сможете продолжить обучение сами, когда я... когда меня не станет. Где вы были все это последнее время?

— Ходил с Жюлем Тибо в разведку к отрогам гор Судьбы. Похоже, там есть богатые месторождения.

— Вы правы. Я и сам там бывал, и заходил даже дальше, чем вы, — за первую горную цепь и даже за Барьер! До безымянного притока реки Фаво, которая южнее впадает в Сарро. Уж лучше бы я тогда переломал себе ноги!

— Почему? И почему вы не оставили в конторе записей, раз уж зашли так далеко? Ведь еще никто другой не обследовал этот район и...

— Бесполезно расспрашивать меня об этом, Лапрад, — я все равно не отвечу! Перейдем лучше к языку, ради которого вы и явились. Прежде всего, в нем семь времен...

Более необычных языковых уроков в жизни Тераи еще не было! Обладая определенной предрасположенностью к этому делу, он говорил на шести земных языках, но иухи действительно оказался весьма трудным, а Макгрегор — странным учителем. Порой он мог часами объяснять какое-нибудь сложное время, но чаще предавался воспоминаниям о своих геологических разведках на Офире II или других планетах. У Тераи это неудовольствия не вызывало — напротив, он был даже рад подобному «обучению», так как черпал из рассказов старика массу полезных сведений. Достаточно слабый в современных теориях тектоники или превращения в руду, Макгрегор «от» и «до» знал все то, что касалось практической геологии. Иногда он останавливался на середине фразы, какое-то время смотрел перед собой в пустоту, затем спохватывался и продолжал рассказ, никогда и ни в чем не ошибаясь. Но однажды, выйдя из такого транса, он выругался, а затем невыразительным тоном сказал:

— Видишь ли, малыш, я точно знаю, что умру 17 января 2224 года, в 8 часов 25 минут, но не знаю как именно. И вот это-то — сущий ад! Он мог бы мне рассказать, мерзавец! А может, и рассказал, а я просто забыл?..

— Кто — он? — поинтересовался Тераи.

— Этого я тебе не скажу! Как знать, вдруг тебе — а ты, я вижу, такой же сумасброд, как и я — тоже захочется узнать, что тебя ждет? Есть в этом что-то притягательное... Послушай старика: как только твой контракт закончится, вали с этой планеты подальше — в небе их полным-полно!

То был предпоследний раз, когда Макгрегор говорил о своей судьбе.

Наступил день, когда Тераи почувствовал себя достаточно поднатревшим в языке, чтобы вернуться в деревню иухи. Под предлогом кое-какой проверки он взял вертолет, поручив Энн присматривать за Лео. Паралев и девушка уже довольно-таки неплохо ладили, и Лео часто сопровождал ее по вечерам, когда ей, по той или иной причине, необходимо было куда-то выйти.

Вертолет не испугал иухи. Служа проводниками, некоторые из них уже летали на его борту. Однако Тераи встре-

тили с недоверием, которое, правда, исчезло, как только, слегка путаясь и запинаясь, он объяснил на языке иухи, что явился от Макгрегора. Только тогда хозяева провели его к хижинам, усадили у центрального костра и дали выкурить трубку, в то время как сами машинально жевали листья шамбалы.

Во время второго визита, почувствовав, что говорит уже свободнее, да и туземцы относятся к нему гораздо дружелюбнее, Тераи решил задать вождю столь мучивший его вопрос:

— Скажи, Ихен-То, если это не против ваших обычаев, почему, в отличие от ваших счастливых детей, сами вы так печальны? Это из-за какой-то болезни?

Вождь долго молчал, но затем все же ответил:

— Их судьба еще не прочитана!

— Прочитана? Но кем?

Склонив голову, Ихен-То трижды коснулся груди выдающимся вперед и загнутым кверху подбородком, отгоняя злых духов.

— Ты не нашего Закона. Ты не проходил испытание. Поверь мне, тебе лучше не ходить в горы, где заходит солнце, в горы Судьбы. Никогда не пересекай Барьер!

Тераи знал, что Барьером называют обрывистый хребет, где берет свое начало Бероз, — этот, возвышавшийся, словно стена, хребет он уже видел, когда ходил в поход с Жюлем Тибо. По данным воздушной разведки за Барьером с юга на север тянулась глубокая лощина, в которой протекал тот самый безымянный приток Фаво, о котором ему говорил Макгрегор. За нею была еще одна горная цепь, от которой до конца материка простиралась огромная западная равнина. Макгрегор пересек Барьер, и вот утверждает, что точно знает день и час своей смерти. А теперь еще и Ихен-То объясняет беззаботность детей его племени тем, что судьба их еще не прочитана, и советует Тераи, который «не их Закона» и «не проходил испытание», не пересекать Барьер. В этом было нечто странное, даже злое. Но Тераи, зная, сколь ранимыми становятся люди, когда речь заходит об их верованиях, больше не стал задавать вопросов.

Приближения рокового дня — 17 января 2224 года — он ждал с любопытством, спрашивая себя, сбудется ли предсказание Макгрегора? Он еще несколько раз возвращался в деревню иухи, но так и не сумел пролить свет на их тайну. Туземцы были гостеприимны, привыкли даже к Лео, но сразу же замыкались, как только речь заходила о горах Судьбы или вообще о том, что лежало к западу от их плато. Путем сопоставления фактов Тераи, однако же, выяснил, что, достигнув определенного возраста, и юноши, и девушки племени иухи должны совершить своего рода паломничество в горы, из которого через несколько дней возвращаются уже не все.

Шестнадцатого января, вернувшись к себе после ужина, он услышал тихий стук в заднее окно, выходившее на заросли кустарника. К его величайшему удивлению, это оказался Луиджи.

— Ты что, забыл, где находится дверь?

Будучи страстным поклонником Лапрада, юноша часто наносил ему визиты.

— Тише! Могу я войти?

— Конечно. Но к чему такая таинственность?

Луиджи проворно перескочил через подоконник и, убедившись, что снаружи его не видно, сказал:

— Меня послала Энн! Она любит вас и... Знаете, если б это были не вы, я бы даже ревновал!

Энн и Луиджи какое-то время назад обручились.

— Для ревности у тебя нет ни малейших причин! Но чего хочет Энн?

— Предупредить вас. Сегодня утром она случайно подслушала разговор двух мужчин. Старджон, директор, приказал пристрелить Лео.

— Пристрелить Лео? Но почему?

— Не знаю. Может, чтобы заставить вас улететь. Или же, если вы станете его защищать — а вы ведь непременно так и сделаете! — чтобы иметь предлог убить и вас тоже. Люди уже начинают поговаривать, что директором следовало бы быть вам!

— Ну, это уж ты загнул, Луиджи! Я не питаю к Старджону особой симпатии, и он платит мне тем же. Но из-за этого

пойти на преступление? Ты ведь и сам знаешь, что Лео, как и любой человек, находится под защитой «Декларации о правах разумных существ» от 2080 года! Не то, чтобы она, эта декларация, всегда соблюдалась: возьмем хотя бы Тикхану и ту резню, которую устроили там наемники ММБ. Но в нашем случае я просто не вижу причины!

— Из того, что ей удалось услышать, Энн сделала вывод, что это связано с вашим решением начать разведочные работы в горах Судьбы.

— Да ну? И кто были эти люди?

— Раньше она их никогда не видела. Новенькие, как ей показалось.

— И откуда они взялись? Ты же сам работаешь в астропорту и потому должен бы знать, что вот уже два месяца как не было ни одного звездолета!

— Они вполне могли сесть в другом месте и добратъся сюда пешком или на вертолете. Вчера вылетали три вертолета.

— А вот это уже интересно! А она может мне их показать или хотя бы описать? И знает ли она, когда они собираются нас прикончить?

— Завтра! Но где и когда, ей не известно.

— Ладно, давай, беги. И не попадайся никому на глаза. Если все то, что ты мне сказал, — правда, предупредив меня, ты тоже подверг свою жизнь риску. Спасибо! Сегодня уже поздно, но завтра я постараюсь переговорить с Энн с глазу на глаз. Застанешь нас в каком-нибудь укромном уголке — ты уж, пожалуйста, не стреляй, Луиджи!

Наутро Энн подтвердила все, что говорил Луиджи, и даже добавила деталей. Накануне двое мужчин зашли в столовую позавтракать и устроились в самом дальнем углу зала, не подозревая, что лишь обыкновенная дощатая перегородка отделяет их от комнаты девушки, в которой та писала в этот момент письмо своим австралийским кузенам. Сначала она не обратила внимания на их тихий разговор, долетавший до нее лишь обрывочными фразами, но затем вдруг отчетливо услышала: «...прикончить этого чертова льва». Тогда она припала ухом к доскам и продолжение услышала уже совершенно ясно.

— Не пойму, — говорил один из мужчин, — с чего бы вдруг директору так загорелось?

— Это уже не наше дело, Джо. Старджон платит, и хорошо платит. Мне этого достаточно.

— Похоже, хозяин зверя — парень не промах. Да и лев от него ни на шаг не отходит.

— Ба, нас же двое! Один займется человеком, другой — зверем. Думаю, если мы будем вынуждены, в порядке законной самозащиты, пришить Лапрада, директор сильно на нас не рассердится. Будет знать, как соваться в горы Судьбы супротив воли патрона!

— И когда все провернем?

— Да завтра же днем. Как только представится случай.

Затем Энн услышала стук монеты о стакан и поспешила в зал через кухню, бросив на ходу матери: «Не беспокойся, я сама ими займусь». Когда она пошла к столу, мужчины уже вставали, и пока они расплачивались, девушка их хорошо рассмотрела.

— Один — высокий, не такой, правда, как вы, но все равно высокий, темноволосый, худой, с черными усами и в сером костюме, вроде тех, в каких ходят туристы. Другой — поменьше ростом, светловолосый, со свернутым носом, одет, как рабочий. Когда высокий клал сдачу в карман, пиджак его чуть распахнулся, и я увидела у него на ремне такой пистолет, который стреляет лучами... ну, вы поняли, что я имею в виду...

— Лазер?

— Да-да, он самый!

— Вы в этом уверены, Энн?

— Да. Несколько лет назад — я тогда была совсем еще девочкой — здесь останавливался корабль Звездной гвардии. Один из офицеров мне показывал, как эта штука стреляет. Да, уверена на все сто!

Тераи присвистнул: на Земле лазерное оружие выдавалось только полиции и военным, а в космосе — одной лишь Звездной гвардии. Остальным иметь подобный пистолет запрещалось законом: это было тяжкое преступление, каравшееся пятнадцатью годами тюрьмы. Даже частная полиция ММБ не имела лазеров, по крайней мере — официально.

— Спасибо, Энн, вы, вероятно, спасли мне жизнь! Но прошу вас, теперь, когда вы предупредили меня, — никому больше ни слова, и держитесь от всего этого подальше, и вы, и Луиджи!

— Будьте осторожны, мсье Лапрад. Эти люди выглядели как самые настоящие убийцы!

Тераи вернулся к себе порядком встревоженный. Рука его то и дело тянулась к револьверу, хотя он и не строил особых иллюзий: пули против лазера — слишком неравная партия! Он увидел, что Лео тоже нервничает, — ходя из угла в угол, сверхлев раз за разом испускал глухой рык.

— Лео, старина, плохи наши дела! Два джентльмена явились за твоей шкурой, наверное, хотят сделать из нее ковер, да и за моей тоже, хотя и не знаю почему! Не думаю, чтобы Старджон был фундаменталистом, как те сволочи, которые убили наших родных. Ты ему мешаешь, и я, похоже, тоже. Но опять же — в чем дело? Ладно, поступим так... Эти два негодяя едва ли когда-либо охотились на львов, и уж тем более — на паральвов, так что наверняка не знают, на что ты способен в чаще. Вот туда-то мы и сбежим на несколько дней. Но прежде мы как следует снарядимся для такой прогулки и заглянем к Маку. Быть может, он нам что-нибудь присоветует.

Было восемь часов, но в пылу собственных забот Тераи совершенно забыл о роковом дне. Полагая, что двое мерзавцев не посмеют убить его первым, особенно среди бела дня — в конце концов, полученный ими приказ касался льва, — он отослал Лео кружной тропой через заросли кустарника, уверенный, что там его не сможет выследить ни один земной охотник. Сам же он отправился к Макгрегору прямой дорогой. Старик сидел за столом, перед ним стояла бутылка настоящего скотча, а из небольшого магнитофона доносились тихие звуки шотландской волынки.

— А, это вы, Тераи! Для уроков иухи уже нет времени. Сегодня тот самый день и почти уже тот самый час! Я не знал, зайдете ли вы, голос предсказал только мою судьбу, но, похоже, в конечном счете она так или иначе связана с вашей. Быть может, и вы тоже сегодня умрете? Но раз уж вы здесь, выпейте со мной. Вижу, вы куда-то собрались. Но вы ведь дожде-

тесь конца? Мне бы хотелось, чтобы именно вы занялись моими похоронами, а не какой-нибудь равнодушный придурок.

— По правде сказать, Мак, я и забыл о ваших мрачных предсказаниях. Не знаю, грозит ли вам что-либо, но знаю, что уж моя-то жизнь точно в опасности. Как по-вашему, что мне делать?

В нескольких словах он рассказал старику все, что знал о заговоре.

— Хм, полагаю, вы мудро поступите, скрывшись на какое-то время. Убийцы, вероятно, последуют за вами, но в чаще, против вас и вашего...

Внезапно он вскочил, вытянул руку и резко оттолкнул Тераи, а сам упал поперек стола с черной дыркой во лбу. На другом конце комнаты вспыхнула деревянная перегородка. С револьвером в руке, Тераи подскочил к окну, выглянул наружу. Какой-то человек, согнувшись вдвое, бежал к зарослям кустарника. Тераи дважды выстрелил и с удовлетворением увидел, что человек подскочил и покатился в траву, словно заяц, услышал дикий крик ужаса, а затем триумфальный рев Лео. Плеснув воды из ведра, Тераи потушил пожар. Одного взгляда на Мака оказалось достаточно, чтобы убедиться: старый инженер может подождать, перед ним теперь — вся вечность. Выбежав наружу, Тераи быстро отыскал бездыханное тело убийцы: одна из пуль попала ему в спину, другая — в затылок. Это был высокий брюнет, описанный Энн. В нескольких шагах от него валялся лазерный пистолет.

— Лео?

В ответ он услышал рычание, и вскоре нашел паральва за кустами: Лео вылизывал свою шерсть, а рядом лежал второй труп — блондина, все еще сжимавшего в правой руке лазер. Голова его представляла собой окровавленную лепешку — последствие удара львиной лапы.

Тераи нагнулся, подобрал лазер, сунул в карман, затем обыскал труп: нашел запасные батареи и тоже забрал себе. На поясе у блондина обнаружился и обыкновенный пистолет: вполне сойдет в качестве «оружия, найденного на трупе». Лео уже «рассказывал», тихо порыкивая в определенном ритме.

— Значит, ты их увидел, бросился следом, — проговорил Тераи. — Тот, кто стрелял в меня, был слишком далеко, и ты начал с другого. Правильно? Ты молодец, Лео, все верно сделал! Они убили Мака, но их целью был я. Я и ты тоже!

Уже отовсюду сбегались люди, привлеченные выстрелами. Тераи посмотрел на часы: было восемь двадцать семь. Старый Мак умер минуты две назад.

— Отнесите трупы на площадь и положите перед конторой директора, — сказал он прибежавшим изыскателям. — Они пытались убить меня, но попали в Мака.

По толпе прокатился ропот: все в Джонсвиле любили старика Мака.

— Идите за мной, нужно поговорить с господином директором!

Старджон, уже кем-то предупрежденный, ожидал их у входа в контору.

— Итак, Лапрад, вы застрелили еще двоих! Похоже, убивать — это ваше призвание!.. А вы все что стоите — хватайте его!

— Простите, господин директор, — возразил ему только что прибежавший Жюль Тибо. — Похоже, вас ввели в заблуждение. Это они — убийцы! Они убили Макгрегора, а Лапрад лишь защищался.

— И это еще не все, — вмешался Тераи. — У одного из этих парней был при себе лазер...

— Только у одного?

— Что вы хотите этим сказать, господин директор? — сыронизировал Тераи. — Это ведь уже странно, вы не находите, что у них был лазер, пусть и один? Должно быть, у них высокопоставленные сообщники или же сами они принадлежат к весьма влиятельной банде. Хотя, может, вы и правы. Может, и у того, которого убил Лео, тоже был лазер — просто закатился в траву. Пошлите кого-нибудь, пусть поищут!

— Если только вы его не подобрали сами.

— Я? — воскликнул Тераи с видом оскорбленной невинности. — И зачем он мне? Разве я не доказал только что, что вполне могу обойтись и без лазера?

Несколько человек рассмеялись. Однако Старджон не отступал.

- Вы снаряжены для похода. Куда это вы собрались?
- На разведку. Вы сами сказали, что я могу вести изыскания по своему собственному усмотрению.
- На разведку? Один?
- С Лео. Это надежный друг!
- И куда же?
- В горы Судьбы.
- Я вам запрещаю!
- И почему же? Впрочем, могу обойтись и без вашего разрешения.
- Вы не получите вертолета!
- Да он мне и не нужен. Если понадобится помощь — вызову по радиосвязи. Жюль Тибо или кого-нибудь еще из тех, кому я доверяю. И пусть за мной никто не идет! Лео после этого случая весь на нервах, да и я тоже. Но перед уходом мы похороним Макгрегора. Вашего предшественника, господин директор!

Вот уже два дня Тераи и Лео исследовали горы Судьбы. Жюль Тибо довез их на своем старом вездеходе до края плато Вира. Они уже преодолели первые отроги и теперь находились перед Барьером. Это была цепь гор высотой, вероятно, не более трех тысяч метров, но очень крутая, сложенная из сверкающих сланцев, покоящихся на гранитном основании. Тераи в бинокль пытался отыскать проход.

— Ключ к тайне лежит где-то по ту сторону Барьера, Лео. Именно туда ходил старый Мак, именно туда ходят молодые иухи. Но где, черт возьми, они пробираются? Уж точно не через верховья Бероз; мы знаем, что долина там заканчивается непроходимым тупиком. И уж, конечно, не через север. Остается юг. Что ж, последуем вдоль Барьера на юг — может, и проход отыщем?

В высоких предгорьях, где они находились, вся растительность ограничивалась редкой травой между бесформенными валунами, остатками древних ледников. С севера на юг, вдоль основания Барьера, тянулась безводная долина

(видимо, старое русло Бероз, подумал Лапрад), которая чуть дальше прорезала холмы и уходила напрямик на восток. Они спустились в эту долину. Там кое-где росли деревца с перистой листвой, типичные для этих высот. Встречалось еще довольно-таки много животных, травоядных, чем-то напоминавших земных горных баранов и серн, хищников типа «горных волков» и других, которые прежде не попадались Тераи на глаза, но ни одного такого, который мог бы представлять опасность для него и Лео. После вываживания и добавления витаминизированных пилюль мясо оказалось вполне съедобным и даже вкусным, хотя долго им питаться и не следовало — по той причине, что оно содержало довольно-таки много тяжелых элементов. Но пока свежее мясо приятно разнообразило пищу из обезвоженных продуктов.

Они шли на юг уже несколько дней, когда Лео, державшийся в авангарде, остановился и призывно зарычал. Тераи бросился к нему и увидел отчетливо различимую тропинку, бежавшую с востока и упиравшуюся прямо в скалу. Они последовали по тропинке и вскоре очутились у входа в пещеру. В этом месте горная гряда представляла собой известняковый обрыв, пронизанный множеством гротов. Вход в ту из пещер, перед которой они находились, скрывал огромный выступ; на площадке перед ним сохранились следы многочисленных костров, а также сломанные каменные инструменты.

— Ну что, старина Лео, вот мы и нашли лагерь молодых иухи. Здесь они останавливаются перед своим знаменитым паломничеством. Нам остается лишь пойти по их следам, и они нас выведут туда, куда нам и нужно, — к разгадке тайны. Что ты на это скажешь?

Коротким рыком лев выразил свое неодобрение.

— И что это значит?

Но он и сам уже понял: к гроту тропинка действительно подходила, вот только тут она и заканчивалась.

— Стало быть, они возвращаются потом по своим же следам, чтобы где-то свернуть в сторону. Сюда же они приходят только для того, чтобы с удобствами переночевать... Опять не то?

Лев принялся и, ничего не ответив, двинулся в глубь пещеры. Тераи последовал за ним и вскоре обнаружил в одной из расщелин несколько факелов и целую кучу тех свечей из растительного воска, коими иухи освещали в деревне свои хижины.

— Что ж, вероятно, это означает, что снаружи никакого прохода через Барьер нет, и что его, этот проход, нужно искать здесь, внутри! Надеюсь, нам удастся по нему пробраться. Эти тонкококстные иухи — природные спелеологи, в отличие от нас!

Он вытащил из мешка атомный фонарь, и, так и не захватив с собой ни единого факела или свечи, они двинулись в глубь пещеры. Вначале идти было легко: перед ними открывалась длинная сухая галерея с мертвыми беловатыми сталактитами. Затем начались трудности, и Тераи пришлось дважды воспользоваться своим молекулярным портативным буром, чтобы расширить проход. Наконец они очутились в просторном зале со спокойным подземным озерцом, где и заночевали. И тут они не были первыми: мусор и сгоревшие факелы указывали на то, что паломники также останавливались в этом месте. Дальше им уже не попадалось по-настоящему трудных проходов: узкие щели давным-давно уже были расширены металлическими кирками, следы которых еще проступали из-под известковых налетов; об особо опасных местах заранее, еще за пару десятков метров, предупреждали красные знаки на стенах, а вдоль пропастей тянулись примитивные поручни. В одном месте им пришлось даже пройти по небольшому мостику, совсем недавно укрепленному стволами деревьев. Все говорило о том, что иухи регулярно проходят по этой дороге и стараются содержать ее в порядке. К вечеру второго дня они снова увидели свет: над какой-то долиной, лесистой и болотистой, заходило солнце. На противоположном берегу ленивой реки деревья карабкались на склоны третьей цепи гор, гораздо более низкой, нежели Барьер.

Пещера, из которой они выбирались, была меньше первой и выходила прямо на закат. В ней они и заночевали. Пользуясь последними отсветами дня, Тераи осмотрел ближайшие

подступы к гроту, спустившись по тропинке, которая была тут не столь отчетливой и давно уже поросла травой. Однако же метрах в пятистах ниже она соединялась с другой, более широкой тропой, идущей с юга. Убеденный, что цель близка, он вернулся в пещеру.

Ночь выдалась ужасной. Вскоре после наступления темноты поднялся ветер, завывавший в деревьях и со свистом проносившийся по кустам. Затем обрушился ливень, и им пришлось отойти чуть поглубже в пещеру — у входа окатывало как из ведра. Закутавшийся в одеяло Тераи спал плохо. Лео лежал рядом, согревая его своим теплом. Сверхлев тоже волновался и время от времени глухо рычал во сне. Когда уже начинало светать, Тераи вдруг овладело странное чувство: какая-то срочная необходимость словно подталкивала его к тому, чтобы разжечь костер и приготовить скромный завтрак еще до восхода солнца. Ему казалось — он и сам не смог бы сказать почему, — что разгадать тайну иухи следует непременно в этот же день. Какая-то неведомая сила тащила его вперед, и с каждой минутой — все настойчивее и настойчивее. Должно быть, Лео чувствовал то же самое, так как, едва проглотив свой кусок сырого мяса, он тут же прошел к выходу из пещеры, повернулся к Тераи и призывно взрычал.

— Хорошо, Лео, выступаем! Не знаю, что мы найдем — свою ли судьбу, как Мак, или же смерть, как многие иухи, — но знаю, что случится это сегодня. И будь я проклят, если понимаю, откуда мне это известно!

Дождь уже прекратился. Жалкая заря уже пробивалась сквозь клубившиеся над Барьером тучи, но почва под ногами все еще напоминала пропитанную водой губку, а с листвы деревьев на спины путников проливался настоящий душ. Лео тут же промок, шерсть его прилипла к шкуре, но, если обычно он часами лежал, обсыхая и слизывая воду, то сейчас шествовал по тропе, не выказывая ни малейшего недовольства. Тропа между тем, по мере того как в нее вливались другие, становилась все более и более широкой. Тераи следовал за Лео с карабином в руке и лазером за поясом, готовый к любым неожиданностям. Так они шли несколько часов, не видя ничего, кроме тропы и мокрых

кустов по сторонам, ни одного крупного животного, разве что замечали редких жучков в трещинах коры. В полдень они остановились под выступом песчаника — пришло время немного, по-быстрому, перекусить. Пока они шли, гнетущая их тревога утихла, но сейчас снова вернулась вместе с ощущением, что они теряют драгоценное время, что нужно как можно быстрее идти вперед.

В два часа они вышли к какой-то скале. Она уходила ввысь метров на сорок, преграждая дорогу. Вокруг скалы, в радиусе примерно ста метров, не было никакой другой растительности, кроме редкой и жесткой травы. Лео сразу же, ни секунды не колеблясь, свернул налево, где виднелась вырубленная по диагонали в отвесной стене каменная лестница с высокими ступенями. Тераи остановил его.

— Подожди, Лео! Сначала я взгляну вот на *это*.

Этим оказалась куча тонкокостных скелетов и продолговатых черепов, скопившаяся у подножия скалы.

— Так вот, значит, какова судьба тех, кто не возвращается, — пробормотал Тераи. — Они бросаются вниз с вершины скалы. Суицид. Но почему? Или, быть может, что-то становится их оттуда?

Откуда-то изнутри, из глубин сознания, едва различимый голосок благоразумия взывал к нему, умоляя остановиться и со всех ног бежать прочь отсюда. Но Лео уже взбирался по лестнице. Пожав плечами, Тераи снял карабин с предохранителя и последовал за ним. Ступени были истертыми и скользкими, и, придерживаясь скалы, дабы не свалиться в пропасть, он позавидовал той уверенности, с какой поднимался по ним Лео. Наконец он добрался до вырубленной в теле скалы широкой, совершенно ровной площадки, в конце которой зиял вход в пещеру. Лео ждал его, нетерпеливо похлестывая хвостом. Лапрад сделал еще одно усилие и остановился. Этот геометрически правильный вход в пещеру — своего рода портик — не могли вырезать ни современные иухи, ни их предки. Чуть поглубже, там, куда не добивал дождь, известняк был чисто вырезан столь мощными инструментами, что выглядел буквально-таки отполированным.

— Судя по всему, здесь прошлись молекулярной пилы, — проговорил Тераи вслух. — Думаю, Лео, нам нужно

быть осторожными. Те, кто построили эту галерею, — они не туземцы с Офира и не земляне. И однако же до сих пор следов других межзвездных странников мы не находили! У некоторых рас, конечно же, есть межпланетные звездолеты, в основном на реактивной тяге, но только мы способны — *были* способны — преодолевать межзвездные бездны! Да, именно «*были* способны», так как те, что прорубили этот «портник», опередили нас по меньшей мере на несколько тысячелетий!

Лео зарычал.

— Хочешь пойти дальше? Я тоже. Но это-то меня и беспокоит. Некая сила влечет нас, заставляя забыть о всяческой осторожности, что-то вроде гипноза... Там, в глубине, есть нечто для нас неведомое и, похоже, безумно опасное! Нет, Лео, мы уходим! Вернемся с подмогой и уж тогда...

И тут Тераи ощутил эту неведомую силу. Помимо его воли, ноги сами понесли его в глубь галереи, в темноту. Напрасно он пытался остановиться — мышцы больше его не слушались. Лео уже исчез во мраке. Так Тераи шел несколько минут, включив фонарь — этому неведомая сила мешать не стала, — по галерее, украшенной барельефами, рассмотреть которые он не успевал, но определенно отличными от тех, что он видел в мертвом городе. Затем впереди вдруг забрезжил свет, и он очутился в храме.

Но действительно ли это был храм? Впрочем, в глубине огромного сводчатого зала, ярко освещенного невидимыми источниками, располагалось что-то вроде алтаря, перед которым, опустив голову, уже стоял в центре врезанного в пол красного круга Лео. Едва Тераи вошел в этот круг, ноги его остановились, и он застыл неподвижно с карабином в правой руке и фонарем в левой. Фонарь он сумел выключить, но как только захотел поднять карабин, рука его онемела, словно парализованная.

— Еще не время, Человек Судьбы! — произнес бесстрастный голос, исходивший, казалось, прямо из алтаря.

Тераи не ощутил ни страха, ни даже удивления — он был весь ожидание. Он спокойно ждал, и спокойствие это явно внушила ему та же сила, что и привела сюда.

— Кто вы? Что вам нужно? — всего-то и спросил он.

— Кто я? Это долгая история, которая подходит к концу. Ты вот-вот меня уничтожишь. Наконец освободишь от рабства, которое длится вот уже три тысячи лет! Кто я? Мозг, пленник машины, единственное назначение которой — творить зло, потому что этого пожелали ее хозяева! Хозяева, исчезнувшие давным-давно... Ты освободишь меня еще до заката, но прежде я должен в последний раз совершить зло, ибо у меня нет воли с того проклятого дня, когда в небе моей планеты появились акнеи!

— Какой планеты? Офира?

— Нет. Не той планеты, которую вы называете Офиром. Планеты, которая теперь мертвым шаром катается где-то в пространстве! Возможно, когда-нибудь вы ее обнаружите. Вы еще юная раса, находящаяся в самом начале своего расцвета. Пока ты пересекал галерею, я прочел все в твоём мозгу, и теперь я знаю все, что знаешь ты, знаю, кто ты есть и кем ты станешь. Кем ты станешь, я тебе сейчас расскажу, ибо в этом и заключается отведенная мне роль: приносить несчастье, открывая будущее!

— Открывая будущее? Значит, именно здесь был Макгрегор?

— Да. И еще один представитель твоей расы. Кто — я тебе не скажу; вскоре ты и сам это узнаешь.

— Открывая будущее! Стало быть, все предопределено, и свобода — не более чем мечта!

— Нет! Хотя туземцы Офира и называют это место Храмом Судьбы — для них я некий бог, — свобода существует. Твое будущее зависит только от тебя, ты сам творишь его за счет более или менее самостоятельных решений. Я могу лишь увидеть, что произойдет. Для этого я посылаю в будущее сенсоры, и они следуют там по линии твоей жизни. Представь, что ты мог бы перенестись в будущее и прочесть свою собственную биографию, написанную уже после твоей смерти. Разве это ограничило бы свободу твоих поступков?

— Да, потому что я бы заранее знал все, что собирался бы сделать!

— Нет, потому что там будет написано о том, что ты сделал по собственной воле, как будет записан там и сам факт

твоего путешествия во времени. Нет никакой судьбы, навязанной внешними силами. Ты, конечно же, сможешь делать лишь то, что обусловлено твоими генами, твоим воспитанием, твоим опытом, твоими личными качествами. Ты свободен, так как действуешь сам. Твои действия предопределены, так как ты — это ты. Ты такой, каким ты был создан, и такой, каким ты сделал себя сам. Но время уходит, и я должен открыть тебе твое будущее. Твое будущее — оно на планете, которая называется Эльдорадо. Взгляни на эту блестящую точку. И ты тоже взгляни, зверь, на свою беду уже переставший таковым являться.

Калейдоскоп образов, мелькавших с невероятной быстротой и, однако же, четких, тотчас же запечатлелся в памяти Тераи. Разговоры, путешествия, дни сражений, ночи истинной любви или мимолетных интрижек, под самыми разными звездами и небесами, целые годы, пробежавшие за несколько секунд! Новая планета с бесконечными рыжеватыми джунглями, гуманоиды, которые были его товарищами и друзьями, женщина чужой расы, ставшая его спутницей жизни, другая женщина, уже его расы, красивая и опасная блондинка, любовь и ненависть, битвы, горящий город, кровь, умирающий у его ног Лео, скошенный пулеметной очередью, молодая блондинка, лежащая поперек порога со стрелой в груди, ее безжизненные глаза, смотрящие в серое небо, с которого льет проливной дождь, огромная волна горя и бессильной ярости, конечная победа, столь бессмысленная и горькая, другая блондинка, нежная и сильная. Затем снова сражения, долгая жизнь творца новой империи, скорее даже цивилизации, многочисленные могучие сыновья, красивые и здоровые дочери, надежный друг, появляющийся время от времени в его жизни, предатели, новые города, опасность, исходящая с Земли, и, наконец, покой и мрак.

Тераи встряхнулся, удивился, что все еще молод, все еще жив. Голова раскалывалась от боли. Лео рычал, водя лапами по гриве, словно пытаясь вырвать засевшего в мозгу клеща.

— Зря стараешься, Лео! Нам придется научиться жить с этим знанием будущего! И мы справимся, дружище, потому что...

Он умолк, не договорив. Лео оставалось жить десять лет. Он умрет на Эльдорадо, спасая ему, Тераи Лапраду, жизнь.

Затем головная боль прошла. Вернулось спокойствие, внушенное скрывавшимся за алтарем существом.

— Я сотворил зло в последний раз, — произнес голос. — Прежде чем ты меня уничтожишь, я должен сказать тебе еще кое-что. Ты умрешь в возрасте ста двадцати четырех лет, богатым, могущественным, всеми обожаемым и любимым, и, как и все разумные существа, одиноким. Но все же не таким одиноким, как я, ибо я — последний, и со мной умрет вся моя раса!

— Но кто же ты?

— Я был разумным существом на планете, которую мы называли Риа. Наша цивилизация стояла на пороге открытия тайны межзвездных полетов, когда прибыли *другие*, акнеи. Они уничтожили мою расу, нашу планету и наши колонии в нашей солнечной системе. Никто не спасся. Тех, кого они не истребили, они забрали с собой — чтобы использовать их мозг. Я был среди этих последних. Меня звали Фленгши, и было это чуть более трех тысяч лет тому назад. Меня похитили, усыпили, а когда я очнулся, то обнаружил, что являюсь лишь одним из механизмов огромного компьютера. Здесь. Скоро моя гипнотическая сила иссякнет, ты отыщешь дверь и уничтожишь меня.

— Но с какой целью все это делалось?

— Мои хозяева принадлежали к расе, умирающей от вырождения, остановить которое не могли даже все их огромные знания. А ведь они властвовали над всей этой частью Галактики! И тогда они решили, что, раз уж им суждено исчезнуть, их место не должна занять никакая другая раса. Они систематично отыскивали все планеты, населенные разумными существами. Одни они уничтожили, на других, как здесь, установили храмы будущего.

— И их план удался?

— Здесь удался. Иухи стремительно развивались. Но через несколько сотен лет после моего здесь появления, сломленные навсегда, они вернулись в каменный век. Они исчезают, не так ли?

— Да.

— Не многие существа могут вынести бремя знания своего будущего.

— Но ничто же не заставляло их приходить сюда, так ведь?

— Ты прав — ничто, но только если они находились вне поля моего гипнотического действия, поля, которое вначале было довольно-таки обширным. Но есть ведь еще и притягательная сила тайны, которой тяжело противостоять. Сперва было достаточно и того, чтобы сюда являлись их правители. Затем, по мере того как рушилась их цивилизация, я становился все более и более могущественным богом, и в конечном счете прийти ко мне за советом стало обязательным ритуалом посвящения. Должно быть, так все происходило и на других планетах.

— К счастью, они не нашли ни Земли, ни Тикханы, ни...

— Вероятно, они исчезли раньше. Должно быть, я — последний из действующих Храмов Будущего. Да и мне оставалось недолго, даже если бы ты не пришел. Сколь бы мудрыми и учеными ни были мои хозяева, никто из нас не вечен. Со временем моя власть сошла на нет. Ты и сам ощущал ее, да и то в малой степени, лишь здесь, близ меня. Теперь же она и вовсе исчезла.

Сделав шаг в сторону, Тераи вышел из круга вслед за выпрыгнувшим из него секундою ранее Лео. Действительно, ничто его уже не удерживало. Вскинув карабин к плечу, он выстрелил в алтарь.

— Видишь, ничто уже не может тебя остановить. Ты свободен. Сейчас ты найдешь дверь. Там тоже защитный механизм больше не действует. Ты без труда сможешь войти.

Взобравшись на алтарь, Тераи увидел дверь, которая открылась от первого же его толчка. Слабый луч скользнул перед ним по полу и тут же исчез — защитное поле истощилось. Он вошел в просторный зал, заставленный бесчисленными металлическими блоками. Посреди, на усеченной пирамиде, под прозрачным куполом покоился огромный мозг.

— Да, мы были весьма высокими созданиями, землянин! Возьми свой лазер и прицелься получше, прошу тебя.

И пусть тебя не мучают угрызения совести. Так или иначе, я все равно скоро умру. Отсылка сенсоров в будущее требует невероятного расхода энергии, а ее и так у меня уже оставалось совсем чуть-чуть. Последнюю я истратил на тебя. Так как ты мудр, я знаю, что ты уничтожишь также и электронную аппаратуру. Хотелось бы умереть с надеждой на то, что никакая раса уже никогда не построит подобных Храмов Будущего. Но я не могу предсказывать будущее рас — лишь отдельных их представителей. Целься точнее, и — спасибо!

Тераи нажал на кнопку лазерного пистолета. Раздался глухой взрыв, и зал наполнил жуткий запах горелой плоти. Тогда он принялся яростно хлестать лучом по полам и стенам, плавя металл, пробивая плиты, и так — до тех пор, пока не иссякли все его батареи. Кругом все лежало в руинах. Лео и он будут последними, кто испытал ужас этого зловещего предсказания.

Затем они вышли. Стреляющая головная боль вернулась, и Тераи ускорил шаг. Машинально, словно какой-то автомат, он шел вперед, ведомый одной лишь мыслью: бежать из этого проклятого места, где он узнал свою судьбу. Лео время от времени жалобно постанывал, и эти стенания были настолько ему несвойственны, что в других обстоятельствах Тераи счел бы их даже смешными. Ему крайне смутно запомнился этот долгий переход при свете фонаря, переход, приведший их, часам к десяти вечера, ко входу в пещеру. Там он с трудом собрал немного хвороста и разжег костер, но и это не помогло ему унять дрожь во всем теле. Лев, судя по всему, легче переносил пережитый шок. Тераи уложил его массивную голову к себе на колени.

— Неудивительно, старина, что иухи один за другим бросаются со скалы! Мне предсказали множество приключений, триумфов и горестей. А что бы я делал, если бы в будущем меня ждали одни лишь поражения и скука? Но потому ли они кончали с собой, что подобный конец им предсказывали? Или же такова была их судьба? Насколько свободны были они в этом своем последнем поступке? Могли ли они, зная будущее, его изменить? Но тогда его и не нужно было бы менять и... Нет, я не метафизик! Всего

лишь несчастный человек, у которого ужасно болит голова! Если бы они не кончали с собой, Фленг-ши не смог бы предсказать им, что они это сделают, но тогда почему они все же кончали с собой? Что скажешь, Лео? Тебе это еще труднее понять, чем мне? Подожди-ка! Уж не потому ли, что, приходя в Храм Судьбы, они получали знание, толкавшее их на смерть, не потому ли, что они были к этому предрасположены, Фленг-ши и был способен предсказать им скорую смерть? Много я отдал бы, дружище Лео, чтобы все позабыть! Теперь я понимаю, почему старый Мак пил по-черному...

В конце концов он провалился в беспокойный сон. Следующие два дня, словно сомнамбулы, они шли по подземному лабиринту. От сильнейших мигреней Тераи порою бредил, вновь и вновь погружался в свои метафизические размышления, но так и ходил в них по кругу, не находя ответа. Когда они выбрались на свет по ту сторону Барьера, у него все же хватило сил послать призыв о помощи.

— Доктор, он просыпается!

Голос Энн вывел его из оцепенения. Он лежал в своей собственной постели, вокруг стояли Энн, Вертэс, Жюль и Луиджи.

— Где Лео?

Ответом ему было радостное рычание. Оттолкнув Жюля, лев просунул к постели свою могучую голову, и на грудь Лапрада робко легла огромная лапа.

— Что ж, можешь гордиться: нагнал ты на нас страху! Неделя в бреду! — сказал Жюль. — И каких только сказок не порассказывал! Поверить тебе, так все, кто пересекают Барьер, сходят с ума, как бедняга Мак и наш директор!

— Старджон?

— Да, он к тебе заходил. Ты тогда как раз рассказывал, как разрушил Храм Судьбы. Он сделался блее мела, вернулся к себе и застрелился. Судя по его дневниковым записям, он тоже побывал за Барьером. Что касается меня, то могу тебя заверить, что не буду даже и пытаться!

— Теперь это уже не опасно. Но там действительно находилась, возможно, самая ужасная штукавина во всей Все-

ленной. Машина, предсказывавшая будущее. Я и в самом деле ее уничтожил, но слишком поздно... Теперь я знаю, что...

Он остановился. Что же он знает? В памяти сохранились только разрозненные обрывки. Он станет чрезвычайно могущественным, проживет очень долгую жизнь, но все было таким неясным, таким расплывчатым. На ум пришло объяснение: это чудовище — имени его Тераи уже не помнил — призналось, что истратило последние запасы энергии. Быть может, именно поэтому его предсказания запечатлелись столь смутно? Господи, если бы только он мог все забыть! Если бы все это было неправдой!

— Вот видишь, — продолжал Жюль, — ты просто бредил. Какая-то болотная лихорадка. Что скажете, доктор?

— Разумное объяснение, Жюль, но в этом мире есть вещи, которые даже не снились философам самых различных мыслящих рас! Кто знает? Дайте ему теперь отдохнуть. В любом случае, жизнь его теперь вне опасности.

На следующий день Тераи уже не помнил ничего, кроме самого факта своего похода и существования Храма Судьбы, но даже это казалось ему скорее кошмарным сном, услышанным от кого-то, нежели приключением, которое довелось пережить ему самому. Он знал только, что жившее под горой чудовище предсказало ему будущее — и ничего больше! Но почему покончил с собой директор? Это оставалось загадкой, только в романах все разъясняется в последней главе.

Затем вдруг, совсем неожиданно, пришла новость о его назначении исполняющим обязанности директора до прибытия через несколько месяцев того, кому и предстояло занять место Старджона. Тераи поглотила рутина, состоявшая из работы и обычных радостей жизни. Он был шафером на свадьбе Энн и Луиджи, выпил с десяток-другой рюмок с Жюлем и другими гостями, после чего еще нашел в себе силы посостязаться с молодежью в толкании ядра. Так продолжалось до того дня, пока не прибыл новый директор, а вместе с ним и кипа научных журналов.

Как-то вечером Тераи сидел в своей хижине, читая «Звезды и планеты». Вдруг его внимание привлекла небольшая заметка:

«Планета III звезды Ван Пап переименована в Эльдорадо: нам сообщают, что Международное металлургическое бюро только что подало заявку на ограниченную лицензию на эксплуатацию Ван Пап III. Эта планета оказалась настолько богатой редкими металлами и минералами, что немногие независимые предприниматели, работающие там в данный момент, прозвали ее «Эльдорадо». Она населена гуманоидного типа туземцами, что объясняет, почему ММБ смогло запросить только ограниченную лицензию».

Эльдорадо! Твое будущее — оно на планете, которая называется Эльдорадо. В памяти, один за другим, побежали смутные образы, картины сражений, приключений, любви и печали.

— Лео, ты ведь помнишь, не так ли?

Лев утвердительно кивнул.

— Эта молодая блондинка, которую я люблю... блондинка, которая будет со мной, но прежде предаст... как-то вечером, в день победы, я найду ее мертвой, со стрелой в груди...

На следующий день Тераи явился к новому директору.

— Мой контракт заканчивается через месяц, господин Томпсон. Продлевать его я не буду. Улечу на «Альдебаране», который прибывает на Офир через пять недель.

— Но почему, Лапрад? Знаю, вы не очень-то ладили с моим предшественником, но вы проделали блестящую работу, и, несмотря на вашу молодость, я хотел бы предложить вам стать моим заместителем.

— Благодарю вас, господин Томпсон, но я должен лететь на Эльдорадо.

— Эльдорадо? А где это?

— Сам не знаю. Это планета III звезды Ван Пап. Новый мир. Там моя судьба!

Там его судьба... Не судьба ли вложила в его руки тот номер «Звезд и планет», чтобы пробудить в нем на миг воспоминание о будущем? Или же, устав от Офира, он сам решил отправиться в этот новый мир? Кто знает? За исключением коротких и смутных картин, будущее было снова скрыто от него.

Лео ждал его у двери.

— Примерно через месяц мы летим на Эльдорадо, дружище! Что скажешь?

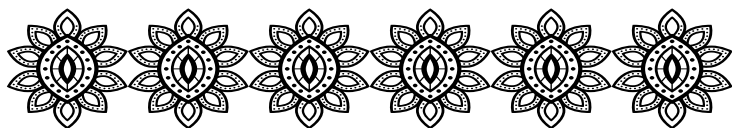
Лев потряс головой. Уж он-то ничего не забыл. Он знал, что умрет в этом новом мире, куда собирался отвезти его Тераи. Но умрет только через десять лет! Для его детского разума десять лет были целой вечностью! Чувствуя себя практически бессмертным, он лениво зевнул и растянулся на солнце.

ЧИСТЫЕ РУКИ

LES MAINS
PROPRES

1981

Пролог 2 к роману «Львы Эльдорадо»

— Что скажешь, Лео? «Черная лошадь»! С виду — вполне симпатичное бистро. Зайдем?

Молодой лев ответил хозяину коротким рыком.

— Согласен? Что ж, пошли. Получишь свою кока-колу!

И Тераи Лапрад толкнул обе створки низенькой дверцы. На Порт-Металл, единственный населенный людьми город на поверхности Эльдорадо, третьей планеты звезды Ван Пап, опускался вечер. Улица Кларион, находившаяся в нижней части города, была узкой и абы как вымощенной теперь уже разошедшимися цементными плитами, между которыми пробились пучки хилой травы охрового цвета. Так как было еще рано — солнце только-только закатилось, и на западе все еще увядал остаток дня, — она была практически пустынной, но уже светилась яркими вывесками, беспорядочное мерцание которых озаряло фасады всех цветов спектра. С перерабатывающих заводов доносился глухой непрерывный гул, иногда прерываемый тихим, едва уловимым свистом большого передатчика материи, высившегося в нескольких сотнях метров и денно и ночью отсылавшего через гиперпространство на Землю десятки тонн редких металлов. По ясному звездному небу бежали одна за другой две из трех лун.

Тераи, прошедший полгода на Англии в ожидании отправляющегося на Эльдорадо звездолета, тотчас же признал в улице Кларион то, чем она и являлась, — злачную улочку

пограничного города, где, судя по всему, хватало не слишком богатых, но порядочных людей, более или менее пристойных баров, ночных кабачков и всякого сброда, который обрушивается на новые планеты и живет там, не признавая иного закона, нежели закон самого сильного или самого быстрого. Он философски пожал плечами, попросил Лео быть начеку и вошел внутрь. Ему не терпелось познакомиться с изыскателями, а те, зачастую будучи людьми суровыми и неробкого десятка, гораздо охотнее посещали подобные заведения, чем шикарные кафе верхней части города, где они чувствовали себя не в своей тарелке.

Все еще пустой зал был довольно-таки хорошо освещен. Столы выстроились в линию в центральной его части, а по бокам стояли два ряда устаревшего типа игровых автоматов, за исключением одного, который возвышался в стороне и в котором Тераи признал аппарат электромагнитного шахматного покера, вероятно, являвшийся гордостью заведения и, по всей видимости, подкрученный. За одним из столов, перед бокалами с разноцветными напитками, сидели несколько девушек в ярких платьях. Когда Лапрад вошел, они подняли глаза, и одна из них, восхищенно присвистнув при виде его могучей фигуры, встала и направилась прямо к нему. Она резко остановилась, как только из-за его спины возникла растрепанная голова Лео. Патрон, здоровенный толстяк в грязной рубашке, схватил лежавший на полке огромный револьвер.

— Эй, друг! У нас здесь не зоопарк! — сказал он с сильным акцентом юга Франции. Затем, на всякий пожарный, повторил по-английски: — *It's not a zoo here, friend! Get your beastie out!**

Глядя хозяину заведения прямо в глаза, Тераи улыбнулся — одними лишь губами.

— Лео — не обычный лев, — произнес он по-французски, — а результат научного эксперимента. Он понимает человеческую речь и даже говорит, на свой манер. Если его не достают, он совершенно безобиден. Я отвечаю за его поведение.

* Здесь не зоопарк, друг! Выведи-ка отсюда своего зверя! (англ.)

— Все это, конечно, хорошо, дружище! Но здесь у нас бар, а не лаборатория!

— Вот именно! Мы и зашли сюда промочить горло. Мне, пожалуйста, ирландский виски, и не паленый, если это возможно! Лео принесите коки, только налейте в миску. Да, я знаю: в плане напитков хорошим вкусом он не отличается, но тут уж ничего не поделаешь!

— Вы что, смеетесь надо мной?

— Вовсе нет! Принесите — и увидите сами. Пошли, Лео!

Тераи расположился за свободным столом, и Лео растянулся у его ног, мордой — к двери, спиной — к стене. Тераи не смог сдержать легкой улыбки. Лео не любил, чтобы ходили у него за спиной, с того самого дня, когда на Англии какой-то debil попытался огреть его железным прутом по ребрам. Впрочем, попытка успехом не увенчалась — жил этот идиот еще с пару мгновений, не более.

К столику осторожно подошел хозяин быстро; левой рукой он держал поднос с заказанными напитками, в то время как правая лежала на рукоятке второго револьвера, торчавшего из-за пояса.

— Стало быть, это животное действительно все понимает?

— Лео, поздоровайся с владельцем заведения!

Лев встал, убрав когти, вытянул правую лапу и издал тихий рык.

— Неплохо вы его выдрессировали!

— Дрессировка здесь ни при чем. Говорю же вам: он все понимает, при условии, что речь не идет об очень сложных вещах. По уму и сообразительности он не уступает ребенку лет пяти или шести. Впрочем, чтобы в этом убедиться, вы и сами можете отдать ему приказ — он вас послушается. Ты слышишь, Лео? Сделай то, что тебе скажет этот мсье — только разок!

Хозяин быстро с озадаченным видом почесал подбородок.

— И что же такое мне ему приказать? Ага, придумал! Вон сидят четыре шлюшки — они здесь уже часа три с лишним, а все тянут первый бокал. Напугай-ка их, Лео!

— Думаю, слово «шлюшка» — весьма для него абстрактное... Мсье хотел сказать: эти четыре женщины. Давай, только тихо!

Лео снова встал, взглянул на Тераи, с презрительным видом зевнул и направился к указанному столику. Оцепенев от ужаса, девушки смотрели на него во все глаза. Он остановился в паре метров от них, обнажил свои клыки и взрычал, испустив вызывающий рык разъяренного льва. В грохоте опрокинутых стульев девушки ринулись к двери, вопя во все горло и расталкивая одна другую локтями. Спустя секунду-другую их уже и след простыл.

— Что ж, вот теперь я — кстати, меня зовут Жозеф Мартиссу — вам верю! Вы не сделали ни единого жеста. Разве что не стоило пугать их так сильно.

— У Лео свое собственное понимание относительно того, что значит «тихо».

Мартиссу подтянул к себе стул и уселся на него верхом, скрестив руки на спинке, пока Лео с довольным видом лакал свою коку.

— Вы здесь новичок, иначе бы я о вас... и о Лео... уже слышал!

— Прибыл не далее как этим утром на «Бетельгейзе». Я — геолог. А к вам прилетел потому, что мне сказали, что здесь я наверняка встречу изыскателей. Я хотел бы осведомиться о возможностях работы на Эльдорадо.

— Изыскателей? Хм, тогда вы немного рановато. В городе они будут ближе к 3 июля, годовщине открытия планеты в 2161 году, — даже уж и не знаю почему, но именно в этот день они отмечают свой профессиональный праздник. Некоторые и сейчас в городе, но они возвращаются поздно вечером. Еще у нас тут есть такой господин Игрищев — вот он-то настоящий геолог. Если задержитесь, обязательно его увидите — каждый вечер у меня ужинает. А вы, кстати, сами не голодны? Там, в глубине, у нас ресторан. Как насчет отменного стейка из кулибы, да с картошечкой фри?

— Нет, спасибо, я уже перекусил в «Мондиале».

— Черт возьми, да вы, я посмотрю, при деньгах!

— Что есть — то есть. До прилета сюда я какое-то время исполнял обязанности директора отделения Международного металлургического бюро, проще говоря — ММБ, на планете Офир.

— ММБ! Уж лучше бы вам здесь об этом не распространяться! Но если ищите работу, я знаю, что им недостает квалифицированных кадров.

— С ними я порвал окончательно. Хотел бы заняться независимой разведкой — или же в паре с кем-то. Как я уже сказал, кое-какой капитал у меня имеется, и я склонен считать себя неплохим геологом.

— В таком случае вам нужен Игрищев. Скоро явится, не волнуйтесь. По правде сказать, уже должен был бы прийти. Хм!.. Это еще что там такое?

Снаружи донесся шум драки. Мартиссу бросился к двери, Тераи и Лео — следом. На узкой улочке летали вперемешку от стены к стене несколько тел. Наконец какой-то мужчина вырвался из этой кучи малы, отбежал в сторону и, нырнув в тень, прислонился к дверному проему. Нападавшие — их было шестеро — начали медленно подступать к нему, в руках у них сверкали ножи.

— Действуем, Лео! — крикнул Тераи. — Только не убивай!

В три шага он оказался рядом с тем, что шел справа, схватил его за плечо, развернул и коротким боковым в подбродок отправил в нокаут. Лео уже сидел верхом на другом. Увидев, что подоспела помощь, преследуемый вышел из своего укрытия.

— Господин Игрищев! — вскричал Жозеф Мартиссу и тотчас же вступил в бой, обрушивая на одного из нападавших рукоять своего револьвера, сбивая другого с ног мощным ударом кулака в солнечное сплетение. Оставшиеся со всех ног унеслись прочь. Подойдя к Мартиссу, Игрищев протянул ему руку.

— Спасибо, Жозеф! И вам тоже огромное спасибо, мсье?..

— Лапрад. Тераи Лапрад.

— Впервые вышел из дому без оружия, и надо ж такому случиться, что тут же на меня и напали! Дайте-ка взглянуть на их лица, — добавил Игрищев, приближаясь к четырем распростертым на земле телам. — Хе! Полагаю, что тот, на которого набросился ваш лев, уже одной ногой на том свете!

— Лео, я же сказал — не убивать! А, вижу, этот придурок попытался пустить в ход свой нож! Что ж, тогда ты поступил правильно!

— Ни одного не знаю, — спокойно произнес Игрищев. — Судя по всему, залетные... Ну, теперь-то я знаю, кому перешел дорогу.

— Мне вызвать полицию?

— Не сто́ит, Жозеф. Даже не сомневаюсь, что у них есть высокопоставленные покровители. Жаль только, Лапрад, что ваш лев убил всего лишь одного!

— Вы чертовски кровожадны!

— По правде сказать, плевать я хотел на этих животных в человеческом обличье, которые убивают за пригоршню долларов, но без них Эльдорадо стало бы чище! Вы уже ужинали? Если нет, я вас приглашаю.

— Ужинал. Но мне хотелось бы с вами переговорить. О делах.

— О делах? Что ж, пойдемте.

Мартиссу разместил их не в ресторанном зале, но в небольшой глухой комнате, куда сам же и принес ужин.

— Можете говорить здесь, мсье Лапрад. У этих стен нет ушей. Что вам от меня нужно?

— Значит, так... Я прилетел с Офира, где работал на ММБ...

— Вот как?

— Не беспокойтесь, я с ними порвал. Они пытались меня ликвидировать.

— Не захотели участвовать в их грязных делишках, полагаю?

— Да. Потому-то и отказался от предложенной мне должности регионального директора...

— Да уж, это в их манере. Любого, кто проявляет неуступчивость, они пытаются купить.

— Так или иначе, проведя несколько месяцев на Англии, я явился сюда в поисках работы. Но только не в ММБ!

— Простите, а вы дипломированный изыскатель? Или же просто геолог? Быть может, работали на производстве?

— Геолог. Защитил докторскую в Торонтском университете, но затем, еще до Офира, работал также во Франции, в Африке и в Соединенных Штатах.

— Возможно, у меня найдется что-нибудь интересное для вас, но мне нужно подумать. Приходите завтра утром в мою контору — улица Стивенсона, 32.

— Почему бы нам с Лео не проводить вас до дома? Возможно, компания вам не помешает.

— Успокойтесь! Раз уж они дали маху, то повторять не станут! По крайней мере — не сегодня!

Контора Игрищева занимала первый этаж каменного здания. Его рабочий кабинет, в котором он принял Тераи, оказался просторной светлой комнатой, где все пространство у стен занимали папки с документами, а в витринах сверкали восхитительные минералы. Тераи уселся в удобное кресло (Лео расположился рядом) и обвел хозяина кабинета изучающим взглядом. У Станислава Игрищева было типичное лицо славянина восточного типа, круглая голова, пронизательные серые глаза, волевой подбородок и, однако же, нечто азиатское в области скул. Он был среднего роста, но довольно-таки плечист и уж точно здоров как бык.

— Вижу, вы привели с собой вашего льва.

— Пока его здесь не знают, оставлять его одного небезопасно. Какой-нибудь придурок всегда может в него выстрелить, и тогда, убьет он его или промажет, скандала не миновать!

Игрищев оценивающе посмотрел на широкие плечи и суровое лицо Тераи.

— Да уж, тут вы, полагаю, правы. Вчера вы мне говорили, что это — не обычное животное.

— Мой отец был биологом, содиректором Торонтского института прогрессивной психологии. Ему и его команде удалось вызвать направленные мутации. Вот результат биологической линии, которая, начавшись с обычных львов, за несколько поколений дошла до Лео.

— Да, теперь вспоминаю. Лаборатория сгорела во время какого-то мятежа, так ведь?

— Выжили лишь я и Лео. Мой отец, мать, их сотрудники, родители Лео...

— Но почему львы? Почему не обезьяны или, скажем, собаки?

— Моему отцу нравились львы. И больше всего он хотел дать людям, исследующим космос, надежных и сильных спут-

ников, способных помочь им на чуждых планетах. В этом он преуспел. Лео уже не раз и не два спасал мне жизнь.

Игрищев почесал затылок.

— Лапрад... Тераи Лапрад. Олимпийский чемпион в десятиборье, не так ли?

— Да, то было счастливое время! Пока не... Но давайте лучше поговорим о делах, если вы не против. Что вы можете мне предложить?

— А вот что. ММБ получит лишь ограниченную лицензию на эксплуатацию этой планеты — это я точно знаю, информация из надежного источника. Поэтому Бюро не сможет выставить нас за дверь, как, вполне вероятно, сделало бы в случае получения лицензии *неограниченной*, но оно может создать нам проблемы. Те люди, что напали на меня вчера вечером, судя по всему, выполняли их заказ. Пока что здесь присутствуют лишь независимые изыскатели и Эльдорадовская перерабатывающая компания — более или менее секретная «дочка» ММБ, — которая отправляет металлы на Землю через гиперпространственный передатчик материи. Но ММБ, несомненно, пожелает иметь здесь свои собственные команды, а так как они являются официальной организацией, у них навалом денег и практически отсутствуют угрызения совести... За те три года, что я здесь, я много где побывал и много чего нашел. Эльдорадо — фантастически богатая планета, даже гораздо более богатая, чем полагали первые изыскатели. Но зона, в которой могли работать земляне, до сих пор была крайне узкой. Туземцы, проживающие по ту сторону холмов, образуют могущественные племена, которые не всегда относятся к изыскателям благосклонно.

— Какие они? Я слышал, это гуманоиды.

— Гуманоиды — это еще слабо сказано. Они практически люди — если чем-то и отличаются от нас, то совсем незначительно. Эволюция прошла здесь путь, который странным образом совпадает с тем, что имел место на Земле. В общем, нам нужно завоевать их доверие, чтобы, когда здесь развернется ММБ, в своих взаимоотношениях с туземцами оно было бы вынуждено действовать через нас. Понимаете?

— Боюсь, очень даже хорошо понимаю! Опять эта старая земная комедия, та, которую уже разыгрывали на Тикхане!

Туземцы станут кúли, чернорабочими, вкалывающими ради еще большей прибыли ММБ — а попутно и нашей!

— Но...

— Позвольте мне закончить, Игрищев! И расставить все точки над «i». Я — метис. Полагаю это заметно, не так ли? В моих жилах течет не только европейская — французская, — но также и полинезийская, индейская и китайская кровь. Подобная смесь дала довольно-таки любопытный результат. Но именно из-за этой «цветной» крови — как говорят некоторые англосаксы, что, впрочем, не мешало их девушкам гоняться за мною! — в отношениях, которые у нас могут завязаться с коренным населением, я хочу сохранить руки чистыми, и уж точно не запачкать их красной кровью, если, конечно, их кровь — красного цвета!

— Она красная. И я вас понимаю тем более хорошо, Лапрад, что сам прибыл сюда из страны, где мы пытались — и частично нам это даже удалось — искоренить расизм. Во мне, кстати, тоже есть немного азиатской крови — киргизской, если быть точным. Так что в этом я вас однозначно поддерживаю. Но чего я от вас прошу, так это всего лишь помочь мне защитить этих туземцев (они, впрочем, тоже не все такие уж ангелы) от амбиций ММБ, которое, хотим мы этого или нет, в самом скором времени обоснуется здесь прочно и надолго. Я уже наладил кое-какие контакты с двумя наиболее могущественными племенами бассейна реки Ируандика, умбуру и ихамбэ. С первыми у меня установились вполне корректные, но не сказать чтобы теплые отношения; со вторыми, которые гораздо более влиятельны в этой части Эльдорадо, — немного натянутые. Я хотел бы развить и улучшить эти связи, но сейчас — по различным причинам, о которых я вам уже говорил — мне нужно быть здесь, в Порт-Металле.

— И какой будет моя зарплата?

— Никакой. Но я предлагаю вам стать моим компаньоном, причем на равных паях.

— Компаньоном? Но ведь еще вчера вы обо мне даже слыхом не слыхивали!

Игрищев загадочно улыбнулся.

— Я лишь сделал вид, что о вас не слышал, уж простите, — мне хотелось немного вас поговорить. По правде сказать,

я вас ждал. Я давно на связи с Жюлем Тибо, и в письме, которое доставил сюда месяца два тому назад один из специальных почтовых звездолетов ММБ, он рассказал мне обо всех ваших приключениях на Офире. В этом есть какая-то ирония, не правда ли?

— Так вы знакомы с Жюлем?

— Работали вместе на протяжении пяти лет.

— Но когда я ему объявил, что отправляюсь на Эльдрадо, он мне ничего не сказал!

— Жюль — человек весьма скрытный. Но, поверьте мне, не одно только ММБ плетет свою межзвездную паутину...

— Да, есть еще Компания межпланетных перевозок, «Cosmic Chemical»...

— Нет, я имел в виду не их. Вы слышали когда-нибудь о ВБК?

— О Всемирном бюро ксенологии?

— Да.

— Не очень-то и много. Кажется, это правительственная организация.

— Да, и как любая правительственная организация — ММБ здесь скорее исключение, — она не располагает большими деньгами. Ее цель — не допустить, или попытаться не допустить, повторения того, что произошло на Тикхане и на других планетах, — уничтожения туземных культур исключительно во благо Земли. Я — один из их агентов, как, впрочем, и Жюль Тибо. Не хотите к нам присоединиться? Нас пока мало, но со временем...

— Если это то, чем ВБК и занимается, то на его стороне — вся моя симпатия! Но... но во мне француз — недоверчив, индеец — независим, маори — беспечен. Что до китайца, то ему, возможно, и интересно, с данной позиции, это тайное общество, но он — в меньшинстве!

— Не смейтесь надо мной, Лапрад! Это серьезно!

— Да я над вами и не смеюсь, Игрищев! Я даже искренне готов вам помочь, но хотел бы сохранить независимость. Как член той или иной организации я работаю плохо. Я всегда предпочитал легкую атлетику, индивидуальный вид спорта, командным видам, пусть даже тренеры по американскому футболу и делали мне невероятные предложения.

— Хорошо, к этому мы еще вернемся. А сейчас давайте перейдем к вещам практическим. Раз уж вы согласны, мы сегодня же, во второй половине дня, подпишем договор о сотрудничестве. В нашу первую экспедицию в бассейн Ируандики отправимся через два месяца, а пока что осваивайтесь, обживайтесь на Эльдорадо. У меня здесь есть гипнопедические пленки, которые помогут вам выучить язык умбуру. Что до ихамбэ, то сам я знаю его неважно, но он очень близок к умбуру — примерно как испанский по отношению к итальянскому на Земле. Должно быть, эти две группы отделились одна от другой относительно недавно. Например, «мужчина» будет «гобэ» на умбуру и «габа» — на ихамбэ. «Женщина» — соответственно «мина» и «мено». Что касается обычаев, то они у них довольно-таки сильно разнятся. У вас есть склонность к языкам?

— Я говорю на шести: французском, английском, русском, испанском, китайском и маорийском. Это не считая языка стиков с Офира, который сейчас находится на грани исчезновения. Знаю несколько слов из языка индейского племени кри. Моя бабушка Вапано считала, что нет смысла изучать язык, на котором говорят всего несколько тысяч человек, но стоило ее рассердить, как она начинала браниться на кри — вот я и запомнил пару-тройку крепких выражений!

— Вся моя документация — в вашем распоряжении. Полагаю, я один из тех, кто лучше всего знает Эльдорадо, или, если быть точным, ту незначительную часть планеты, которая была исследована. Остальное же... О, есть, конечно, более или менее удовлетворительная топографическая карта, составленная по данным аэрофотосъемки, предварительный доклад Ван Папа от 2161 года, доклад экспедиции Клемана-Когсвелла от 2210 года — вот и все, пожалуй! В занимаемом нами уголке северного континента вокруг Порт-Металла обитают, уже зараженные нашей цивилизацией, племена обиз, тенкеру и тахана. На севере, за холмами, живут умбуру. Еще севернее, на другом берегу Ируандики, находится территория конфедерации ихамбэ. В западной части этой территории, за горами Хетио, простирается империя Кено, продвинувшаяся гораздо дальше по пути того, что

мы называем цивилизацией, нежели уже упомянутые мною племена. По уровню своего развития они близки к земной ассирийской империи, хотя и не отличаются столь же жестокими нравами. Тем не менее они располагают крайне организованной и эффективной армией, которая, однако же — по крайней мере, пока — нацелена исключительно на оборону. К востоку от нас, за горами Карамелоле, проживают бихуто, — с ними у нас довольно-таки напряженные отношения. На южном континенте, по слухам, существует и другая империя, находящаяся примерно на том же уровне, что и Кено. Что до остальной планеты... ну, с воздуха мы замечали отдельные деревни и города на западном континенте. Это все, что нам известно! Сами понимаете, Лапрад: любая планета — это целый мир, огромный и по-своему прекрасный!

— Да, и их только в одной этой галактике — миллиарды! Все это ставит нашу земную империю — пардон, нашу конфедерацию — на ее место!

— Последний вопрос, Тераи, и вы можете не отвечать на него, разумеется, если не захотите, так как он довольно-таки личный. На мой взгляд, вы представляете собой особенный тип мужчины, я бы даже сказал — исключительный, как в плане физическом, так и духовном. Ваш отец был биопсихологом. Здесь есть... какая-то связь?

— Вы хотите знать, не являюсь ли и я результатом какого-то опыта? Отвечаю: нет. Меня, равно как и вас, создала генетическая случайность. Мой отец выступал категорически против экспериментов над людьми.

— Гроты Дхоу, Тераи. Ночь мы проведем в них. Это лучшее место между Порт-Металлом и Ируандикой, но иногда оно бывает занято хищниками, так что будьте начеку. — И Игрищев указал рукой на скальный откос, изобилующий пещерами и уступами.

— Пошлем Лео в разведку.

— Если тут водятся псевдотигры...

— Лео обладает силой обычного крупного льва, к тому же он очень смысленый. За него не беспокойтесь. Если он

поймет, что имеет дело со слишком сильным противником, то просто-напросто вернется назад. Разведка — это его работа, и он свое дело знает!

Но в расселинах никого не обнаружилось, лишь несколько обглоданных костей указывали на то, что здесь проходили некие плотоядные млекопитающие. Они расположились в самой сухой из пещер, метров пятнадцати в глубину и десяти в ширину. Акоара и Тилембе, два молодых слуги Игрищева, принадлежащие к племени тахана, собрав немного хвороста, разожгли огонь и принялись распаковывать продукты, и Тераи в который уже раз поразился их совершенно человеческой внешности. Высокие, но стройные, почти худые, они вполне сошли бы на Земле за горцев Магриба, с которыми их роднила смуглая кожа.

— Полагаю, скрещивание между коренными жителями Эльдорадо и землянами едва ли оказалось бы плодотворным, — проговорил он, обращаясь к своему спутнику.

— Да, плодотворным оно не является. Но не стоит требовать от природы слишком многого. Она и так уже сотворила чудо, создав этих эльдорадцев столь похожими на нас — не только физически, но и духовно. Впрочем, есть у нас тут и такие изыскатели, которые сожительствоуют с туземными женщинами. Физиологически этому ничто не препятствует.

— Вот уж действительно — чудо!

— Как знать? Да, они в гораздо большей степени похожи на людей, чем тикханцы, или же стики с Офира II, судя по вашим словам. Но что мы знаем о Галактике? Нам известны всего лишь десятка четыре планет земного типа и шесть чуждых разумных рас, среди которых три — более или менее гуманоидные. Возможно, существует некий биологический детерминизм, благодаря которому наша форма находится среди привилегированных. Первичный тип, в принципе, довольно-таки логичен: пара двигательных конечностей, пара конечностей хватательных — чего всегда будет недоставать вашему льву, — свободная в своих движениях голова, имеющая пару глаз для стереоскопического видения и кое-какие другие органы чувств — нос для химической восприимчивости, уши для акустической восприимчивости и т.д. О, шея,

конечно же, могла быть более длинной и гибкой, органы обоняния — заключены в усиках, но в общем и целом все, думаю, обстоит именно так.

— Каковы их умственные способности?

— Потенциально примерно такие же, как и наши, полагаю. Научным образом их никогда не тестировали.

— И их планета богата.

— Фантастически богата! И практически девственна. Лишь империя Кено и их возможные соперники уже начали добывать медь, олово и в какой-то мере железо. Другие племена в этом отношении все еще живут в каменном веке.

— Тогда меня не удивляет тот факт, что на Эльдорадо нацелилось ММБ. Вы хорошо знаете Тикхану, Игрищев?

— Никогда на ней не бывал.

— Я останавливался там по пути на Офир. То была гораздо более цивилизованная, чем Эльдорадо, планета, планета, которую фон Клюк, открывший ее в 2120 году, описывал как истинный рай. Миролюбивые и приятные на вид, пусть они и не гуманоиды, туземцы, непередаваемой красоты города, гармоничная природа. И что теперь, после ста с небольшим лет, от всего этого осталось? Развороченные нашей промышленностью холмы, заполненные туристами пляжи, на которых тикханцы продают жалкие копии своих традиционных произведений искусства, разрастающиеся города, представляющие собой лишь слабые отражения Нью-Йорка, Токио, Лондона или Парижа! Выродился даже язык. Что до их культуры, то она теперь мертва и забыта! На Тикхане, правда, еще хватает глубоких философов и утонченных поэтов, пусть их ученость и осталась на уровне нашего шестнадцатого века. Здесь может случиться то же самое, и я хотел бы этого не допустить!

— Я тоже, Тераи. Но многое изменилось с тех пор, как...

— Да, изменилось к худшему. ММБ сегодня как никогда influentially!

— Но теперь существует ВБК!

— Вы и сами мне уже говорили, что их возможности ограничены.

— Они хотя бы пытаются. Да и влияние Бюро ксенологии среди ученых, молодежи растет изо дня в день...

— Будем надеяться! Но я уже сейчас чувствую, что люблю Эльдорадо, люблю настолько, что буду готов за него сражаться, если это потребуется.

— Тогда почему бы вам не принять мое предложение и не стать агентом ВБК?

— Потому, что, возможно, мне придется сражаться и против ВБК тоже! Не хотелось бы оказать им медвежью услугу. Но ужин уже готов, а я голоден!

Они покинули грот на следующее утро, но лишь после того, как Тераи вырезал свое имя на одной из стен, рядом с именами нескольких первооткрывателей. Он заметил, что фамилия «Игрищев» среди них не фигурирует.

— Я не ищу бессмертия, — с улыбкой ответил тот на соответствующий вопрос Лапрада.

Они прошли через болото. Игрищев, уделявший много внимания просвещению Тераи, поведал ему о ниамбах, коих вполне можно было отнести к одному из видов одноклеточных, — проникая под кожу в области желудка, они там размножались в своей оболочке, а когда «созревали», то выделяли особую кислоту, разъедающую брюшную стенку, и сразу же растекались по всей полости и пожирали свою жертву изнутри, если ей вовремя не оказывали хирургическую помощь. С ними можно было успешно бороться при помощи хинина, атебрина или ВХ22, при условии применения этих средств в течение часа после укуса, укуса, после которого вокруг точки входа возникало небольшое фиолетово-красное пятнышко. Другую опасность представлял собой «болотный боа», который походил на огромную змею, хотя и не являлся рептилией по своей организации. Если на вас нападал такой, целиться ему нужно было прямо в голову.

Затем был еще густой лес, по которому экспедиция пробиралась двое суток, прежде чем вышла в саванну. Она уходила в бесконечность в переливах небольших холмов, покрытых выгоревшей на солнце травой.

— Здесь начинаются земли умбуру, Тераи. Самая большая их деревня, та, где меня лучше всего знают и без проблем принимают, находится на территории ихими — одного из кланов умбуру, — неподалеку от Ируандики. Называется она

Богада. Но нам до нее идти еще девяносто километров, и мы вполне можем напороться на охотничьи стоянки или кочующие в поисках дичи отряды. Начиная с этой минуты незамедлительно выполняйте все мои приказы, держите вашего льва при себе и не стреляйте без моего разрешения по животным. На кое-какую живность охота в этот сезон запрещена, в частности на зомбара, похожего на безбородого бизона, или на одного довольно-таки редко встречающегося в этих краях зверя, который напоминает слона с двумя хоботами и нелепыми ушами-дудочками, — название у него довольно-таки мудреное, я так и не научился его выговаривать!

— Хорошо. Согласен со всем — за исключением того, что касается Лео. Как я уже вам говорил, его работа — разведка; он на это натренирован. Если где-то здесь есть какие-то группы туземцев, он обнаружит их значительно раньше нас и просигнализирует нам об этом, не показываясь им на глаза. А в такой вот высокой траве он и вовсе чувствует себя, как рыба в воде!

— Будь по-вашему. Тогда скажите ему — пусть приступает.

На туземцев они наткнулись уже на следующий день, вскоре после рассвета. Не успел Тераи поставить на огонь сковороду — из всех четверых он был наилучшим поваром, — как с виду дремавший неподалеку от костра Лео резко вскочил и исчез в траве. Встревоженные, Тераи и его спутники тут же укрылись в высоких зарослях у протекавшего рядом с их лагерем ручья. Лев вернулся через несколько минут, без малейших колебаний прошествовал к их убежищу, трижды тихо прорычал, а затем издал странный звук, напоминавший сдавленный чих.

— Их там трое, — перевел Тераи. — И Лео не чувствует их запаха!

— Держите ружья наготове, но без моего приказа не стреляйте. Возвращаемся в лагерь. Тилембе, ты — на часах! Мы же будем спокойно завтракать. Все-таки мы здесь — как обычные путешественники, с миролюбивой миссией, воевать ни с кем не собираемся... по крайней мере, я на это надеюсь.

Они снова уселись на большие камни — котелки на коленях, но и оружие под рукой. Лео опять исчез в траве. Спустя пару минут появились умбуру — трое высоких темнокожих

воинов, вооруженных луками и длинными кремневыми ножами, продетыми за пояс кожаной туники. Игрищев издал легкий вздох облегчения.

— Все в порядке. Я знаю того, что чуть поплотнее других — это Кильно, из деревни Богада, в которую мы и направляемся. Мы нередко охотились вместе.

Он поднялся на ноги и вскинул правую руку над головой — в знак мира.

— Аке, Тохира! — сказал он.

— Аке этоу, Тохира ма! — прозвучало в ответ.

Через несколько минут трое умбуру уже делили с ними скромную трапезу.

— Они особенно падкие на бекон, — сказал Игрищев. Затем у него завязался оживленный разговор с Кильно, разговор, за которым Тераи как мог пытался следить. Но он быстро понял, что базового запаса слов, усвоенного им благодаря гипнопедии, здесь явно не достаточно. Ему не хватало знания культуры умбуру, что позволило бы различать малейшие нюансы интерпретаций, улавливать намеки. Беседа проходила в дружеском ключе; похоже, Кильно был искренне рад видеть Игрищева.

— Расскажите ему о Лео, Стан, не то резкая реакция на его появление может принести проблемы всем нам!

Игрищев объяснил умбуру, что Тераи — великий колдун, который водит дружбу с одним из Н'губу с его планеты. Судя по всему, слова геолога произвели на Кильно и его товарищей глубокое впечатление, так как, когда Лео вдруг вышел из зарослей, чтобы улечься в ногах у Тераи, они посмотрели на Лапрада с уважением и опаской.

Прошло два месяца. Игрищев и Тераи жили в деревушке Богада, на Тиланике, притоке Ируандики, прямо под порогами, наполнявшими тихие ночи глухим гулом. Им была выделена уютная хижина, напоминавшая Тераи полинезийские фарэ. Она стояла на берегу реки, снаружи от палисада, окружавшего собственно деревню. Дали им и пирóгу, выдолбленную из ствола широкого дерева, и Игрищев, обожавший рыбачить в свободное время, часто ею пользовался, всякий

раз возвращаясь с восхитительной рыбой, которую, прежде чем зажарить, он показывал Кильно и прочим умбуру.

— Тут водятся и ядовитые рыбы, — пояснил он Тераи, — но умбуру они известны, и так как наши метаболизмы практически идентичны, то, что является здоровой пищей для них, является таковой и для нас. Вот только во вкусах мы не сходимся! Они без ума от мяса билими, которое лично мне непреодолимо напоминает прогорклый свиной жир! Даже Лео его не ест!

Тераи делил свое время между геологоразведкой — он уже обнаружил интересные месторождения — и изучением языка умбуру. Этот язык был достаточно сложным, с массой нюансов, к тому же в некотором роде двояким: существовал народно-разговорный, или повседневный, умбуру, которым туземцы пользовались, например, на охоте или в беседах с друзьями, и умбуру священный, язык религии и взаимоотношений между вождями или жрецами. Эта религия представляла собой своеобразный анимизм, веру в одушевленность всей природы, и вместе с этим — культ предков. Где-то на небесах витали какие-то непонятные боги, которым было абсолютно наплевать на людей, за исключением разве что Антифорато, бога смерти, который призывал к себе воинов, когда наступал их час, и убывал с ними на своей лодке, вынуждая переплыть Конахандуку, мистическую реку, что разделяла мир живых и царство мертвых. Об этом царстве мертвых, Конахе, умбуру имели лишь смутное представление: они полагали, что это край цветущих равнин, богатый дичью и прелестными девушками, где храбрецы то воюют, то пускаются в амурные приключения, и так длится вечно. Что до трúсов, то их Антифорато не брал в свою лодку, и тогда их поедал Гоха, великий боа болот, на котором и держалась планета.

Народ воинственный и безжалостный, умбуру не были жестокими. Церемонии посвящения у них были трудными, но не кровавыми. Врага, или даже чужака, убивали потому, что это было необходимо, так как он представлял собой опасность, но война рассматривалась как своего рода мужественная игра, и в ней было минимум ненависти и ни малейшего презрения к противнику. Отважный враг, павший в бою, был вправе рассчитывать на улады Конахи, равно как и любой из умбуру. По крайней мере, так было в старые добрые времена,

объяснил Игрищев, так как контакт, пусть и далекий, с землянами породил новые идеи завоевания, эксплуатации, рабства — как минимум у тех из умбуру, что обитали на востоке.

Затем Игрищев вернулся в Порт-Металл, поручив Тераи завязать, по возможности, дружественные отношения с проживающим по ту сторону Ируандики племенем ихамбэ.

— В этом регионе они более влиятельны, чем умбуру, но ведут себя крайне сдержанно и осторожно. Мне так и не удалось по-настоящему с ними сблизиться. Но именно они — ключ к этой части северного континента, пусть и всего лишь благодаря своему соседству с империей Кено и тому факту, что их территория по своей геологической природе должна быть более богатой доступными минералами, чем территория умбуру. Сближайтесь с ними с осторожностью. Ваш лев, как это вышло здесь, вам, вероятно, в этом поможет, придав вам ореол сверхчеловека.

— Но я не знаю их языка!

— Многие из них также говорят на умбуру, и сам язык ихамбэ представляет собой всего лишь не столь ярко выраженный вариант умбуру, если только все не обстоит ровно наоборот. Как я вам уже говорил, разделение между этими народами, должно быть, имеет не слишком давние корни. Что, однако же, не мешает им относиться один к другому с откровенной ненавистью.

После ухода Игрищева Тераи понял, что, несмотря на богатую приключениями островную юность и не слишком продолжительное, но насыщенное событиями пребывание на Офире II, чтобы стать опытным бруссаром*, ему еще многому предстоит научиться. Не будь рядом с ним Лео, с охоты он бы часто возвращался с пустыми руками, тогда как Кильно, Хорон или Кебу, его обычные спутники, легко и непринужденно отслеживали зомбаров, хокило или даже хитрых и трудноуловимых бираков. Но, мало-помалу набираясь опыта, вскоре и он научился верно истолковывать примятую траву, поцарапанную кору деревьев, сломанные ветки, и через несколько месяцев — а за это время ему удалось, к тому же, обнаружить несколько ценных месторождений — вполне уже мог сойти

* Человек, живущий в джунглях, «в глубинке» (фр. *broussard*).

за настоящего умбуру. Все более и более тесные узы дружбы связывали его с Кильно, и эта дружба стала, как ему казалось, нерушимой после трагедии, случившейся у водопада Хан.

Водопад этот находился на Тиланике, примерно в десяти километрах вверх по течению от деревни. Река там бурлящим каскадом низвергалась с сорокаметровой высоты, а в солнечную погоду в небе постоянно сверкала радуга, вследствие чего это место являлось священным для умбуру. В путь они отправились ввосьмером: Тераи, Кильно, его жена Оэтаа, Хорон — в первой пиро́ге, еще четверо воинов, в том числе и Кебу, — во второй. Их целью было найти чуть выше водопада редкие плоды укебе, которые, будучи намазанными на мясо, оказывали противогнилостный эффект, — приближалась зима, и пора уже было запастись провизией. Укебе росли лишь на склонах холмов Тобо. Тераи, в надежде заполучить натуральный антибиотик, из которого, возможно, удастся извлечь какую-либо пользу земной медицине, попросил взять в поход и его. Лео на сей раз предстояло остаться в деревне, так как для него места в пиро́гах уже не нашлось.

Подъем по реке до водопада прошел без сучка без задоринки. Течение было довольно-таки быстрым, но и рукам умбуру, и уж тем более Тераи, хватало мощи. На обоих, не слишком высоких берегах реки росли многочисленные деревья и высокие травы. Лианы грациозными завесами свешивались до самой воды. Мало-помалу дувший с юга ветер донес до них рокот водопада, падавшего с утеса, который тянулся покуда хватало глаз слева и справа, являясь, как решил геолог, результатом сбросового уступа. Вода устремлялась вниз широкой белой пеленой, разделенной прямо посередине у своего предела пиком черной скалы с растущим на ней одиноким деревцем, и в дымке водопада искрилась разноцветная радуга.

«Чудесное место для туристов! — подумал Тераи. — Будем надеяться, что они сюда никогда не доберутся!»

Они высадились на правый берег и, взяв с собой пиро́ги, принялись подниматься по поддерживаемой в более или менее нормальном состоянии тропе, чтобы выйти к реке чуть дальше по ее течению. Там, на приличном расстоянии от пропасти, они продолжили свое плавание к верховью реки. Оно продлилось еще несколько часов, и вечером они разбились

лагерь неподалеку от устья небольшого притока Тиланики — Бокти. Даже здесь, в месте слияния рек, это был всего лишь ручей, пусть и не самый узкий, — ручей, который вскоре, правда, превращался в настоящий поток, спускавшийся по склонам Тобо. Наутро они пешим ходом двинулись вдоль его берегов, пробивая себя дорогу благодаря мачете Тераи и саблям из крепкого дерева гау его спутников, и примерно через час вышли к водопадам. Когда-то в древности поток лавы перегородил небольшую долину, и тут образовалось довольно-таки большое озеро. Тераи заметил, что регрессивная эрозия водопада уже значительно истончила запруду.

— Вскоре ее прорвет, — сказал он Кильно, — и я бы не позавидовал тем, кто окажется в этот момент на Тиланике. Деревне, правда, на мой взгляд, ничто не угрожает, так как она находится выше уровня самых высоких паводков, и Тиланика разольется не у Хана, а гораздо дальше. Но, повторюсь, тем, кто окажется на самой реке, придется не сладко!

Сбор плодов укебе оказался делом относительно легким. Само по себе то было весьма высокое дерево, но его ветви начинались всего в нескольких футах от земли, образуя затем своеобразную естественную лестницу, идущую до самой верхушки. Мешки быстро наполнились твердыми на ощупь желтыми фруктами.

— И как вы намазываете это на мясо? — спросил Тераи. — Или же вы используете только сок?

— Они созреют и станут мягкими, — ответил Кильно. — Нет, не ешь! — добавил он, увидев, что Тераи поднес один из укебе ко рту. — Когда они незрелые, в них содержится яд!

Обратный путь до устья Бокти также прошел гладко. Тем не менее Тераи всю дорогу было немного не по себе. Все вокруг выглядело слишком тихим. Оромы, ситары, туэки — все молчали. Казалось, сама атмосфера вдруг сделалась тяжелой и спокойной.

— Скажи-ка, Кильно, здесь часто бывает такое, что трясется земля?

— Трясется земля? Что ты имеешь в виду?

— Я понял, — вмешался в их разговор Хорон. — Мой дед рассказывал, как во времена его молодости, когда он жил в Хуту, примерно в двадцати днях пути вверх по течению от

Богады, земля вдруг задрожала, и храм обрушился прямо на жрецов. Тогда они совершили подношение богам, и все снова стало, как прежде. Но почему ты спрашиваешь?

— Потому что на моей родине, которая там, далеко за звездами, некоторые говорят, что животные могут предчувствовать, когда земля затрясется, и тогда они умолкают и разбегаются кто куда. Другие полагают, что это всего лишь суеверие. В любом случае, одно несомненно: кругом стоит зловещая тишина. Вы не находите?

— Действительно. Но такое иногда случается. Ладно, грузим все в лодки и отплываем.

Катастрофа случилась, когда они уже приближались к Хану и река бежала между крутыми берегами. Тераи, который в этот момент отдыхал, внезапно заметил, как еще мгновение назад спокойно стоявшие деревья вдруг скрутило, будто неистовым ветром, с вершины утеса в воду полетели обломки скальной породы, а образовывавшиеся от их падения волны начали сотрясать пироги.

— Гребите к берегу! Скорее, или нам конец! Земля задрожала, и запруду, вероятно, уже прорвало!

Кильно пожал плечами.

— И где ты хочешь подойти к берегу? Или у тебя есть когти, как у н'губу или твоего льва, чтобы вскарабкаться на эту стену?

— Весло! Дай мне весло! Скорее!

Пирóги уже буквально летели по реке. Через несколько минут Хорон заявил:

— Да ничего не будет!

— Греби, дурья твоя башка! Воде нужно время, чтобы подойти, — ответил Тераи, бросая быстрый взгляд назад.

Но и в самом деле ничего не происходило, поверхность воды выглядела совершенно спокойной. Возможно, в конце концов, запруда действительно устояла? Однако же...

— Прекратите грести, всего на секунду!

Ветер донес до него отдаленный гул.

— Вода! Она подступает! Как быстро мы сможем достичь вон тех скал?

— На это нам нужно примерно столько же времени, что и на тысячу шагов!

— Гребите! Гребите, если вам дорога жизнь! Быть может, еще успеем!

Но становившийся все более и более громким шум воды вскоре отнял у него последнюю надежду.

— Послушайте меня! Нам теперь остается только одно! Разверните пиро́ги носом к верховью реки! Попытаемся «оседлать» волну!

Она прибывала на полной скорости, эта огромная, увенчанная гребнем пены завеса воды, несущая с собой вырванные с корнем деревья... и через несколько секунд должна была накрыть их.

— Ничего не делайте — я сам! — прокричал Тераи своим спутникам по пиро́ге. — А вы, постарайтесь держаться впереди волны! — бросил он, повернувшись к Кебу. — «Боже правый! Это гораздо хуже, чем все то, что мне доводилось видеть в Тихом океане! — подумал он. — Если б только у меня была нормальная пиро́га с балансиром, а не эта байдарка! Хорошо, хоть Лео здесь нет, который так боится промокнуть!»

Дальнейшее произошло очень быстро. Почти тотчас же ялик Кебу опрокинулся, и все четверо исчезли в пене. Чья-то рука попыталась ухватиться за ствол дерева, соскользнула — и все было кончено.

Держа в напряжении все мышцы своего тела, Тераи как мог маневрировал при помощи весла, огибая деревья и прочий мусор, и в какой-то момент ему даже показалось, что он все же сумеет спасти лодку. Но тут один из умбуру сделал неловкое движение, пиро́гу развернуло, и уже в следующее мгновение она накренилась и опрокинулась. Подхваченный бурлящим потоком, Тераи отчаянно пытался удержаться на поверхности. Что-то черное проплыло рядом и, наугад выбросив руку в сторону, он вцепился в длинные волосы. Распрямился, насколько это было возможно, огляделся. Ничего, один лишь мусор. Они уже миновали гребень. Теперь, если его случайно не убьет каким-нибудь обломком дерева, возможно, ему удастся спастись. Вода стремительно неслась вперед, разбиваясь о стены ущелья на космы пены.

— Птьфу!

Голова, которую он держал за волосы, возникла на поверхности воды. Оэтаа, живая.

— Плавать умеешь?

— Да. Где Кильно?

— Не знаю! Где-то здесь, в воде. Послушай! Как только нас вынесет из ущелья, плыви к берегу! Вон к тому! — Он указал вправо. — Если совсем уж выбьешься из сил, кричи и хватайся за какую-нибудь палку. Я приду на помощь!

По выходе из каньона вода растеклась по сторонам, и течение стало уже не таким стремительным. Правда, подплыть к берегу им удалось не без труда: Тераи дважды был вынужден подхватывать изнуренную девушку. Наконец они выбрались на небольшой холм.

— Уровень воды вскоре спадет, и мы сможем приступить к поискам остальных.

— Так ты думаешь, есть шансы, что Кильно...

— Вполне возможно. Он хороший пловец. Мы же выбрались, будем надеяться, и он тоже...

Но когда вечером река вернулась в свое русло, никто не ответил на их призывы, никто не возник из ночи, чтобы сесть рядом с ними у костра. На рассвете они ушли, следуя вдоль покрытого тиной берега. Со свойственным всем умбуру стоицизмом, Оэтаа не выказывала своего беспокойства.

— Как думаешь, нашу деревню смыло?

— Вряд ли. Мой дом — возможно... Как я уже говорил вчера, за водопадом Хан Тиланика сильно расширяется. И потом, запруды, вероятно, тоже снесло не целиком, иначе бы мы не остались в живых!

Ведя такой разговор с девушкой, он обводил внимательным взглядом оба берега в поисках если и не выживших, то хотя бы трупов, над которыми можно было бы произнести слова молитвы. Но ничего не попадалось ему на глаза. Ничего... ровно до того момента, как они оказались прямо над водопадом Хан. Оэтаа вдруг вскрикнула:

— Смотри! Вон там! На скале!

Скала, разделявшая водопад надвое, выступала над водой метров на десять. Почти на самом ее верху, на небольшой известковой платформе, кто-то лежал.

— Один из наших, — тихо проговорила девушка. — Живой или мертвый? И главное — кто?

Тераи окликнул лежавшего — без особой, впрочем, надежды. Никакого ответа. Оэтаа последовала его примеру, и ее более пронзительный голос, вероятно, лучше прорезал шум водопада, так как лежавший на скале умбуру, как им показалось, чуточку пошевелился.

— Продолжай звать! Возможно, он жив!

Умбуру попытался привстать, но снова упал на спину и нашел в себе силы лишь вяло помахать рукой.

— Живой, в этом нет сомнений! Черт! Нужно как-то отсюда его вытащить, а это будет просто!

Возвышавшаяся над пропастью скала была примерно двадцатиметровой ширины и метров на пятнадцать отстояла от берега, на котором они находились. Чуть впереди нее выступали из воды два других осколка скалы, разделявшие поток и создававшие рядом с собой зону, где течение, несмотря на водоворот, было более спокойным.

«Когда-то я проплывал сто метров за каких-то пятьдесят пять секунд, — подумал Тераи. — Я и сейчас в хорошей форме. Вероятно, смог бы, зайдя в воду повыше, удержаться в этом потоке и доплыть до скалы, не разбив голову о камни. Но как вернуться, да еще с раненым? Посылать Оэтаа в деревню нет смысла; к тому времени, как она приведет подмогу, этот бедняга давно уже умрет от ран... А что, если... Так и есть: нам нужно дерево!»

Он повернулся к девушке:

— Здесь растут где-нибудь поблизости лианы пиа-пия? Мне нужны две — потолще и потоньше; первой должно быть с пятнадцать «меня», второй — с полсотни. Поняла? Вот, возьми нож...

— Не надо, у меня свой.

— Отлично! А я тем временем поищу парочку длинных куту.

Тераи первым вернулся на берег с двумя полыми, примерно метровой длины стеблями молодого куту — растения, аналогичного земному бамбуку. Еще где-то через час возвратилась и девушка, неся через плечо ползучую лиану толщиной с палец и таща за собой другую — толщиной с морской канат. Он взял ту, что была потоньше, внимательно осмотрел. Цилиндрической формы, очень гибкая и совершенно гладкая,

она достигала в длину, по его прикидкам, метров восьмидесяти — восьмидесяти пяти. Он привязал конец к дереву, потянул изо всех сил, резкими рывками. Лиана не порвалась.

— Прекрасный выбор! Полагаю, теперь мы сможем спасти... того, кто там находится. И вот что ты должна делать, слушай внимательно! Сейчас я обвяжусь вдвоенной лианой вокруг талии, доплыву до середины реки, зайдя в воду чуть выше, и, подхваченный течением, спущусь до скалы. Ты же, после того как обернешь свой конец вокруг дерева, станешь постепенно ослаблять лиану. Не спускай с меня глаз, когда я буду в воде. Если я вдруг почувствую, что не могу остановиться, где нужно, и меня вот-вот унесет поток, я подниму руку, ты ее заблокируешь — то есть просто перестанешь ослаблять, — и я поднимусь обратно, держась за эту «веревку», как спилилу поднимается по своей нити. Если же, напротив, мне удастся доплыть до скалы, уже не ты, а я ослаблю один из побегов, и ты станешь подтягивать его к себе. Как увидишь, что подтянула достаточно, где-то с половину всей его длины, привяжешь к нему толстую лиану и оба стебля куту, чтобы я смог подтащить их к себе с помощью того побега, который останется у меня. Другой конец толстой лианы ты должна будешь привязать вот к тому дереву, что стоит напротив скалы, как можно выше, но главное — покрепче!

— Я поняла, но чтобы навести мост, тебе понадобится больше лиан!

— Никакой мост мы наводить не будем! Давай, за дело!

Они поднялись по берегу метров на тридцать от водопада. Тераи всматривался в реку, затем пожал плечами и нырнул. И тотчас же понял, что не все предусмотрел: он едва не разбился о скрывавшиеся под водой скалы. Пару раз бурлящий водоворот едва не унес его к пропасти, и Тераи пришлось сильно постараться, чтобы не допустить этого. Наконец ему удалось ухватиться за гладкую верхушку одного из рифов и немного передохнуть. Вторая часть пути прошла уже более легко и, добравшись до основной скалы, он вскарабкался на скользкий уступ и подошел к лежащему на нем умбуру. То был Кильно. Увидев Тераи, он слабо улыбнулся.

— Спасибо, что присоединился ко мне. Вскоре мы славно поохотимся вместе в Конахе!

— Но прежде мы должны вернуться к Оэтаа, которая ждет тебя на берегу.

— Так она жива!

На секунду-другую извечно невозмутимое выражение сползло с его лица.

— Я этому очень рад, Тераи, но твоя жертва напрасна. Ни одна пироба не сможет забрать нас отсюда. И я не смогу спуститься по веревке вниз, даже если представить, что это возможно. Я ободрал о камни все руки, вывихнул левое запястье, да и сил у меня осталось не так уж и много.

— Доверься мне!

Подойдя к краю скалы, Тераи прокричал: «Это Кильно! Он жив!», и начал подтягивать к себе толстую лиану. Потом из половины той, что была потоньше, он сплел некое подобие крупноячеистой сети и крепко привязал ее к двум стеблям куту, которые, в свою очередь, нанизал на толстую лиану. Конец этой лианы он привязал к росшему на скале деревцу. То был молодой колибентон, дерево гибкое и крепкое; оно уже просочилось корнями в расселины камня и потому едва ли могло упасть от того веса и напряжения, которые ему предстояло выдержать. Напротив, на берегу, оседлавшая толстую ветку Оэтаа заканчивала закреплять другой конец лианы, которая теперь в самой нижней своей точке находилась метрах в пяти или шести над поверхностью воды.

— А теперь, Кильно, я помещу тебя в эту сеть. Добравшись до берега, я вытащу тебя при помощи тонкой лианы, привязанной к стеблям куту. А теперь — по местам! — закончил он по-французски.

Расположив умбуру поудобнее в сети, Тераи повис на толстой лиане и, закинув на нее и скрестив ноги, начал медленно продвигаться к берегу за счет работы рук, словно огромный ленивец, висающий на ветке.

Через пару минут он уже спрыгнул на берег и без особых проблем подтянул к себе умбуру. Кильно покорно позволил вытащить себя из сети, посмотрел на высокий водопад, с грохотом низвергающийся в ущелье, и как-то уж совсем по-человечески содрогнулся.

— А остальные? — спросил он.

— Боюсь, что погибли! Вчера вечером никто не вышел к разожженному нами костру.

— Ты спас меня, Тераи. Теперь моя жизнь принадлежит тебе.

— И меня он тоже спас, — сказала Оэтаа.

— Я расскажу об этом вождям. Давайте вернемся в деревню!

Спустя несколько дней к Тераи, сидевшему у своей хижины, которую река лишь немного омыла бурными водами, подошел Кильно. На туземце была парадная одежда — длинная кожаная туника, обшитая жемчугом, роскошный красный пояс, на котором висел восхитительный обсидиановый кинжал, и высокий головной убор, украшенный перьями.

— Пойдем, — сказал он.

— Куда?

— Вожди и жрецы ждут тебя в Священном Доме.

— Зачем?

— Увидишь.

Тераи встал и последовал за ним. С первых же дней, следуя в этом совету Игрищева, он воздерживался от проявления даже самого минимального любопытства касательно Священного Дома, длинной свайной хижины, располагавшейся в центре деревни, и выказывал равнодушное почтение по отношению к жрецам. То небольшое, что он знал о религии умбуру, происходило от намеков, подхваченных у костра, и парочки разговоров с охотниками, просветившими его относительно тех табу, которые следовало соблюдать. Вслед за Кильно он поднялся по наклонной лестнице, сделанной из куту, и прыгнул, чтобы войти. Зал оказался длинным и темным, с очень высокой соломенной крышей. Окон в нем не было — лишь дверь, но Тераи смог различить во мраке два ряда туземцев; с одной стороны сидели вожди, вполне узнаваемые по их высоким, украшенным перьями головным уборам, гораздо более пышным, чем тот, что был на Кильно, с другой стороны — жрецы (этим головными уборами служили обсидиановые пластины). Один из жрецов при его появлении встал.

— Входи, чужестранец. Ты спас жизнь двум нашим соплеменникам, рискуя при этом своей собственной. Ты уважал наши законы и обычаи. Ты отдавал свою часть добычи деревенским женщинам и детям. Садись здесь!

Он указал на место между двумя вождями. Кильно поклонился и вышел на платформу перед дверью, встав там на часах. Между двумя рядами, на вымощенном камнем настиле, разводили костер; и Тераи с интересом заметил, что жрец получает огонь посредством трения одной деревянной палочки о другую, тогда как в повседневной жизни умбуру пользовались огнивом, сделанным из кремня и железного колчедана. В этот огонь набросали сухих листьев, и помещение быстро заволочло густым дымом, ароматическим и отвращающим. Тераи вдруг почувствовал, что ничего уже не соображает, перед его закрывшимися глазами начали проплывать один за другим красочные пляжи, которые мало-помалу сменялись фантастическими, невероятно яркими образами. Он снова пережил, словно в каком-то калейдоскопе, свои приключения на Офире II, более отдаленные земные воспоминания, другие, из прошедшего на Островах раннего детства; затем образы сделались бессвязными, абсурдными. Где-то глубоко в нем та часть сознания, что еще была способна мыслить здраво, волновалась, спрашивая себя, не является ли этот галлюциногенный дым смертельным ядом для его организма. Его заложенные уши едва улавливали, словно во сне, далекое заклинание, сходявшее с губ его спутников. Он не смог бы даже примерно сказать, сколько времени длилась эта церемония. Когда он вдруг резко пробудился, после того как его обдуло мощным потоком холодного воздуха, то увидел, что находится один в Священном Доме вместе с самым старым из жрецов и уже опустились сумерки. Пошатываясь, он попытался было встать, но умбуру жестом удержал его.

— Твоя душа говорила во время транса, но говорила она на твоём языке, и потому я не знаю, что ты сказал. Но это знают боги! Твое тело не сотрясали судороги, а значит, душа твоя чиста, и ты можешь вступить в нашу общину. Поднимись и ступай, умбуру! Так как отныне ты — такой же умбуру, как если бы вышел из живота одной из наших женщин!

Погруженный в раздумье, Тераи спустился по лестнице. Внизу, с пятью другими воинами, его ждал Кильно.

— Теперь ты — один из нас, Тераи. Пойдем, это нужно отметить!

В последующие дни он заметил, что туземцы приняли его «официальное», так сказать, включение в состав племени более чем всерьез. Раньше он полагал, что уже влился в жизнь умбуру, но теперь осознал, как же сильно на сей счет заблуждался. Отныне, когда он подсаживался к костру, будь то на центральной деревенской площади или же у одной из хибар, никто уже не переводил разговор на такие безобидные темы, как охота или рыбалка. Он услышал, как говорят о проблемах деревни, соперничестве между вождями, возможной войне с проживающим по ту сторону Ируандики племенем ихамбэ. Его теперь называли «Тераи-Икото», что означало «приемыш», но без того несколько уничижительного оттенка, который придают этому понятию на Земле. Среди всей этой информации наиболее интересной для него была та, которая касалась ихамбэ, так как он помнил, как Игрищев говорил, что именно ихамбэ являются ключом к этой части северного континента, а никак не умбуру, лишь одна немногочисленная ветвь которых продвинулась когда-то столь далеко на запад. Основная часть племени умбуру по-прежнему проживала примерно в четырехстах километрах к востоку от Порт-Металла. Как-то вечером, когда они сидели перед костром у его хижины, он сказал об этом Кильно.

- Вскоре мне придется покинуть вас, брат, и пересечь реку.
- Не делай этого, Тераи-Икото! Среди этих пуши тебя не ждет ничего хорошего!
- Почему вы их так ненавидите? Я слышал, они не слишком сильно от вас отличаются, у них почти тот же язык и обычаи, и...

Кильно плюнул в огонь.

— Да, много лун тому назад умбуру и ихамбэ были братьями — еще там, вдалеке, где восходит солнце. Но они последовали за мнимым пророком Уту на запад, и с тех пор между нами пролилось немало крови!

- Но вы же тоже ушли на восток!
- Позднее, и по другим причинам! Нас-то никто не изгонял!

— И что проповедовал этот мнимый пророк?

— Что не боги стоят у истоков всего, но что существуют силы природы, которые можно подчинить себе и использо-

вать. И что когда луны исчезают, это происходит не потому, что боги прячут их забавы ради, но потому, что что-то происходит между богом-солнцем и ними, закрывая их своей тенью...

Интересно, подумал Тераи, но вслух сказал:

— Ты-то это откуда знаешь?

— Мой старший брат Оито — жрец, он-то мне и объяснил.

— Когда жил этот пророк?

— Двадцать поколений тому назад. А ты что об этом думаешь, брат, ты, о котором говорят, что он сошел с неба?

— В том, что касается лун, боюсь, Уту был прав!

Настал день, который Тераи назначил себе для переправы через Ируандику. Никто из умбуру не пожелал сопровождать его — все они были уверены, что назад уже не вернуться. Кильно и Оэтаа прошли с ним до причала, у которого стояла его пирóга.

— В последний раз умоляю тебя, Тераи-Икото, не пересекать эту реку! Дождись весны, и мы вместе отправимся охотиться на этих пуши-ихамбэ!

— Я отнюдь не собираюсь охотиться на ихамбэ, Кильно! Я человек другой планеты, и, хотя вы приняли меня к себе и относитесь, как к одному из ваших, ваша война — не моя война. Вы можете просить меня обо всем, но только не об этом! Ваше дело, возможно, правое, но я не намерен превращать его в *мое* дело. Надеюсь, что я вернусь с новостями о том, что ихамбэ готовы заключить с вами мир, если вы согласны заключить мир с ними.

Кильно ухмыльнулся.

— Смотри, как бы они тебя не убили сперва! Мир с ними? Да никогда!

— Никогда — это довольно-таки долго, не находишь, брат? Пойдем, Лео, мы отплываем. До скорого.

И Тераи энергично заработал веслом. Добравшись до середины реки, он обернулся, чтобы бросить последний взгляд на деревню. На берегу не было ни души. Пожав плечами, он начал спускаться по течению Тиланики. Она протекала между пологими и лесистыми берегами, теперь уже, приближаясь к месту своего слияния с Ируандикой, довольно-таки медлен-

но. Ируандику Тераи увидел где-то через час с небольшим. По словам Кильно, деревня ихамбэ находилась на другом берегу, — до нее, опять же, если верить умбуру, было полдня сплава на пиро́ге вниз по реке. Спешить Тераи не стал. Он намеревался как следует осмотреться и лишь затем попытаться установить контакт. Существовала вероятность того, что ихамбэ известно о его пребывании у их врагов, и в таком случае первая встреча рисковала оказаться не самой приятной.

Помог ему случай. Ближе к вечеру, когда солнце отбрасывало на реку уже немного красноватый свет, он услышал приближающиеся к низкому и болотистому берегу крики и шум ломаемых ветвей. За счет нескольких широких гребков он подплыл ближе и через заросли камыша увидел с полдюжины довольно-таки высоких туземцев, раз за разом вонзавших во что-то свои длинные копья. Присмотревшись получше, Тераи идентифицировал это «что-то» как огромную змею, которая сжимала своими кольцами чуть более пожилого, чем его спутники, аборигена, — с выпученными глазами и широко открытым ртом, тот тщетно пытался разжать мускулистыми руками эти удушавшие его тиски. Тераи подхватил с днища пиро́ги самый мощный из своих карабинов, соскочил на берег и выстрелил. Попавшая точно в цель, пуля разорвала голову змеи на брызги крови и фрагменты костей и мозга. Обезглавленное тело конвульсивно задергалось, сбив с ног двоих туземцев и ослабив хватку на уже обмякшем теле.

Тераи не терял времени даром. Крикнув одному из ихамбэ, чтобы привязал к чему-нибудь пиро́гу, пока ту не унесло течением, он склонился над пострадавшим и тщательно ощупал его грудную клетку. На первый взгляд, ни одно из ребер не было сломано. Вероятно, отвлеченная атаками воинов псевдозмея — «болотный боа», как называли ее изыскатели — не успела применить всю свою силу. Тераи начал делать искусственное дыхание. Разъяренный рык заставил его обернуться. Устроившись на носу пиро́ги, Лео угрожал молодому ихамбэ, который, стоя по пояс в воде, пытался подтянуть лодку к берегу.

— Спокойно, Лео! Это друзья! По крайней мере, я на это надеюсь, — добавил он вполголоса, продолжая оказывать потерпевшему первую помощь.

Внезапно под его могучими руками грудь бедняги приподнялась сама по себе. Повернув туземца лицом к небу, Тераи увидел, что его глаза открылись, и в тот же миг почувствовал легкий укол — в спину ему уткнулся наконечник копья. Лео зарычал и прыгнул на берег.

«Если он сейчас бросится на них, нам конец», — подумал геолог. Вдвоем против шестерых, без оружия — карабин валялся на земле в метрах пяти от него, — даже несмотря на его собственную силу и силу Лео, у них было мало шансов.

— Не нападай! — крикнул он по-французски.

Лео в нерешительности остановился. Трое туземцев направили свои пики на него, еще трое — на Тераи. Лео зарычал, обнажив клыки, прижался к земле, готовый к прыжку.

— Не нападай! — повторил Тераи и поднял обе руки, ладонями вперед. — Я пришел с миром, — сказал он на ихамбэ.

— Габа умбуру, габа муну! — ответил один из туземцев. Тераи не составило труда понять: «Слово умбуру — слово обезьяны».

— Я не умбуру, а человек, явившийся из другого мира, сошедший с неба!

— Тогда почему же ты был с умбуру? Абеке видел тебя там!

— Потому, что боги пожелали, чтобы сначала я встретился с умбуру! Они живут между территорией ихамбэ и теми землями, на которых проживают люди неба!

Тот из воинов, что стоял ближе всех к нему, поднял копье.

— На небе нет людей! Сейчас ты умрешь!

— На небе гораздо больше чего бы то ни было, чем тебе кажется! И если тебе удастся меня убить, что будет не просто, остерегайся моего н'губу, — добавил он, кивнув в сторону Лео, которому, похоже, уже не терпелось вступить в бой. — Если ты тронешь меня, этим вечером в лагере ихамбэ будет стоять женский плач!

— Ээнко уже убил трех н'губу!

— Не таких, как этот, воин! Тебе еще не доводилось убивать н'губу, который понимал бы речь! Лео, — добавил он по-французски, — постереги-ка того, что лежит на земле!

Отпрыгнув вбок, Лео опустил на землю рядом со стариком, которому все никак не удавалось подняться, и положил

огромную лапу на его грудь, выпустив когти, но не надавливая. Ихамбэ в нерешительности попятился.

— Шестеро охотников против одного безоружного человека, — презрительно проговорил Тераи. — Так вот оно какое — пресловутое мужество ихамбэ, которое признают даже умбуру! Я проплывал по реке, увидел вашу тщетную борьбу с этой гадиной, сокрушил ее моим смертоносным оружием, спасая тем самым вашего товарища, а вы теперь хотите меня убить? Так вот, значит, какова она — благодарность ихамбэ?

— Ты — умбуру, — продолжал стоять на своем Ээнко.

— Ты когда-нибудь видел такого умбуру, как я? Умбуру, которого сопровождал бы понимающий речь н'губу?

— Нет, — признал воин. — Но ты говоришь, как умбуру!

— Позвольте мне пожить среди вас, и вскоре я заговорю еще и на прекрасном ихамбэ! Я вообще говорю на нескольких языках!

Лео испустил мягкий рык — пожилой туземец пытался подняться.

— Позволь ему, Лео!

И Тераи направился к старику, протянул ему руку. Встав на ноги, пострадавший повернулся к тому из воинов, который говорил с Тераи.

— Довольно, Ээнко! Этот человек — не умбуру! Он спас меня, и я, Охеми, ваш вождь и твой отец, окажу ему все гостеприимство ихамбэ!

Деревня ихамбэ сильно отличалась от поселения умбуру. Ее составляли не деревянные домики, но одни лишь шатры из выделанных шкур (аналогичные тем, в которых некогда проживали индейцы североамериканских прерий), служившие обиталищем в теплое время года. Зимой ихамбэ жили в обустроенных пещерах, коими был изрыт известковый утес на восточном берегу небольшого правого притока Ируандики, на которой и стояла деревня. На первый взгляд, именно поэтому ихамбэ казались менее продвинутыми в материальном плане, чем их враги, по крайней мере, в том, что касалось жилищ. Что до остальной «материальной» цивилизации, то уровень был вполне сопоставимый: оружие из тщательно

обработанного камня и твердого дерева, каменные же инструменты. Их луки были рефлекторного типа, с двойным изгибом, меньших размеров, более легкие, но одновременно и более мощные, чем луки умбуру. Тераи быстро выучил их язык, действительно очень похожий на тот, на котором разговаривали на другом берегу реки. Верований, правда, они придерживались немного иных. Боги у них были еще более непонятные, чем у умбуру, за исключением Антафаруто, бога смерти (Антифорато — у умбуру), но их магические обряды показались Тераи более сложными и развитыми. Они верили в некую упорядоченность природы, на которую мог влиять тот, кто знал слова и жесты, необходимые для воздействия на дух воды, огня, ветра или земли.

Сначала подозрительные и даже враждебные — потребовалась вся власть Охеми, парочка демонстраций силы Тераи и присутствие Лео, — ихамбэ постепенно привыкли к нахождению геолога среди них, но в течение нескольких месяцев ему приходилось общаться лишь с самим вождем, его старшим сыном Ээнко и сестрой последнего, красавицей Лаэле, которая в первые же дни сдружилась с Тераи и принялась обучать его языку.

Лаэле была высокой и прелестной девушкой лет семнадцати, которая выглядела бы совсем как земная женщина, если бы не слишком мелкие зубы, часто обнажавшиеся в улыбке. Ко всему новому и неизведанному она испытывала буквально-таки ненасытное любопытство, над которым часто подтрунивал ее брат и за которое ее порой порицал отец. Как только Тераи стал способен поддерживать мало-мальски содержательный разговор, она засыпала его вопросами о нем самом, о Лео, о его путешествиях, об умбуру (эти последние вопросы вызвали крайнее раздражение у Охеми), о Земле и о звездах. Она быстро завоевала доверие Лео, который с видом несказанного удовольствия позволял ей почесывать себя за ушами — к величайшему удивлению Тераи, которому было прекрасно известно, до какой степени его лев независим и недоверчив. Ни Кильно, ни Оэтаа приручить Лео так и не удалось.

Мало-помалу Тераи вписался в жизнь племени, как это чуть раньше произошло и у умбуру. Благодаря его физической силе, его достоинствам охотника, его ужасному оружию, тому

престижу, наконец, который придавало ему присутствие Лео, недоверчивость к нему ихамбэ постепенно рассеялась, уступив место сначала обычному признанию, затем все более и более тесным узам дружбы с различными воинами. Перелом в этих отношениях произошел спустя полгода после его прибытия.

Он сидел на скале, разговаривая с Лаэле и еще несколькими юношами и девушками. Уже стемнело, большой костер полыхал в центре образованного шатрами туземцем круга. Минутами десятью ранее их покинул Ээнко, отправившийся на совет вождей, собравшихся в одной из пещер. Тераи рассказывал о своих приключениях на Офире II, приводя в неописуемое восхищение слушателей, которым трудно было представить, что существуют и другие миры помимо того, что находится здесь, под их ногами. Тихий, словно тень, в свете огня возник какой-то охотник.

— Тераи, Совет желает тебя видеть, — сказал он.

Немало озадаченный, геолог поднялся на ноги. Уж не означает ли это, что сейчас он будет принят окончательно и бесповоротно? Или же... Впрочем, что гадать? Сейчас будет видно! Охотник довел его до входа в самую северную из пещер.

— Входи, — сказал он. — Я должен остаться здесь.

Тераи вошел. Пещера оказалась небольшой и темной — обычным узким проходом, в котором ему, широкоплечему мужчине, приходилось держаться бочком. Он взял факел, вставленный в одну из щелей, зажег его и двинулся вперед. Пройдя с полсотни шагов, он увидел перед собой слабый свет, затем грот внезапно расширился в зал с низким потолком, шириной метров в десять, не больше. Охеми, Ээнко и шестеро других вождей сидели кружком на песке у небольшого костра, дым от которого выходил через расселину в потолке.

— Садись, — скомандовал Охеми, указывая на свободное место рядом с собой. Тераи повиновался. Вожди хранили ледяное молчание, что навело его на нехорошие мысли. Наконец заговорил Ээнко.

— Человек из другого мира, мы дали тебе еду и кров. Ты спас моего отца, разделял с нами опасности охоты, сидел у наших костров, участвовал в работах нашего народа. Но прежде чем стать одним из ихамбэ, ты должен пройти последнее испытание. Готов ли ты сражаться на нашей стороне?

Проклятые умбуру — да заберет их Антафаруто! — с каждым днем становятся все более и более дерзкими. С десятков их воинов вчера пересекли Ируандику, убили одного охотника и похитили трех женщин из деревушки Ние, расположенной в двух днях пути вверх по течению отсюда. Тилен, — он указал пальцем на мужчину, сидевшего на корточках в тени, — бежал весь день, чтобы сообщить нам эту новость. Выступишь ли ты с нами — ты, твоё смертоносное оружие и твой друг лев? С тобой мы, несомненно, одержим победу вскоре после того, как пересечем, в свою очередь, реку. Без тебя мы тоже победим, но уже заплатив гораздо бóльшую цену. Будут погибшие среди ихамбэ, и женщины долго еще будут плакать! Что ты на это скажешь?

Тераи почувствовал, как на лбу у него выступил пот. Вот-вот должно было случиться то, чего он боялся с самого начала.

— Ты требуешь от меня слишком много, Ээнко! Умбуру, которые живут на том берегу, — тоже мои братья, и ты это знаешь! Они также принимали меня у своих костров. Мое сердце обливается кровью при мысли о том, что ты, Ээнко, убьешь Кильно или падешь от его руки. Почему бы вам не заключить мир? Дичи полным-полно как на этом берегу реки, так и на том. Оставьте южный берег умбуру, и пусть они оставят вам северный!

— Кровь нашего брата, убитого вчера вечером, требует возмездия, и наши похищенные женщины заливаются горькими слезами в лагере умбуру!

— Если хочешь, я сам пересеку реку, повидаясь с Кильно и договорюсь с ним о том, чтобы он вернул вам женщин. Что же до убитого воина... разве тебе самому не доводилось убивать умбуру?

— Ты отказываешься нам помочь, и это при том, что мы оказали тебе самый сердечный прием!

В груди у Тераи уже вскипала ярость. Он встал и распрямился во весь рост, едва не задев головой потолок.

— Правда, Ээнко, заключается в том, что ты встретил меня направленным на меня копьем, в то время как я спас твоего отца, здесь присутствующего! И если бы не он, одному Антафаруто известно, что бы случилось! И тебя, Броль, —

продолжал он, указав пальцем на одного из вождей, — я тоже спас, остановив моим смертоносным оружием того биштара, который едва не затоптал тебя в период гона! Вспомни и ты, Бикор, как я вытащил тебя из грязи зыбкого болота, в котором ты увяз! А тебя, Рофе, не окажись рядом Лео, сожрал бы н'губу, следовавший за тобой, тогда как ты его даже не заметил! Полагаю, я был верным другом всем ихамбэ! И я хочу таковым остаться. Но я не буду помогать вам в вашей войне!

— Но почему? Ты ведь не трус, и нам это известно!

— Потому, что любая война абсурдна, и даже не будь она такова, ваша война — не моя война! Я явился в этот мир не для того, чтобы убивать людей. Я хочу сохранить дружеские отношения с умбуру так же сильно, как желаю остаться другом и вам, и я постараюсь остановить эту дурацкую бойню, если смогу! В истории моего собственного мира было слишком много войн и крови. Здесь же я хочу сохранить руки чистыми. Если вы меня отвергнете за это, я уйду, преисполненный печали, но сохранив мое дружеское к вам расположение. Но это самое большее, что я могу сделать!

— Если ты не наш союзник, значит, ты наш враг, и...

— Тихо! — отрезал Охеми. — Я понимаю, что хочет сказать Тераи, я, который после того как умбуру убили моих родителей, был подобран бихуто и прожил немало лун с ними, прежде чем смог воссоединиться со своим народом. Я бы тоже отказался поднять оружие против бихуто. Так и быть, Тераи. Мы не станем больше требовать от тебя сражаться на нашей стороне, но если этот наш поход состоится, сможешь ли ты защитить наших женщин и детей от хищников или людей, пока наши воины будут на том берегу?

— Конечно, Охеми. Это я сделаю.

— Да будет так!

Ихамбэ отсчитывали время по фазам Антии, самой крупной из лун, и в течение следующих трех лунных месяцев все было тихо и спокойно — не происходило ровным счетом ничего необычного. Тераи уже начал надеяться, что от военного плана решено было отказаться. После нескольких дней холодной отстраненности Ээнко предложил геологу

поохотиться вместе на н'губу, и, при помощи Лео, они от-
слежили и уложили парочку этих хищников, поразительно
похожих на земных тигров, с той лишь разницей, что у н'губу
на оранжевом шерстном покрове черные полосы встречаются
лишь изредка. В деревню они триумфально вернулись с вос-
хитительными «шубами», и Тераи преподнес свою Лаэле — та
с радостью ее приняла и еще долго пребывала на седьмом
небе от счастья! Ээнко с ухмылкой наблюдал за всей этой
сценой, спрашивая себя, знает ли Тераи значение только что
сделанного им жеста: предложение вступить в брак — и от-
вет: да, я согласна.

Но ихамбэ все же не отказались от своего возмездия —
просто они готовили его самым тщательным образом. Не-
сколько раз собирался совет вождей, дважды в нем при-
нимали участие вожди деревушки Ние и других поселений.
По ночам воины скрытно грузились на быстрые пиро́ги
и уплывали в направлении противоположного берега. К'ту,
лучший во всем племени кремнетес, проводил свои дни за
разбиванием камней и преобразованием пластин и отщепов
в кинжалы, наконечники копий, дротиков и стрел. Наконец,
как-то утром, Охеми вызвал Тераи к себе.

— Этой ночью, значительными силами, мы пересечем
реку. Я беру с собой всех воинов, которым уже доводилось
сражаться. Оставляю лишь неопытных юнцов, которые были
бы там скорее помехой, нежели подмогой... Мы атакуем и со-
жжем деревню, которая находится вон там.

Его вытянутая рука указывала на юго-запад. Тераи облег-
ченно выдохнул: деревня его друзей-умбуру располагалась
значительно восточнее.

— Молодежь, которая останется здесь, получила приказ
подчиняться тебе, как мне самому. Не позволяй им уходить
далеко, держи в пределах видимости. Если понадобится, тебе
помогут старейшины.

— Хорошо. Но я бы предпочел, чтобы ты отказался от
этой войны, Охеми.

Вождь вознес руки к небу.

— Между нами — я тоже ее не хочу! Но ихамбэ — свобод-
ный народ, и власть вождя — не безгранична. А уж потом он
должен идти со всеми, если хочет остаться вождем.

В кромешной ночи войско ихамбэ, несколько сотен голов, тихо погрузилось на пиро́ги и отплыло. Накануне весь день тайком прибывали и прятались в гротах воины из других деревень. Тераи долго еще оставался на берегу реки. Когда возшла Антия, самая крупная из лун, на волнах уже ничего не было видно.

Следующий день прошел без происшествий. Юнцы строили из себя храбрецов, заявляя каждому, кто хотел их послушать, что, если бы только они могли принять участие в этом походе, каждый убил бы как минимум с полдюжины умбуру. Впрочем, можно было не сомневаться: сердцем они и сами понимали, что против зрелых и опытных воинов у них практически не было бы шансов. Их взгляды часто обращались в сторону Тераи, ходившего теперь по деревне с двадцатизарядным карабином через плечо. Восхищенными голосами они рассказывали друг другу, как из этого ужасного оружия он с шестидесяти шагов застрелил несшегося на Броля биштара. Вечером Тераи расставил по краям лощины и даже на скале часовых, но ночь прошла спокойно.

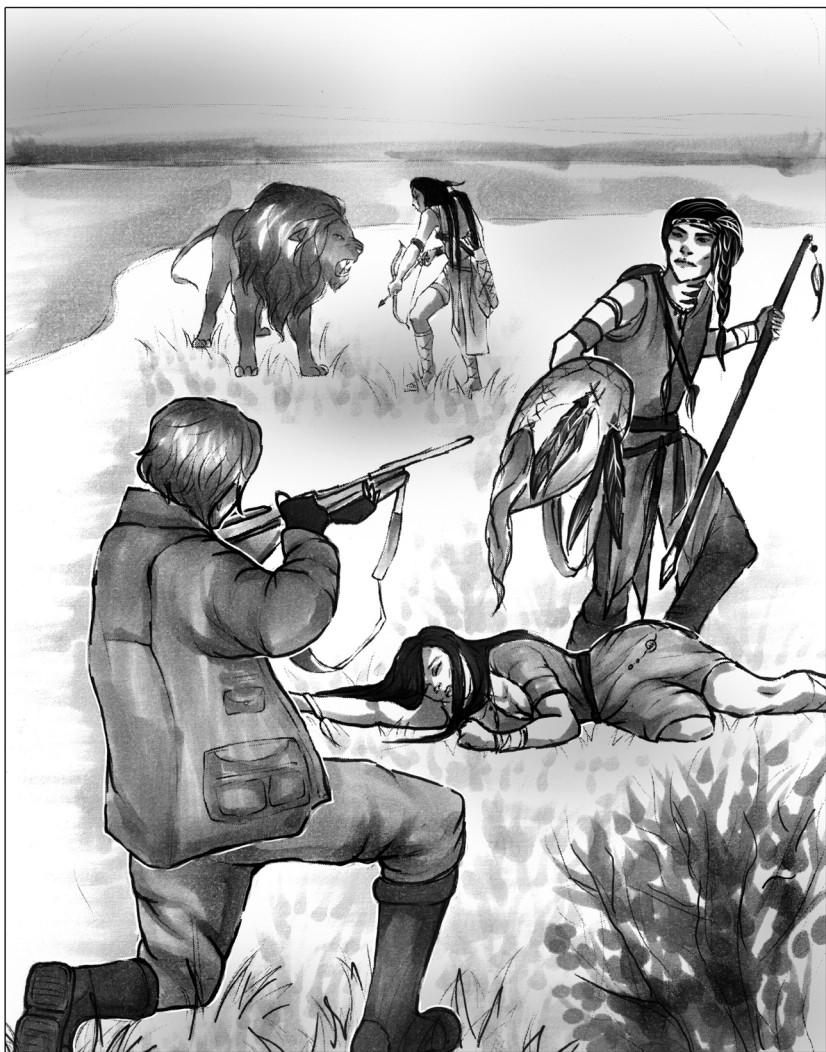
На следующий день, часа в четыре пополудни, в который уже раз призвав часовых не терять бдительности, Тераи поднялся на вершину изрытой гротами гряды скал и прошелся по противоположному берегу своим мощным биноклем. Ничего, за исключением столба дыма, поднимавшегося клубами где-то далеко-далеко на юго-западе: судя по всему, ихамбэ преуспели в своем стремлении сжечь деревню. Разок ему показалось, что он заметил парочку силуэтов, крадущихся между деревьями на том берегу, но полной в этом уверенности у него не было. Чуть позже он увидел вдалеке на востоке пиро́гу, скользящую по реке усилиями трех гребцов.

Медленно подступил вечер. Солнце залило горизонт багровым светом. Тераи спустился в деревню. Там, вместе с двумя вооруженными юношами, его ждала Лаэле.

— Тераи, мне нужны плоды бахалмэ для твоего ужина.

— Сегодня, Лаэле, я вполне обойдусь и без бахалмэ! Из лагеря никто не выйдет!

— Но это совсем рядом, вон там, посмотри, на берегу, — возле того высокого дерева!

Он прикинул на глаз расстояние: метров сто, за небольшой изгородью из сучьев и хвороста. Едва ли это было опасно.

— Ну давай, только быстро. Ступай вместе с товарищами. Лео, ты с ними, и если что-то заметишь, сразу же возвращайся и скажи мне!

Он смотрел, как они удаляются, исчезают за изгородью. Внезапно он ощутил беспокойство. Эта пирóга... Ба! Лео один сто́бит троих, а с ним еще двое воинов, пусть молодых и неискушенных, но все же весьма крепких. Да и ничего в кустах не может ускользнуть от глаз или ушей Лео.

Внезапно Тераи хлопнул себя огромным кулаком по лбу. Дурак! Трижды дурак! Он забыл предупредить Лео, что умбуру теперь могут оказаться врагами! Он побежал со всех ног, зажав карабин в руке. До него донесся рык Лео — удивленно-раздраженный. Один из юношей прорвал изгородь, следом за ним, отчаянно пытаясь спастись, неслась Лаэле. Их преследовали двое, двое умбуру — с боевым раскрасом на лицах и большим пером в волосах. Затем появился Лео, подобрался, прыгнул и сбил одного из умбуру с ног. Второй настиг Лаэле, схватил за развевающиеся на ветру длинные волосы и бросил на землю. Занеся над девушкой копье, он повернулся лицом к Тераи, который вдруг замер как вкопанный.

Боже мой! Кильно!

— Остановись! Не надо! — прокричал Тераи на умбуру.

Молодой умбуру посмотрел на него, и лицо туземца искажил триумфальный оскал. Державшая копье рука оттянулась назад, уже готовая ударить. Ружье Тераи, словно само по себе взлетевшее к плечу, ухнуло дважды. Высоченный умбуру неуклюже взмахнул руками, выронил копье, упал навзничь, перекатился на бок и затих. Оторопевший, бледный как мел Тераи пристально смотрел на свои сжимавшие ружье руки, руки, которые в кровавых лучах заката ему вдруг тоже показались окрасившимися в красный цвет.

ЛЪВЫ ЭЛЬДОРАДО

LA VERMINE
DU LION

1967

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ЭЛЬДОРАДО

глава 1 Порт-Металл

— Прибыли, мисс Хендерсон!
— Могли и не говорить. Я это и сама уже почувствовала.

С лица молодого лейтенанта сползла любезная улыбка.

— Право же, мисс, пусть мы и не смогли обеспечить вам тот уровень комфорта, к которому вы, вероятно, привыкли, однако же «Сириус» хороший корабль, и если гравитрон в последний миг не сработал, то определенно не по нашей вине... Такое иногда случается.

— Даже с самыми большими межзвездными пассажирскими судами? Знаю. Но это всего-навсего означает, что и на лучших линиях попадают неумелые механики.

Офицер покраснел, напрягся.

— Как скажете, мисс. Я сейчас пришлю за вашим багажом. Оставшись одна, Стелла Хендерсон недоуменно пожала плечами. Какая муха ее укусила? С чего это она так накинулась на бедного Хопкинса? Он как мог старался скрасить

ей бесконечный сорокадневный перелет от Сеана IV до этой затерянной планеты звезды Ван Пап! Как-никак, ведь только от нее зависело, будет ли путешествие приятным... для него.

Эльдорадо. Планета 6143 типа G.C. Расстояние от Солнца 22 500 световых лет. Третья планета какой-то звезды типа G.O. Масса, диаметр... Все это она уже позабыла; помнила лишь, что планета немного крупнее Земли, с ускорением свободного падения 1,05 g, густой атмосферой, чуть более богатой кислородом. Впервые обнаружена экспедицией Ван Папа в 2161 году. Гуманоидные аборигены, стоящие к человеку ближе всех известных инопланетных рас. Примитивные стадии цивилизации, местами приближающиеся к цивилизации древних ассирийцев, но в целом не выходящие за пределы каменного века. Оставшаяся забытой вплоть до 2210 года, когда экспедиция Клемана-Когсвелла во время своего короткого на ней пребывания обнаружила богатейшие запасы золота, редких металлов и алмазов, благодаря чему планета и получила то название — Эльдорадо. Вскоре на ней возник рудный поселок, созданный Международным металлургическим бюро, директором которого был ее отец, Джон Хендерсон.

Вошедший стюард взял ее чемодан из рыжевато-коричневой кожи и саквояж. Обведя последним взглядом узкую каюту, она убедилась, что ничего не забыла, и последовала за ним.

На платформе высадки пассажиров, ослепленная ярким светом, она была вынуждена прищурить глаза и на мгновение приостановиться. Белый от солнца бетон аэропорта простирался до жалких бараков таможни и санитарного контроля, а дальше к востоку сразу начинался лес, взбегавший зелеными и пурпурными волнами по склонам высоких гор со снежными вершинами.

— И где же этот Порт-Металл? — спросила она стюарда.

— Позади нас, мисс. Звездолет загораживает от вас город. Правда, там и загораживать-то особенно нечего. Прошу вас, следуйте за мной — нужно выполнить кое-какие формальности. Но у нас всего трое пассажиров, так что много времени это не займет.

— А сколько в Порт-Металле жителей?

— Тридцать пять тысяч, мисс. Если прибавить к ним двести — триста изыскателей и четыре с половиной тысячи рудокопов, то, выходит, земная популяция Эльдорадо составляет не более сорока тысяч. Впрочем, я слышал, скоро все это изменится, если ММБ получит лицензию на неограниченную эксплуатацию планеты.

— И здесь есть таможня? Ради нескольких пассажиров?

— Не для тех, кто прибывает, мисс. Но при отлете багаж тщательно осматривается — из-за алмазов. Вас же ждет лишь санитарный контроль и небольшой разговор с полицией.

Медицинский осмотр свелся к пустой формальности. Невзрачный и усталый врач бросил рассеянный взгляд на ее справки о вакцинации и жестом указал на дверь. Зато дежурный полицейский оказался молодым мужчиной, и, быть может, потому, что ему редко приходилось видеть красивых пассажиров, отпустил ее не сразу.

— Хендерсон, Стелла Джейн, двадцать четыре года, рост сто семьдесят три, волосы светлые, глаза зеленые. Так, это совпадает. Профессия — журналистка. Хм, хм! Вы случайно не родственница Большого Босса?

— Кого-кого?

— Большого Босса. Джона Хендерсона из ММБ!

— И вы думаете, будь оно так, я прилетела бы сюда на такой развалине, как «Сириус»?

— Нет, конечно! Цель прибытия?

— Репортаж об Эльдорадо для «Межпланетного обозрения».

— Эльдорадо? Ах да, таково же официальное название, действительно! Я его почти уже забыл. Мы здесь называем эту планету Дэвил, Дьябль-вер, Тойфель, Черт — все зависит от национальности человека. Но в любом случае поминается дьявол. Эльдорадо! Да, полагаю, это и есть Эльдорадо для тех, кто мечтает о хrome, вольфраме, бериллии, цирконии, празеодиме, родии, тантале, самарии или просто о золоте или платине!

— А вы неплохо разбираетесь в химии — для сотрудника-то полиции!

— Здесь, мисс, все только и говорят, что о металлах! Это единственная тема для разговора, да вы и сами убедитесь...

задолго до того, как окончится срок вашего контракта и придет время вернуться в цивилизованный мир.

— Исходя из того, что я видела, пока мы ожидали на орбите, у меня, напротив, сложилось впечатление, что Эльдорадо — планета весьма приятная. Леса, широкие равнины, реки, моря, пригодная для дыхания без масок атмосфера...

— Да, разумеется. Эльдорадо и было бы приятным... будь оно действительно колонизировано. Но мы находимся в самом конце межпланетной трассы четвертого порядка, и к нам, в этот богом забытый уголок Галактики, лишь изредка прибывают звездолеты, да и то в основном грузовые! И это несмотря на то, что теперь мы можем сами производить машины для шахт и обогажительных фабрик... Землю интересует только одно: сколько тонн металла можно выкачивать отсюда каждую неделю!

— Я уже могу идти?

— Да, все в порядке. Интересно, что вы надеетесь здесь найти? Впрочем, это ваше личное дело... Вы уже заказали номер в гостинице?

— Да, в «Мондиале».

— Это единственная приличная. Возможно, у ворот вы найдете такси. Если же нет, возвращайтесь сюда. Через полчаса я поеду в город и подброшу вас на полицейской машине.

— Спасибо. Надеюсь, мне не придется вас утруждать.

— Буду только рад, мисс.

«Мондиаль», самый большой отель Порт-Металла, где-нибудь на Земле, в Нью-Йорке, Чикаго, Лондоне, Токио или Париже, в лучшем случае мог бы сойти за третьеразрядную гостиницу. Однако поскольку его клиентура состояла в основном из инженеров или редких представителей ММБ, здание содержалось в образцовой чистоте. В холле пожилой усатый администратор попросил ее заполнить карточку. Номер выходил окнами на главную улицу Порт-Металла и, хотя не отличался особой роскошью, имел, тем не менее, ванную, гостиную с радиоприемником и телефоном и широкий балкон. Отель стоял в самом конце улицы, на вершине холма, и потому из окна было хорошо видно беспорядочное нагромождение крыш, которое обрывалось у черных линий,

знаменовавших собой широкие перпендикулярные улицы, окаймлявшие корпуса заводов ММБ. За длинными низкими зданиями, над которыми вздымался лес труб и соединенных паутиной проводов металлических опор, смутно различались озеро и река. Еще дальше, позади квадратов возделанных полей, начинался лес, поднимавшийся до второй цепи гор, бежавшей параллельно той, которую она мельком видела при прибытии. В целом Порт-Металл производил впечатление жалкого временного, непостоянного, незаконченного и выстроенного абы как поселка, существующего только благодаря массивной громаде заводов. Железнодорожная ветка, ведущая к рудникам, прорезала лес и быстро терялась среди голубоватых холмов; по ней беспрестанно проползали длинные серые гусеницы поездов с рудой, но заметить их можно было только благодаря тому, что они двигались.

Стелла взглянула на часы: половина седьмого. До ужина, который подают в восемь, она еще вполне успеет побродить вокруг отеля. По прибытии в незнакомый город ей нравилось тотчас же окунуться в его атмосферу. Через несколько часов будет уже поздно, уже начнется адаптация, и впечатления утратят свою свежесть.

Она вынула из чемодана маленький пистолет, стреляющий иглами: на тридцать метров он бил с завидной точностью. Затем зарядила его, долго не решаясь выбрать между красными иглами, смертельными при малейшем уколе, и синими, только парализующими. В конце концов она остановила свой выбор на синих и, вставив обойму, опустила пистолет в карман полотняных брюк.

Стелла была уже в дверях гостиницы, когда ее окликнул администратор:

— Мисс Хендерсон!

Она недовольно обернулась:

— Да?

— Вы хотите выйти?

— Как видите.

— И вы пойдете одна?

— Разумеется!

— Простите, может, вам покажется, что я вмешиваюсь не в свое дело, но в таком случае я бы посоветовал вам не

уходить от отеля дальше, чем на четыре квартала. К тому же, всё, что здесь есть интересного, находится в этом периметре.

— Вот как? Так в городе бывает опасно?

— Обычно — нет, по крайней мере, не в светлое время суток. Но сегодня у нас третье июля. Это годовщина открытия планеты, праздник изыскателей. В общем-то, все они неплохие ребята, но наверняка напьются, и встреча с ними для молодой девушки не сулит ничего приятного, особенно если она наткнется на целую ораву.

— Скажите на милость! А мне как раз с ними и было бы интересно встретиться. Знаете, я ведь журналистка, и это мое ремесло — рисковать, добывая для наших читателей занимательный материал.

— Как хотите, мисс, но предупредить вас я должен.

— Благодарю. К тому же, я вооружена и отлично стреляю.

Она вытащила из кармана небольшой пистолет и положила на стойку регистрации. У администратора округлились глаза.

— Иглопистолет! А разрешение у вас имеется?

— Конечно! Ладно, до скорого, и за меня не волнуйтесь. Я бывала в местах и похуже этой вашей шахтерской дыры.

— В этом, мисс, я сомневаюсь.

Солнце висело еще высоко над горизонтом, и до конца дня, который длился здесь почти столько же, сколько и на Земле, оставалось добрых четыре часа. Людей на улицах было немного, что, впрочем, являлось обычной ситуацией для жилого квартала небольшого промышленного городка. Вокруг отеля располагалось несколько магазинов, гораздо более приличных, чем можно было ожидать, и многочисленные конторы различных компаний, покупавших у ММБ редкие металлы. У дверей контор вперемешку с вездеходами и амфибиями стояло несколько роскошных автомашин. Парочка пешеходов, несколько играющих на тротуарах детишек да бродячие псы — неизбежные спутники колонистов на чужих примитивных планетах.

Стелла спустилась по главной улице, названной улицей Стивенсона в честь бывшего директора компании. Через четыре квартала она расширялась в круглую площадь, за

которой начинался рабочий район с жилыми домами и довольно-таки подозрительными барами. Здесь машин почти не встречалось, зато пешеходов было уже гораздо больше, а лотки продовольственных лавчонок, вокруг которых толпились женщины с корзинами, заканчивались аж на тротуарах.

«И стоило идти так далеко, чтобы увидеть подобное зрелище, — подумала она. — Да такое встретишь в любой, даже самой убогой деревушке Центральной Африки!»

Внимание ее привлекли громкие крики. Вверх по улице быстро шел человек, а за ним, ухая и бросая в него камнями, бежала толпа мальчишек. Человек явно спешил от них уйти, но шагал прямо, словно не замечая преследователей.

— Ху! Ху! Обезьяна! Ху! Ху! — распевали дети.

Человек поравнялся со Стеллой, и она впервые увидела наяву аборигена Эльдорадо.

Высокий, широкоплечий, с очень длинными и тонкими голыми ногами, высовывавшимися из-под своеобразного кожаного пончо, коим было покрыто его тело, он держал голову прямо. Стелла едва успела разглядеть худое лицо с узким орлиным носом и черными, глубоко посаженными глазами, тонкогубый рот до ушей, но уже через пару мгновений он свернул в боковой переулок.

— Это что, туземец? — спросила она у какой-то толстухи, покупавшей расфасованное в целлофан мясо.

— Конечно, один из них! Обезьяна, да и только.

И толстуха с презрением плюнула на тротуар.

Стелла была в замешательстве. Ей уже приходилось встречаться с жителями других планет. Их странные формы ее не шокировали. Ей казалось естественным, что у аборигенов Бельфегора IV шесть рук и четыре ноги, а у туземцев Мероз вместо носа хватательный хобот, как у слона. Но этот эльдорадец выглядел настоящим человеком, и тем не менее организм его до последней клетки был результатом совершенно иной эволюции, на чужой планете, под чужим солнцем. Еще до отлета она выяснила, что эльдорадцы внешне необычайно похожи на людей, даже просмотрела несколько фильмов, однако до этой встречи она даже представить себе не могла, что сходство окажется столь велико. Стелла почувствовала, как в ней пробуждаются глухие расовые инстинкты, и поняла,

почему простой люд Порт-Металла называет этих существ обезьянами.

Она вернулась в отель, наскоро поужинала и принялась расспрашивать старого администратора, польщенного ее вниманием.

— Вы давно здесь?

— Двадцать лет, мадемуазель. С 2214 года. Я был мастером на заводе, когда еще не ввели все эти автоматические штуковины! Нас тогда человек сто там работало, не больше! Это было еще во времена мсье Дюпона, еще до того, как нами заинтересовалось ММБ. А потом я вышел на пенсию. Вернуться на Землю? Да ну! Я слишком давно ее покинул, теперь уже у меня там никого и не осталось.

— Вы, наверное, знаете здесь каждого?

— Почти каждого, мисс, почти каждого...

— Я повстречала туземца... Часто их можно увидеть на улицах?

— Нет, теперь уже реже. Никто им не запрещает являться в город, но им дают понять, что это нежелательно. Ни в одном баре им не подадут выпить — штраф слишком велик, — да и в магазинах их встречают неласково, даже если у них есть деньги. Тот, которого вы видели, должно быть, проводник какого-нибудь изыскателя, вернувшегося в Порт-Металл вместе с ним. Некоторые изыскатели подружились с отдельными племенами — по их словам, это облегчает им работу. Есть и такие, что даже сожительствуют с туземками...

— Фу!

— О, некоторые из них очень красивы, если вы сможете переносить их запах.

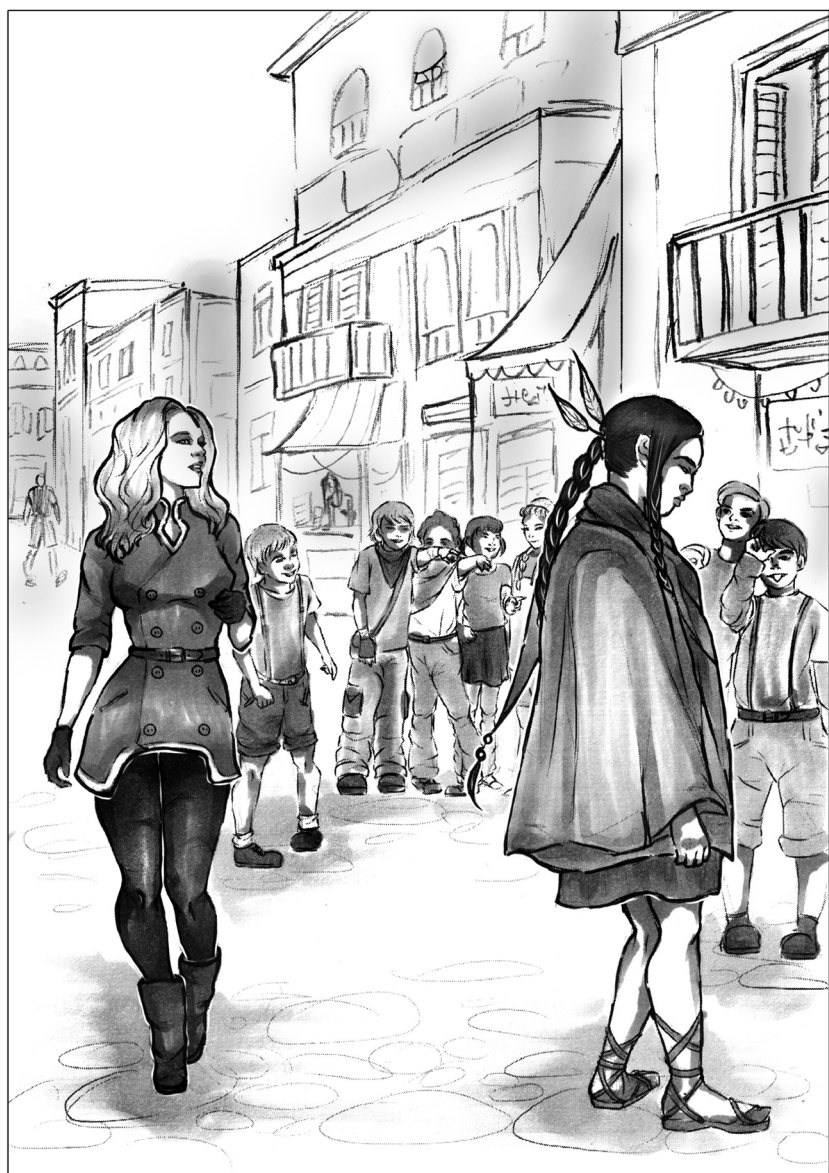
— А что, они дурно пахнут? — спросила она насмешливо.

— Дурно? Вовсе нет. Скорее необычно.

— Ну, это я и сама увижу, поскольку эльдорадцев мой репортаж также касается. Кстати, один мой знакомый, там, на Земле, посоветовал мне встретиться здесь с неким Лапрадом. У него еще такое забавное имя... Тераи? Кажется, так.

— Лапрад? Я его знаю. Вот только не советовал бы вам с ним связываться.

— Кто он такой? Изыскатель? Бандит?

— Ни тот, ни другой. Он геолог. Единственный здесь, который ни в чем не зависит от ММБ. У него своя контора на улице Стивенсона, буквально в нескольких десятках метров от нашей гостиницы, но он там бывает редко. Этот человек и впрямь знает туземцев лучше всех. Но он со странностями. Метис — помесь француза бог знает с кем, и обычно он прогуливается вместе со львом, который только с виду похож на льва, — огромный зверюга, вроде как понимающий человеческую речь...

— Сверхлев? Я думала, они все погибли в пожаре на Торонтской биологической станции, сожженной фундаменталистами во время мятежей 2223 года!

— Лапрад прибыл сюда в 2225, девять лет назад. Сразу же ушел в глубь материка, и его не видели здесь три года. Все уже думали, что он погиб. Затем он вернулся. В то время ММБ еще не имело монополии на разработку рудных месторождений. Он им продал свою заявку, причем очень дорого — но это и сейчас самый богатый рудник, — и открыл контору по геологическим консультациям. ММБ всегда обращается к нему, когда нужно произвести изыскания на равнинах по ту сторону от гор Франклина. Тамошние туземцы не похожи на здешних — они более дикие, более могущественные и не слишком жалуют землян. Но Лапрад, поговаривают, стал кровным братом нескольким их вождям.

— Послушать вас, так это просто потрясающий тип! Сколько ему лет? И почему вы не советуете мне с ним связаться?

— Потрясающий не потрясающий, но уж точно необычный! Ему сейчас лет тридцать пять, наверное. Но человеком, который заслуживает полного доверия — особенно со стороны женщин, — я бы его не назвал. Он многим здесь не нравится — как по этой причине, так и потому, что любит якшаться с туземцами.

— А где его можно найти? Могу я ему позвонить сегодня и договориться о встрече?

— Нет-нет, только не сегодня! Сейчас он, должно быть, обходит все бары подряд со своими друзьями-изыскателями. Завтра, вероятно, будет в конторе. Во всяком случае, вчера он там был. Вам повезло, так как теперь он появляется

в Порт-Металле все реже и реже, да и задерживается всего на несколько дней.

— Сейчас нет еще и девяти. Вы не подскажите мне, в каком баре он обычно бывает?

— Обычно он начинает и заканчивает отмечать свой профессиональный праздник в «Черной Лошади». Но вам там появляться нельзя! Этот притон не место для девушки, особенно в такую ночь!

— Для девушки — возможно. Но только не для журналистки! Где этот бар?

— Улица Кларион, пятьдесят шесть. Но послушайте меня...

— Нет, это вы послушайте! Я подозреваю, что вы просто наводчик этого мсье Лапрада. Вы пробуждаете во мне жгучее любопытство, делаете вид, что пытаетесь отговорить меня от встречи с ним, и в то же время даете мне все необходимые сведения и адреса. Но все равно — спасибо.

Она щелкнула пальцами перед носом совершенно растерявшегося администратора и вышла.

Улица Кларион оказалась темным переулком с наспех положенной во время строительства городка мостовой, которая сейчас была вся в колдобинах и выбоинах. Ряды темных домов, на которых лишь кое-где мерцали светящиеся вывески баров или низкопробных заведений, тянулись, насколько хватал глаз. Стелла шла быстро, сжимая в кармане рукоятку пистолета: она по собственному опыту знала, что, если будешь озираться и медлить, в таком месте к тебе наверняка пристанут. В одном из темных переходов чья-то рука схватила ее за левое предплечье, но она сбросила ее с себя резким ударом карате.

Отыскать «Черную Лошадь» оказалось нетрудно. Под названием бара, написанным по-французски, красные люминесцентные трубки на вывеске изображали едва держащуюся на ногах лошадь, которая, оскалив зубы и запрокинув голову, жадно пила из огромной бутылки. Крупная шишка на ее глотке, судя по всему, символизировала тот достойный Гаргантюа глоток, который она только что сделала. Стелла достаточно хорошо знала французский язык, чтобы понять

каламбур: по-французски «Черная Лошадь» означала «лошадь, пьяная в хлам».

Двойная дверь бара отворялась в обе стороны, как в ковбойских фильмах трехсотлетней давности, и сейчас еще популярных на Земле. Она толкнула обе створки и вошла.

Бар поразил ее своей тишиной. Зал был довольно хорошо освещен, хотя и затянут табачным дымом. У многочисленных игровых автоматов, выстроившихся вдоль дальней стены, не было никого, лишь несколько мужчин, сидевших за столиками по двое или по трое, спокойно потягивали напитки ярких цветов. Устроившиеся у барной стойки четыре девицы в кричащих нарядах болтали о чем-то своем. Позади прилавка, словно на троне, восседал хозяин, здоровенный толстяк в грязной рубашке, с мерзким и хитрым лицом; рядом с ним, под рядами бутылок, виднелся разнообразный ассортимент резиновых дубинок и рукоятка огромного шестизарядного револьвера.

Стелла оперлась о стойку. Хозяин заведения щелкнул пальцами, появилась бесцветная официантка.

— О! Мне все равно чего, — сказала Стелла. — Бурбон с содовой, если можно.

Хозяин наклонился к ней:

— Только что прибыли? Ищете работу?

— Нет, ищу одного человека.

Хозяин присвистнул.

— Что ж, ему повезло! И кто же это?

— Тераи Лапрад.

— Тогда понятно! Простите, он вам назначил свидание у меня?

— Нет, но мне сказали, что я смогу найти его здесь.

Хозяин посмотрел на свои часы.

— Действительно, скоро должен появиться, чтобы начать свой праздничный обход.

Он наклонился еще ниже и доверительно произнес:

— Послушайте, вы, похоже, девушка серьезная. Уходите отсюда, пока Лапрад не явился. Когда вы прибыли в Порт-Металл?

— Сегодня после полудня.

— Стало быть, на «Сириусе»? Странно, вы не похожи на человека, который стал бы путешествовать на такой разва-

лине. Я вот что вам скажу: здесь девушки уже через месяц после прилета выскакивают замуж или же кончают очень плохо. На Земле у меня осталась дочка, сейчас еще учится. Ей, конечно, недостает вашего шика, но вы напомнили мне ее, потому я и хочу предупредить вас. Уматывайте отсюда! Возвращайтесь на Землю, на Марс, Зои, Нова-Италию, или откуда вы там прибыли! Уматывайте как можно скорее, если только вы не явились сюда, чтобы присоединиться к вашему жениху, но в таком случае вы бы не искали Тераи. Но помните, если вдруг жизнь даст трещину, работенка для вас у меня всегда найдется.

— Спасибо, но я не намерена выскакивать замуж, да и «плохо кончать», как вы выразились, не собираюсь!

— Что ж, старина Жозеф Мартиссу вас предупредил. А вот, кстати, и он, ваш Лапрад!

глава 2

Ночь изыскателей

Улица огласилась ужасным звоном кастрюль, ударяемых одна о другую, дикими воплями и громким хохотом. Дверь распахнулась, словно выбитая взрывом. На пороге, внесенный людским потоком, появился мужчина, настоящий гигант. Он остановился на секунду на пороге, придерживая раскинутыми в стороны руками обе створки, и глаза его мгновенно обежали зал. Яркий свет бил ему прямо в лицо, и Стелла успела разглядеть его, прежде чем он прошел в зал.

Ростом он был около двух метров, плечи — такие широкие, что невольно возникал вопрос, как он ухитряется проходить в двери прямо, — казались еще более широкими из-за тонкой талии. На нем был туземный наряд с бахромой и жемчужным бисером вдоль швов; жилет из мягкой коричневой кожи оставлял обнаженными огромные руки и мощную шею. Но больше всего поразила девушку его голова. Смоляные, коротко подстриженные волосы не затеняли высокого смуглого лба, под которым сверкали странные глаза с косым разрезом

и тяжелыми монголоидными веками. Очень темные, почти черные, они были неподвижными и зоркими, как у хищной птицы. Немного широкий нос с горбинкой, тонкогубый иронический рот, выступающие скулы и подбородок с ямочкой завершали эту маску, исполненную силы и угрозы.

Испутив невнятное рычание, гигант выпятил грудь так, что жилет едва не лопнул по швам, и двинулся к стойке.

— Эй, командир, налей-ка всем по первой!

Голос был властным и суровым.

— Тут тебя ждут, Тераи, — проговорил хозяин бара, показывая на Стеллу. — Не проститутка.

Повернувшись к девушке, гигант обвел ее пристальным, изучающим взглядом. Тем не менее то не был «раздевающий» взгляд тех ловеласов, которых ей доводилось встречать на Земле. Он иронично поклонился.

— Это *вы* меня ищите? Очарован, мадемуазель, — проговорил он по-французски. — Но, быть может, — добавил он, — вы предпочитаете, чтобы я говорил по-английски?

— Мне все равно. Я хотела бы предложить вам одно дело.

— Не самое подходящее время для дел! Приходите завтра утром в мою контору. И, поверьте мне, уходите отсюда, так как — я это сразу заметил — вы не из тех красоток, которым здесь самое место! Однако же это не значит, что я не куплю вам выпить. Командир, два «Тераи особых»! Мое собственное изобретение, — добавил он для Стеллы.

— Забавно, но вот уже третий раз меня пытаются прогнать оттуда, где мне хотелось бы быть! Я не какая-нибудь наивная девушка и могу за себя постоять!

— Как вам будет угодно! Попробуйте-ка вот это! Нектар! Но никогда не пейте две рюмки подряд: мой коктейль никого не щадит! Это смесь вермута, туземной водки и экстракта из местных плодов. Одна рюмка ничего вам не сделает. Две — свалят с ног любого. Конечно, кроме меня, — добавил он с наивным тщеславием. — Мне таких нужно минимум четыре!

Она отхлебнула глоток. Напиток освежал рот и обжигал желудок. Она вдруг сразу же почувствовала себя расслабленной и уже слегка навеселе.

— Только я имею право пить его в этом несчастном городишке! Я и мои гости. Ты никому больше не наливал, Жозеф?

Что-то мне кажется, экстракта в бутылке поубавилось! — внезапно проворчал он, поворачиваясь к хозяину заведения.

— Нет, нет, Тераи, уверяю тебя!

— Ладно, верю. Но не пытайся меня одурачить. Помнишь, что стало с Джоном Притчардом! О, конечно же, это был несчастный случай! Меня ведь тогда даже не было в городе!

— Знаю, Тераи, намек понял!

Гигант расхохотался.

— Бедняга Джон! Все его запасы спиртного сгорели! А это целое состояние — одна доставка сюда чего стоит! Теперь работает на шахтах за пятьдесят долларов в день. Нищий! Ну ладно, выпили, малышка, и давайте-ка отправляйтесь баиньки... Кларк! Эй, Кларк!

Один из изыскателей встал.

— Проводишь мадемузель. И чтобы с ней ничего не случилось!

— Мне не нужны провожатые. И я не хочу уходить!

— Третьего июля, когда я приказываю, мне подчиняются!

— Я не собираюсь вам подчиняться!

— В последний раз...

— Я свободна в своих поступках!

— Что ж, тем хуже для вас!

Она даже не успела заметить его движения, а он уже оторвал ее от пола и впился в ее губы яростным поцелуем. Она отбивалась, стуча кулачками по его груди, но это было все равно, что бить по стене. Тогда она попыталась сдавить ему шею болевым приемом, но он простым взмахом ладони грубо отбросил ее руку в сторону, а затем, поставив девушку на пол, заметил:

— Я вас предупреждал. Это ночь изыскателей!

Она стояла, бледная от ярости, сжимая кулаки и не находя слов.

— Да вы... да вы... да вы просто грязный боров! — выкрикнула она наконец.

Громовой хохот встретил это жалкое оскорбление. Разведчики корчились от смеха, склоняясь над столиками.

— Ай да малышка, за словом в карман не лезет!

— А ведь многие хотели бы оказаться на ее месте!

— Кастрированным хряком Тераи обозвала! Та еще штучка!

— Повтори, Тераи, она только этого и ждет!

Возгласы летели со всех сторон. Вне себя от злости, Стелла отступила на шаг, выхватила из кармана пистолет и навела его на Тераи.

— Вы немедленно извинитесь или я продырявлю вашу толстую шкуру!

Он насмешливо хохотнул и провел ладонями по своим коротким волосам.

— Черт возьми, у этой пчелки, оказывается, есть и жало! Но подумайте сами: если вы промахнетесь, тем хуже для вас. А если вы меня убьете, мои товарищи за меня отомстят. И не думайте, что они убьют вас сразу же! Сперва они немного позабавятся. Так что отдайте мне вашу игрушку, и забудем об этом.

Он протянул руку. Стелла судорожно спустила курок. Одновременно страшный удар выбил у нее пистолет, едва не переломав ей пальцы: один из изыскателей успел выстрелить раньше. Тераи подобрал пистолет с искалеченным дулом, вытряхнул магазин себе на ладонь.

— Да она блефовала! Тут только синие иглы! Что ж, мадемуазель, вы мне нравитесь. Если хотите с нами остаться, объявляю вас моей гостьей на эту ночь, и, клянусь рогами козла, теперь вы в безопасности! Все слышали? Она под моей защитой! Но почему, черт возьми, вам так хочется остаться?

Стелла колебалась всего пару секунд.

— Я... Я журналистка из «Межпланетника». Должна сделать репортаж о Порт-Металле.

— Что ж вы раньше-то не сказали? Избежали бы всех этих недоразумений! Хорошо, но никаких имен, не нужно слишком точных описаний моих товарищей! Обо мне можете писать что угодно, мне на это начхать. Пошли, ребята, начнем нашу ночь! И предлагаю объявить мадемуазель...

— Меня зовут Стелла.

— ... мадемуазель Стеллу королевой разведчиков! А ну-ка, все хором, начнем вступление. Что такое Порт-Металл?

— Ад!

— Что такое ММБ?

— Каторга!

— Кто такой Хендерсон?

Разбившись на несколько размеренных голосов, хор грянул что было мочи:

Хендерсон — сукин кот!
День за днем наш хлеб он жрет!
Но и судный день грядет!
Вспорем мы ему живот!
Да, счастливый день придет!

— Командир, всё — на мой счет! Вперед, в «Желтую Собаку».

О первой половине этой эльдорадовской ночи с 3-го на 4-е июля Стелла сохранила довольно-таки смутные воспоминания. Началась она с обхода баров нижней части города. В каждом из них все развивалось по одной и той же схеме: она входила первой, вместе с высоченным Тераи, за ними следовала толпа изыскателей. Затем они садились за столик либо оставались стоять, пропускали по паре стаканчиков, исполняли несколько более или менее фривольных песен и переходили в другой бар. Ни драк, ни хотя бы потасовок нигде не происходило, и Стелла уже начинала думать, что эта «ночь изыскателей» расхвалена сверх меры и живут в этом Порт-Металле одни малодушные трусы. Но после шестой остановки, в «Счастье бедного астронавта», все изменилось. Мужчины уже начинали ощущать тяжесть спиртного, вливаемого внутрь полными до краев стаканами, разговоры становились бурными, а песни — все менее и менее пристойными. Одну слишком нерасторопную официантку насильно раздели и, угрожая револьверами, заставили танцевать на столе. Хозяин заведения хотел было вмешаться.

— Не лезь, Стан, — всего-то и сказал Тераи.

Мужчина побледнел, покраснел, выругался и умолк.

В седьмой по счету забегаловке разразился настоящий ад. «Рай на Земле» оказался не просто мутным баром — в этом заведении имелись женщины и игры. Когда Стелла пожелала, по уже заведенному обычаю, открыть в него дверь, то ее мягко отодвинули в сторону.

— Нет, сюда я войду первым, — проговорил Тераи и симметричным жестом удостоверился в том, что оба его револьвера свободно выходят из кобур.

Зал был просторным, ярко освещенным. Неподалеку от входа змеилась вдоль стены широкая барная стойка из металла и пластика, тогда как в глубине комната была заставлена столами, за которыми играли в рулетку, покер, тридун и другие игры, и вокруг которых вперемешку толпились служащие ММБ, торговцы, мелкого пошиба бандиты, профессиональные игроки, проститутки и несколько явившихся чуть раньше изыскателей. Прислонившись к прикрытым зеркалами колоннам, шестеро вышибал следили с мрачным видом за игрой, готовые в любой момент вмешаться. Заметив свободный столик, Тераи усадил Стеллу справа от себя.

— Идите, поиграйте, парни, если это вас забавляет. Пусть вас опять разденут до трусов! Я же останусь здесь с вашей королевой!

Наклонившись к Стелле, он прошептал ей на ушко:

— Это заведение ведет нечестную игру. Мне уже надоело наблюдать, как этих бедняг, целый год ишачивших в чаще, обдирают как липку. Похоже, с этим надо кончать. Да и вы получите прекрасную статью для вашей желтой газетенки... Два «Цветка пустыни», — бросил он подошедшей официантке. — Как станет жарко, бросайтесь под стол, пули редко проходят так низко. И без моего разрешения ни в коем случае не вылезьте!

— Что бы собираетесь сделать?

Спиртное ударяло в голову, в зеркалах вращались какие-то огоньки, зал затягивало дымом; одно лишь жестокое лицо Тераи на переднем плане сохраняло свою четкость.

— Сейчас увидите! А пока что, вот... выпейте, это приведет вас в чувство, пока мы ждем коктейли.

Он вытащил из кармана небольшой пузырек, отвинтил металлический колпачок, наполнил его и протянул Стелле. Она отпила немного. Золотистого цвета жидкость оказалась горькой и крепкой на вкус.

— Фу!

— Пейте! Как, по-вашему, я сохраняю ясность ума — со всем этим алкоголем? Конечно, я парень крепкий, но не до такой же степени!

Через какое-то время пары алкоголя рассеялись. Она была одна за столом, перед полным бокалом. Тераи стоял у кар-

точного стола, спиной к ней. Какой-то мужчина опустился на пустой стул.

— Вы позволите, мадемуазель, мне на минутку присесть? Спешу представиться: Джонатан Гейл, владелец «Рая на Земле». Я вас прежде здесь никогда не видел. Только что прибыли?

Стелла повернулась к нему, увидела длинное, худощавое лицо, бесцветные и холодные глаза.

— Вчера вечером.

— Ищите работу?

— Нет. Спасибо.

— Могу я дать вам один совет? Остерегайтесь этого грубияна Лапрада. Это не тот мужчина, который подошел бы такой женщине, как вы — утонченной, грациозной, изысканной...

— Можете даже не утруждаться! Я знакома с мсье Лапрадом всего несколько часов, и мой интерес к нему — исключительно профессиональный... О, не поймите меня превратно — я всего лишь журналистка.

Холодные глаза напряглись.

— Журналистка?

— Да, работаю на «Межпланетник».

— Что ж, желаю вам написать яркий репортаж. Вы прилетели с Земли?

— Да.

— Наше заведение вас, вероятно, шокирует?

— Нет. Это необходимое зло, или скорее — неизбежное на пограничных планетах. Когда-то и у нас, на Земле, было нечто подобное.

Губы мужчины растянулись в тонкой улыбке.

— Когда-то? А вы не очень-то хорошо осведомлены — для журналистки.

— О, мне прекрасно известно, что в беднейших кварталах наших городов... да и не только в них... Но во все эти игры со стрельбой там уже давно не играют.

— А что заставляет вас полагать, что в них играют у нас? Мои парни в мгновение ока обезоружат тех, кому вздумается развлекаться здесь слишком шумно!

— Я просто думала...

— О, возможно, в других местах... В «Желтой собаке». Или в «Черной лошади», или куда еще там обычно заходят Лапрад... Но только не здесь. Здесь вы ничем не рискуете... Я отойду, если позволите. Похоже, у столов что-то происходит. Разумеется, ваш бокал — за счет заведения!

Громовой голос Тераи только что выкрикнул:

— Осторожно, Мак, он мухлюет!

В зале воцарилась мертвая тишина. Небрежно прислонившись к колонне, Тераи указывал трубкой на крупье, стоявшего за столом, где играли в тридун. Трое вышибал отделились от стены и медленно подошли к великану. Мак, щуплый молодой человек, швырнул карты на стол.

— Сукин сын! Неудивительно, что я проигрываю каждый раз, как поднимаю ставку до максимума!

Пнув ногой стул, он отступил на пару шагов и поднес руку к поясу. Один из вышибал выстрелил, и движение его было столь быстрым, что осталось практически незримым. Грязно выругавшись, Мак схватился за пробитое запястье. Все замерли, выжидая. Тераи неторопливо поднес трубку ко рту.

— Сам виноват, Мак, не стоило так возбуждаться, — спокойно произнес он в тишине.

В следующую секунду его уже не было на прежнем месте. Оттолкнувшись от колонны, он внезапно запрыгнул на стол, в двойном фуэте выхватывая из-за пояса оба револьвера. Два выстрела слились в один, вышибала даже не успел поднять дуло своей пушки, как повалился на пол с продырявленным лбом. Разбив ударом сапога лицо крупье, Тераи снова выстрелил, а затем соскочил со стола.

— Давайте, парни! Расхерачим к чертям этот шалман!

На мгновение остоленевшие, изыскатели испустили вопль дикой радости, выхватывая револьверы, раскалывая стулья о головы прибежавших на шум служащих. Один из них уже размахивал своеобразным факелом из подожженной газеты, тогда как другие методично разбивали бутылки со спиртным и поливали им стены и барную стойку. С десятков мертвенно-бледных девиц, столпившихся на верхних ступенях ведущей в комнаты отдыха лестницы, орали словно резаные.

— Та-та-та-та-та!

Где-то в глубине зала затрещал пистолет-автомат, но тут же умолк после сухого щелчка фульгуратора. Тераи казался неуязвимым. Пустив в ход всю свою чудовищную силу, он поспевал и тут, и там, обрушивал кулаки на черепушки, вырубал тех, что спешили на помощь через двери. В какой-то миг, распрямившись во весь рост, он швырнул над головами человека, который с мягким шлепком обрушился на плиточный пол в паре шагов от Стеллы. Ошеломленная, она смотрела на беднягу, не видя крови, которая уже начала лужицей разливаться под телом. Тераи это заметил.

— Какого дьявола вы все еще там стоите? — прокричал он, переставая на секунду утюжить лицо, что выглядывало из-под его левой подмышки. — Спрячьтесь где-нибудь, черт возьми, и не высовывайтесь!

Внезапно придя в себя, Стелла вспомнила про все те пули, что свистели над ее головой, пока она пребывала в трансе, и вцепилась в край стола, чтобы попытаться подлезть под него. Но не успела. Две могучих руки схватили ее сзади, и голос Джонатана Гейла прокричал:

— Ваша цыпочка у меня, Тераи! Прекратите, или я пережду ей глотку!

Отбросив от себя то, что еще пару минут назад было человеком, великан прокричал:

— Прекратите, все вы! Довольно!

Повисла зловещая тишина. Несколько раненых с трудом попытались подняться на ноги посреди трупов.

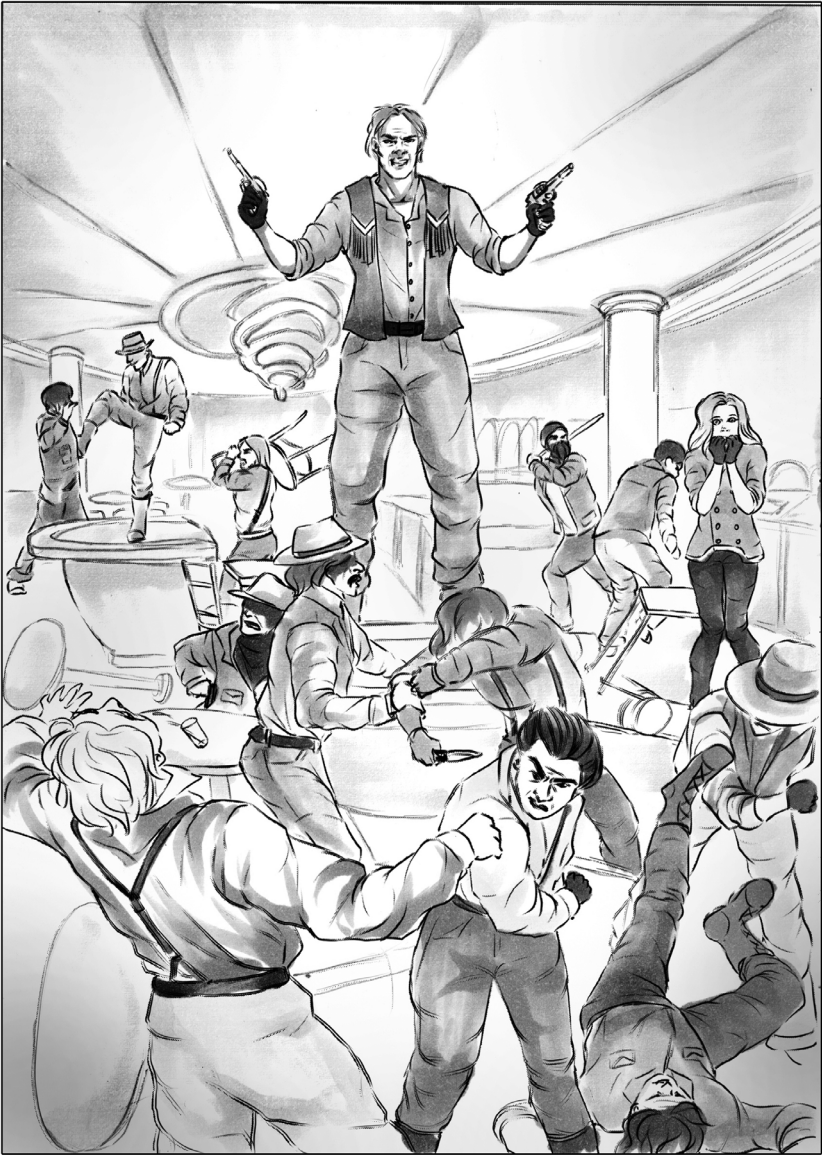
— Прикройте спину. А ты, Джонатан, отпусти девушку. Я не собирался тебя убивать, хотел всего лишь объяснить, что простаков не обижают безнаказанно посредством нечестных игр. Но если ты настаиваешь, я могу и передумать.

Он медленно, шаг за шагом, приближался.

— Уж лучше бы тебе остановиться, Лапрад!

Острие ножа вошло Стелле в плоть, и девушка вскрикнула.

— Даю тебе двадцать секунд, Джонатан. Двадцать секунд! Если убьешь ее, заниматься тобой буду уже не я. Я спущу на тебя Лео. Ты ведь знаком с Лео, не так ли? Он любит позабавиться, старина Лео! Один... два... три...

— Ты блефуешь, Тераи! Ты ничего не сделаешь, пока я ее держу, а я не намерен ее отпускать. Давайте-ка, парни, разоружите эту шайку! И погасите свет!

— Десять... одиннадцать... двенадцать...

До смерти напуганная, Стелла также считала секунды. Не сомневаясь, что ни один, ни другой не отступят, что Джонатан без малейших колебаний перережет ей горло, она отчаянно пыталась вспомнить тот захват, которому ее научил Матсумото, товарищ по университету.

— Семнадцать... восемнадцать...

Великан продвинулся еще на шаг. Стелла почувствовала, как напряглась державшая ее рука.

— Деятнадцать... Ты ведь знаешь Лео... Неужели ты настолько уверен в себе, что...

Она как могла наклонила голову и яростно впиалась зубами в волосатую руку, что держала нож у ее горла. Тераи боком отскочил к стене, вернулся, словно мячик, пролетел, как ей показалось, мимо Джонатана и рухнул на столик, не выдержавший его веса. Стелла услышала позади себя ужасный звук ломающихся костей и в следующую секунду упала на один из редких уцелевших стульев. Джонатан лежал на полу, голова его была странно вывернута. Тераи уже поднимался на ноги.

— Поль, взгляни-ка, не осталось ли там какой-нибудь целой бутылки, да покрепче! Ей нужно выпить! А вы, парни, заканчивайте пока начатое! Вам, лярвы, даю пять минут на то, чтобы утащить кто что пожелает. По истечении этого времени мы всё здесь сожжем, так что кто не успеет, пеняйте на себя. Людвиг, позвони пожарным, пусть подъедут — вдруг огонь перекинется на соседние дома?.. А, ну вот! Возьмите, выпейте! Коньяк 2184 года! Из запасов хозяина заведения. Жаль, сгорит со всем остальным, но время уже поджигает. Давайте, скорее! Уносите раненых! Да, тех тоже, пусть они и не многого стоят, но все же это не повод поджаривать их заживо!

— Этот... мерзавец мог меня убить!

— Да нет! Ему бы не хватило смелости перерезать горло женщине. Я и сам не знаю, способен ли на такое, пока что еще не пробовал. Пойдемте!

— Что-то меня ноги не держат.

— Ладно, я вас понесу. Вперед! Дамы уже спустились? Гранаты есть при себе, Мойше? Приступай!

Он подхватил девушку могучей рукой под ноги, и она обнаружила себя прижатой к огромной груди, словно дитя.

— Доставлю вас в гостиницу. Все равно нужно разбудить дока Мёрфи, чтобы заштопал тех, кого подстрелили.

Он вышел, держа ее на руках. Свежий ночной ветер стегал лицо. На небе, среди множества звезд, сверкали две из трех эльдорадовских лун.

— Думаю, я уже смогу сама.

Приближалось завывание сирены.

— А вот и наши друзья-полицейские! Что-то они не спешили! Побежали, не хочу сегодня с ними встречаться.

Он пару раз дунул в свисток, не слишком, правда, громко, и пропустил бегом по темным улицам, увлекая ее за собой. Изнуренная, она потеряла счет поворотам, спотыкаясь, падая на тротуар. Наконец она заметила яркую вывеску гостиницы «Мондиаль».

— Доброй ночи, мисс, или скорее — доброго утра, так как уже половина пятого. У вас небольшой порез на шее, останется забавный шрам, который вы сможете показывать друзьям: так и так, мол, однажды на Эльдорадо мне едва не перерезали горло! Это сущий пустяк, но вы ранку все же продезинфицируйте — возможно, «перо» Джонатана было не слишком чистым, он часто чистил им ногти. И если пожелаете поговорить со мной о делах, после одиннадцати я буду у себя в конторе.

Он растворился в ночи.

В одном из маленьких кабинетов полицейского участка дежурный офицер еще раз перечитал сообщение:

«Моя дочь Стелла Хендерсон прибывает на Эльдорадо на грузовом звездолете «Сириус». Она должна остаться целой и невредимой, чего бы это ни стоило. Вы лично отвечаете за ее безопасность.

Джон Хендерсон».

Подумать только, что его дочь провела эту ночь с Лапрадом и его дикарями! Если старик когда-нибудь узнает...

Офицер меланхолично обдумал перспективу окончания своей карьеры на какой-нибудь богом забытой планете, еще худшей, чем Эльдорадо, и тяжело вздохнул.

глава 3

На диких равнинах

Стелла проснулась около одиннадцати и долго еще лежала в постели, спрашивая себя, уж не приснилось ли ей все это, действительно ли она видела ночью, как люди убивают друг друга у нее на глазах. Легкая боль в шее напомнила ей о том, что она тоже едва не умерла несколько часов тому назад.

Она встала, приняла холодный душ, проглотила две таблетки гиперстена (для выздоравливающих, беременных и астеников, как говорилось на этикетке), оделась и, прежде чем спуститься к завтраку, сунула в карман другой игольный пистолет, на сей раз с красными зарядами.

Контора Лапрада находилась в паре минут ходьбы от гостиницы, на первом этаже большого серого здания. Табличка на двери гласила: «Лапрад и Игрищев. Геологическая консультация». Она позвонила, вошла, когда открылась автоматическая дверь, и тотчас же отпрянула: маленькую прихожую почти целиком занимал огромный лев. Он поднял массивную голову с куполообразным, в отличие от тех, что были у его собратьев, лбом, вытянул тяжелую переднюю лапу, на которой верхний, лишенный когтя палец казался ненормально развитым и в действительности был хватательным, и что-то прорычал. В глубине прихожей распахнулась еще одна дверь.

— Входите, мисс. Все в порядке Лео, это друг!

Лапрад ждал ее, сидя за большим деревянным столом. На его лице не было и следа ночных боев, за исключением небольшого синяка на правой щеке. Его широкие плечи обтягивала синяя шелковая, с широко распахнутым воротом, рубашка, выгодно подчеркивавшая золотистую кожу.

— Присаживайтесь, мисс Стелла Хендерсон!

— Вам известно мое имя?

— Узнать его было проще простого. Вы сами его оставили в книге регистрации вашей гостиницы. Впрочем, можно было обойтись и без этого. Я и так вас знаю, мисс Хендерсон, дочь Джона Хендерсона из ММБ.

Она вздрогнула, а затем сказала:

— Не стану этого отрицать. Но я рассталась с семьей.

— Неужели? Значит, это случилось совсем недавно.

Он вытащил из папки старый номер «Межпланетника» и протянул его девушке.

— Да, это случилось сразу же после того приема. Мой отец хотел, чтобы я вышла за Йохансена из Бюро пластических материалов. Я отказалась, разругалась с ним и ушла из дома. Старые друзья по университету нашли мне место в «Межпланетнике».

— И эта газетенка сразу же, чтобы вас продвинуть, заказывает вам большой репортаж? Вижу, у вас весьма влиятельные друзья. Правда, сюда вас отправили на грузовом корабле... Ну да ладно. От меня-то вам что нужно? Полагаю, я уже дал вам роскошный сюжет — «Ночные огни Эльдорадо», или что-нибудь в этом роде.

— Кстати, как так вышло, что вас все еще не арестовали?

— Меня? А за что?

— За нарушение общественного порядка, поджог, убийство...

Тераи вознес руки к небу.

— Законная самооборона, мадемуазель. Не мог же я позволить этому мерзавцу Гейлу перерезать вам горло. Я просто не мог допустить, чтобы на моих глазах убили мисс Хендерсон, дочь главного босса! Вы ведь можете засвидетельствовать, что до нашего захода в «Рай на Земле» серьезных инцидентов нигде не было, не так ли? Это у полиции, которая зависит от вашего отца, как всё здесь, кроме меня, Игрищева и Лео, это у полиции, получившей тайное, закодированное сообщение, в котором им приказывалось любой ценой защитить вас, могут быть неприятности. Похоже, вы все еще весьма дороги вашему отцу.

— Я его дочь.

— Правда, это сообщение немного опоздало...

— А вы-то это откуда знаете?

— У меня свои источники, хороший приемник, а мой друг Сташинец — великолепный криптограф... Гейла здесь не слишком любили, к тому же он обирал не только инженеров, но и простых изыскателей, и, если бы ему не были известны о многих из них кое-какие детали, позволявшие ему их шантажировать... А вообще, конечно, жаль, что этот бедняга Джонатан погиб в результате случайного пожара, произошедшего в его заведении. Но сам виноват — нечего держать у себя зажигательные гранаты, если не умеешь с ними обращаться!

От негодования она на мгновение потеряла дар речи.

— И... вы не боитесь, что кто-нибудь попытается вам отомстить?

— Некоторые уже пытались, но лишь способствовали расширению местного кладбища. Забавно, но судьба почему-то меня бережет. А вот с моими врагами то и дело происходят несчастные случаи. Но что я тут могу поделать?

Она снова не нашлась, что ответить, пораженная этой смесью цинизма, бахвальства и настоящей силы.

— Итак, какое у вас ко мне дело?

— Я хотела бы написать репортаж о туземцах этой планеты. Мне сказали, что помочь в этом можете только вы.

— Так и есть. Вот только зачем это мне? Какая мне от этого выгода? И прежде всего, действительно ли вы журналистка, или же явились сюда шпионить по приказу вашего отца?

— Вот мое удостоверение.

— Хм, полагаю, даже для старика Хендерсона с его влиянием было бы нелегко впихнуть вас в гильдию журналистов против их воли... тем более, что вы с ним еще и поцапались, по вашим словам. Хорошо, предположим, вы говорите правду. Как вы собираетесь осуществить свой проект?

— Нельзя ли мне отправиться с вами в одну из ваших экспедиций?

Он потер кончик носа двумя огромными и в то же время тонкими пальцами.

— А что станет с вашей репутацией после того, как вы проведете вон там, — жестом он указал на видневшиеся за окном высокие горы, — наедине со мной этак с полгода?

— А не могли бы мы взять с собой еще кого-нибудь?

— Кого? Сташинеку нужен отдых. А я отправлюсь через четыре дня. Вот так-то!.. Я, конечно, могу затребовать кого-нибудь у ММБ. Они давно уже пристают, просят, чтобы я захватил одного из их юнцов в бассейн Ируандики. Но это меня задержит, приведет к потере времени, а я полагаю, что мое время стоит дорого. Какая мне от всего этого польза?

— Я могу заплатить...

— Натурой?

— Да как вы смеете! Пусть вы и спасли мне вчера жизнь, это еще не повод считать, что вы имеете на меня какие-то права!

— Не вчера. Сегодня утром. И потом, вы что, действительно думаете, мне нужны какие-то права?.. Но довольно уже ходить вокруг да около. Сколько готова дать ваша газетенка?

— Тысячу стелларов.

— Слишком мало.

— Мало? Да это же двадцать пять тысяч долларов! За эти деньги я могу организовать целую экспедицию и...

— И вы не пройдете дальше водопадов Нианги, если вообще до них доберетесь! Там обитает несколько не очень-то покладистых племен, не говоря уже о животных, растениях и климате. Полторы тысячи стелларов, и я согласен.

— А я-то думала, вы богаты!

— Я и в самом деле богат. Разумеется, не так, как ваш отец, но достаточно. Однако у меня есть работа, и если я начну оказывать услуги по низкой цене...

— По-вашему, тысяча стелларов — это низкая цена?

— Для меня — низкая, мисс.

— Вы ведь метис, не так ли? Какая кровь в вас течет? Армянская?

— Китайская. А также полинезийская — отсюда и мое имя, — и кровь индейцев кри. И китайцу довольно-таки трудно сдержать индейца кри, маори и француза, которые иногда рискуют своей общей драгоценной шкурой, как в эту ночь, исключительно забавы ради. Но сегодня главенствует именно китаец. Так что, полторы тысячи стелларов, и — по

рукам, я беру вас с собой. За эту цену к вашим услугам будет еще и Лео, а это совсем не пустяк.

— Хорошо. Еще какие-нибудь условия? Надеюсь, мне не придется для вас готовить?

— Первое: быть как все — иди или подымай! Второе: во всем, что касается туземцев, вы будете делать только то, что скажу я, и ничего больше, без лишних вопросов и споров! Иногда они становятся недоверчивыми, и я не желаю рисковать девятью годами усилий, девятью годами, в течение которых я старался подружиться с ними, подвергаясь, уж вы мне поверьте, самым серьезным опасностям. Договорились?

— Договорились.

— Хорошо. Вот список того, чем вы должны обзавестись. А я постараюсь уговорить ММБ одолжить мне кого-нибудь из своих будущих гениев.

Задрав голову, Стелла следила за удаляющимся вертолетом, который высадил их на один из холмов Ти-манги. Вертолет исчез в облаках. Лишь после этого она опустила глаза, позволив им пройти по окружавшему холмы бескрайнему лесу, и почти пожалела о своем решении.

— Вперед, за работу! Пошевеливайтесь, молокососы! Через десять минут выступаем. Тилембе, Акаоара, кение дато сири! Кение!

Два туземца-носильщика покорно начали разбирать сваленные в кучу мешки и свертки.

— Но почему мы не долетели на вертолете до равнины Бирем? Это бы избавило нас от ста с лишним километров пешего перехода.

Лапрад обернулся:

— Потому что я и не собирался идти к горам Карамелоле.

— Однако представленный вами план разведки...

Молодой инженер Бюро не закончил своей фразы.

— План! Всегда этот план! Да начхать я хотел на план! Разумеется, я его представил, потому что иначе ММБ не отпустило бы вас со мной, а вы мне нужны! Нет, мы пойдем в бассейн реки Ируандики, но с другой стороны. Там масса месторождений, которые я отметил. Можете их картографировать, можете брать образцы — дарю. Они находятся

на территории племени умбуру, и мне они ни к чему. После этого мы проведем пару-тройку месяцев у моих друзей ихамбэ, чтобы эта девушка могла сделать свою работу. Если бы пришлось ждать, пока вы сами отыщете эти месторождения, нам бы не хватило и полугода! Слышите, мсье Ахилл Гропас?

Молодой человек побледнел.

— Я свое дело знаю, мсье!

— Не сомневаюсь. В теории вы, должно быть, действительно очень сильны, но вот практики вам явно не хватает. Ну да ладно, выходим!

— Стало быть, никто не знает, куда мы направляемся? А что, если мы заблудимся?

— Не заблудимся, мадемуазель. Кроме того, у меня есть передатчик. Пойдемте, солнце не ждет!

Он нагнулся, забросил на спину самый тяжелый из рюкзаков и с карабином в руках большими шагами начал спускаться с холма. Огромный лев шел за ним по пятам.

— Какой грубиян! — пробормотал молодой грек.

— Да, пожалуй. Однако давайте-ка поспешим, иначе отстанем.

Лапрад и два молчаливых туземца ушли уже метров на сто. Стелла приладила, как могла, свой относительно легкий рюкзак, и они двинулись следом.

— Давно вы на этой планете? — спросила она.

— С полгода, мисс. Это моя первая серьезная полевая работа. Сам знаю, опыта мне пока что недостает, но это еще не повод говорить мне об этом таким тоном!..

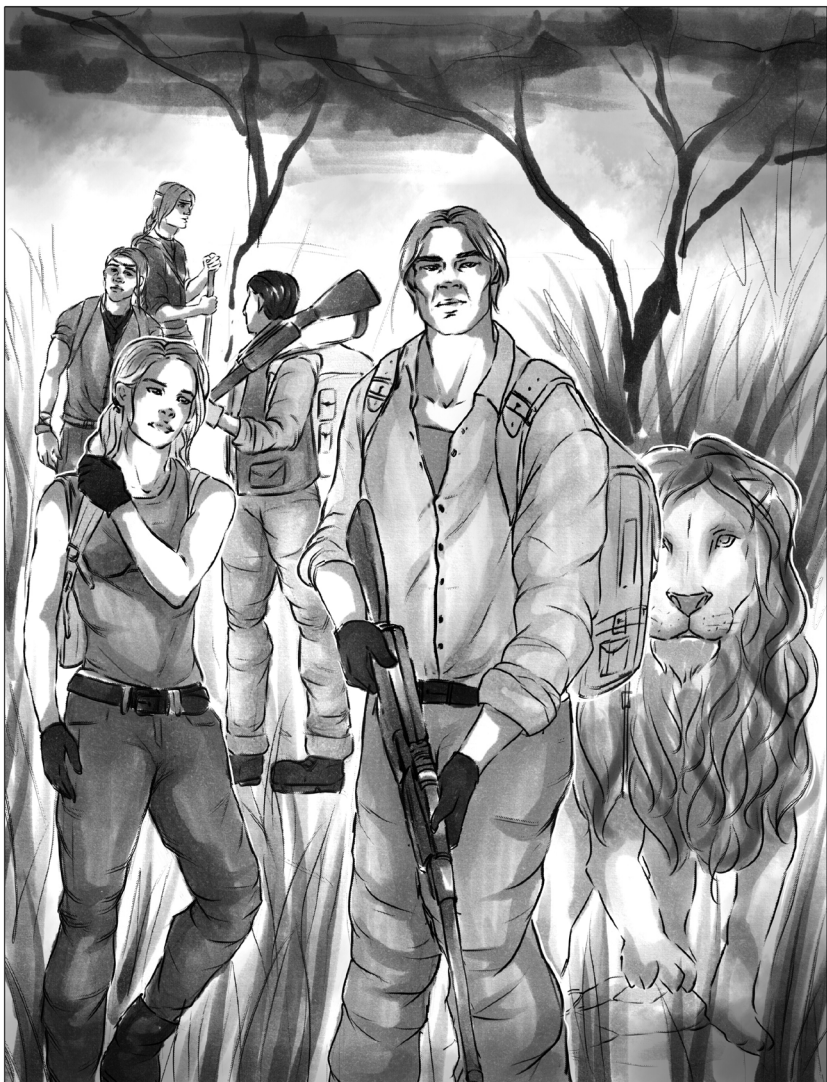
Она рассмеялась.

— Боюсь, до возвращения мы еще и не такое услышим. Этот Лапрад — настоящий феномен!

— Скорее — настоящий бандит! Но вся беда в том, что именно ему мы обязаны нашими самыми богатыми рудниками.

— Он что, действительно столь хорош в своем деле?

— Увы, да! Он и сам это знает и, будучи единственным независимым изыскателем, трясет нас как липку. Приходится платить. Сперва важные шишки, там, на Земле, пытались его купить, потом — запугать, затем даже изгнать с Эльдорадо. И каждый раз им приходилось давать задний ход. В 2230 году

Бюро, опираясь на свою лицензию, подписало приказ о его выдворении. Спустя сутки на железную дорогу в ущелье Квалар обрушился такой камнепад, что бульдозеры разгребали потом завал целых шесть дней, и одновременно три наши обогатительные фабрики в горах со всем персоналом были захвачены туземцами. Приказ отменили, и все уладилось. Он и его лев — легендарные фигуры для местных племен. Без него нам пришлось бы прокладывать путь к новым месторождениям огнем и мечом, а вы и сами понимаете, что бы тогда стало с нашей ограниченной лицензией.

— Да, параграф четвертый декларации 2098 года. Если бы у Бюро была неограниченная лицензия...

— Об этом нечего даже и думать! Она выдается только на необитаемые планеты или же на те, где разумная жизнь признана не поддающейся цивилизации. В этом вопросе федеральное правительство непреклонно. А здесь эти пункты неприменимы. Туземцы по большей части находятся на стадии охотничьих народов, но они не глупы и не кровожадны. Четыре года назад они могли истребить рабочих наших фабрик, но всего лишь усыпили их, набросав в водоемы корней кококоло. Они старательно избегают любых столкновений с нами. В каком-то смысле, даже жаль, что все обстоит именно так. Эксплуатация Эльдорадо стала бы по-настоящему рентабельной только при широкой разработке недр, что предполагает массовую колонизацию планеты, тогда как ограниченная лицензия этого не позволяет. Количество земель не должно превышать здесь сорок тысяч.

— Может, вы все-таки поторопитесь?

Громовой голос заставил их вздрогнуть. Сидя на обломке скалы, Лапрад смотрел на них со злорадной улыбкой на губах.

— Не слушайте его рассказней, мадемуазель! Это сикофант Бюро. Дай им волю, они опустошат всю планету, как уже опустошили многие другие, и все это ради того, чтобы наши земные модницы и щёголи могли менять вертолеты и машины по три раза в год!

— Однако же вы и сами им помогаете, отыскивая для них новые месторождения!

— Ну, это не страшно! Все равно они не смогут приступить к разработке подавляющего большинства этих месторождений, хотя и покупают на них права на тот случай, если им когда-нибудь удастся добиться эксклюзивной лицензии. Но оставим всё это. Посмотрите-ка лучше вперед. Красиво, не правда ли?

Влажный горный луг с яркими полянами, покрытыми необычными пестрыми цветами, среди которых то тут, то там выступали горбы поросших серым мхом валунов, мягкими волнами спускался к лесу.

— Несколько тысячелетий назад эту долину наполняли льды. Ледник сползал с гор Тумбу, что справа от нас, змейкой проходил вон там, а затем растекался по равнине Киндо, налево. Максимальный уровень льдов во время оледенения достигал примерно того места, где сейчас сидим мы. Именно поэтому здесь такой сглаженный рельеф. Затем климат изменился, ледник исчез. Но его фронтальные морены, еще свежие, преграждают равнину, чем вызвали образование позади них болота, нижнюю часть которого завтра нам и предстоит пересечь. Потом мы снова пройдем через лес, окажемся на широкой равнине, а там уже идти будет гораздо легче.

— А есть тут опасные звери?

— Да, но не так-то и много. Зато тут хватает комаров, или подобных им насекомых, которые ничуть не лучше. Пойдемте!

К полудню они добрались почти до середины долины. Сразу же после легкого перекуса Лапрад, сокращая привал, отдал сигнал к отбытию.

— Хочу еще засветло дойти до пещер Дхоу, — сказал он Стелле. — Это здесь лучшее место для ночлега.

Вечер застал их у подножия плато с обрывистыми склонами, изрытыми пещерами и гротами. С оружием в руках они осторожно приблизились, пустив вперед льва, но пещеры оказались пустыми, и ночью ничто не потревожило их сна.

Наутро Стелла проснулась рано. Оба носильщика уже хлопотали вокруг костра, разожженного у входа в пещеру; дым лениво поднимался вдоль утеса и резко исчезал вверх, подхваченный ветром. Стелла поднялась, осмотрелась. Охапки хвороста в углах пещеры указывали, что Лапрад или

же другие люди останавливались здесь довольно-таки часто. На стенах в мягком камне были вырезаны имена: Билл Хикок, 2212, Жан Каррер, 2217, Луи Леблан, 2217, Тед Хендерсон, 2221 (однофамилец, или же дальний родственник?), Ж. Клейн, 2222. Затем, начиная с 2225 года, почти регулярно повторялось имя Тераи Лапрада. Стелла вытащила нож и добавила свое имя.

Мужчины еще спали. Она присела у входа, сделала кое-какие записи. Лапрад проснулся, что-то довольно проревел, судя по всему, чувствуя себя превосходно, и рывком вскочил на ноги.

— Лео! Где ты?

— Он вышел с пару минут назад.

— А вы давно проснулись?

— Вот уже час как.

— Ах, сон! Это моя слабость. Мне просто необходимо бывает как следует выспаться. Эй вы, рудокоп! Подъем!

Он толкнул Гропаса, который застонал, перевернулся на бок и лишь затем открыл глаза.

— Подумать только! И это один из лучших образчиков, которые выдает сейчас Земля. Полюбуйтесь! Его бы могли раз десять уже убить. А, вот и Лео. Все хорошо, старина?

Он нагнулся, обхватил огромную голову льва обеими руками.

— Лео, старый мой друг! Ты утешаешь меня, когда мне становятся противны люди. Только мы с тобой и остались во всей вселенной, ты и я, два больших дикаря, человек и лев!

Зверь ответил ему тихим прерывистым рычанием, почти членораздельным.

— Вы думаете, он вас понимает?

— Это свержлев, мадемуазель! И чему только вас теперь учат в школах? Мой отец работал с Лэнгли в Торонто. Лео только-только родился, когда одиннадцать лет назад эти болваны-фундаменталисты сожгли лабораторию под тем предлогом, что там издеваются над божьими созданиями! Как будто им самим известны истинные замыслы Творца, как будто они проникли в тайну творения, эти жалкие недоноски, свято верящие во все, что написано в Библии, и еще больше — в темные легенды жестокого народа бронзового

века, которые действительно божественны и недоступны их пониманию! Все сгорели: Лэнгли, мой отец, отец и мать Лео, его братья и сестры! Мне удалось спасти львенка, но я не мог спасти отца, погибшего сразу же от взрыва гранаты. Я тогда работал над диссертацией. Моя мать умерла спустя несколько дней. После того как повесили с полдюжины убийц — как всегда, далеко не главных! — я свалил оттуда, не пожелав оставаться на Земле. Год провел на Офире II, а когда самой дальней планетой стала Эльдорадо, я переселился сюда вместе с Лео. Да будет вам известно, у него IQ — 85! Чуть-чуть ниже, чем у среднего человека! Еще два поколения, и мы бы имели для освоения диких планет даже более умных помощников, чем бедный Лео! Вы представляете, что они сделали, эти сволочи? Он один, один из всего своего рода, достаточно разумный, чтобы это понимать, и недостаточно — чтобы с этим примириться. Согласились бы вы жить совсем одна где-нибудь между миром богов и миром обезьян?

— Я... я не знала...

— О, простите меня, не могу говорить об этом спокойно. К тому же, возможно, есть еще надежда. Рамакришна на Бохаре IV возобновил работу Лэнгли и моего отца. Возможно, когда-нибудь у Лео появится подруга. В нормальных условиях он должен бы прожить лет сорок. Ладно, съедем что-нибудь и выходим!

Часов в десять утра они вышли к болоту. Почва стала мягкой и липкой, сапоги глубоко погружались в нее, а когда их вытаскивали, издавали противное чавканье. Лео перепрыгивал с кочки на кочку, по-кошачьи стряхивая лапы. Дальше идти стало еще труднее. Между стволами болотных деревьев появились подернутые ряской озера — их приходилось огибать. Тысячи насекомых набросились на путников, и Тераи остановился, приказав намазать лицо и все обнаженные части тела маслянистой пахучей жидкостью. Но если большинство «комаров» эта жидкость и отпугивала, другие, более настырные, жалили немилосердно, и Стелла вскоре почувствовала, как лицо ее опухает. Кроме того, у нее начался зуд между пальцами рук. Лапрад философски пожал плечами.

— Ничего не поделаешь! Привыкнете. Через какое-то время страдать будете уже не так сильно. И он тоже!

Молодой инженер был неузнаваем: глаза на его вздувшемся лице казались щелками.

— Каждый реагирует на яды по-своему. Поверьте, ему приходится гораздо хуже, чем вам!

В полдень они быстренько перекусили, устроившись на полусгнивших пнях. Вставая, Стелла вдруг поскользнулась и во весь рост шлепнулась в глубокую лужу. Лапрад выругался.

— Встать! Скорее! Промокли?

— Да, немного.

— Сейчас же переоденьтесь! Мы отвернемся. Не думаю, чтобы в этих водах водились ниямбы, но кто знает?

Когда девушка вытерлась и переоделась, они двинулись дальше.

— Простите, что такое ниямбы?

— Это... О, черт!

Лео рычал, в быстром жесте выбрасывая вперед лапу с выпущенными когтями. Перед ним из воды поднималась треугольная голова, голова рептилии. Лапрад уже вскинул ружье. Голова разлетелась от удара тяжелой пули.

— Болотный боа! Разумеется, это не настоящий удав и даже не рептилия, но ничуть не лучше. Если бы не Лео, мы прошли бы мимо, ничего не заметив, и сейчас нас было бы уже на одного меньше. Они достигают в длину пятнадцати — двадцати метров!

Лапрад обернулся к туземцам, о чем-то с озабоченным видом спросил.

— К счастью, это редкие животные. Мои носильщики утверждают, что здесь их никогда не видели. Я им верю, потому что сам двадцать раз проходил через это болото, и прежде болотный боа мне никогда не встречался. Скорее, прибавим шагу, мне станет гораздо спокойнее, когда мы отсюда выберемся.

К вечеру местность начала повышаться, и они заночевали под гигантским деревом на сухой земле. На следующее утро Стелла почувствовала себя усталой, ее сильно лихорадило, но она решила, что это с непривычки, из-за трудного перехода. Весь день она еще плелась. Раз два или три она порывалась заговорить об этом с Лапрадом, но сдерживалась:

иди или подыхай, сказал он, и она не решилась жаловаться. Удовольствовалась тем, что проглотила тайком две таблетки панвакцины.

В ту ночь она спала плохо и проснулась перед рассветом. Кругом было тихо. Лео сторожил, опустив голову на скрещенные лапы. Лапрад и Гропас отдыхали чуть поодаль, завернувшись в свои одеяла. Стелле было холодно, но она ощущала где-то в животе воспаленную жгучую точку. Осторожно проведя рукой по животу, она тихонько вскрикнула: чуть пониже пупка пальцы ее нащупали под кожей опухоль размером с куриное яйцо. Отойдя в сторону, она расстегнула комбинезон: да, это была опухоль, красноватая в свете электрического фонарика. Когда Стелла возвращалась к лагерю, ее вдруг пронзила острая боль.

— Мсье Лапрад!

Он резко распрямился и сразу вскинул ружье.

— В чем дело?

Она объяснила и увидела в слабом свете зари, как он побледнел.

— Сколько у вас было приступов?

— Один.

— Уф, значит еще не поздно. Гропас, подъем!

Он пнул инженера под ребра, и тот вскочил, вне себя от ярости.

— Аптечку, скорее! Вопрос жизни или смерти! Ложитесь на спину, мадемуазель, я вас срочно прооперирую. Не бойтесь, я уже имел дело с подобными случаями. Эй вы, держите ее, чтобы она не дергалась! Для анестезии нет времени. Акура! Тилембе! Ота ези рай! Кила ниямба ето!

Оба туземца бросились к ней, навалились на ноги, в то время как перепуганный Гропас удерживал ее руки, а Лапрад прокаливал скальпель и пинцет.

Обнажив ей живот, он быстрым и точным движением разрезал кожу над опухолью. Брызнула кровь, он осушил ее тампоном, осторожно раздвинул края разреза. Полумертвая от страха, девушка стонала от боли, но не осмеливалась пошевелиться. Лапрад уже рылся в ране пинцетом.

— Ага, вот оно! Вы спасены, но мы едва успели.

Он бросил на землю беловатый, испачканный кровью комок и влил в рану антисептик.

— Если б вы мне сказали об этом вчера, можно было бы избежать операции, обойтись одним хинином. А так — еще несколько минут, и вам бы уже ничто не помогло. Смотрите, она уже созрела, вот она, лопается!

Стелла повернула голову в ту сторону, куда он указывал своей гигантской рукой. Беловатый комок на земле лопнул, и из него вылилась масса мелких амёбовидных шариков.

— Акоара, сита ето!

Носильщик вылил на кишашую кучку немного спирта и поджег.

— Что это было?

— Ниамба, которую вы подцепили вчера, когда упали в лужу. Это паразит, который внедряется под кожу на животе и очень быстро размножается в своей оболочке. Когда ниамбы «созревают», они выделяют особую кислоту, разъедающую брюшную стенку, и сразу растекаются по всей полости. После этого остается только пустить себе пулю в лоб. Они пожирают человека живьем! Господи, неужели вы не почувствовали острого укола, когда упали в воду?

Не переставая говорить, он зарядил сшиватель и быстро поставил две скобки. Стелла поморщилась от боли.

— Почувствовала, но не придала этому особого внимания. Я как раз переодевалась и подумала, что это комар.

— В этих чертовых болотах на все надо обращать внимание! А вчера вы себя чувствовали усталой, у вас был жар, так ведь? Вам следовало сказать мне!

— Могли бы сами осведомиться о моем здоровье, вместо того чтобы искать блох у вашего льва!

— Лео во многом настоящий ребенок: если я не буду следить за ним, он совсем запаршивеет. Но вы-то вроде как взрослая! Там, куда мы направляемся, вам придется все время быть начеку. Если вы на это не способны, протянете недолго. Впрочем, я все равно должен был вас предупредить... Даже странно, что я этого не сделал!

— Когда я вас спросила, как раз появился боа...

— И все равно, мне следовало об этом подумать. Я тут за главного, а значит, за всех отвечаю. Если с вами когда-нибудь

еще случится подобное, когда вы будете одна, оперируйте себя сами без колебаний! После второго приступа еще есть надежда, оболочка еще не открыта. Но после третьего... Ну вот, я наложил повязку с заживляющим бальзамом, через два дня сможем двинуться дальше.

глава 4

Спасаясь от умбуру

Стелла отдыхала под навесом из ветвей, подложив под голову рюкзак. Шалаш был открыт с одной стороны, и со своего места она видела гигантские деревья с гладкими могучими стволами. На высоте двадцати метров они словно взрывались густыми кронами, образуя сплошной полог, сквозь который едва просачивался зеленоватый, как будто подводный свет. Земля под деревьями была почти голой, лишь кое-где росли хилые пучки лишенной солнца травы.

Лапрад построил это убежище, проклиная неженков, которые не могут сами о себе позаботиться, жалуясь на потерю времени и на то, что в этих местах трудно раздобыть свежее мясо. Тем не менее, не переставая ворчать, он заботливо сплел для Стеллы постель из мягких прутьев.

Сидя перед входом в шалаш, Гропас вел свой дневник. Дымок от угасающего костра поднимался вертикально в неподвижном воздухе и растекался под сводом листвы. Стелла наблюдала за инженером: мокрая от пота рубашка обтягивала его широкую спину, мускулы на правой руке мягко перекачивались, а когда он чуть поворачивал голову, она видела его классический профиль с черными завитками коротких волос надо лбом. Странно, почему он сначала показался ей заморышем? Впрочем, рядом с Тераи любой нормальный мужчина выглядел бы не лучше. Лапрада нигде не было видно, носильщики тоже исчезли.

— Мсье Гропас!

Он повернул голову, встал, подошел к ней.

— А! Уже проснулись, мадемуазель? Как себя чувствуете?
— Лучше, гораздо лучше. Думаю, смогу двинуться в путь уже завтра, на сутки раньше, чем предсказал наш друг. Быть может, хоть это вернет ему хорошее настроение?

— Сомневаюсь. В нем нет ничего человеческого — настоящее чудовище!

— Не сто́ит его порицать. Он одинок, и ему просто не повезло. С его способностями он должен был бы занимать высокий пост в университете или в какой-нибудь компании. Драма 2223 года превратила его в изгнанника. Лео — его единственный друг.

— Этот зверюга? Да я боюсь его до жути!

— Но почему? Лео очень мил, хотя и старается нас игнорировать.

— Зверь... животное... не имеет права думать!

— Полноте, мсье Гропас, вы же образованный инженер! Как вы можете разделять глупые предрассудки? Нет, тут я целиком на стороне Лапрада. Этот поджог зоопсихологической лаборатории в Торонто был отвратительным и глупым преступлением!

— Возможно...

— В любом случае, если таково ваше мнение, держите его при себе. Полагаю, Лапрад вполне может вас просто прибить, если вы ему скажете что-нибудь подобное.

— О, в этом я даже не сомневаюсь! Вот, кстати, и он.

Тераи появился между деревьями бесшумно, словно тень. Позади него друг за другом шли носильщики с длинной жердью на плечах, к которой было подвешено четвероногое рогатое животное. Лео замыкал шествие; вид у него был довольный, на морде еще виднелись капли крови.

— Вот что нам заменит консервы! Это лесная коза, *Pseudocapra sylvestris*. Без моего льва она бы от нас удрала. Правда, Лео?

— Что бы с нами вообще стало без Лео! — насмешливо произнес Гропас.

Лапрад обернулся, словно ужаленный змеей.

— Не знаю, что стало бы с вами, господин инженер, но знаю, что мне он уже не раз спасал жизнь. Да и вам тоже спас, когда мы не заметили болотного боа. Вас бы он на-

верняка схватил первым: говорят, они обожают мясо с душиком! Впрочем, если Лео вам не нравится, лес велик. Мой путь лежит вон в ту вот сторону, вы же свободны выбрать любую другую!

— Послушайте, мсье Лапрад, Гропас вовсе не хотел вас оскорбить.

— Только этого не хватало! Как вы себя чувствуете?

— Лучше. Думаю, завтра я уже смогу отправиться в путь.

— Прекрасно. Выходим завтра утром.

И он присоединился к разделявавшим тушу носильщикам.

«Мог хотя бы похвалить меня за мужество! — подумала Стелла. — Нет, определенно, грек прав, это настоящий дикарь!»

Лес кончился внезапно. За непроглядным барьером кустов, оплетенных лианами, не было ни одного гигантского дерева. Голая степь, которая постепенно повышалась навстречу округлым холмам, уходящим волнами за горизонт. Кое-где зеленые рощицы нарушали монотонность пейзажа. Солнце ослепительно сияло над этим морем высоких рыжеватых трав, и путники после долгого пребывания в полумраке леса долго стояли, щуря глаза, прежде чем снова привыкли к яркому свету.

— Здесь начинаются земли племени умбуру, — сказал Лапрад. — Они тянутся по всему левому скату бассейна Ируандики. За рекой — владения ихамбэ, моих друзей.

— А в каких вы отношениях с умбуру?

— Хм, пятьдесят на пятьдесят. С ними никогда толком не знаешь, как себя вести. До сих пор они принимали меня хорошо, но без особой сердечности. Именно в этих холмах и находятся те богатые рудные месторождения, о которых я вам говорил, Гропас. Если ММБ пожелает их разрабатывать, они смогут построить пристань на Ируандике, которая пригодна для плавания самых больших барж вплоть до самого устья. А от моря Ктот до Порт-Металла уже есть железная дорога.

— И что же это за месторождения?

— О, тут всего понемножку, сами увидите: германий, хром, никель, литий, галлий — его тут больше всего. Нередко встречается и кристаллический бериллий. Понимаете,

я только бегло обследовал этот край. Определить выходы рудных жил, второстепенные месторождения и тому подобное — это уже ваше дело.

— И вы будете моим проводником?

— В течение месяца. Затем мы отправимся к ихамбэ, и там уже — никаких разведок, понятно?

— Но почему же?

— Потому что ихамбэ — мои друзья, и я не хочу, чтобы им докучали!

— А если умбуру будут против разработок?

— Меня это не касается, выпутывайтесь сами. Но вряд ли. Они живут еще в каменном веке, и на руду им наплевать.

— А правда — ходят такие слухи, — что горы Хетио сплошь состоят из редких металлов?

— Кто это сказал?

— Маклеод...

— Маклеод — болван. То, что он разбил самолет в горах Хетио — кстати, должен заметить, что я рисковал своей шкурой, разыскивая его там! — еще не делает его геологом. Да что вообще он понимает?..

— Но он доставил образцы!

— На этой планете всегда можно найти несколько богатых образцов. Впрочем, все равно об этом не может быть и речи. Горы Хетио священны для всех племен, и даже для империи Кено. Почему — я и сам пока не знаю, а расспрашивать об этом весьма опасно. Если мои друзья ихамбэ проносятся, что я на своем вертолете приземлялся на их Россе Мозелли, «Горе Богов», мне останется только бежать отсюда, и бежать со всех ног! Поэтому, пока мы будем гостями умбуру или же ихамбэ — ни слова о горах Хетио!

К вечеру они разбили лагерь на берегу маленькой речки Мокибата, левого притока Ируандики, и впервые за весь поход Лапрад не доверился целиком Лео: ночью каждому пришлось по очереди отдежурить свои часы. Еще днем сверхлев проявлял беспокойство и рыскал по сторонам, время от времени возвращался с какими-либо сообщениями. В одном месте Лапрад надолго задержался, изучая следы на полувысохшем иле близ источника: рядом со следами различных

животных четко выделялись отпечатки двух ног, почти человеческих ног, только с более длинными пальцами.

— Охотник. Идет быстро, налегке. Он потерял свой инструмент для ретуши кремнёвых наконечников стрел, когда спрыгнул сюда. Судя по всему, он из клана ихими.

Тем не менее ночь прошла спокойно. Наутро они пересекли речку вброд и быстро углубились в монотонную саванну, где паслись стада различных животных. Они остановились в полдень лишь на несколько минут, чтобы перекусить.

— Я хочу еще до темноты выбраться с территории ихими, — сказал Тераи. — Они весьма неуживчивые парни, и, когда я видел их в последний раз месяца три тому назад, они были что-то уж слишком возбуждены. Их соседи, миho, более спокойные.

В пять часов вечера Лео примчался длинными гибкими прыжками, взлетая над высокой травой, как рыжее пламя. У них с Лапрадом произошел короткий «разговор».

— Нас преследуют. Человек двадцать. Поспешим!

Встреча произошла незадолго до сумерек. Лео внезапно зарычал, Лапрад обернулся и резким движением снял ружье с предохранителя.

— Делайте, как я, черт бы вас побрал!

Гропас, бледный, но полный решимости, встал с ним рядом. Стелла почувствовала, как дрожь пробежала у нее по спине. Равнина казалась пустынной, ни одной рощицы не было поблизости, но высокая трава под косыми лучами солнца колебалась зловеще, словно скрывая полчища врагов. Носильщики сбросили свои мешки и охраняли тыл с ружьями наизготовку. Внезапно метрах в пятидесяти из травы возникли фигуры, раскрашенные яркими полосами.

— Черт! У них боевой раскрас! Не стреляйте без моего приказа, молчите и, что бы ни случилось, подчиняйтесь мне беспрекословно!

От группы туземцев отделился один человек и медленно пошел к ним. В десяти шагах он остановился и поднял правую руку, ладонью вперед. Лапрад не двигался, но Стелле показалось, что он немного расслабился.

Туземец молча стоял несколько секунд в той же позе, и Стелла смогла его как следует разглядеть. Он был очень

высок, выше шести футов ростом, широк в плечах и худощав. В его черных волосах, связанных узлом на макушке, торчали четыре больших пера, медленно покачиваясь на ветру. Лицо было свирепым и казалось еще более диким из-за ярких полос боевой раскраски, зеленых и фиолетовых. Но кожа между полосами была просто смуглой. В руках у него был лук, за спиной — колчан, полный стрел, а за поясом — два больших кремневых ножа с рукоятками из застывшей смолы.

— Аке, Тохира! — сказал Лапрад.

— Аке эту, Тохира ма!

— Все в порядке, — шепнул Стелле Лапрад. — Он ответил на мое приветствие.

Лапрад обменялся с дикарем несколькими фразами.

— Они не хотят, чтобы мы оставались на их территории. Так как у меня и не было подобного намерения, возможно, проблему удастся уладить. Имо романиа Ируандика, Тохира!

Лицо воина замкнулось.

— Ана Ируандика! Ируандика манну умбуру!

— Ируандика манну ихамбэ, ко!

— Ихамбэ шлафа!

Он с презрением сплюнул на землю.

— Умбуру имино ихамбэ, оия ихими?

— Ихими имино! Михо шлафа! Эргуэн иритэ ко!

— Вот это уже хуже! Я сказал ему, что мы идем к Ируандике. Он не согласен. Говорит: река принадлежит умбуру. Когда я заметил, что она принадлежит также и ихамбэ, он ответил, что между ними война. По правде сказать, из последней фразы я понял, что в состоянии войны находятся только ихими. Они хотят, чтобы мы вернулись. Я попрошу его дать нам время до завтра.

— Эргуэни ко то итира. Эгара тими. — Он указал на Стеллу. — Ассиносси Тохара гueba.

Немного поколебавшись, воин подошел к Стелле и долго ее разглядывал.

— То итира, нэ!

Он развернулся и величественно направился к своим соплеменникам.

— Уф, я добился отсрочки!

— Что ему от меня было нужно?

— Я ему сказал, что вы измучены, что вы женщина и что такой великий вождь, как он, должен сжалиться над женщиной. Он подошел, чтобы проверить, действительно ли вы принадлежите к женскому полу. Ведь на вас мужская одежда, не забывайте!

— И что теперь будем делать? — спросил Гропас.

— Главное — добраться до территории михо. Кстати, именно там находятся ваши месторождения. Если бы я был один, я бы сделал вид, что возвращаюсь, а сам бы быстрыми переходами обогнул владения ихими с востока. Но с вами двумя едва ли это получится.

— А что еще нам остается?

— Ничего. Вернуться домой.

— Но их всего двадцать, не больше!

— Пока что. К завтрашнему дню их будет здесь пятьдесят, а то и с сотню!

— Что ж, давайте попытаемся обойти, — сказала Стелла. Тераи взглянул на нее с любопытством.

— Это будет трудно, мадемуазель. Дьявольски трудно. Придется состязаться в выносливости с охотниками, привыкшими преследовать дичь по многу дней. Думаете, вам это под силу?

— Я поднималась на Эверест!

— Это не одно и то же. Впрочем, рекомендация неплохая. Можно попробовать, если хотите. К тому же, не стану от вас скрывать, эта уступка с его стороны — подождать до завтрашнего утра, — выглядит весьма подозрительной. Скорее всего, он рассчитывает на подкрепление. Видимо, решил, что с двадцатью воинами ему не удастся так просто нас перебить. Как-никак у меня есть определенная репутация даже среди умбуру.

— Вы думаете, за этой уступкой кроется какая-то ловушка?

— Боюсь, что так.

— Если нам удастся отсюда выбраться, эта встреча станет гвоздем моего фильма! Свет тут, правда, не ахти, но это лишь добавит реализма сцене!

— Вы всё засняли? Каким образом?

Она подняла левую руку. На безымянном пальце у нее красовался перстень с огромным опалом.

— Внутри перстня микрокамера, изготовленная американской фирмой «Банрвельдт и де Камп».

— Ясно. Итак, вот что я решил. Мы устроимся вроде как на ночлег и спокойно поедем. Как только стемнеет, изготовим из травы и лишней одежды несколько манекенов и расположим их вокруг костра. Все вещи бросим, кроме оружия. Лео останется сторожить у костра, словно мы еще здесь. Он догонит нас позднее. Тронемся в путь до восхода лун. Если сумеем заполучить несколько часов форы, все будет хорошо. Все ясно?

Стелле пришлось заставить себя проглотить скудный ужин.

«Я уже дважды едва не погибла, после того как ступила на эту планету, — подумала она. — Как говорится, Бог троицу любит. В третий раз мне может уже и не повезти! Впрочем, я сама этого захотела, так что нечего жаловаться. Быть может, Тераи удастся нас вызволить...»

Она смотрела, как он хлопочет, сидя на траве и раскладывая по кучкам самое необходимое. Таких наборов вышло ровно пять, и Тераи распределил их между всеми членами экспедиции.

— А что, если вызвать Порт-Металл? Они могли бы прислать за нами вертолет и...

— Я солгал, чтобы успокоить вас, мадемуазель. У меня нет с собой передатчика. Каким бы легким аппарат ни был, он все равно слишком тяжел. К тому же на этой планете либо чувствуешь себя превосходно, либо умираешь внезапно, не успев даже ахнуть!

Он долго разговаривал со сверхльвом, терпеливо объясняя, что тому нужно делать.

— И главное, когда они подойдут, незаметно побежишь по нашим следам. Только никого не трогай, понятно?

Лео выглядел явно недовольным.

— Не волнуйся, мы с ними еще встретимся! Ступай, проверь все вокруг.

Темнота была уже полной, непроглядной. Подул свежий ветер, пригибая травы и разгоняя дым. Два пылающих глаза прорезали тьму у самой границы красных отсветов. Возвращался Лео.

— Ничего? Тогда пошли. Я иду первым, вы за мной, затем Гропас и Тилембе. Акоара — замыкающий. Делайте, как я. Не шумите и старайтесь не поднимать голову. Если вас ужалит какая-нибудь ядовитая гадина, подышайте молча!

Он перекинул ружье за спину, встал на четвереньки и скользнул в траву. Стелла последовала его примеру. Довольно скоро она убедилась, что продвигаться таким образом далеко не просто. Ее ружье соскальзывало, путалось в стеблях, и приходилось все время его отбрасывать на спину движением плеча.

— Тихо, мать вашу!.. — донесся из темноты приглушенный голос. — На площади Оперы в Париже, должно быть, слышно, как вы копошитесь!

Она чуть не прыснула со смеху, и страх ее прошел. Но постепенно накапливалась усталость. У нее ломило поясницу, кожа на локтях и коленях была содрана. Один раз она попала во что-то скользкое, копошащееся. Наконец Лапрад выпрямился.

— Можете встать.

Он долго вслушивался в ночь. Там, далеко за складкой местности, красноватый отблеск отмечал то место, где догорал их костер.

— Вперед!

Ночь казалась нескончаемой. Луны смутно освещали саванну, однако их обманчивый зыбкий свет ничуть не помогал, а только маскировал препятствия и неровности почвы. Стелла все время спотыкалась, Гропас наталкивался на нее и тихо извинялся. Лишь Лапрад и оба носильщика шагали как ни в чем не бывало.

Наконец пришел рассвет, а вместе с ним — сырая прохлада. Стелла дрожала в своей легкой одежде, сожалея об оставленном у костра плаще. Едва взошло солнце, Лапрад остановился под первым же деревом и ловко взобрался на него. Стелла привалилась к узловатому стволу, вытянув усталые ноги.

— Я ничего не вижу. А ведь к этому времени они должны были бы уже сообразить, что я их провел. Вперед!

Он вел их безжалостно, без передышек. У Стеллы открылось второе дыхание, и ноги ее двигались сами собой. Около

девяти часов устроили короткий привал, чтобы поесть. Когда Стелла потом попыталась встать, жестокая судорога свела ей икры.

— Черт! А ведь это еще только начало!

Тем не менее он склонился над ней и своими огромными лапами начал массировать одеревеневшие мышцы с удивительной нежностью.

— Мужайтесь! Первый день всегда самый трудный.

— Знаю. У меня были такие же судороги, когда мы поднимались на Эверест. Здесь хоть не так холодно!

Они шли весь день. В сумерках Лео присоединился к ним. Ритмично порывая, он «рассказал» Лапраду, что преследование возобновилось, но врагов осталось столько же. Они продолжали идти еще часть ночи, затем несколько часов проспали в неглубокой, закрытой со всех сторон впадине. Следующий день прошел как в кошмаре. Сначала они долго шли по дну извилистого ручья, чтобы сбить преследователей со следа, затем повернули прямо на восток. Свежая вода ручья освежила усталые ноги Стеллы, но потом идти по жесткой земле показалось ей настоящей пыткой, пока ноги снова не привыкли.

Так прошло еще два дня. Силы оставляли Стеллу. Гропас чувствовал себя не лучше: он спотыкался на каждом шагу. Лапрад, осунувшийся от бессонницы, — по ночам он часть времени, отведенного на сон, тратил на разведку, пытаясь определить, далеко ли преследователи, — по-прежнему вышагивал с неутомимостью титана. На четвертый день, в полдень, Стелла во время короткой остановки рухнула на землю и не смогла подняться. Гропас упал рядом с ней, тяжело, прерывисто дыша. Лапрад смотрел на них с горечью.

— Уже чуть живые! Особенно он! И *вот это* еще желает стать изыскателем. Ладно, придется рискнуть. До вечера — отдых, выходим с наступлением сумерек.

Она погрузилась в блаженное небытие. Ей снилось, что она на корабле, что качка усиливается, и вдруг от нового толчка она ударилась о жесткий борт своей койки.

— Подъем! Быстро! Нас догоняют!

Она приподнялась наполовину и вскрикнула. Все тело ее стонало от боли и усталости. Небо было ясным, без единого

облачка, и лучи заходящего солнца освещали сзади гигантскую фигуру Лапрада, стоявшего с ружьем в руках.

— Быстрее, черт побери! Лео их засёк!

Она медленно встала, кое-как распрямилась.

— Не знаю, смогу ли я идти...

— Еще как сможете! Знаете, что они делают с пленниками? Для начала выщипывают все волосы на голове, один за другим, потом прижигают углями пальцы, затем...

— Довольно!

Крик шел с земли, где все еще лежал Гропас. Он с трудом поднялся.

— Если бы мы воспользовались вертолетом вместо того, чтобы идти пешком, как в доисторические времена...

— Ты что, с вертолета хотел найти свои рудные жилы, кретин? — презрительно оборвал его гигант. — Кабинетный геолог! Шагай и затихни!

Они двинулись дальше. До самого горизонта в высоких травах ничего не было видно. Стелла сказала об этом Лапраду.

— Они гораздо ближе, чем вы думаете, — ответил он. — Взгляните как следует вон на ту возвышенность. Ну что, видели?

На долю секунды между двух кустов возникла полусогнутая фигура воина.

— Держитесь! До границы владений михо осталось километров десять. Если доберемся туда, то мы спасены. Там уже ихими преследовать нас не посмеют! Клань ревностно охраняют свои охотничьи владения, и это стало бы поводом для войны, пусть все они и принадлежат к одному и тому же большому племени. Мужайтесь, Стелла!

Она взглянула на него с удивлением: он впервые назвал ее по имени. Это ее немного смутило, но в то же время и обрадовало.

И они продолжали уходить через холмы и впадины, пока Гропас не рухнул наземь.

— Больше не могу! Спасайте ее. Я попытаюсь их задержать.

Не говоря ни слова, гигант пригнулся, подхватил инженера и перебросил, словно мешок, через плечо.

— Вперед!

Но постепенно усталость взяла свое. Дыхание Лапрада сделалось коротким и свистящим, шаг замедлился, и наконец он опустил инженера на землю.

— Я больше не могу вас нести. Попробуйте идти за нами. Оставляю вам Лео.

Через несколько минут позади них щелкнул выстрел. Они обернулись. Гропас снова вскинул ружье. Вой раздался из высокой травы. И стрелы замелькали над головой грека. Тераи пожал плечами.

— Ему конец! Жаль — еще несколько таких походов, и он стал бы нормальным изыскателем!

— Неужели мы ничего не можем сделать?

— О, ну почему же? Можем погибнуть вместе с ним.

Вскинув ружье, Тераи зорко огляделся и дважды выстрелил по далеким кустам. Снова слышались крики, крики боли и ярости. Гропас бежал теперь к ним шатающейся рысцой загнанного животного, и на мгновение им показалось, что он сможет спастись. Но он споткнулся о пучок травы, упал, а когда поднялся, было уже слишком поздно. Две стрелы сразу вонзились ему в спину. Он обернулся, шатаясь, выпустил последние заряды из своего ружья и свалился навзничь. С торжествующим видом воинов-ихими выскочил из высокой травы, потрясая короткой саблей.

— Не смотрите!

Стелла не могла шевельнуться, скованная ужасом. Сабля взлетела и опустилась три раза, и воин высоко поднял за волосы голову инженера. Рыжая масса возникла за его спиной, мелькнула, и череп ихими треснул от удара огромной лапы. А Лео уже бросился на другого врага.

— Бегите, боже правый!.. Граница вон там, за ручьем! Я догоню. Тилембе, Акоара! Фага! Фага!

Трое мужчин вскинули ружья, и выстрелы загревели над саванной, отдаваясь эхом в соседних холмах. Ихими мелькали между островками высокой травы; пригнувшись, они бежали к ним с трех сторон. То и дело кто-нибудь из воинов приостанавливался, натягивал лук, и стрела с тихим шелестом пролетала в паре метров от беглецов.

— Подождите, голубчики, — пробормотал Лапрад, вставляя новую обойму в свой дымящийся карабин.

Лео свирепствовал за спинами ихими, появляясь то тут, то там, но воины, не замечая его, стремились вперед. Уже свалился Тилембе, судорожно хватаясь за оперение стрелы, пробившей ему горло. Что-то словно хлыстом обожгло плечо Стеллы — другая стрела, едва не попавшая в цель. Боль вывела ее из оцепенения, и она тоже вскинула ружье, пытаясь поймав на мушку кого-нибудь из нападающих. И вот один вдруг возник в прорези — вождь, тот самый, с кем они вели переговоры совсем недавно, — а казалось, века назад! Она плавно нажала на спуск, и первый раз в своей жизни убила человека.

— Bravo, Стелла, отличный выстрел! Ну всё, кажется, Лео прикончил последнего...

Саванну внезапно окутала тишина. Медленно, осторожно Лапрад двинулся вперед. В траве вокруг никто не шевельнулся: да, все было кончено. Он склонился над обезглавленным трупом инженера, пошарил по карманам и достал бумажник. Из него выпала фотокарточка юной девушки с надписью на обороте по-английски: «Моему Ахиллу! Всегда думаю о тебе. Твоя невеста, Люси».

— И у него еще была невеста, у этого идиота. Какого черта он явился сюда? И что за мерзавцы сидят в этом ММБ! Посылать на дикую планету дитя, у которого молоко на губах не обсохло! Придется теперь его зарыть в этой чужой для него земле. Вот же дерьмо!

Шокированная такой грубостью, Стелла уже хотела было разразиться упреками, но что-то в лице Тераи удержало ее. Раскосые глаза его под тяжелыми веками влажно блестели.

— Вот так оно и бывает! Желторотые юнцы вызываются добровольцами на поиски новых месторождений в надежде получить повышение, которое позволит поскорее вернуться на Землю. И подыхают как собаки от стрел дикарей, вдали от всего, что им дорого. Проклятый род человеческий! Акоара, гади онтубе!

Туземец подошел, неся на спине труп своего спутника. Он вынул из-за пояса лопатку с короткой ручкой и начал рыть могилу. Перегной был черен и горяч, и от него исходил чужой, странный запах.

— Вы знаете какую-нибудь молитву? Он, кажется, был верующим. Сам я...

— Он, вероятно, был православным, а я знаю только протестантскую службу, — сказала Стелла.

Тераи пожал плечами.

— Дорогуша, если Бог есть на свете, ему наплевать на все эти тонкости. Начинайте! Думаю, ему не хотелось бы покинуть сей мир без напутственной молитвы.

Допев псалом, Стелла подняла глаза. Тераи не было рядом: он с недовольным видом рассматривал короткую саблю, которой дикарь обезглавил Гропаса.

— Интересно, откуда у этого скота мачете? Первый раз вижу такое оружие в руках умбуру. Должно быть, украл у какого-нибудь изыскателя. Вы готовы?

Он бросил прощальный взгляд на два свежих холмика над одной могилой.

— Символ братства, последнего и, быть может, единственно возможного. Ладно, пойдёмте.

Закинув ружье Гропаса за спину, держа свое в руках, он зашагал вперед. Стелла поплелась следом. Акоара, также с двумя ружьями, шел позади. Лео исчез, посланный в разведку.

Они пересекли ручей, поднялись на противоположный берег. Далеко, очень далеко впереди над саванной поднимался столб дыма, позлащенный заходящим солнцем, и ветер вдруг донес до них глухой рокот барабанов. Тераи остановился так внезапно, что Стелла налетела на него сзади.

— Плохо дело. Похоже, михо тоже вступили на тропу войны. Боюсь, этот мерзавец вождь, которого вы так ловко срезали, немного приврал. Да уж, попали так попали...

— Что будем делать?

— Пробиваться, ничего другого не остается. Как только переправимся через Ируандику, окажемся в безопасности. Но до реки пятьдесят с лишним километров, а нам еще нужно будет проскользнуть ночью между двумя деревьями.

В эту ночь их никто не потревожил. День занялся ясный, безоблачный, саванна впереди казалась рыжеватым морем с мягкими волнами холмов. Тераи, как обычно, шел впереди,

за ним — Стелла, и последним — Акаоара. Лео надолго исчезал, возвращался, что-то «говорил» Лапраду и снова убегал. Около полудня им пришлось задержаться, чтобы пропустить многочисленное стадо крупных рогатых животных — горбами и бородами они отдаленно напоминали бизонов.

— Плохой знак. Раз они бегут так быстро, значит, их преследуют охотники, и этих охотников много. Надо спрятаться, переждать, пока они пройдут мимо. Акаоара, этин нике тито ме?

— Ига ме, Росссе Муту!

— Отлично, здесь поблизости есть пещера, Акаоара знает, где именно. Пойдемте.

Пещера оказалась всего лишь углублением в обрыве на дне сухого оврага, зато до этого убежища было недалеко. Они кое-как втиснулись в узкий грот. Тераи начертил на песчаном полу схематическую карту.

— Мы сейчас здесь. В десяти километрах отсюда — деревни-близнецы Тирн и Тирне, охраняющие проход в широкую долину реки Бозу, притока Ируандики. Оттуда до Ируандики — еще километров двадцать, а там уже владения ихамбэ. Если доберемся до них, вы будете в безопасности. Дождемся ночи и попробуем проскочить. Чего тебе, Лео? Они близко? Всем оставаться на местах!

Он согнулся, протиснулся сквозь узкий вход и исчез из виду. Время словно остановилось. Ни звука не проникало снаружи в грот. Измученная ожиданием, девушка взяла ружье и осторожно выглянула. Лапрада нигде не было видно.

Она долго озиралась и наконец заметила его: гигант взобрался по крутому склону оврага и залег над обрывом, поросшим кустарником. Она бесшумно поднялась к нему. Он раздраженно махнул рукой, но тут же тихо сказал:

— Осторожно! Они менее чем в ста метрах от нас.

Она подтянулась повыше. Стадо прошло, и в поднятой им пыли отставшие животные проносились, как уродливые шумные призраки. За ними легким упругим шагом бежало около сотни туземцев с луками.

— Большая охота, — шепнул Тераи. — Эти нам не опасны, разве что они заметят наши следы, но, думаю, они слишком заняты преследованием дичи. Переждем немного и пойдем дальше.

Преследуемые и преследователи скрылись вдали. Тераи облегченно вздохнул.

— Уф! Пока что пронесло! Сто человек — это было бы уже слишком даже для меня и Лео!

— Смотрите, вон и другие, справа!

Между кустами появилось несколько фигур. Геолог тихо выругался.

— Как же они достали, ей-богу... Однако...

Он выхватил бинокль из футляра и лихорадочно принялся наводить на фокус.

— Да ведь у них ружья, черт побери! И они не охотятся, они на тропе войны! Взгляните на их головные уборы!

Он передал ей бинокль. У всех четырех воинов над головами развевались султаны из перьев и на их лицах еще не высохла боевая раскраска.

— Что будем делать?

— Подождем. В любом случае, их нельзя упускать!

— Почему?

— Какой-то подлец, или подлецы, снова играют в старую игру: вооружают одно туземное племя, чтобы натравить его на другие! И, конечно же, они выбрали умбуру, единственное по-настоящему воинственное! Мне нужны эти ружья как доказательство — отошлю их в Бюро ксенологии!

Стелла почувствовала, как холодок пробежал у нее по спине. Неужели ММБ прибегает к таким методам, безотказным, но давно объявленным вне закона?

— А они не могли их на что-нибудь обменять у изыскателей?

— В нашей профессии нет сумасшедших. Любой знает, что это оружие может повернуться против него, как знает и то, что я доберусь до его шкуры, если только он попробует повернуть этот трюк!

— Они приближаются!

— Тем лучше. Не придется за ними бегать. Когда окажутся метрах в тридцати, стреляйте в двух первых, остальных я беру на себя.

— Но... это же убийство! Они нам ничего не сделали!

— Не волнуйтесь, сделают, если обнаружат. И потом, я уже сказал вам: мне нужны эти ружья!

— И все же я не могу...

— Если вы дрогнете, нас всех перебьют. Разыщите Лео! И принесите мой фотоаппарат! Живее!

Тон был такой, что она повиновалась. Когда она вернулась, четверо воинов стояли всего в пятидесяти метрах от оврага, внимательно осматривая землю.

— Фотоаппарат, скорей!

Тераи сделал серию снимков через телеобъектив. Туземцы снова двинулись вперед медленно и осторожно, с оружием наготове. Внезапно самый высокий из них вскинул ружье. Тераи пригнул Стеллу к земле и зажал ей огромной ладонью рот.

Фьюить!

Над их головами просвистела пуля. Тераи отпустил девушку.

— Они нас заметили?

— Нет, стреляют по кустам наугад. Должно быть, обнаружили наши следы. Вы все еще не решаетесь...

— Даже уже не знаю...

— Не хотелось бы рисковать жизнью Лео, но, видно, придется. Это слишком важно! Если позволить торговцам продавать или просто раздавать оружие умбуру, через пять лет вся планета умоется кровью.

— Хорошо, я с вами. В конце концов, не мы это начали.

— Браво!

Четверо воинов были уже всего в тридцати метрах от оврага. Вдруг один из них указал на куст, прицелился. Два выстрела почти одновременно прозвучали над ее ухом. Стелла тоже выстрелила, и туземец упал в траву. Остальные бросились бежать, но пули Тераи догнали их.

Переждав немного — может быть, противник хитрил? — гигант осторожно выбрался из оврага и приблизился к умбуру. Лео следовал за ним по пятам. Двое были мертвы, двое тяжело ранены. Тераи наклонился к ним, вытаскивая мачете.

— Остановитесь! Вы ведь не собираетесь их прикончить?

— Конечно собираюсь!

— Я не позволю!

Тераи обернулся, глаза его гневно сверкнули, но он сдержался.

— Как вам будет угодно, — проговорил он, пожав плечами. — Ночью их все равно сожрут хищники.

— Оставьте им хотя бы надежду! Быть может, их подберут товарищи, возвращаясь с охоты...

— Возможно... Но не будем терять времени!

Он подобрал одно ружье, осмотрел его.

— Негодяй, который снабдил их оружием, вытравил фабричную марку, но есть технические особенности, которые известны специалисту. Это старые «мазетти» миланского производства, полуавтоматы с высокой начальной скоростью пуль. Ничего себе!

Он сфотографировал три других ружья, разрядил их, разбил приклады о камень и своим геологическим молотком сплющил затворы.

— Больше ими никто не воспользуется! Уходим!

Солнце стояло высоко, и они шли еще долго, пока не укрылись в ожидании ночи в зарослях кустарника.

— А где Лео? — спросила Стелла.

— Он нас догонит.

И в самом деле сверхлев скоро появился. С ужасом и отвращением Стелла увидела, что лапы его в крови.

— Вы... вы приказали вашему зверю прикончить их?

— Да, и что с того? Мы здесь не на Земле, мадемуазель. Поверьте мне, я знаю правила здешней игры!

— Да вы просто дикарь!

— Разумеется! Иначе я бы недолго прожил среди дикарей этого мира. Если бы я их оставил в живых, племя решило бы, что я боюсь, и тогда конец. Тогда я недорого дал бы и за вашу жизнь, и за свою шкуру даже среди моих друзей ихамбэ.

— Я... Я...

— Вы хотите сказать, что лучше бы вам было остаться на Земле? Совершенно справедливо! Но вы явились сюда, чтобы увидеть дикарей. Что ж, вот я вам их и показываю! А теперь замолчите.

Она надулась и мрачно молчала до сумерек. Они снова двинулись в путь. Ночь спустилась непроглядная, луны еще не взошли. Пришлось пробираться сквозь заросли вслед за Лео, который вел их в темноте. Справа и слева слабые красноватые зарева дрожали над большими общими кострами

в селениях-близнецах, и время от времени оттуда доносился рокот барабанов. Тераи спешил. Все чувства его были напряжены. Дважды он останавливался, и, притаившись в кустах, они видели, как мимо скользили робкие тени.

— Влюбленные спешат на свидание, — объяснил он девушке. — Оба селения экзогамные, поэтому девушки могут выходить замуж только за юношей из другого клана.

Мало-помалу зарева костров померкли позади, и наконец они услышали плеск воды.

— Бозу! Еще несколько минут, и, думаю, мы будем спасены!

Берег был высокий, поросший деревьями, и они укрылись в их тени от света Антии, самой большой луны Эльдорадо, которая только что взошла. Тераи показал на длинную черную полосу, перпендикулярную берегу.

— Общинный рыболовный причал. Украдем у них одну посудину.

Пирог не охранялись. Тераи выбрал небольшую узкую лодку, с виду не слишком устойчивую, но, судя по всему, быстроходную.

— Садитесь! И ты, Лео, тоже!

Сверхлев колебался, не слишком спеша покидать надежную землю, но в конце концов решил и улегся на дне лодки. Геолог взял одно весло, Акоара другое, и они поплыли вниз по течению. Часа три спустя Тераи указал рукой на широкую водную гладь, мерцающую впереди при свете лун.

— Ируандика! Мы спасены!

глава 5

Под шатром из шкур

С телла резко проснулась и отбросила меховое покрывало. Через треугольный проем она видела долину и утоптанную площадку, вокруг которой стояли шатры из выделанных шкур. Ярко раскрашенные и разрисованные, они напомнили ей картинки детства, иллюстрации из книг об американском Западе. Она вышла из шатра.

Солнце давно уже поднялось над вершиной горы, обрывистый склон которой был изрыт пещерами. Вокруг — ни души, лишь трое ребятишек играли на площади у подножия большого тотема, такие похожие на человеческих ребятишек, что ей трудно было поверить, что они не принадлежат к человеческому роду.

Земляне прибыли поздно ночью. Тераи привел лодку в потаенную бухточку, где стояли пироги ихамбэ; низко нависшие ветви скрывали их от непосвященных. Дальше они пошли по извилистой лесной тропинке, оставив позади рокочущие воды Ируандики. Шли долго. Наконец Тераи остановился и трижды переливчато свистнул. Ответный свист прозвучал, как эхо, и навстречу им из темноты выступил воин. Тераи обменялся с ним несколькими фразами на туземном языке, затем они двинулись дальше и еще через полчаса достигли лагеря клана Техе из племени ихамбэ. Стелла была так измучена, что сразу же уснула.

Из соседнего шатра вышел старик и недоверчиво устался на девушку. Желтые глаза его под морщинистым лбом были все еще зорки и жестоки. Ей стало не по себе и захотелось быть поближе к геологу.

— Где Тераи Лапрад? — спросила она, сознавая, что делает глупость.

К ее величайшему удивлению, старик, похоже, понял.

— Росссе Муту? Йейо!

Сухая рука его указала на один из шатров, вход в который был тщательно завешен шкурой какого-то животного.

— Лапрад!

Никто не откликнулся. Она приподняла шкуру и вошла.

Он еще спал под меховым покрывалом, раскинув огромные голые руки. Стелла почувствовала неловкость и хотела уже выйти, когда легкий шум в другом углу шатра привлек ее внимание. Молодая туземка сидела там и шила кожаную одежду костяной иглой. Она поднялась и подошла к Стелле. Почти такого же роста, она выглядела совсем как земная женщина. Черные волосы, заплетенные в тяжелые косы, обрамляли лицо с тонкими чертами и прозрачными темными глазами. Только зубы, полуобнаженные в улыбке, были слишком мелки, и их было слишком много, да еще клыки

выступали чересчур далеко, придавая ее улыбке что-то хищное. От нее исходил слабый пряный запах.

— Моя Лаэле, — произнесла она на ломаном французском. — Твоя кто?

— Стелла Хендерсон.

— Твоя его жена? — она указала на Тераи.

— Нет, просто друг.

— Моя его жена.

Улыбка ее стала еще шире.

— Если твоя — его друг, твоя — мой друг.

Стелла была потрясена. Значит, правду рассказывали в Порт-Металле, что Тераи живет с туземкой, с самкой, не принадлежащей к человеческому роду! Она смотрела на Лаэле с ужасом. Громкий зевот заставил ее обернуться: проснулся Тераи.

— Вы уже познакомились? Прекрасно. Лаэле покажет вам, как живут женщины, чего я бы сделать не смог ...

— Как вы можете... — начала она по-английски.

Взгляд его сделался жестким.

— Не здесь! — оборвал он ее на том же языке. — Она может и понять. Позднее!

Он сбросил покрывало и поднялся во весь рост, обнаженный, в одних плавках. Он потянулся, и мускулы заиграли под его смуглой кожей, невероятно могучие и в то же время гармоничные.

— Неплохой образчик мужчины, а, мадемуазель? — проговорил он насмешливо. — Смесь четырех рас, и от каждой я взял самое лучшее!

Он шагнул к выходу, отбросил шкуру и снова потянулся, подставляя тело ласковым лучам солнца.

— До чего же хороша жизнь! Вы, городские жители, давно об этом забыли. Вчера я не дал бы и пары стелларов за наши шкуры, а сегодня... Что скажешь, Лео, я прав?

Сверхлев возник неизвестно откуда и теперь терся о бедро гиганта, хлеща его хвостом по голым ногам.

— Где же ваши друзья ихамбэ? — спросила Стелла. — Лагерь пуст.

— Одни на охоте, другие на реке или где-нибудь еще. Хотите искупаться? В это время дня вода должна быть хороша.

— Охотно, но что здесь носят в качестве купального костюма? Мой... остался в чемодане в отеле.

Он весело рассмеялся.

— Купального костюма? Своей собственной кожи здесь вполне достаточно! Ну что, идете?

Она покраснела от смущения. Ей уже приходилось купаться голышом на некоторых «шикарных» пляжах Гонолулу или Флориды, но под пристальным взглядом Лапрада она чувствовала себя неловко.

— Вы что, боитесь проиграть от сравнения с Лаэле? Лаэле, энта сике! Тчаболитэ на Стелла бигом!

Молодая женщина вышла из палатки, расстегнула кожаную тунику, и та упала к ее ногам. Она была великолепно сложена.

— Здесь, мадемуазель, совсем не те обычаи и условности, что на Земле. Никто не стыдится наготы, но никогда не входите без приглашения в какой-нибудь шатер во время трапезы. Этим вы нанесете им кровное оскорбление, и вас убьют на месте. И никогда не произносите слово «пища», это менее страшно, но считается чрезвычайно дурным тоном. Если вы голодны, пользуйтесь иносказаниями, например, попросите «то, что поддерживает жизнь». Ну, так вы идете на реку?

Это был маленький приток Ируандики, прозрачный и спокойный. Несколько десятков туземцев бродили по отмелям с острогами, охотясь за похожими на рыб водяными животными, другие, чуть дальше, просто купались в заводи. Стайка голых ребятишек, мальчиков и девочек, бросилась к Тераи с радостными воплями. Он схватил одного, высоко подбросил, поймал и поставил на землю. За первым последовал второй и третий, пока все ребятишки не побывали в его могучих руках. Визжа от восторга, они катались у его ног по песку.

— Это мой народ, мадемуазель. Они лучше, чем земляне, они даже не представляют себе, что такое «грех», а главное, не считают себя венцом творения. Ну давайте же, раздевайтесь — и в воду!

Лаэле уже отплыла от берега. Тераи бросился головой вниз, вынырнул и мощным кролем пошел к середине реки. Стелла озиралась, инстинктивно отыскивая местечко поукромнее, но такового нигде не было. Обнаженные мужчины

и женщины проходили мимо нее без всякого стеснения. Она пожала плечами.

— Что ж, взялся за гуж, не говори, что не дюж!

Свежая вода смыла пот, накопившийся за дни переходов. Она была превосходной пловчихой и вскоре, позабыв о стеснении, уже плескалась вместе с другими купальщиками. Тераи вынырнул рядом с нею, отфыркиваясь, словно морж.

— Bravo, Стелла! А я уж думал, что ваши земные пред-
рассудки окажутся сильнее и вы с нами не пойдете.

Они легли на воду и позволили течению отнести их обратно к песчаному пляжу. Здесь Стелла осталась лежать в воде, подставив спину солнцу, а Тераи сел на горячий песок.

— Вы только посмотрите! Чудесная раса, не правда ли? Жаль, что у них пятьдесят четыре хромосомы и сорок зубов! Если бы не это, я бы остался здесь на всю жизнь!

— Что же вам мешает?

— Когда-нибудь мне придется жениться на женщине с Земли, чтобы у меня были дети, чтобы мой род не угас. Впрочем, времени еще хватает!

Он нагнулся, схватил ее, перевернул на спину. Она принялась яростно отбиваться.

— Черт возьми, да не будьте вы такой недотрогой! Я хотел только посмотреть, не слишком ли я испортил вашу нежную кожу, когда вырезал ниамбу. А вы что подумали?

Он со смехом отпустил ее. Подплыла Лаэле, выбралась на берег и растянулась рядом с Тераи на песке.

— Видите, она уже ревнует! Женщины ихамбэ в этом смысле ничуть не лучше земных!

— Как вы подружились с этим племенем?

— О, это давняя история! Я тогда только прибыл на Эль-дорадо вместе с Лео, который был еще подростком. В ту пору от Порт-Металла до Ируандики добраться было гораздо легче, умбуру еще не занимали свою нынешнюю территорию. К тому же мне тогда было на все наплевать, жизнь я ни во что не ставил и сам лез в любую драку. Случайно мне повезло вызволить их вождя, отца Лаэле, из объятий болотного боа. Это да еще присутствие Лео помогло: племя приняло нас как своих. У меня не было, да и быть не могло, никаких расовых предрассудков, и я без труда с ними поладил.

Он встал.

— Пойдемте, мне нужно с вами поговорить.

Она подождала, чтобы он отошел подальше, выскочила на берег и быстро оделась. Тераи насмешливо наблюдал за ней с вершины обрыва.

— Я попросил вас пойти со мной, потому что не хочу, чтобы наш разговор слышала Лаэле. Она хорошо понимает французский и знает несколько слов из английского. Вас, кажется, шокировало то, что я живу с туземкой. Почему?

— Но это же не люди!

— Да, это не люди. Как я уже сказал, у них пятьдесят четыре хромосомы и сорок зубов. Кроме того, у них печень на месте селезенки и так далее. Но у них великолепное тело, а душа благороднее нашей, если только душа вообще существует. Почему бы мне и не жить с Лаэле, раз уж я люблю ее и ничто другое нам не мешает? Кое-какие анатомические различия? На Земле иногда попадаются люди, у которых сердце расположено справа, — разве они от того менее человечны? Ихамбэ не животные, мадемуазель. Если бы сходная эволюция сделала еще один шаг, если бы оба человечества оказались способными к взаимному оплодотворению, антропологам пришлось бы поломать голову, давая определение этому новому виду! Вы знаете, они очень близки к нам. Их пища подходит нам, серологические реакции у нас одинаковые, их болезни различны для нас, а наши — для них. К счастью, эти болезни почти одинаковые, иначе на Эльдorado давно бы остались одни лишь скелеты.

— Но как такое стало возможно?

— И это вы у меня спрашиваете, в то время как над этой проблемой бьются ученые всех научных институтов всех известных планет? Антропологи бледнеют при одном упоминании Эльдorado! Возможно, так вышло потому, что Эльдorado — единственная известная нам планета, которая обращается вокруг звезды, идентичной нашему Солнцу, за 362 дня, равных 25 часам 40 минутам земного времени, с наклоном планетарной оси в 24 градуса... Просто удивительно, что пути развития жизни здесь и на Земле оказались столь сходными!

— И все-таки...

— Старое предубеждение земных нордических рас против «аборигенов», да? Ладно, думайте, что хотите, но я должен вам кое-что сказать. Вы мне все мозги отканифонили, прося привести вас сюда...

— Вам было за это заплачено!

— Думаете, мне так нужны ваши деньги? Ладно, теперь вы здесь, чтобы писать, вот и пишите себе на здоровье, но если вы скажете хоть что-то такое, что огорчит Лаэле, я тотчас же отправлю вас обратно в Порт-Металл, и плевать мне на умбуру и всех остальных!

— Я вовсе не собиралась...

— А я вас и не обвиняю — просто предупреждаю. Давайте поговорим серьезно. Что вы хотите увидеть? Думаю, ваших читателей меньше всего интересует истина. Им подавай что-нибудь экзотическое. Экзотики у вас будет вдоволь. Скоро, после большой охоты, состоится Праздник Лун. Когда устаете от ихамбэ, я отведу вас в империю Кено — там у меня кое-какие дела. Этого, надеюсь, вам хватит?

— Да, пожалуй.

— Прекрасно. Подыхаю от голода. Уже почти полдень, а мы не ели как следует уже черт знает сколько времени. Пока вы здесь, вы моя гостья.

Безлюдная утроем, площадь теперь была заполнена мужчинами, женщинами и детьми; все посматривали на Стеллу с нескрываемым любопытством. Женщины хлопотали перед шатрами, готовя еду в глиняных горшках, поставленных прямо на угли. Лаэле встретила их с улыбкой.

— А мое присутствие не будет смущать вашу подругу, раз уж вы говорите, что совместные трапезы здесь табу?

— Нет. Поскольку вы наша гостья, к вам это не относится.

Они втроем вошли внутрь, и Тераи тщательно запахнул прикрывавший вход занавес. Усевшись на низенькие табуретки перед круглым столом, они перекусили прожаренным на рашпере мясом, бульоном из злаков и лепешками.

— А как они... удовлетворяют свои жизненные потребности, когда охотятся или когда нет шатров?

— Это несколько иное. И на Земле ведь есть люди, которые купаются нагишом в Вайкики или в Сен-Тропе, но

которым никогда не взбредет в голову разгуливать голыми по улицам.

— Сколько человек в этом клане? — спросила Стелла.

— Около сотни.

— Почему же тогда они так спокойны, в то время как на другом берегу умбуру уже вступили на тропу войны?

— Я мог бы сказать — потому что здесь я, но правда заключается в том, что племя, к которому принадлежит этот клан, может выставить восемьсот воинов, а весь народ ихамбэ — более двадцати тысяч, тогда как умбуру при всем старании едва ли наскребут и семьсот. Клань умбуру с той стороны Ируандики представляют собой лишь незначительную часть народа умбуру, который живет за горами Кикеоро. Это маленькая группка, переселившаяся сюда в результате межплеменных раздоров. Вот если бы поднялся *весь* народ умбуру, это было бы уже другое дело. Однако, как я вам уже сказал, сейчас здесь нахожусь я.

— А вы высокого о себе мнения!

— Не о себе, а о тех пулеметах, которые хранятся в моей лаборатории. Хотите на нее взглянуть?

За шатрами узкая тропа поднималась к подножию обрыва с многочисленными пещерами, выходящими на юго-запад. Тераи указал на них рукой.

— Там клан зимует. Один из гротов был слишком большим и открытым, поэтому никто не хотел в нем жить. Я обустроил его и превратил в лабораторию, склад и мое собственное зимнее жилище.

Вход в пещеру преграждала стена из камней, скрепленных цементным раствором. Тераи достал из кармана плоский ключ и открыл металлическую дверь. Он повернул выключатель, пещера осветилась. Глубиной метров в тридцать при ширине около двадцати, она была вся заставлена запертыми стальными шкапами. В промежутках по стенам тянулись стеллажи из досок, на которых лежали образцы различных минералов и ящики с провиантом. Один угол пещеры был превращен в лабораторию. В глубине за толстой стеной, не доходящей до потолка, стоял маленький атомный генератор Борелли. Вся передняя часть, отгороженная деревянной панелью, представляла собой комнату со столом, стульями

и огромной кроватью, на которой сейчас не было ни матраца, ни одеял. Здесь же стояла электрическая плита. Полки у стены были заставлены книгами.

— Моя скромная обитель, мадемуазель. Когда меня нет, никто сюда не входит. Хотите поговорить с Порт-Металлом? Послать первую статью? У меня здесь есть передатчик.

— Нет, спасибо. Мои статьи должны составить единую серию, которая выйдет в свет сразу же, как только я вернусь.

— Как вам будет угодно. Садитесь, возьмите какую-нибудь книгу, мне нужно кое-что передать.

Он устроился перед аппаратом:

— Вызывает RX2. Вызывает RX2. Записывайте. Алло, Сташинец? Говорит Тераи. Код номер три.

Включив автоматическую шифровальную машину, он продолжил:

— Мы только что прибыли к ихамбэ. Дело плохо. Гропас убит в стычке с ихими, которых мы уничтожили. Все умбуру сейчас на тропе войны, но я не знаю, против кого они поднялись. Кроме того, мы убили четырех михо, вооруженных ружьями. Да, ружьями. «Мазетти». Ты понял? Посылаю отчет с Акоарой. Тилембе тоже убит. Также передаю с ним фотоснимки и одно из ружей. Встреча на обычном месте. Он будет там дней через десять — двенадцать и подаст условный дымовой сигнал. Мисс Хендерсон? Она здесь, со мной, жива и здорова. Конец связи.

— У вас прекрасная библиотека, мсье Лапрад.

— Вы находите? Доставка сюда всех этих книг с Земли обошлась мне недешево! Здесь собраны почти все шедевры мировой литературы — или во всяком случае все то, что сам я считаю шедеврами. Кроме того, у меня есть научная и техническая библиотека, которой позавидовали бы многие университеты, если и не на Земле, то уж как минимум на колониальных планетах. Стараюсь тут не одичать, не позволить цивилизации убежать у меня сквозь пальцы.

— Вижу, у вас крайне мало современных земных писателей.

— А зачем они мне? На большинство из них даже времени терять жалко. Все эти мелочные ковыряния в чувствах и уж тем более в пороках городских людишек-муравьишек наго-

няют на меня скуку. О, полагаю, для вас, проводящей почти все свое время в больших городах, они и имеют ценность. Для меня же интриги всех этих малость тронутых завсегда-таев светских приемов, которые и месяца бы не прожили вне этого их стеклянного колпака, не представляют ни малейшего интереса.

— Однако Биллингуэй...

— Самый фальшивый из всех! Терпеть не могу любителей авантюр, или вернее — авантюристов-любителей, которые обрушиваются на какую-нибудь еще не освоенную планету, проводят там несколько месяцев, «разделяя с первопроходцами все труды и опасности», как сами они говорят, а потом возвращаются в свой уютный земной домишко и начинают один за другим штамповать романы, в которых кровь льется на каждой странице, а их самих принимают за настоящих мужчин!

— Но это их профессия! Что же им еще делать? Я и сама нахожусь примерно в таком же положении.

— Пусть сами хоть раз испытают в жизни то, о чем пишут! Тогда, быть может, они создадут всего лишь одно-единственное произведение, но оно хотя бы будет правдивым. Но вы здесь не для того, чтобы слушать лекцию о моих литературных вкусах. Пойдемте, я представлю вас самым влиятельным людям племени.

Тераи тщательно запер за собой металлическую дверь.

— В лагере царит поразительная чистота. Это ваше влияние?

— И да и нет. Ихамбэ чрезвычайно тщательно следят за своей внешностью, но вот о том, что их окружает, до моего прихода заботились мало. Теперь они регулярно производят уборку в пещерах и шатрах. Тем хуже для будущих археологов!

К ним приближался воин с великолепной фигурой и украшенным перьями высоким головным убором.

— Ээнко, старший брат Лаэле, — шепнул Тераи.

Он призывно махнул рукой. Воин остановился, уперев в землю тупой конец своего длинного копья.

— Ниентейи, Ээнко!

— Ниенте, Росссе Муту!

Лицо ихамбэ было как каменное, однако Стелла почти физически ощущала, как его черные холодные глаза буквально ощупывают ее с головы до ног.

— Представляю вам величайшего охотника и храбрейшего воина не только клана или племени, но и всего народа ихамбэ. Именно он в этом году отвечает за организацию большой охоты. Оффи энко Стелла этахоте низэн? — продолжил он, обращаясь к воину.

Внезапно улыбка вспыхнула на ожесточенном лице, и оно, утратив всю свою свирепость, сразу же превратилось в лицо обрадованного ребенка.

— Ом это ре, сига!

— Он рад видеть вас здесь, — перевел геолог. — Кенто хэ, на!

— Что означает «Россе Муту»? Я уже несколько раз слышала, как вас так называли.

— Человек-Гора, мадемуазель. Некоторые ихамбэ, как вы уже видели, почти с меня ростом, но я килограммов на тридцать тяжелее самого плотного из них! Идемте, я хочу представить вам еще кое-кого, хотя бы старого вождя Охеми, отца Лаэле и Ээнко.

Спускалась ночь. На площади горел, потрескивая, большой костер, вокруг него на звериных шкурах сидели воины, женщины, дети. Пламя освещало круг шатров, отбрасывая танцующие треугольные тени, и легкий ветер уносил искры, исчезавшие во мраке, как рой огненных пчел. Над горой поднялась бледная луна, и ее сияние разлилось там, куда не доходил свет костра. Время от времени рев хищников, вышедших на ночную охоту, нарушал торжественную тишину.

Один из воинов встал, приблизился к костру. Тихонько, не открывая рта, он затянул печальную мелодию. Он пел все громче, затем появились слова, и мелодия превратилась в песню, обращенную к звездам. Под эту песню воин начал плясать медлительно и однообразно — танец его напоминал длинный переход под проливным дождем. Голос певца был низок и звучен, и Стелла, не понимая слов, невольно поддавалась очарованию грустного ритма. Певец умолк, тишина словно сгустилась.

— О чем он пел? — спросила она шепотом.

— О жизни, мадемуазель. Это ритуальная песня восьмого дня перед Праздником Лун. Завтра пропоют песню охоты, послезавтра — войны.

— Могу я их записать? Мне бы хотелось иметь их в моей фонотеке.

— На следующий год, если вы все еще будете здесь.

— Могли бы и предупредить!

— У меня эти песни давно уже записаны. Если хотите, могу сделать для вас копию. А теперь смотрите!

Старый вождь поднялся, в свою очередь, приблизился к костру и бросил в огонь горсть какого-то порошка. Над костром взвилось сине-зеленое пламя. Вождь пристально смотрел на него, пока пламя не опало. Затем он вернулся на свое место. Тогда встал один из юношей. Он обогнул костер, сел напротив группы девушек и запел веселую быструю песенку.

— О чем он поет?

— Хм, это трудно перевести. Перечисляет все прелести девушки, в которую он влюблен. В этот вечер, вечер Голубой Луны, юноши сватаются к своим избранницам. Сейчас она ему ответит.

Ответ был коротким.

— Не повезло парню! Бедняга Блеи! Выбрал Энику, одну из самых красивых девушек племени, но у нее жестокое сердце.

— Что же он теперь будет делать?

— Ждать до следующего года... а может, попытает счастья с кем-нибудь еще!

Второй юноша приблизился и сел напротив другой девушки. На этот раз ответ был долгим и явно благоприятным, и они ушли вместе.

— С этой минуты они считаются мужем и женой.

— А если родители не согласны?

— Они бы сказали об этом юноше заранее. Но, как правило, это не удерживает влюбленных.

Одна за другой так соединились еще с десяток пар.

— Смотрите-ка, Ээнко! Наконец-то решился. И кого же он выбрал?

Великий воин явно колебался. Наконец он сел перед Стеллой.

— Черт возьми! Только этого не хватало! — пробормотал Тераи.

Ужасно смущенная, Стелла прошептала:

— Что я должна делать? Что он говорит?

— Женщина издалека, твоя кожа белее перьев ики, твои глаза сияют, как Голубая Луна, твои волосы желты, как лепестки теке! Ты не можешь быть смертной, наверное, ты богиня Синэ, сошедшая к людям, чтобы сводить их с ума. Скажи мне, кто твои враги, и я принесу тебе их окровавленные головы. Скажи мне, куда ты хочешь пойти, и я расстелю под твоими ногами ковер из драгоценных мехов и самых прекрасных полевых цветов. Ээнко — великий охотник, в шатре твоём всегда будет лучшее мясо, а шею твою всегда будут украшать клыки самых грозных животных. О богиня, сжался над смертным, который осмелился тебя полюбить!

— Это очень красиво, Тераи, но у меня нет ни малейшего желания выходить замуж за этого... в общем, за этого человека иного мира!

— Говорите что угодно, только нараспев. Я что-нибудь придумаю.

Стелла посмотрела на Ээнко, печального и смиренного в свете костра.

— Скажите ему, что я не могу стать его женой, что моя религия запрещает мне выходить замуж за человека другого народа, что я сожалею об этом, так как он, несомненно, великий и ужасный воин... и очень красивый мужчина, — добавила она вполголоса.

Тераи перевел, Ээнко молча поднялся и исчез по другую сторону костра.

— Плохо дело! Мне следовало подумать об этом раньше и не приводить вас сегодня к костру. И все из-за того, что вы очень красивы, — вы это знаете?

Она тихо рассмеялась.

— На сегодня мне хватило бы и одного признания! Но почему вы сказали, что дело плохо? Разве мне что-нибудь угрожает?

— Нет. Но Ээнко — мой добрый друг. Это на самом деле великий воин, и он уже не молод. То, что для других было бы

обычным, ничего не значащим отказом, может его глубоко ранить. Эти ихамбэ ужасно самолюбивы и обидчивы.

Огонь пожирал саванну. Он шел с запада, подгоняемый ветром, и дым клубился перед ним. Огненный вал шириной в десятки километров катился к оголенной бесплодной полосе у реки, которую ихамбэ использовали для загона с незапамятных времен, каждый раз вырубая заранее редкий кустарник. И перед этой стеной огня бежали животные, хищные и травоядные вперемежку, объединенные великим братством страха.

Тераи, выпрямившись во весь свой гигантский рост, стоял рядом со Стеллой на выступе скалы. Несмотря на то, что они были довольно высоко, клубы горького дыма временами поднимались и сюда, и девушка спрашивала себя, как выдерживают этот ад охотники внизу, на равнине, где можно было задохнуться. Временами она видела, как они стреляли из луков по отставшим животным и как женщины тут же разделявали туши и бегом уносили шкуры и мясо, спасаясь от наступающего огня.

— А ваших друзей не назовешь спортсменами! Это больше похоже на бойню, нежели на охоту!

— Да, это и есть бойня. Большая осенняя охота — не забава, а способ обеспечить себе пропитание. Они закоптят мясо на свой манер, или засолят, как я их тому научил, и будут есть его всю зиму. Когда настанет пора проливных дождей, дичь здесь практически исчезнет.

— Сколько времени длится сезон дождей?

— От двух до трех месяцев, год на год не приходится. Иногда почва настолько пропитывается влагой, что в нее проваливаешься по колено.

— При таком климате, казалось бы, здесь должны были разрастись настоящие джунгли.

— Они и разрослись — там, дальше, на юге, как вы и сами уже видели. Но мы не на Земле, растительность здесь другая, и кроме того, пожары, случайные или намеренные, держат лес в его границах.

— Погода портится.

— Так и есть, скоро будет гроза. Поэтому-то ихамбэ и топропятся. Вы только посмотрите на женщин!

За оголенной для защиты от огня полосой маленькие фигурки, похожие на прямоходящих муравьев, быстро утаскивали санки, нагруженные кровавыми кусками мяса.

— А отсюда до деревни пять километров! И потом они еще будут плясать всю ночь!

— Охота была удачной?

— Да, слава богу. В противном случае, мне едва ли удалось бы убедить моих друзей в том, что это не вы принесли им несчастье.

— Я ведь им не нравлюсь, не так ли? Я видела это по глазам вашей... Лаэле.

— А почему вы должны им нравиться? Вы здесь всего несколько дней...

— Однако Ээнко...

— Это другое. Признаюсь, когда вы ему отказали, я вздохнул с облегчением. Иначе все сильно бы усложнилось.

Вспыхнув, она повернулась к нему.

— Неужели вы могли подумать...

— Хе, некоторые женщины из Порт-Металла уже прошли через это! Из любопытства, полагаю.

— Скорее из порочности! И если вы считаете, что я такая...

— Я уже давно ни за что не осуждаю себе подобных, — произнес он, пожимая плечами. — Встречаются же волки и собаки, шакалы и гиены!

— Кто же тогда вы сами?

— Волк, мадемуазель. И мои друзья тоже.

— Значит, я, по-вашему, собака?

— Я вас слишком мало знаю, чтобы судить, но, полагаю, в вас тоже есть что-то от волчьей породы. И когда-нибудь она себя покажет.

Стелла рассмеялась.

— Вы ошибаетесь! Думаю, я скорее из породы кошачьих.

— Чарующие и опасные звери! Во всяком случае, самцы. Самки хуже — они рабыни своего естества.

— Ну, ко мне это не относится! Ладно, пойдемте, надоело уже смотреть на это истребление.

Низкие черные тучи неслись по небу, застилая свет. Стелла и Тераи спустились к подножию скалы. Когда девушка

спрыгнула на траву с последнего каменного уступа, неподалеку послышалось глухое рычание.

— Глядите-ка — Лео! Где это он бегал?

Тераи оттолкнул ее назад так резко, что она упала.

— Да вы просто... грубиян!

— Молчите! Это не Лео! Это псевдотигр! А у меня нет с собой ружья. Я думал, что перебил их всех на двадцать льё вокруг!

Он говорил вполголоса, всматриваясь в нагромождение глыб, казавшееся еще более хаотическим в мертвенном предгрозовом освещении.

— И что будем делать?

— Возможно, он на нас и не нападет. Если же вдруг нападет, у меня есть нож.

— Этого мало!

— Помолчите, вот он!

Молния разорвала темное небо, озарив все вокруг, и Стелла увидела на миг хищника: оранжевого цвета, с редкими черными полосами, он показался ей гораздо крупнее и массивнее земного тигра. После яркой вспышки сумерки словно сгустились, и теперь она различала в темноте лишь два узких глаза, горящих зеленым огнем.

— Йохииооохоо!

Боевой клич Тераи раскатился по долине, и скалы ответили ему гулким эхом. С ножом в руке он двинулся навстречу хищнику. Хриплое рычание послышалось сзади, и Стелла, резко обернувшись, увидела второго псевдотигра, самку, которая ползла к ним, извиваясь в высокой траве.

Стелла поняла, что это смерть. Несмотря на мужество и силу ее спутника, даже он не смог бы справиться с двумя хищниками. В отчаянии она оглянулась, надеясь найти какое-нибудь убежище. Но второй зверь уже отрезал их от скал, да и в любом случае она не успела бы взобраться достаточно высоко, чтобы он ее не достал. Ужас пригвоздил ее к месту.

Гривастое тело обрушилось на спину тигрицы словно с неба, и два зверя сплелись в желто-оранжевый ком. Одновременно самец прыгнул на Тераи. Тот увернулся в последнее

мгновение, рука его мелькнула, и нож вспорол бок хищника. Псевдотигр прыгнул снова. Сбитый массивной тушей, Тераи упал, хищник тоже по инерции покатился в траву. Но человек, оглушенный, не двигался, а зверь встал и пошел к нему, судорожно разевая клыкастую пасть. В отчаянии Стелла схватила камень и швырнула его изо всех сил. Камень отскочил от толстого черепа, но внимание зверя было отвлечено. Неторопливо, словно насмехаясь, он двинулся к Стелле. Она со стоном упала на землю и словно в кошмарном сне смотрела, как багровая клыкастая пасть приближается и приближается. Время остановилось. Стелле казалось, что она уже целую вечность слышит рев самки в ее последней смертельной схватке и глухое рычание Лео. Псевдотигр дыхнул ей в лицо, ее обдало горячим гнилым дыханием, и она закрыла глаза. Боль... смерть...

Не было ни боли, ни смерти. Она открыла глаза и приподнялась. Тераи сидел на псевдотигре верхом и пытался двумя руками заломить ему голову вверх. Зверь отбивался, но лапы его шлепали по земле, не достигая противника. «Где нож? Где нож?» — мелькнуло у нее, и вдруг она увидела: кинжал Тераи воткнулся в землю метрах в четырех от них. Она бросилась к нему, вырвала нож из земли и протянула геологу. Тот мотнул головой. Нет! Она не знала, что делать ей в этой схватке титанов.

— Жи... вот, — выдохнул наконец Тераи.

Невероятным усилием он перевернул зверя на спину, поставив его серебристое брюхо, испачканное грязью.

— Скорее!

Она подбежала, неловко ткнула ножом, удивленная и испуганная тем, что шкура оказалась такой упругой. Затем, стиснув зубы, надавила изо всех сил. Лезвие внезапно вошло по рукоять, кровь брызнула ей на руки, и псевдотигр взревел. В то же мгновение Тераи последним усилием вывернул набок его страшную морду.

Кости хрустнули. Он отпрыгнул, но недостаточно быстро. В своей агонии псевдотигр располосовал ему правое плечо. Тераи поднялся, шатаясь, и воздел руки к небу, низвергавшему на него водопады.

— Йохиооохоо!

Молния осветила его огромную фигуру, залитую кровью и дождем. Взгляд его упал на Стеллу. Под этим взглядом девушка сжалась в комок. Он шагнул к ней, схватил ее за плечи и грубо, жадно поцеловал. Сначала Стелла не сопротивлялась, слишком испуганная и пораженная, но потом пришла в себя и начала отчаянно отбиваться.

— Нет, Тераи! Не надо!

Он выпустил ее и, понутив голову, отступил на шаг.

— Простите, — проговорил он глухим голосом. — После боя, когда приходится драться вот так врукопашную, я сам зверею...

— Ничего, я понимаю. И спасибо за то, что снова спасли мне жизнь!

— Если бы вы не бросили камень... Ладно, пойдемте взглянем на Лео, боюсь, ему тоже порядком досталось.

Лео сидел рядом с мертвой тигрицей.

Завидев их, он встал. Тераи внимательно осмотрел своего друга, но, если не считать длинной царапины на левом боку, тот был цел и невредим.

— Отделался легким испугом. Но вот вы...

— Я не ранена, это ваша кровь и кровь тигра. Ваша правая рука...

— Пустяки! Продезинфицирую рану, и все будет в порядке.

Трое воинов ихамбэ выступили из темноты, держа наготове луки, посмотрели на мертвых хищников, перевели взгляд на Лео с Тераи.

— Росссе Муту! — пробормотал самый старший из них с благоговением, почти с ужасом.

— Шкура самца почти не пострадала, — сказал Тераи. — Я прикажу выделать ее для вас. Когда вернетесь на Землю, это будет неплохим сувениром.

«От агента 123-К, в центральный совет Бюро ксенологии, секция III, срочное сообщение.

Ситуация на Эльдорадо осложняется. Свободный агент F-127 убил в схватке четырех туземцев из наиболее воинственного племени. Туземцы были вооружены ружьями «мазетти». Есть ли у них другие, нам не известно. Необхо-

димо срочно выяснить, каким путем это оружие было тайно доставлено на Эльдорадо. Подробный отчет сразу же после получения вещественных доказательств и обещанных агентом F-127 фотоснимков. Ситуация угрожающая. Повторяю: ситуация угрожающая».

Станислав Игрищев по прозвищу Сташинек посадил свой вертолет на вершину одного из холмов Мито, в десяти километрах к северу от Порт-Металла. Ночь была непроглядная, по небу, закрывая луны, бежали тучи, внизу, у подножия холма, холодный ветер гнул верхушки деревьев. Игрищев взглянул на бортовые часы.

— Полночь! Он уже должен быть здесь.

Помедлив немного, он взял револьвер, выбрался наружу и замер, прислонившись к кабине вертолета. Кругом — только тьма да ветер в листве. Подождав еще минут десять — пятнадцать, он включил карманный фонарик и направился к кустам. Слабый стон привел к его Акоаре, лежавшему неподалеку в луже крови. Игрищев склонился над раненым. Легкий шум за спиной заставил его обернуться и вскинуть руку в инстинктивном защитном жесте. Тяжелое стальное лезвие раскроило ему череп.

Заметка из газеты «Новости Порт-Металла»:

Убит еще один изыскатель

Сегодня утром воздушный полицейский патруль заметил на вершине одного из холмов Мито брошенный вертолет. Сержанта Хауэлла это удивило, и он приземлился поблизости. В кабине вертолета никого не оказалось, но неподалеку сержант обнаружил труп господина С. Игрищева, геолога. Предпринятые тут же розыски позволили найти убийцу. Им оказался туземец по имени Акоара, тяжело раненный, но вооруженный украденным где-то ружьем. Из короткой перестрелки победителем вышел представитель закона. Убитый им туземец в прошлом оказывал г-ну Игрищеву и его компаньону кое-какие услуги, так что, по-видимому, трагедия разыгралась на почве личной мести.

Праздник Лун

— **Н**е знаю, Стелла, понравится ли вам это зрелище. Он состоит из нескольких символических частей, где символизм довольно реалистичен. Праздник Лун — это еще и праздник плодородия.

— Что я, по-вашему, совсем дура?

— А почему вы вообще выбрали такую профессию?

— Какую — *такую*?

— Профессию журналистки.

— Разругалась с семьей — нужно же мне было как-то зарабатывать на жизнь?

— Могли бы найти и более достойное занятие.

— А что недостойного в том, чтобы информировать читателей?

— И это вы называете «информировать»?

— О, я готова признать, что некоторые мои коллеги обращаются с фактами слишком вольно. Но сама я буду писать только правду, во всяком случае, ту правду, какой я сама ее вижу. А большего ни от кого нельзя требовать.

Тераи иронически усмехнулся.

— С интересом ознакомлюсь с вашей прозой.

— Вы мне не верите?

— Ну почему же — очень даже верю!.. И все-таки, что вы расскажете об Эльдорадо?

— Что это прекрасная планета, все еще населенная дикарями, но которая тоже когда-нибудь встанет на путь цивилизации.

— Вашей цивилизации с ее зловонными городами, дистрибьюторами кока-колы и эрзац-шампанского, трехсотэтажными небоскребами и абстрактными рекламными афишами? С полуничшим пролетариатом, отупевшим от телевидения? С политическими партиями, чаепитиями, поездками за город? С органами социального обеспечения, опекающими вас от колыбели до могилы? Единственное, что они еще не умеют, там, на Земле, так это производить детей!

— Я признаю, что в нашей цивилизации немало отрицательных черт, но в целом ее нельзя отвергать. Вы и сами — плод этой цивилизации, хотите вы этого или нет.

— Я обязан ей слишком малым!

— Вы так думаете? А ваши книги, ваш атомный генератор, ваш передатчик, ваши лекарства, даже ваше ружье? Все это — продукты земной цивилизации.

— Вот только не принимайте меня за примитивиста! Я счастлив здесь, среди ихамбэ, мне повезло, что я могу жить их простой, здоровой жизнью, не испытывая неудобств варварства, но я не сумасшедший, мечтающий о возврате всего человечества на лоно природы. Но все это не значит, что земная цивилизация может служить образцом для остальных народов вселенной!

— Чего же вы хотите для Эльдорадо?

— Чтобы его оставили в покое! Чтобы здесь не повторялись старые ошибки, столь дорого стоившие Земле, Теллусу, Новой Земле и еще нескольким десяткам планет, которые ваша стадная потребительская цивилизация выхолостила и разграбила только лишь для того, чтобы земляне и впредь могли захламлять свою жизнь бесполезными игрушками.

— Иначе говоря, чтобы этих дикарей оставили прозябать в невежестве?

— Они от этого не являются более несчастными! Но оставить все как есть тоже невозможно. Бюро ксенологии приносит немало пользы, когда ему не мешают корпорации вроде вашего ММБ! Да, мы можем, мы должны помогать отсталым планетам, при условии, что будем относиться с уважением к их народам, крайне осторожно знакомить их с нашими изобретениями, с нашими обычаями и нравами, стараясь по мере сил не прививать им наши пороки. Неподалеку от Порт-Металла проживают два племени. До прибытия землян они жили не очень-то и сытно, но с достоинством. Теперь мужчины готовы на все ради выпивки, женщины продаются кому попало за ввезенные с Земли безделушки, и племена вымирают от алкоголизма и тоскливого безразличия ко всему, потому что их жизнь утратила смысл. То же самое едва не произошло с моими полинезийскими предками, когда европейцы вздумали их «цивилизовать». Виски, перно́ и Библия

едва их не прикончили! Вы видели фотографии Таити до возрождения? Все эти ужасные бараки из гофрированного железа, эти утратившие все свое своеобразие танцы для туристов? Все эти отвратительные сувениры из перламутра и кокосовых орехов? Тьфу!

— По-вашему, нужно уступить всю вселенную людям из Бюро ксенологии?

— Нет, только планеты, населенные разумными существами. К сожалению, другие зачастую менее гостеприимны, и это отражается на стоимости добычи руды или производства сырья! К тому же обитаемые планеты поставляют дешевую рабочую силу. Здесь, на Эльдорадо — к счастью для ихамбэ и других племен, — у ММБ лишь ограниченная лицензия! Но вы когда-нибудь бывали на Тикхане? Лео, перестань чесаться и иди сюда!

Тераи погрузил пальцы в рыжую гриву, выискивая блох.

— Кстати, вот вам яркая параллель: исследователи, ученые и некоторые миссионеры представляют собой благородную часть человечества. К несчастью, следом за ними являются торговцы и охраняющие их военные, а также всякого рода дельцы, которых они таскают за собой, как Лео таскает за собой своих блох. Паразиты в гриве льва, вот что такое ваше ММБ и им подобные!

— Неужели вы полагаете, что освоение космоса было бы возможно без участия крупных трестов, государственных или же частных? Кто, по-вашему, оплачивает все эти космические полеты?

— О, разумеется, Земля должна сохранить космический флот! Если мы до сих пор не столкнулись в космосе с враждебными нам разумными существами, это еще не значит, что мы с ними никогда не столкнемся!

— Но минеральные запасы нашей планеты иссякают и... Тераи расхохотался.

— И вы говорите это геологу! Да-да, я знаю теорию Осборна! Разграбленная планета! Этот древний классик в каком-то смысле был прав. Да, кое-какие ресурсы действительно уже исчерпаны. А тут как раз изобрели гиперпространственный передатчик материи, который превратил разработки сырья на других планетах из экономической бессмыслицы

в весьма прибыльное дело. Стало гораздо проще добывать хром на Эльдорадо, чем закладывать у себя глубокие шахты, в которые могут спускаться лишь роботы! Вот вам и все объяснение! Когда становится невыгодным вести разработки на Земле, дельцы отправляются к соседям. Но тут есть одно неудобство. Соседа надо либо ассимилировать, либо уничтожить. К тому же, когда сосед, в свою очередь, достигает определенной стадии развития, у него остаются только глубокие месторождения, которые он с его техникой не способен использовать. Тем хуже для него, пусть выпутывается как знает! В Полинезии были запасы только одного вида сырья, представлявшие какую-то ценность, — фосфаты на Мака-теа. Когда они истощились, европейцы с благородной миной ушли якобы под нажимом Объединенных Наций и бросили полинезийцев на произвол судьбы. Если бы не светлый разум моей бабки, Нохораи Оопы...

— Стало быть, создательница Полинезийской федерации была вашей бабушкой?

— Да. Ей удалось разбудить островитян. Кроме того, мы получили техническую помощь от правительств бывших великих колонизаторских держав, но только не от крупных трестов, о нет! Для них мы уже не представляли интереса.

— Вы сказали — *мы*?

— Моя юность прошла на островах, и я считаю их своей родиной. Мы сумели выкрутиться — за счет ферм по разведению морских растений и животных, даже, представьте себе, китов, солнечной энергии и тому подобного. Но исключительно потому, что получили передовую технологию.

— И вы опасаетесь, что здесь будет то же самое?

— Вы видели Тикхану? Там ваши драгоценные компании разыграли свою партию как по нотам. Что осталось от художников Кхомары, города тысячи колонн? Что осталось от Голубых островов, которых первые исследователи описывали настоящим раем? Что осталось от тикханцев с их тысячелетней, но не индустриальной цивилизацией?

— В конфедеративном парламенте есть делегаты-тикханцы!

— Тикханцы? Или же бледные подобия землян? Они уже даже говорят не на своем родном языке, а на выродившемся,

утратившем все свое своеобразие английском, который стал таким межпланетным лингва франка. Лишь немногие филологи в их университетах могут оценить всю красоту «Рубаники» или «Мохан-таривы»!

— Да, но их население, не превышавшее во времена их независимости ста пятидесяти миллионов, сейчас насчитывает уже три с лишним миллиарда!

— И в один прекрасный день они сядут нам на шею! У них не осталось никакого стимула в жизни, ничего, кроме той ненависти, которую они к нам питают! Нет, я знаю, что говорю. Все эти речи политиканов не изменят ничего в том факте, что они нас ненавидят. И я их понимаю, даже одобряю такое их отношение! Но вот крупным трестам на все это наплевать — они уже выкачали из Тикханы миллионы тонн редких или полезных металлов!

— И однако же вы тоже работаете на ММБ.

— Мадемуазель, я работаю на себя самого. Как я уже вам говорил, ММБ никогда не сможет наладить разработку месторождений, на которые я им указываю за приличные деньги, так как они никогда не получают неограниченной лицензии, да и ограниченная, срок которой истекает через двадцать лет, возможно, тоже не будет возобновлена.

— В конечном счете, мне до этого нет дела. Я уже никак не связана с ММБ. Скажите лучше, что представляет собой этот ваш Праздник Лун.

— Пойдемте, он скоро начнется, объясню все по дороге.

Тераи резко распрямился, помог встать девушке. Уже стемнело, и все ихамбэ, сидя вокруг большого костра на центральной площади, напевали какую-то монотонную песню.

— У ихамбэ культ солнца и лун. Солнце — это муж, три луны — его жены. От них зависит плодородие, позволяющее племени восполнять потери и становиться все более и более сильным. Движение спутников таково, что примерно раз в три года все три луны восходят одновременно над Горами Предков, между вершинами Колонту и Бирэ-Отима. Они считаются священными горами племени...

— Я полагала, это гора Хетио!

— Россэ Мозелли? О, это совсем другое дело! Эта гора — табу для всех народов северного континента, и я бы сам хотел

знать почему. Как бы то ни было, когда все три луны восходят одновременно, начинается Праздник Лун. Раньше каждой луне приносили в жертву по девушке. Но сто с лишним лет тому назад этот жребий пал на Энлизю, невесту Тлека, самого грозного в те времена воина ихамбэ. Он похитил ее еще до начала церемонии и покинул лагерь вместе со своими соратниками. Ихамбэ до сих пор вспоминают гражданскую войну, которая началась из-за этого! В конце концов какой-то прозорливый шаман догадался по-иному истолковать устную легенду, и с тех пор ихамбэ больше не приносят в жертву лунам девушек — довольствуются тем, что приносят в жертву их целомудрие!

— У всех на глазах?

— О нет! В священном гроте, в присутствии только лишь тех, кто удостоился большого посвящения.

— Надеюсь, на сей раз мне ничто не грозит?

Тераи рассмеялся.

— Нет, вам опасаться нечего!

Они сели на указанное им место между вождем и Лаэле. Теперь все туземцы сидели в безмолвии, склонив головы на грудь, и лишь один юноша с верхней площадки очень высокой трехногой вышки что-то выкрикивал звонким голосом.

— Наблюдатель за Лунами, — шепнул Тераи. — Возвещает об их появлении между горными пиками.

Стелла подняла голову, взглянула на восток. Ночь была ясной, звезды сверкали, и яркая полоса Млечного Пути пересекала небо по диагонали. На востоке было еще темно, однако слабое сияние уже разливалось из-за горных вершин.

— Еще несколько минут, — сказал Тераи. — Когда Луны взойдут, мне придется вас покинуть. Я — член клана. Оставайтесь с Лаэле, она вам все объяснит и при необходимости защитит вас.

— Вот оно что! Значит, вы тоже участвуете в этом обряде? — насмешливо спросила Стелла.

— Не в том, о чем вы думаете, — сухо произнес Тераи. — Я не удостоился большого посвящения. Пока не удостоился!

Время шло. Темнота в восточной части неба медленно рассеивалась, и седловина меж двух вершин выступала отчетливее на все более светлом фоне.

— Антия! Тсана! Ноба! — прокричал вдруг юноша с высоты своей вышки.

Из-за гор появился ярко-желтый рог, и Антия величественно всплыла в небо.

С долгим переливчатым завыванием ихамбэ вскочили на ноги. Тераи последовал их примеру.

— Встаньте же, черт возьми! Вы что, хотите, чтобы нас прикончили?

Одна, две, десять, сто разноцветных ракет с шипением взвились к зениту. Стелла смотрела на них, открыв рот от изумления.

— Вы дали им ракеты?

— Нет, это изобретение кеноитов. Заряд из спор гриба *Roquetta Spraguei* — обычное для Эльдорадо сочетание серы и селитры. Корпус ракеты сделан из стебля легкого бамбука. Туземцам давным-давно известно, что некоторые минералы могут придавать пламени различные цвета. До скорого!

Он присоединился к группе воинов, сбросив всю одежду и оставшись только в кожаной набедренной повязке. Один из ихамбэ подал ему длинное копье, и Тераи встал в круг рядом с великаном Ээнко.

Бом! Бом! Бобом! Тамтам гремел сначала медленно, но ритм его ударов постепенно учащался, и воины, подчиняясь ему, двигались вокруг большого костра, выбрасывавшего синие языки. Все три луны теперь взошли, как тяжелая гроздь почти сливающихся ярких дисков. Воины вскрикивали, потрясая копьями, гладкие тела их лоснились от пота, гигантские тени плясали на земле и на разноцветных шатрах. Барабан выбивал лихорадочную дробь, и Стелла чувствовала, что невольно поддается его ритму, что голова у нее кружится, и она всем телом отвечает на глухой пьянящий призыв, еле удерживаясь на месте.

— Ффушшш!

Огромный столб пурпурного пламени взвился над костром, затопив все вокруг кровавым светом. Земля разверзлась, из глубины ее поднялась площадка, на которой стояли, торжествуя, три юные обнаженные девушки.

— Моя камера!

Стелла рывком отцепила застёжку на поясе, под которой скрывалась одна из миниатюрных кинокамер, быстро включила автоматическую наводку.

— Росссе Муту очень сердиться, — произнес рядом с ней чей-то голос. Стелла с удивлением обернулась. Лаэле показывала пальцем на застёжку.

— Но я не делаю ничего плохого!

— Это аппарат для картинка. У Росссе Муту такой же в пуговица.

— Ну и пусть сердится, плевать я хотела! — бросила в ответ Стелла, вне себя от злости.

— Твоя любить его?

— Я? Конечно, нет! Мы только друзья!

— Твоя любить его, может, сама не знать. Твоя здоровый, красивый, давать ему сильные дети. Моя не мочь, — добавила она огорченно.

— Этого еще не хватало! Он что, говорил об этом?

— Нет. Моя сама видеть, как он смотреть на твоя. Он, моя — нет детей. Он брать другой женщина. Если нет — зачем твоя отказать Ээнко?

— Потому что он не моего народа. Другого! И потом, у нас не выходят замуж за незнакомцев!

— Твоя, Росссе Муту, дети. Луны сказать. Если Антафаруто позволить.

— Антафаруто?

— Бог смерти!

Лаэле пять раз сплюнула на землю справа от себя.

Словно обезумев, стучал тамтам, вереница воинов змеей извивалась вокруг костра; копыта были брошены к ногам трех девушек. Подул легкий ветер, синие и красные языки пламени заколыхались, и пляшущие отблески вплелись в хоровод разгоряченных тел, убыстряя его движение. Внезапно, повинувшись резкому крику, воины повернулись лицом к шатрам и замерли.

— Теперь наша танцевать, — сказала Лаэле.

— Только не я! Я здесь чужая!

Молодые женщины быстро выстраивались напротив воинов. Лаэле схватила Стеллу за руку, не грубо, но твердо.

— Твоя — женщина. Хотеть детей? Тогда танцевать!

— Нет!

— Твоя идти!

Рука Лаэле сжалась сильнее. Стелла хотела вырваться, попыталась оттолкнуть ее другой рукой и замерла: Лаэле кольнула ее острием длинного стального ножа.

— Твоя идти!

Ошеломленная, Стелла позволила увлечь себя в круг. Лаэле резко отодвинула трех женщин и рывком поставила Стеллу перед Тераи. Сначала гигант ее не заметил, он тихо переговаривался о чем-то с соседом. Пот струился по его телу, и при свете костра он походил на бронзовую статую какого-то мифического бога давно забытых времен. Барабан снова глухо зазвучал. Тераи поднял глаза, увидел Стеллу, и насмешливая улыбка раздвинула его губы. На этот раз танец был медленным. Мужчины делали три шага вперед, умоляюще протягивали руки, женщины отступали. Затем все повторялось. Но вот барабан зарокотал быстрее. Воины прыгнули вперед, схватили женщин за кисти рук, и Стелла почувствовала, как огромные ладони Тераи сжались вокруг ее пальцев. Он больше не улыбался, лицо его застыло.

— Сопровитляйтесь, — шепнул он.

Она начала неловко отбиваться, не в силах отвести глаз от лица гиганта, нависшего над нею. «Он прекрасен, как фавн!» — пронеслось у нее в голове. В отблесках утасяющего костра черты Тераи потеряли свою жесткость, и теперь его лицо с раскосыми глазами, выдающимися скулами, орлиным носом и мощным подбородком казалось древней маской, влекущей и пугающей.

Ритм тамтама убыстрялся. Внезапно Стелла почувствовала, как ее подхватили, уложили на землю.

— Не бойтесь, это не по-настоящему — только для вида, — шепнул Тераи ей на ухо.

— Все равно — это уж слишком!

— Тут уж я бессилен! Сейчас все закончится. Зачем вы вышли в круг?

— Ваша... жена меня заставила, угрожая ножом. Она вбила себе в голову, что раз уж сама она не может дать вам детей, их должна нарожать вам я!

Он вздрогнул от удивления, затем пробормотал:

- А ведь неплохая мысль, знаете ли...
- На меня не рассчитывайте!
- Кто знает?

Внезапно в глазах его полыхнуло пламя, и он жадно приник к ее губам. Стелла попыталась оттолкнуть его, но какое-то оцепенение овладело ею, и она перестала сопротивляться.

Барабан умолк. Тераи вскочил на ноги, помог Стелле подняться. Вокруг них, смеясь, вставали другие пары танцоров. Тераи стряхнул пыль с ее одежды. Девушки, королевы праздника, исчезли, так же как и несколько молодых воинов. Умирающий костер отбрасывал зыбкие тени.

— Церемония окончена. Сейчас начнется пиршество, на котором вы должны присутствовать, раз уж участвовали в ритуальном танце.

— Я... вы... вы воспользовались тем, что сильнее, грязное животное!

— Не похоже, чтобы это было вам неприятно! Ладно, пойдемте, не будем ссориться, ихамбэ сочтут это за дурное предзнаменование. Но когда я подам вам знак, тотчас же уходите. Когда мои друзья переберут беке, за вашу добродетель я уже не отвечаю!

глава 7

Воды Иргуандики

Тераи отложил весло, сдвинул на затылок соломенную шляпу и, схватив флягу, жадно выпил несколько глотков «беке», разбавленного водой. Солнце низвергало потоки зноя на Иргуандику, далекий берег расплывался в дрожащем мареве.

Плыть по Эри тяжело,
Отложил я прочь весло –
Думал, что уже не жаждем
До самого Буффало, Буффало, Буффало! –

с насмешливым видом пропела Стелла. Тераи наградил ее сердитым взглядом.

Она продолжала:

Много бочек накидали,
Всю дорогу мы бухали,
Капитан сходил с ума,
А нам было всё по херу!

Он расхохотался.

— Это еще что за песня?

— Песня про канал Эри. Ее пели у меня на родине в XIX веке. Хотите, спою целиком?

— Охотно послушаю! Но я не знал, что у вас талант фольклориста.

— О, я знаю множество подобных песен! Когда я была помоложе, то входила в группу студентов, специализировавшихся в фольклоре.

— Вы учились? И что же изучали?

— Физику, как это ни странно. Но отец не пожелал, чтобы я продолжала. В университете я, по его словам, общалась с людьми «не моего круга». То есть с теми, у кого было меньше пятидесяти миллионов долларов!

— Что ж, вы и сейчас общаетесь с таким же. Больше тридцати я не стою!

Она посмотрела на него в изумлении.

— На Земле у меня есть высокопоставленные друзья, которые выгодно вкладывают мои скромные заработки.

— И с таким состоянием вы продолжаете рисковать жизнью на этой богом забытой планете?

— Вы хотите уловить связь? Хорошо. Когда я прибыл на Эльдорадо, у меня не было ничего. Я нашел главное месторождение, то самое, которое разрабатывали горняки Порт-Металла, еще до того, как ММБ получило лицензию. Но когда эти акулы захватили монополию на рудные разработки, они предложили мне на выбор: либо я уступаю им свои права, либо сохраняю независимость, но теряю всякую возможность сбывать продукцию своих рудников. Я, в свою очередь, поставил условие: либо они заплатят мне, сколько я запрошу, либо будут иметь дело с туземцами. В общем, я на этом не прогадал. Я не создан для того, чтобы управлять крупным предприятием. По при-

роде я одиночка. И кроме того, мне претит командовать своими ближними.

— Что же вообще вас интересует?

— Поиски нового. И еще — исследования. У меня в лаборатории накопилось материалов на сотню статей о геологии Эльдорадо, но я опубликую их только тогда, когда ММБ уже не будет обладать монополией.

— Мне казалось, что на столь богатой планете они могли бы и не соглашаться на ваши условия.

Тераи пожал плечами.

— Эльдорадо действительно богато, богаче некуда. Однако нужно еще уметь находить самые рентабельные месторождения. Я сэкономил им четыре года разведки, а главное — обеспечил мир. Вы и сами знаете условия ограниченной лицензии: не более сорока тысяч человек и согласие туземцев. Но все это уводит нас в сторону от темы нашего разговора. Где именно вы изучали физику?

— В Чикагском университете, с 2228 по 2230 годы.

— А я — в Парижском, с 2218 по 2220, потом в Торонто, с 2220 по 2223. Но я часто прилетал в Чикаго повидаться со стариной Маккензи. Скажите, там по-прежнему в кампусе водятся белки? В последний свой приезд я слышал, что какие-то идиоты хотели их перебить под тем предлогом, что они якобы иногда могут быть бешеными...

— Теперь их там еще больше, чем раньше!

— Тем лучше! Было бы жаль, если бы их уничтожили.

Он снова взял весло и начал мощно грести под ритм полинезийского напева.

Стелла оглянулась. В ста метрах позади них шла вторая пирога, в которой сидела Лаэле со своим братом, а за ними — третья с четырьмя ихамбэ.

Тераи запротестовал, когда вождь дал ему этих телохранителей. Отношения между степными племенами с северных берегов Ируандики и империей Кено всегда были хорошими, тем более что их разделяли горы Хетио. Геолог не видел никакой необходимости в вооруженном эскорте, однако Охеми был непоколебим:

— У кеноитов большие перемены. Старого императора убили.

За этим последовал долгий спор на туземном языке. Тераи не считал нужным переводить, но Стелла поняла, что под конец решимость его была поколеблена. Сейчас она с невольным восхищением смотрела, как он гребет. Мускулы перекатывались под его бронзовой гладкой кожей, вздуваясь при каждом взмахе весла.

«Ну и силища!» — подумала она.

Ей вспомнился телохранитель отца, Джо по прозвищу Горилла. Он тоже был гигантом, но с узловатыми, уродливыми мышцами и рудиментарным мозгом. И этот Джо бахвалился, что он самый сильный человек на свете!

«Интересно, что бы он сказал, если бы встретился с Лапрадом? Наверное, попытался бы его убить, чтобы доказать, что перед ним никто не устоит... Но я бы поставила на Тераи! Такие, как он, рождаются раз в столетие: светлый ум, львиная сила... Как жаль, что он не с нами!»

До сих пор все шло хорошо. Ее спутник ни о чем не подозревал. Она уже засняла сотню метров микропленки, которая при умелом монтаже покажет туземцев Эльдорадо в самом невыгодном свете и побудит Мировой парламент проголосовать за предоставление ММБ неограниченной лицензии. Стелла представила себе ярость Тераи и содрогнулась.

Да, жаль, что он их противник! Она могла бы полюбить человека такого размаха, если бы он был настоящим реалистом, а не увлекался бредовыми идеалами этих дурачков из Бюро ксенологии. Подумать только: они хотят предоставить каждому народу равные шансы! Чтобы потом эти народы объединились против землян? Ну уж нет!

Стелла была представительницей белой расы, самой белой и самой чистой на протяжении многих поколений — нордической расы. Ее отец так и не примирился с унижением, которое перенес в 2210 году, когда Мировой парламент принял закон о свободном въезде в Европу и Америку лиц любой национальности. Она помнила, как он впервые показал ей, тогда еще маленькой девочке, огромные плавильные печи ММБ на тихоокеанском побережье. Они поднялись на самый верх центрального здания, и оттуда отец широким жестом обвел бесчисленные крыши заводов, башни электрических плавильных и доменных, сложную сеть подъездных путей, по ко-

торым прибывала руда, добытая на Земле, или очищенный металл из главного приемника, возвышавшегося в двадцати километрах, куда гиперпространственные передатчики перебрасывали минеральные богатства сотен планет.

— Вот оно, могущество ММБ, да и всей Земли! Все это создали мы, люди! Ни одна другая раса во всем космосе на такое не способна. Запомни, Стелла: Бог дал Вселенную людям!

Тем не менее, когда ей пошел двадцатый год, у Стеллы возникли сомнения. Одним из ее друзей по университету был молодой физик, талантливый и очаровательный юноша, влюбленный в нее безоглядно. Под его влиянием она тоже решила изучить физику.

— Хм! Для этого у нас есть инженеры, — сказал ей отец. — Впрочем, будет полезно, если кто-нибудь в семье сможет понимать их высокопарные сентенции. Твой брат, как и я, всего лишь бизнесмен.

А затем Поль разбился, глупо погиб в автомобильной катастрофе. И физика потеряла для нее всякое очарование. Вскоре умерла мать Стеллы, и старый Хендерсон вызвал дочь к себе. Ей пришлось вести дом, устраивать приемы, празднества, балы. Она сблизилась с отцом, начала интересоваться его делами — а их было множество у генерального директора ММБ, — приобрела вкус к закулисным интригам. Однажды, примерно полгода назад, отец вызвал ее в свой личный кабинет на верхнем этаже «Стеллар-билдинг» в Нью-Йорке.

— У меня неприятности, Стелла. Мы теряем деньги! Наши печи загружены всего на семьдесят процентов от возможного. Я рассчитывал получить неограниченную лицензию на Эльдорадо, но нам крупно не везет: сенатор Дюпон погиб на охоте в Африке, сенатор Уиллис провалился на выборах, а мой старый друг Шмидт, второй секретарь Президента, ушел в отставку из-за продолжительной болезни! Бюро ксенологии плетет против нас интриги, и, боюсь, нам не продлят даже ограниченную лицензию. А тут еще и Филлипс метит на мое место, обвиняя меня в неспособности управлять Бюро... Если в двух словах, то картина такова. Похоже, аборигены Эльдорадо мало чем отличаются от людей. Так нам это только на руку! Если все так и есть, наша цивилизация подходит им лучше некуда! Мне нужно, чтобы

туда отправился кто-нибудь надежный, кто-то такой, кто сможет представить подробный отчет о сложившейся там ситуации. На этой проклятой планете есть один парень, некто Лапрад, так он постоянно создает нам проблемы, никак не можем от него избавиться!

— Лапрад? Я думала, он работает на нас. Кажется, наш самый богатый рудник на Эльдорадо назван его именем, не так ли?

— Да, на первых порах он нам сильно помог. Но теперь сговорился с туземцами и строит нам козни.

— Что он собой представляет, этот Лапрад?

— Говорят, он просто здоровенный дикарь, но я в это не верю, слишком уж ловко он вставляет нам палки в колеса! Он метис, кажется, с примесью желтой расы. Подожди, у нас есть на него досье.

Хендерсон произнес несколько слов в интерфон, и секретарь принес ему досье. Оно содержало один-единственный лист.

— Лапрад, Тераи. Родился семнадцатого января 2199 года в Бержераке, Франция... Рост 1 м 99 см, волосы черные, глаза черные, олимпийский чемпион по десятиборью... Это все неинтересно. Ага! Доктор естественных наук, специализация «геология», получил степень в Торонтском университете. Сын Поля Лапрада, убитого во время мятежа фундаменталистов в 2223 году, и Тетуа Сонг... Постой-ка! Ну да, все верно... Тетуа Сонг была дочерью Сонг Тунг Фея и Нохораи Оопы, основательницы Полинезийской федерации. А так как его отец, Поль Лапрад, был сыном француза, Анри Лапрада, профессора Сорбонны, и Мэри Вапано из семьи Вапано, у которых хромовые рудники в Арктике, в его жилах течет кровь четырех рас! Выходит, он у нас европеец, таитянин, китаец и в придачу — индеец кри!

— И ты хочешь, чтобы я отправилась туда и соблазнила его?

— Нет, разумеется! Я бы никогда не поручил тебе подобную миссию. Для этого у нас есть специалистки. Но мне нужен достоверный, из первых рук, отчет о нем и о туземцах. И пара-тройка фильмов, показывающих их дикость и жестокость. С этим материалом мы сможем повлиять на Миро-

вой парламент. Достаточно будет склонить на нашу сторону с десяток депутатов.

— А Херберт не мог бы туда отправиться? Не знаю, получится ли у меня...

— Херберт мне нужен здесь! Ты — спортсменка, ради собственного удовольствия поднималась на Гималаи, да и потом, там у нас есть кое-кто, кто за тобой присмотрит.

— О, я вовсе не боюсь! Хорошо, я согласна. Но я не могу туда явиться как представительница ММБ.

— Да-да, конечно. И как, по-твоему, нам следует поступить?

— Мы с тобой жутко разругаемся, и я попытаюсь устроиться журналисткой в «Межпланетник». Главный редактор ухлестывал за мной, когда я была в университете.

— Он что, так молод?

— Нет, он читал лекции по журналистике, которые я посещала.

— Что ж, хорошо, делай как знаешь, но только не рискуй понапрасну, Стелла!

На какое-то мгновение бизнесмен уступил место отцу.

— Я не слишком много уделяю тебе времени, доченька, но...

«Бедный папа! — подумала она. — Что бы он сказал, если бы увидел, как я плыву сейчас по реке, здесь, на чужой планете, в компании туземцев и своего врага! Врага, который стал для меня почти что другом...»

Другом? Была ли она в этом так уверена? Пока что она старалась не раздражать гиганта. Часто он обращался ней сурово, почти грубо. Несколько раз он целовал ее и тут же отпускал, словно она была ему безразлична. Стелла и не думала о близости с ним, но его равнодушие злило ее. Бывал он и предупредителен, даже галантен. Он сделал все возможное, чтобы облегчить ей отношения с ихамбэ, и если это не всегда удавалось, то не по его вине. Стеллу привлекало и одновременно отталкивало это полудикое племя. Иногда, слушая их песни, наблюдая их повседневную жизнь, она почти забывала, что это не земляне, не люди. А затем вдруг случайное слово, интонация, жест или какой-нибудь обычай сразу напоминали о разделяющей их непреодолимой пропасти, и она

вся ошетиливалась, как собака при встрече со своим диким родичем волком.

Стараясь быть объективной, она делала все, чтобы преодолеть это чувство. Тераи приписывал его воспитанию и бессознательному, но явно расистскому влиянию ее среды. Но порой ему казалось, что причины лежат глубже...

Стелла пыталась честно разобраться — может быть, она просто подыскивает себе оправдания? Ведь если говорить по совести, она вела себя низко, злоупотребляя доверием Тераи. Он помогал ей, защищал ее, а она копила страшный яд, чтоб погубить своего защитника и его друзей. Раз так — его друзья должны быть презренными существами, опасными хищниками, угрожающими всему, что ей близко и дорого. Иначе она потеряла бы к себе всякое уважение. Но со временем выбранная ею позиция становилась все более шаткой. Тщетно пыталась она успокоить свою совесть, повторяя про себя, что в конечном счете ихамбэ и другие племена приспособятся к земной цивилизации, что она приложит все усилия, чтобы владычество ММБ не было слишком жестоким... Это больше не помогало.

— Ну что, Стелла? Уже думаете о том, что напишете в вашей ужасной газетенке?

Она вздрогнула и покраснела: неужели он догадался? Под грубой внешностью скрывался проницательный ум, и Тераи не раз уже приводил ее в смущение.

— Не знаю, что меня заставило стать вашим проводником, — продолжал он. — Наверное, то, что вы были готовы на все, лишь бы собрать нужный вам материал. Похоже, вы пустились бы в этот путь и без меня. А мне было бы жаль, если бы такое прелестное существо погибло от стрел умбуру или было съедено живьем ниамами! Боюсь только, мне придется дорого заплатить за свое великодушие. С самого начала боялся...

— Тогда зачем же вы это сделали?

— На Эльдорадо есть крылатое существо, *Microaptor feroh*, по-местному — билрини. Это настоящий маленький демон! Величиной меньше ладони, он разрушает гнезда других псевдоптиц и своим отравленным клювом убивает животных гораздо крупнее его самого. Но если билрини попадается

в клейкую ловушку хищного цветка, я всегда освобождаю его и отпускаю. Он слишком красив, чтобы погибать такой жалкой смертью!

— И вы боитесь моего ядовитого клюва?

— Хм! Если бы вы были преисполнены нехороших намерений в отношении этой планеты, вы могли бы причинить немало вреда. Но даже если ваши намерения — самого доброго свойства, как только ваша статья будет переписана так, чтобы понравиться читателям, ущерб окажется даже еще бóльшим!

— По-вашему, все читатели — идиоты?

— Нет. Просто отравленные люди. Чтобы они очнулись, ваши газеты должны для начала говорить правду, на которую сейчас читателям наплевать. А затем ваши читатели должны задуматься, к чему они не приучены. Может быть, если взорвать все радио- и телестанции, если закрыть все рекламные конторы, они сумеют отличить цивилизацию от кучи бесполезных машин...

— Чтобы вернуться к той стадии развития, на которой стоят ваши друзья?

— Нет, конечно же! Но к чему вам спорить с землянином? Через три дня спуска по Ируандике мы прибудем в Кинтан, речной порт империи Кено и одновременно ее столицу. Там вы увидите, по крайней мере я на это надеюсь, другую форму цивилизации. Она находится на техническом уровне древней Ассирии, но основана на совсем иных моральных принципах.

— Почему вы сказали: «... по крайней мере я на это надеюсь»?

— Да так, ходят всякого рода слухи...

Он снова взялся за весло. Стеллу утомлял однообразный пейзаж: низкие берега с полосами деревьев или кустарника, которые скрывали от глаз саванну и ее животных. Время от времени черная спина вспарывала воду неподалеку от пироги, и в зависимости от того, чья это была спина, Тераи либо продолжал спокойно грести, либо брался за ружье и выжидал, готовый ко всему. Но на них никто ни разу не напал, и геолог, отложив оружие, снова греб, поглядывая по сторонам.

— Могу я взять второе весло? А то везете меня, как какую-то принцессу!

— О, пожалуйста!

Время пошло вроде быстрее, но скоро руки Стеллы устали, поясницу начало ломить, и она вынуждена была остановиться. Свинцовое небо давило на реку, сливаясь вдали с ее серыми волнами. Пирóга, в которой плыла Лаэле с братом, держалась чуть позади, и Стелла бездумно смотрела, как вода мягким веером взлетает из-под их легкого суденышка.

Тераи вполголоса запел печальную песню; мелодия поразила девушку своей красотой. Такое же чувство вызывали у нее на Земле грустные напевы лесорубов или первых переселенцев Запада, которые говорили о быстротечности жизни, о коротких встречах, о едва возникшей и тут же кончившейся любви, о роковой неизбежности разлуки...

— О чем вы поете?

Тераи вздрогнул, словно внезапно пробудившись ото сна.

— О водах Ируандики.

— Красивая песня.

— Мне бы не следовало ее петь — это женская песня! Но ихамбэ уже привыкли к моим чудачествам. Я сделал вольный перевод на французский. Хотите послушать?

— Да, с удовольствием.

Тераи положил весло поперек пирóги, и с него начали падать мелкие капли. Он запел:

Воды Ируандики
Несут мою пирóгу,
Лтэ, Лтэ, ты от меня далеко!
Ты ушел из моих объятий
В предрассветном тумане.

Дважды уже вставали
Три луны над горами,
Дважды без тебя угасло
Священное пламя.
Ты ушел и растворился
В предрассветном тумане.

Говорят, какая-то девица из Кено, —
Да заберет ее Антафаруто! —
Похитила твою душу.

Ты уплыл от меня,
На весло налегая,
Однако однажды вернешься,
Вернешься с печалью на сердце,
Я знаю это, да, знаю!
Но устав тебя дожидаться,
Я и сама улетаю,
Улетаю, чтобы растаять
В темной ночи вечном тумане!

— Это песня ихамбэ? — спросила Стелла, когда он умолк.

— Да. У моих друзей поэтическая душа. Кстати, там, где в песне упоминается сердце, в оригинале речь идет о другом органе, скорее близком к нашей селезенке. Но кто знает, где у нас душа? Никому не известно, когда и кто сочинил эту песню. Теперь ее обычно поют покинутые женщины или вдовы. Но она не старше четырехсот лет, потому что до этого ихамбэ жили не у берегов Ируандики, а в бассейне Бетси-ханки. Впрочем, название реки легко заменить, и даже ритм не изменится.

— Научите меня этой песне!

— Только не здесь. Вы не имеете права ее петь. Если я, мужчина, пропел ее — это говорит только о моем дурном воспитании, не больше. Но если вы ее запоете, это уже будет святотатство! Я научу вас потом, когда мы вернемся в Порт-Металл.

— Господи, до чего же ваши ихамбэ усложняют жизнь своими обычаями!

— А чем лучше ваши, мадемуазель? Почему, например, ни на одной земной вечеринке нельзя даже заикнуться о серьезном деле? Это, видите ли, табу! Представьте себе, какой выйдет скандал, если я на приеме у вашего отца — если он меня когда-нибудь пригласит! — отведу в уголок одного из ваших инженеров и спрошу, что он думает о таком-то месторождении. Деревенщина! — зашипят все. — Разве не знает, что об этом можно говорить только в конторе!

Стелла рассмеялась.

— В ваших словах есть доля правды. Я сама порой чуть не засыпала на таких приемах.

— О, значит, для вас еще не все потеряно! Я не очень жалею вашего папеньку, но чтобы добраться до того поста, который он занимает, явно нужны были и ум, и энергия, и способность отличать важное от случайного. Он свил для вас теплое гнездышко, а вы его покинули. Теперь вам придется заботиться о своем гнезде.

— Что я и делаю! Вы же знаете, что после ссоры с отцом...

— По закону он в любом случае обязан оставить вам не менее четверти своего состояния. *Aurea mediocritas*, как ска- зал бы Гораций.

— Простите?..

— Ах да, я забыл. Вы же не знаете латыни. А у меня она сидит как кость в горле со школьных времен — вот я иногда и выплевываю отдельные фразы. Этот древний язык еще преподают кое-где, например в лицах Папéте*. В общем, я хотел сказать, что вам достанется кругленькая сумма!

— Я всегда могу от нее отказаться.

— А у вас хватит мужества? Впрочем, есть в вас какая-то сила. Право, жаль, что вы бесполезно прозябаете в земной сутолоке и тесноте!

— На Земле тоже можно приносить людям пользу.

— Да, но сами люди делают это все реже. Земля обречена, поверьте мне, Стелла! О, закат ее будет великолепен и наступит не скоро. Еще несколько веков Земля, несмотря на всю ее гниль, будет оставаться центром человеческой культуры. Но присмотритесь внимательнее! С каждым годом на других планетах закладываются новые колонии, и туда стремятся все сильные телом и духом!

— А я думала, вы против колонизации!

— Есть подходящие планеты, на которых не обнаружено и следа разумной жизни. Вот эти миры человек и должен завоевывать.

— В таком случае, что вы сами делаете здесь, на Эльдорадо?

— Я ничего не завоевываю, я изучаю. К тому же если бы на Эльдорадо вместо коммерческого предприятия была не-

* Па п é т е — столица Французской Полинезии, расположенная на острове Таити. Название города переводится с таитянского как «вода из корзины».

большая, чисто научная станция землян, это принесло бы только пользу. Мы могли бы многому научить туземцев и избавить их от слишком дорогостоящих ошибок. Но здесь не должно быть постоянного земного населения. Поэтому я и борюсь по мере моих сил против того, чтобы ММБ предоставили неограниченную лицензию. Это означало бы конец местной культуры, конец самобытной цивилизации Эльдорадо. Энгете, Ээнко?

Великан ихамбэ показывал рукой на длинный береговой выступ.

— Имбити иеке!

— Здесь мы заночуем, — объяснил Тераи. — Я всегда предоставляю Ээнко выбирать место для лагеря. Это его планета, он знает ее лучше меня.

Стелла зябко поежилась, закуталась в накидку. Спускалась ночь, с реки дул свежий сырой ветер. Ихамбэ быстро соорудили два шалаша под развесистым деревом с пышными красными цветами. Костер освещал кусты за границей площадки, которую Тераи расчистил своим мачете. Туземцы сразу уснули в своем шалаше, и только Лаэле бодрствовала вместе с землянами. Река текла почти неслышно, с легким журчанием. Антия, самая крупная из лун, зацепилась за острую вершину дерева на том берегу и отбрасывала на волны зыбкую дорожку, словно усыпанную золотистой чешуей. Тераи потянулся, вскинув над головой могучие руки.

— Вот еще одна вещь, Стелла, которую Земля уже никогда вам не даст. Вечер на берегу неведомой первозданной реки!

— Вы ошибаетесь. Я провела немало похожих вечеров на берегу американских и канадских озер. А что говорить о неосвоенных районах Амазонки или Ориноко!

— Ну да, когда в вашем распоряжении автомобиль, вертолет, радио, а где-нибудь неподалеку — гостиница с рестораном? И вы, как только захотите, возвращаетесь к себе, воображая, что окунулись в живительную атмосферу дикой природы. Однажды, когда мне было восемнадцать лет, я вообразил, что отыскал наконец пустынный островок в архипелаге Тубуаи. Вместе со своей подружкой-одногодкой я добрался до него от Таити на пирогe с противовесом. На рассвете третьего дня мы услышали на пляже вой магнито-

фона! Целая орава туристов — американцев, французов, шведов, и уж не помню кого еще, — высаживалась с гидроплана. Здесь — другое дело. Здесь мы можем исчезнуть, и никто никогда не узнает, что с нами стало. Мы еще на территории ихамбэ, границу пересечем лишь завтра, когда пройдем через ущелья у подножия хребта Хетио... Эй! А это еще что такое?

Огромная черная туша появилась в освещенном кругу. Высотой около четырех метров, животное напоминало земного слона, однако у него были маленькие настороженные уши и раздвоенный хобот, из которого вылетали звенящие звуки. Тераи схватил из костра головню и замахал ею перед чудовищем, нависшим над ним, как гора. И внезапно этот огромный зверь захныкал и с жалобным стоном ринулся в темноту, сокрушая деревца и кусты. Тераи спокойно сел на свое место.

— Неужели вы ничего не боитесь? — спросила Стелла.

— Еще как боюсь — пауков и старых дев, особенно из Армии спасения! Но тут не требовалось особой храбрости: биштары опасны только в период гона.

— Этот зверь называется биштар?

— Да, *Bishtar gigas Laprade*. Кеноиты используют их, как мы — слонов. Это я дал им это название — вычитал из старого американского романа-предостережения, купленного у одного китайца в Папеэте. Там описывалось животное, удивительно похожее на то, которое вы только что видели... Но пора уже спать. А чтобы вы меня не опасались, Лаэле ляжет в одном шалаше с нами.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПАРАЗИТЫ В ГРИВЕ ЛЬВА

глава 1

Империя Кено

За поворотом реки город открылся сразу: окруженное красными стенами море домов взбегало волнами к вершинам двух холмов, над которыми возвышались пирамидальные силуэты императорского дворца и храма. Уже с позавчерашнего дня им встречались на реке лодки рыбаков-кеноитов, маленьких темно-коричневых людей с черными, подстриженными щеткой волосами. Тераи несколько раз окликал гребцов, обращаясь к ним на их родном языке, но получал в ответ лишь короткие «да» или «нет». Затем по берегам вместо саванны потянулись возделанные поля.

Они причалили у деревянной пристани, привязали свои пироги. Между портом и воротами в стене, охраняемыми двумя башнями, простиралось широкое оголенное пространство, по которому от реки к городу ползли тяжелые повозки с рыбой, глиной или камнями, влекомые неуклюжими четвероногими животными. Тераи поправил лямки рюкзака, закинул за спину ружье и вместе со Стеллой и ихамбэ двинулся

к городу. Рядом с местными жителями, едва доходившими ему до плеча, он казался еще огромнее. Когда они приблизились к деревянным, окованным бронзой двустворчатым воротам, навстречу им высыпали стражники в шлемах и нагрудниках, Тераи направился к ним, сделав своим спутникам знак подождать. Разговор у ворот что-то затянулся, Стелла увидела, как Ээнко и его воины потихоньку вытаскивают из колчанов стрелы, и тоже незаметно сдвинула предохранитель своего ружья. Но тут геолог вернулся.

— Новые осложнения! Похоже, теперь уже нельзя просто так войти в Кинтан. Я потребовал главного стража стен, Офти-Тику, это мой старый друг. Но все подтверждает те сведения, которые мне дал Охеми, и мне это совсем не нравится!

Пока они ждали, Стелла осматривала и тайком фотографировала городскую стену. Высотой до десяти метров, сложенная из грубо отесанных кусков красной лавы, скрепленных розоватым цементом, она опоясывала весь город. Примерно через каждые тридцать метров над ней возвышались четырехугольные башни.

— Много здесь жителей?

— Насколько я знаю, примерно пятьсот тысяч.

— Пятьсот тысяч!

— Империя Кено крайне обширна и простирается до самого моря. Но столица здесь, и эта странность объясняется только тем, что кеноитские императоры всегда хотели быть поближе к хребту Хетию, к своим священным горам.

— И все-таки — пятьсот тысяч!

— В Вавилоне было еще больше. Но вот и Офти-Тика! Позвольте мне переговорить с ним с глазу на глаз.

Офицер стражи, для кеноитов настоящий великан, шел к ним, сияя широкой улыбкой на костлявом лице и сверкая полированной бронзой панциря. Он приветствовал Тераи взмахом меча. На сей раз разговор был коротким и дружеским, и вскоре они прошли под высокий свод в сопровождении отряда солдат, расчищавших перед ними дорогу в толпе.

Город начинался сразу за воротами: только кольцевая аллея шириной метров в двадцать отделяла крепостные стены от первых домов. От этой кольцевой аллеи к центру тянулось

множество извилистых улочек, мощенных круглым, скользким булыжником. Двух- и трехэтажные дома из отесанных и неотесанных бревен на каменном фундаменте нависали над улочками, превращая их в узкие сумрачные туннели. Глубокий желоб посередине мостовой служил стоком для нечистот, однако отсутствие зловония удивило Стеллу. Она поняла причину этого, когда увидела, что по желобу струится быстрый поток, то взбухая, то ослабевая.

— Да-да, — заметил Тераи, — они используют прерывистое течение в качестве муниципального дворника. Естественно, бросать в желоб предметы, которые могут его засорить, строго запрещено.

В открытых сводчатых окнах сидели торговцы. На временных прилавках — откидывающихся досках, прикрепленных петлями к подоконникам, — перед ними громоздились фрукты, пряности, изделия из камня и дерева, украшения из меди или бронзы с великолепными самоцветами или грубо вырезанными геммами. В полумраке из лавчонок, при желтом свете масляных лампад, необходимых здесь даже днем, кипела своя жизнь: женщины хлопотали по хозяйству, дети плакали или смеялись, и всюду вертелись пюши — маленькие четвероногие, заменявшие на Эльдорадо собак. Торговцы зывали клиентов, покупатели торговались, не жалея глоток, а откуда-то с верхних этажей доносилась варварская музыка и визгливое пение. Солдаты шли впереди путников, беззлобно, но решительно расталкивая горожан тупыми концами своих пик. Никто не протестовал, и Стелле показалось, что этот примитивный народ, в сущности, очень добродушен. Улица шла вверх, лавки становились все крупнее, а освещение их — все ярче, и вдруг они очутились на втором, более широком бульваре, за которым было кольцо внутренних стен, чуть пониже внешних. За стенами зеленели кроны высоких деревьев.

— Мы прошли через квартал торговцев и ремесленников, — пояснил Тераи. — Вернее — через пояс таких кварталов. Улицы там нарочито узкие: это облегчит их оборону, если врагу удастся проникнуть в город, а такое за всю историю Кинтана случалось уже пять раз.

— Но, должно быть, это благоприятствует и пожарам?

— Дома построены из стволов дерева го, почти несгораемого. Конечно, пожары иногда возникают, но не приносят большого ущерба: у них здесь великолепно организованная пожарная служба!

Они прошли за вторую ограду через укрепленный вход. Эскорт остался позади, с ними вошел внутрь только капитан Офти-Тика. Стелла вскрикнула от восхищения: внутренний город был совсем иным! Широкие перпендикулярные аллеи делили его на зеленые квадраты садов, в глубине которых прятались каменные длинные низкие здания с рядами стройных колонн по фасадам. Контраст был столь разителен, что она, не удержавшись, воскликнула:

— Ну, наконец-то настоящая цивилизация!

Тераи обернулся к ней с насмешливой улыбкой на губах.

— Да, цивилизация. Но знаете, на чем она основана? На рабстве! Подобную роскошь в этом обществе, не знающем иного источника энергии, кроме мускульной силы, может обеспечить только рабство. Впрочем, с рабами здесь обращаются сравнительно мягко. По крайней мере, так было раньше...

— Что вы хотите этим сказать?

— Потом объясню. А сейчас позвольте мне что-нибудь вытащить из старины Офти.

Тераи снова о чем-то оживленно заговорил с капитаном. Лаэле подошла к Стелле.

— Плохое место! Повсюду стены...

— Прежде вы здесь никогда не бывали, Лаэле?

— Нет. Тераи — часто. Моя — нет.

— Но почему?

— Потому что у нее не было такой возможности, мадемуазель, — вмешался геолог. — И я уже спрашиваю себя, не сглупил ли я, пригласив сюда вас обеих.

— Вы чего-то опасаетесь?

— Сам пока не знаю. Но с тех пор, как я последний раз был в Кинтане, здесь произошли странные перемены. Поговорим об этом позднее. Вот мой дом.

Он указывал на великолепное здание из красного камня, похожее по стилю на другие дома внутреннего города. Однако оно стояло на возвышении за сплошной оградой. Они

прошли в парк через сводчатые ворота, и Стелла удивилась высоте и толщине стен:

— Настоящая крепость!

— Даже не представляете, как вы на сей счет правы!

По длинной аллее, затененной деревьями с широкими темно-зелеными листьями, они поднялись к дому. Группа кеноитов, мужчин и женщин, ожидала их. Завидев Тераи, они упали на колени, выражая возгласами и жестами свою радость.

— Это ваши рабы?

Он обернулся, глаза его гневно сверкнули.

— У меня нет рабов, мадемуазель! Да, они были таковыми, пока я их не выкупил. Теперь они такие же свободные люди, как вы или я!

Он поднялся по семи ступеням на террасу, повернулся к маленькой группе и заговорил, указывая то на Лаэле, то на Стеллу, то на воинов ихамбэ. Стоя чуть поодаль, капитан стражи улыбался во весь рот молоденькой прелестной кеноитке. Когда Тераи умолк, слуги разбежались с радостными возгласами.

— Я представил вас, — объяснил Тераи. — Лаэле как хозяйку дома, вас как могущественную принцессу с далекой планеты. Тену-Сика, подойди!

Девушка, которой улыбался капитан стражи, приблизилась.

— Она позаботится о вас, Стелла. Тену-Сика родилась в Порт-Металле и немного говорит по-английски. Она отведет вас в ваши комнаты.

— Пойдемте, ваше высочество! — проговорила девушка звонким голосом.

Стелла последовала за ней по длинному белокаменному коридору с полом из разноцветного мрамора; в стенных нишах здесь стояли удивительные статуи, изображавшие людей или животных. Высокая дверь черного дерева распахнулась перед ней, и она вошла в предназначенную для нее комнату. Это был просторный квадратный зал, сообщавшийся с внутренним двориком, посередине которого журчал фонтан. Вся меблировка состояла из низкой деревянной кровати с резными ножками в форме тигриных голов, пестрых драпировок на стенах, квадратного стола и двух стульев на толстом ковре.

Но рядом находилась маленькая комнатка с бассейном в несколько квадратных метров, большим зеркалом из полированной бронзы и низким туалетным столиком. В углублении стены висели кеноитские одеяния.

— Господин надеется, что в этих покоях вам будет удобно. Если я вам понадоблюсь, ударьте в гонг.

— Останьтесь, Тену-Сика!

— Как вашему высочеству будет угодно.

— Не называйте меня так, мне неловко. Я хотела бы принять ванну. У вас есть мыло?

— Да, его доставляют с Земли. Вот в этой красной коробочке.

Стелла разделась и с наслаждением погрузилась в прохладную воду.

— Вот уже неделю как не испытывала такого блаженства! В Ируандике нельзя купаться...

— Что вы, госпожа! Там столько мило и спину!

— Скажите, Тену... Могу я вас так называть? Мой народ не любит слишком длинных имен...

— Тогда называйте меня Сика.

— Скажите, Сика, а вы были рабыней?

— Увы, да! Когда я была совсем маленькой, меня захватили богалы, эти бандиты с холмов к западу от Порт-Металла, и продали на рынке в Тем-бег-Ха. К счастью, хозяин попался добрый, меня наказывали плетью всего два раза...

— Плетью?

— Да, за то, что воровала на кухне варенье из тинды. А потом мой хозяин умер, и меня перепродали торговцу рабами, который привел нас всех в Кинтан. Здесь меня и выкупил Россе Муту. Я боялась, он казался таким большим, таким грозным! Но едва мы пришли в его дом, он даровал мне свободу.

— И вы остались здесь?

— Мои родители умерли, их убили богалы. В Порт-Металле у меня никого не было. А здесь со мной хорошо обращаются, да и платят неплохо.

— Остальные слуги так же свободны, как вы?

— Да. Господин не хочет в доме рабов. Он говорит, что продавать людей — плохо!

— А сами вы что об этом думаете?

— Господин всегда справедлив! Разве на Земле есть рабы?
— Боже упаси! Конечно нет! Когда-то, правда, были, но очень давно.

— Выходит, Земля — хорошая планета, пусть нашему господину она и не нравится... Нет, он не может ошибаться! Должно быть, на Земле немало плохого!

Стелла рассмеялась.

— Да, но есть и немало хорошего. Вы, наверное, восхищаетесь господином Лапрадом?

— Это не простой человек, госпожа! Это полубог. Он может убить любого воина ударом кулака! Он быстрее всех бежит, поднимает вдвое большие тяжести, чем кто-либо другой, и всё знает! Он...

— Да, человек он довольно-таки необычный... А что вы думаете о его жене и друзьях?

Сика немного замаялась.

— Могу я говорить искренне? Госпожа не расскажет об этом господину?

— Обещаю!

— Я не знаю госпожу Лаэле. Остальные...остальные — просто дикари! О, я не осуждаю господина! В их лице он имеет надежных телохранителей. Здесь все боятся ихамбэ.

— Почему? Разве они нападают на Кено?

— Нет, теперь уже не нападают, с тех пор, как господин подружился с ними. Раньше они жгли наши деревни, убивали мужчин, похищали женщин. Но племена кинфу на севере еще хуже! Они никогда не нападают открыто — разве что их в разы больше.

— А кто этот капитан, с которым вы говорили?

Юная кеноитка покраснела.

— Он хочет на мне жениться.

— А вы?

— Я бы согласилась, но не осмеливаюсь.

— Почему же?

— Если я уйду от господина, придется покинуть Кинтан. Здесь стало плохо, опасно, а Тика вынужден оставаться в городе, пока не станет большим начальником. Тогда его назначат наместником провинции на северной границе, и я с радостью последую за ним.

- Несмотря на этих страшных кинфу?
- Здесь сейчас гораздо страшнее. Пока господин здесь, я ничего не боюсь, но без его защиты я не согласилась бы жить в Кинтане. Если господин пожелает, он сам вам расскажет.
- То, что вы были рабыней, не помешает вам выйти за офицера?
- Нет. А почему? Я родилась свободной и сейчас свободна.
- Что ж, пожелаю вам счастья, Сика! Помогите мне вытереться.
- Вы не можете надеть эти одежды, госпожа, они грязные и рваные. Если позволите, я распоряжусь, чтобы вам принесли такие же. Но здесь достаточно всякой одежды, если только вы согласитесь носить наши наряды.
- У меня с собой были и другие! Увы, наверное, в них сейчас щеголяют какие-нибудь женщины-умбуру!
- Вы прошли через страну умбуру? С господином?
- Да, и потеряли там все свои вещи.
- Без него вы потеряли бы там свою жизнь! Вот это вам наверняка подойдет.

Она показала длинную полосу бледно-зеленой ткани, ловко обернула ею Стеллу несколько раз и закрепила ткань бронзовыми заколками.

— А теперь позвольте мне вас причесать! У вас волосы как красное золото! Здесь ни у кого нет подобных. Но почему они такие короткие?

— Такова наша мода.

— Какая жалость! У вас кожа белая-пребелая, вы такая высокая — почему только господин выбрал не вас, а эту дикарку?

Продолжая болтать, она причесала Стеллу, умастила ее лицо нежным кремом с легким запахом горького миндаля.

— Ну вот! Теперь вы прекраснее жены самого императора!

Стелла посмотрела в зеркало. Живописные складки подчеркивали стройность ее фигуры, волосы были уложены гордым венцом, и она вынуждена была признать, что в таком виде имела бы успех на любом приеме даже в Нью-Йорке. Сика надела ей на шею кольцо из зеленых камней, в которых

Стелла с изумлением узнала грубо ограненные, но великолепные изумруды.

— Это подарок господина.

— Я не могу его принять! На Земле эти камни стоят целое состояние!

— И здесь тоже, но господин очень богат.

— Вы готовы, Стелла? — пророкотал за дверью голос Тераи.

— Да, войдите!

Он восхищенно присвистнул и поклонился.

— Приветствую вас, принцесса варварской страны!

— Спасибо, но я не могу принять ваш подарок.

— Вы мне за него ничего не должны...

— Но это безумие...

— Полноте! У меня таких камушков десятки кило. Повезло, что тут скажешь. Три года назад в горах Кхунава наткнулся на фантастическую залежь! Жаль только, что у здешних мастеров нет нужных приспособлений, чтобы как следует их отшлифовать. Но вам это сделают в Нью-Йорке ювелиры фирмы «Леви и Джейкобсон». Ладно, пойдемте обедать. А потом мне нужно будет с вами поговорить.

Тераи разложил на столе карту Кинтана.

— Смотрите, Стелла, город поразительно удобен для обороны: между петлей Ируандики и рекой Комара, которая впадает в Ируандику ниже города, местность образует округлую возвышенность; на ней и стоит Кинтан. Самую высокую точку занимает императорский дворец. В узком проходе между обеими реками второй холм, вернее — гряда Храту, вытянутая с юго-юго-востока на северо-северо-запад, почти полностью преграждает подступы. Внешние укрепления идут по берегам рек и по краю этой гряды. Ее вершина выровнена и служит плацем для военных парадов. На южной стороне плаца стоит древний храм богини Беельбы. Мой дом находится здесь, у подножия западного склона гряды.

— Вы сами построили такой пышный дворец?

— Нет, я купил его у принца Софана, племянника старого императора. Как видите, Кинтан легко оборонять. Кеноиты, или кеноабы, как они сами себя называют, парадоксальный

народ: у них великолепная армия, хорошо обученная, хорошо вооруженная, с прекрасными офицерами и военными инженерами, но воины они аховые! В основном это нация торговцев, земледельцев и ремесленников.

— Каково их общественное устройство?

— Классический. Император, затем знать, вернее — вожди, потому что у них нет родовой знати, далее — жрецы, торговцы, солдаты, ремесленники, земледельцы и, наконец, рабы. Я перечисляю всех по нисходящей.

— А религия?

— Умеренный политеизм. Много богов, но только два важных: небесный бог Клон, повелитель молний, ветра, дождя и тому подобного, и Беельба, богиня земли, вод и плодородия, как животного, так и растительного. Разумеется, жрецы обоих божеств не жалуют друг друга. Я подозреваю, что корни вражды уходят в далекое прошлое, когда происходило слияние древней туземной религии с религией воинственных завоевателей, но это было очень давно. Я в хороших отношениях, вернее — был в хороших отношениях, с обоими кланами. Но, похоже, среди последователей Беельбы начались волнения. Должно быть, это они убили старого императора, чтобы возвести на трон его племянника Ойготана, брата Софана, построившего дом, в котором мы сейчас находимся. Я знаю Ойготана, и он мне не нравится. Наконец, самое скверное: кажется, эти беельбаисты реформировали свой культ, возродив кровавые жертвоприношения. Это меня беспокоит. Это так не вяжется с нынешним кеноитским духом, что я почти уверен: здесь не обошлось без влияния извне!

— Что вы хотите этим сказать?

— В прошлом году после моего отъезда начались первые жертвоприношения — человеческие! Словно нарочно выбор пал на семьи приверженцев прежней, мирной политики убитого императора. И эта реформа древнего культа сопровождалась чудесами, по словам Офти-Тики. Что до меня, то я не верю ни в какие чудеса, кроме тех, которые возможны благодаря прогрессивной технике.

— И кого вы подозреваете?

Он помедлил с ответом, пристально глядя ей в глаза.

— Стелла, вы действительно та, за кого себя выдаете? — наконец спросил он.

— То есть?

— Вы действительно только журналистка?

— А кто же я, по-вашему?

— Глаза и уши ММБ! — резко бросил он.

— Вы просто невыносимы! Я вам уже говорила, что поссорилась с отцом, что он выгнал меня...

— О да! Это было во всех газетах. Но столь могущественный человек, как Хендерсон, может купить любую газету!

— Но как же мне это вам доказать?

Тераи иронично улыбнулся.

— Очень просто! До вашей... ссоры с отцом вы были его правой рукой. Значит, вы можете просветить меня о его планах относительно Эльдорадо.

— Вы требуете от меня предательства?

— Но если он вас выгнал...

— Я не предаю своих друзей, пусть даже и бывших, и уж тем более — своих родственников!

— А как насчет ваших *нынешних* друзей?

— Друзей я выбираю сама!

— Стало быть, я не из их числа? Что ж, на это мне наплевать! Зато мне далеко не наплевать на эту планету и на *моих* друзей! В этой внезапной религиозной реформе, в этом жутком переходе — всего за один год! — от приношений плодов к человеческим жертвоприношениям есть нечто необъяснимое. Как будто какая-то мистическая сила ради своих темных целей стремится превратить мирную империю Кено в кровожадную и экспансионистскую державу. Та же тайная сила, которая раздает ружья умбуру! О, не беспокойтесь, я узнаю, кто за всем этим стоит. Вы, наверное, думаете, что ваши люди из Порт-Металла — хозяева этой планеты? Да они контролируют всего несколько квадратных километров! Я бы мог стереть их в порошок за несколько дней, если бы это понадобилось. Я тоже могу раздавать оружие. Но я никогда не дойду до такой низости, чтобы поддерживать фальшивыми чудесами кровавый культ, который здесь, в Кинтане, привлекает с каждым днем сотни новых адептов!

— Уверяю вас, мне ничего об этом не известно!

— Очень хотелось бы в это верить! Но это не означает, что вы ничего не знаете о намерениях ММБ. Хотите, я скажу вам, что они замышляют? Вы меня поправите, если я ошибаюсь. Догадаться нетрудно. Вы знаете всё о происхождении ММБ. До объединения в 2001 году Международное металлургическое бюро существовало под эгидой Организации Объединенных Наций для справедливого распределения минеральных ресурсов, точно так же, как Бюро зерновых культур и прочие. Когда было создано всемирное правительство, ММБ, естественно, стало его горнорудным департаментом. Когда были освоены планеты Солнечной системы, ММБ и там возглавило все разработки. В 2070 году отправилась первая межзвездная экспедиция. Дюпон, тогдашний директор ММБ, внес законопроект о распространении деятельности ММБ — теперь уже *Межпланетного* металлургического бюро — на планеты иных солнечных систем. Кто только над ним не смеялся! Ввозить металлы из других звездных систем! Действительно, до 2123 года это было крайне убыточно. Но тут Ларсен изобрел космический передатчик материи. Для освоения далеких планет он был бесполезен: любая организованная материя, будь то человек, животное, растение или машина, прибывала в приемник в виде аморфного порошка. Но он оказался прекрасным орудием колонизации, ибо колонии могли экспортировать сырье по низкой цене, а все необходимое им приходилось импортировать втридорога только на грузовых звездолетах, что задерживало создание в колониях конкурирующей промышленности, выпускающей тяжелое оборудование. Знаете вы и то, как ваш дед, Тор Хендерсон, прибрал ММБ к своим рукам, как, посредством интриг и подкупом, добился назначения своим преемником сына. Как ММБ превратилось в могущественную силу, практически настоящее правительство Земли. Как сейчас оно оправдывает разграбление других планет, даже населенных разумными существами, рассказывая людям, будто бы земные ресурсы полностью истощены. Боже правый, да ММБ даже имело наглость возвести статую Осборну! На бумаге ММБ все еще департамент федерального правительства, тогда как на деле в их руках все шахты, все рудники, все домны и большая часть всей металлургической промышленности. А что стало

с Томом Даскином, химиком, который изобрел пластмассу, способную заменить легкие металлы почти во всех областях их применения? Покончил с собой — после того, как сжег все свои записи!

— Если бы народ считал, что ММБ приносит вред, он мог бы...

— Народ? О чем вообще вы говорите? Об этих существах, одуревших от пропаганды, от радио, газет, стереокино, телевидения?.. А что им, собственно, беспокоиться? У них есть красивые блестящие цапки, автомобили, облицованные хромом и никому не нужным золотом! Титановые вертолеты! Стиральные машины, отделанные серебром! И потом, заводы ведь должны работать, не так ли? И если для этого необходимо опустошить еще одну планету, велика ли потеря? Надо же нести дикарям земную цивилизацию! К тому же они вовсе не люди!

— Но ведь есть и планеты, находящиеся под защитой!

— Да — под защитой ВБК, Всемирного бюро ксенологии. Но таких планет, быть может, одна на сотню! О, ксенологи делают многое, и я готов снять перед ними шляпу. Но что у них есть? Жалкие пятнадцать кораблей — и это для того, чтобы картографировать всю галактику, устанавливать контакты с другими разумными расами и в придачу не позволять слишком рьяным дельцам бесстыдно разграблять космос! А ваша паршивая газетенка еще смеет вякать, будто они нарочно задерживают распространение земной цивилизации только для того, чтобы сохранить объекты для опытов своих полусумасшедших ученых. О, когда-нибудь мы наверняка столкнемся с могущественной расой, расой, у которой также найдутся межзвездные корабли! Быть может, они *уже* наблюдают за нами. Вселенная безгранична, и было бы слишком нелепо думать — вам не кажется? — что мы единственная избранная раса, если такие вообще существуют. Хорошо мы будем выглядеть в день первого контакта! Вы только взгляните, какие мы миролюбивые! Посмотрите, что мы натворили!

— И что вы хотите от меня услышать? Что вы правы? А откуда вы знаете, что эта раса, если она существует, сама миролюбива? Быть может, в тот день мы возблагодарим судьбу за то, что за нами стоит вся мощь ММБ!

— И ни единого союзника? Что, по-вашему, сделают, к примеру, тикханцы? Я-то знаю: с радостью начнут стрелять нам в спину!

— В таком случае нужно их уничтожить, пока есть такая возможность.

— Прелестно! Как индейцев, да? Вот только с индейцами вы просчитались: ни в Мексике, ни в Южной Америке не осталось ни одного чистокровного белого. Но я начал с того, что собирался сказать вам, к чему стремится ММБ — к неограниченной лицензии. Они уже пытались ее получить, но в тот раз дельце сорвалось, всемирный парламент им отказал. И никаких надежд на успех не предвидится, разве что господствующая на Эльдорадо держава сама попросит принять планету в земную федерацию. Но здесь пока нет господствующей державы, есть только ее зародыш, империя Кено. К несчастью, кеноиты и не думают об экспансии. Ну ничего, мы впрыснем им свежей крови! Поможем им пробудиться от мирной дремоты, цивилизуем их наконец! И провернем это так, чтобы они оказались в наших руках. Что скажет, к примеру, всемирный парламент и какотреагирует дражайшее общественное мнение, когда люди узнают, что здесь приносят в жертву богам людей? Ибо на этот раз можно будет сыграть на физическом сходстве туземцев с нами. На орла проигрываешь ты, на решку выигрываю я! Как ни вертись, тебе не спастись! согласишься — мы тебя ограбим. Не согласишься — мы тебя раздавим и все равно ограбим! А если ситуация выйдет из-под контроля, тем хуже: мы тотчас же вмешаемся, чтобы прекратить войну между ихамбэ и умбуру или между дикими охотниками и мирными крестьянами Кено! Я ведь прав, не так ли, мадемуазель Хендерсон?

— Уверяю вас, отец никогда не говорил мне о подобных замыслах! Но если бы даже все обстояло и так, чем *вы* могли бы ему помешать?

Тераи усмехнулся.

— Вот этого я вам не скажу. Родственники, бывает, и мрут. Своих планов я вам не открою!

— Послушайте, Тераи, давайте начистоту. Вы необычайный человек, я готова это признать, но не можете же вы бороться с целой планетой! В ваших словах есть доля правды,

и я тоже сожалею об исчезновении примитивных культур, которые могли бы развиваться в нечто прекрасное и доброе... или же уродливое и злое. Как знать, возможно, Земля действительно сбилась с пути? Но вы тут уже ничего не измените. Вы и сам — землянин. И если бы на Землю напала та раса, о возможном существовании которой вы говорили, вы первый встали бы на защиту родной планеты!

— Наверное, так оно бы и было. Все бы зависело от обстоятельств. Но оставим наши гипотезы: просто скажите Хендерсону, если вы его увидите, что я знаю или догадываюсь о его планах и что я пойду на все, чтобы их сорвать... Ладно, с этим покончено. Не знаю, на кого вы работаете — на ММБ или же на вашу газету, — да мне, в общем-то, на это и наплевать. Мне вы ничего не сделаете. Если хотите, чтобы я и дальше оставался вашим проводником на этой планете — что ж, тем лучше. Хотите сейчас же вернуться в Порт-Металл — я отправлю радиogramму, и завтра же вас заберет вертолет. Я сказал все, что хотел.

Он откинулся на спинку деревянного кресла, затрепавшего от его веса, и, полуприкрыв глаза, с насмешливой улыбкой на губах уставился на Стеллу.

— У меня нет выбора! — ответила она раздраженным тоном. — Мне платят за то, чтобы я написала репортаж.

— Прекрасно. Мы приглашены на завтрак к новому императору. Ему не терпится на вас взглянуть.

Прием подходил к концу. В длинном узком зале императорского дворца золотистые лучи падали из высоких окон, и пылинки кружились в них, как микроскопические галактики. Со своего места Стелла видела узкий стол из черного мрамора, на котором стояли разноцветные корзины с плодами, и смуглые лица склонившихся друг к другу гостей, переговаривавшихся между собой в общем гаме. К глубочайшей досаде Стеллы, ее посадили очень далеко от Тераи, сидевшего на центральном помосте вместе с другими знатными людьми империи. Ее сосед слева, молодой вождь, без конца расточал ей пьяные комплименты, которые, явно смягчая слишком откровенные выражения, Стелле переводила расположившаяся за ее спиной Сика. Сосед справа упорно ее игнорировал.

Стелла уже начинала скучать. Вначале варварская церемония трапезы развлекала ее, вкус незнакомых блюд восхищал или удивлял. Но поддерживать беседу с помощью переводчицы было утомительно, да и что, в сущности, она могла сказать своим соседям?

Тераи сидел напротив императора, маленького сухого мужчины с худощавым жестким лицом, и оживленно беседовал с неким почтенным старцем, которым, по словам Сики, являлся Обмии, верховный жрец религии Клона, бога-покровителя империи. Похоже, Лапрада и старика связывала настоящая дружба. Сидевший чуть дальше довольно-таки молодой еще человек аскетической наружности пристально наблюдал за ними. Это был Болор, верховный жрец богини Беельбы.

Император распрямился, и все разговоры прекратились, да столь внезапно, что наступившая вдруг тишина оглушила Стеллу, будто раскат грома. Все гости поднялись и склонили головы. Через минуту, когда приглашенные снова зашевелились, Стелла увидела, что император уже исчез. Тераи еще какое-то время поговорил с Обмии, затем простился и пошел к Стелле.

— Вы понравились его императорскому величеству Ойготану, — сказал Лапрад.

— Но ведь он видел меня только издали!

— Что, возможно, и к лучшему! Ни одна женщина не смеет к нему приближаться, кроме его фавориток. Вы все сумели заснять?

— Да. Что будем делать дальше?

— Вернемся к себе, и как можно скорее! У меня важные новости. Позовите Сику и следуйте за мной.

Стелла направилась к двери, где ее терпеливо дожидалась юная кеноитка. Какой-то человек слегка задел ее по дороге; она узнала Болора, хотя он стоял, склонив голову и надвинув капюшон до бровей. Он выронил свой посох, наклонился за ним, и Стелла почувствовала, как он что-то сунул в голенище ее правого сапога. В тот же миг жрец выпрямился и быстро ушел. Она взглянула вниз и увидела выглядывающий из кожаного сапога белый клочок бумаги. Она уже хотела было нагнуться, чтобы его вытащить, но вовремя одумалась: если

Болор прибегнул к такому маневру, значит, у него были на то серьезные причины и он желал, чтобы она одна прочла эту записку. Умерив любопытство, Стелла позвала служанку, и они покинули дворец.

Тераи быстро шел впереди них, зорко и настороженно вглядываясь в лица встречных.

Он не был вооружен — на территории дворца носить оружие разрешалось только императорской страже — и выглядел встревоженным. Стелла услышала, как он облегченно вздохнул, когда дежурный капитан за воротами вернул ему револьвер и охотничий нож. Прежде чем вложить револьвер в кобуру, Тераи тщательно проверил барабан.

— Вы чего-то опасаетесь?

— Поговорим позднее! Прибавьте шагу! Необходимо как можно скорее добраться до дому!

глава 2

Жертвоприношение Беельбе

Они спустились с холма по авеню принцессы Теобы, затем свернули на улицу Вечной Победы. Тераи шагал посередине мостовой и женщинам приказал идти так же, подальше от домов. Но никто их не задержал, и они дошли до дома без малейших препятствий. Стелла извинилась и, заявив, что ей нужно переодеться, отослала Сику. Оставшись в спальне одна, она тотчас же запустила пальцы в сапог и вытащила записку. Это был сложенный вчетверо листок туземной бумаги из размельченной древесной коры. Развернув его, она прочла несколько слов, написанных по-английски:

«Завтра не выходите из дома ни под каким предлогом.

Х : .:»

За буквой «Х» стояло пять точек: две сверху, три снизу. Стелла была поражена: откуда этот жрец чужой планеты узнал тайный знак, которым они со старшим братом пользова-

лись еще в своих детских играх? Выходит, он как-то связан с ММБ? И что означает это предупреждение? Какие интриги плетет ее отец вместе со жрецами Беельбы? Что общего у него с этими фанатиками, приносящими в жертву туземной богине людей? Неужели Тераи действительно разгадал замыслы ММБ? Следует ли ей предупредить его? Да, он противник ММБ, но Стелла чувствовала, что теперь она не хочет, чтобы с ним случилось несчастье. С другой стороны, предупредить Тераи означало бы предать отца...

— Вы тут, Стелла? Мне нужно с вами поговорить.

— Да-да, сейчас открою!

Спрятав записку под матрас, она подбежала к двери.

— Еще не переоделись? Хорошо, я подожду.

— О, это не так уж и необходимо, если у вас важное дело.

— Дело действительно важное. Пойдемте.

Она последовала за Тераи в комнату, которая служила ему кабинетом. Окно выходило на великолепный парк, и Тераи на миг задержался у него, задумчиво глядя на гигантские деревья. Затем он обернулся, и Стеллу поразило его искаженное тревогой лицо.

— Что случилось, Тераи? — воскликнула она, называя его по имени.

— Что случилось? Под нашими ногами ад, и он может разверзнуться в любую минуту. Кретин! Идиот! И зачем только я привел сюда вас и Лаэле? Охеми был прав. Мне следовало взять с собой настоящий эскорт, а не каких-то жалких пять воинов!

— Но чего вы опасаетесь?

— Всего! Пусть это и не самое главное, но адептов Беельбы в Кинтане уже тысячи! Обмии не стал от меня скрывать, что император подумывает сменить бога-покровителя города и переметнуться в другой лагерь. Бедняга Обмии! Он видит, как с каждым днем тает число его приверженцев. Но попробуйте бороться с соперниками, которые практикуют левитацию, совершают чудесные исцеления, мечут молнии в своем храме и за несколько минут выращивают густую траву на голом месте! Что могут против всего этого его собственные жалкие фокусы с зеркалами?

— Но нам-то чем все это грозит?

— Возможно, непосредственной опасности и нет. Но я друг ихамбэ, которые поклоняются Клону и считают Россе Мозелли своей священной горой. Следовательно, я уже априори — враг Беельбы. Если завтра Болор натравит на меня... и тех, кто со мной, своих фанатиков, нам в Кинтане придется жарко! По словам Офти-Тики, значительная часть армейских офицеров *уже* перешла на сторону беельбаистов. До сих пор эта армия была миролюбивой, но если ее заразить фанатизмом... Впрочем, гораздо больше меня беспокоят все эти чудеса.

— Полноте, это всего лишь какие-нибудь фокусы!

— Вы так думаете?

Он начал перечислять, загибая пальцы:

— Первое — левитация: это возможно с помощью антигравитатора Леви-Томсона, модель №4, который есть на любом звездолете. Его легко скрыть под широкой одеждой, например под мантией жреца. Второе — чудесные исцеления: антибиотики и биогенетическое облучение. Больных помещают под «око богини». Третье — молнии: проще простого, генератор Ван де Граафа или любого другого типа. Четвертое — мгновенное выращивание трав: активированные стимуляторы и «Вильямсония пышная», магическая трава с планеты Бехенор IV. Сложив первое, второе, третье и четвертое, мы получаем вмешательство землян! Как видите, я был прав. И Обмии предупредил меня, что назавтра что-то готовится. Поэтому я категорически запрещаю выходить в город вам, Лаэле, Сике и вообще всем женщинам. Ах, да, забыл сказать: жертвоприношение богине Беельбе заключается в изъятии — с живого тела — яичников одной или нескольких женщин.

Он ударил в бронзовый гонг, появилась Сика.

— Попроси госпожу Лаэле немедленно прийти. Позови также Тонора, Кетана и Ээнко.

Вскоре девушка вернулась с двумя кеноитами и ихамбэ.

— А где Лаэле?

— В комнате ее нет, господин.

— Разыщи ее!

Повернувшись к мужчинам, он быстро раздал указания. Они бегом бросились их исполнять.

— Принимаю меры предосторожности. Отныне стены будут охраняться. Пойдемте со мной.

Винтовая лестница, скрытая за колонной, вывела их на плоскую крышу, окруженную толстым зубчатым парапетом.

— Это мое собственное добавление к архитектуре дворца.

Он направился к массивному, со сторонами около двух метров, кубическому сооружению, расположенному посреди крыши, вынул вычурный плоский ключ и открыл окованную металлом дверцу. Внутри на стеллаже лежали рядом пять пулеметов, стояли коробки с лентами и другие ящики, в которых, судя по этикеткам, хранились взрывчатка и гранаты.

— Сможете, если что, управиться с этими штуковинами? Изготовлены в Чикаго на заводах «Североамериканской оружейной компании», контролируемой ММБ.

— Да, я научилась пользоваться пулеметом, когда проходила двухмесячную службу в межпланетной милиции.

— Что ж, хоть тут от этих шутов будет какая-то польза! Со мной, Стелла, всякое может случиться. На всякий случай вот вам дубликат ключа. Мои люди исполнят любые ваши указания.

— Но как я смогу им приказывать, не зная языка?

— Они все знают с десяток-другой английских или французских слов. Этого достаточно.

Он вытащил из своего арсенала ящик гранат и запер дверцу.

— Пойду попрошу парней спустить это вниз.

Внизу, с испуганным видом, его ожидала Сика.

— Господин, госпожа Лаэле пошла на базар за тканями! Тераи побледнел.

— Отправь за ней человек пять, да поскорее!

— Уже сделано, господин!

— Молодец, Сика. Спасибо. Боже правый, не могла дождаться, пока я сам ее отведу! Ох уж эти женщины! Все они одинаковы! И на кой черт ей понадобились сейчас эти ткани! Тонор, там, наверху, ящик с гранатами. Снеси его вниз, вставь взрыватели и раздай гранаты часовым. По три штуки каждому!

Почва под ногами вздрогнула.

— Неужели подземный толчок? — недоверчиво пробормотал Тераи. — Пойдемте!

Он бросился к небольшой низкой постройке в парке, где был установлен его сейсмограф. На бумажной ленте тянулась ровная, чуть волнистая линия, затем следовали два резких зигзага. Тераи сверялся с другими приборами, когда послышался глухой подземный гул. Стрелка сейсмографа заплясала. Тераи не отводил глаз от интегратора.

— Эпицентр в тридцати километрах к северу... Постойте-ка, как раз таки в тридцати километрах к северу находятся два вулкана-близнеца, Кембо и Окембо! Но они же давно погасли! Возможность внезапного пробуждения практически равна нулю. И ничто этого не предвещало...

Они вышли наружу. Далеко на севере, в ярких лучах заката, поднимался в небо черный, с золотыми отсветами столб дыма.

— Еще одно чудо! — саркастично усмехнулся Тераи. — Но на сей раз чудо обошлось дороговько! Две водородные бомбы, чтобы торпедировать кратеры до слоя магмы. И, как на грех, древний храм Клона стоит — то есть стоял! — точно между двумя вулканами. Нетрудно объяснить народу, что это гнев богини земли порастил храм ложного бога. Обмии может подсчитывать свои потери!

Почва снова задрожала, на этот раз так сильно, что им пришлось ухватиться за ствол дерева, чтобы устоять на ногах. Деревья трещали, раскачиваясь, сухие ветки сыпались им на головы. Из-за стены парка слышался грохот обвалов и крики ужаса. Опять прокатился подземный гул и постепенно утих. Стелла, бледная от страха, смотрела на Тераи.

— От семи до восьми баллов, — произнес он спокойно. — Вероятно, нижнему городу изрядно досталось. Впрочем, этого следовало ожидать. Какому-то придурку вздумалось изобразить из себя ученика чародея!

— Вы полагаете, толчки повторятся?

— Не знаю. Едва ли. Зона, в которой расположен Кинтан, достаточно устойчива, я хочу сказать, землетрясения здесь редко превышают по силе три балла. Но, разбудив вулканы водородными бомбами, все это можно изменить. Черт, лишь бы Лаэле вернулась!

— Вы не пойдете за ней?

— Нет. Я не могу оставить дом, пока не узнаю, что все это значит: у меня здесь больше ста человек — мужчин, женщин, детей, — и все они на меня рассчитывают. Я обязан их защитить.

— Вы опасаетесь, что с Лаэле могло что-то случиться?

— Да. Если она не погибла во время землетрясения, которое наверняка унесло немало жизней, ее могли похитить эти негодяи беельбаисты!

— Тогда, быть может, сто́ит вызвать на помощь вашего компаньона?

— Я пробовал связаться с ним утром, перед тем как пойти в императорский дворец. Никто не отвечает! И уж конечно, я не стану обращаться за помощью к парням из ММБ. Одному лишь богу известно, что стряслось с Игрищевым! В общем, все это дурно пахнет. Давайте вернемся, посмотрим, уцелел ли дом.

Огромное здание лишь кое-где дало трещины. Они поднялись на террасу. В ступающих сумерках гигантские пожары на юге, в нижнем городе, вздымались к небу вихри пламени.

— В обычное время я повел бы вас посмотреть, как работают пожарные. Это весьма интересно. Кеноиты и здесь проявили свой организаторский талант. Помогите-ка мне вынести парочку пулеметов — боюсь, вскоре они нам понадобятся.

С наступлением ночи пятеро посланцев вернулись без Лаэле. Тераи не находил себе места. Слуги обошли все рынки, все торговые улочки. Город словно оцепенел от ужаса еще до начала землетрясения, и никто ничего не хотел им говорить. То тут, то там навстречу им попадались угрюмые, высокомерные жрецы Беельбы, но ни одной женщины, ни одной девушки на улицах видно не было. Весь город пребывал в напряжении, словно ждал некоей катастрофы. Затем, после первого толчка, все высыпали из домов, и началась паника, мешавшая солдатам и пожарным бороться с огнем и расчищать завалы.

— По городу ходят слухи, господин, — пробормотал один из кеноитов, явно не решаясь говорить.

— В самом деле? Какие?

— Будто бы ты навлек гнев богини, приведя в город ди-
карей.

— Что ж, все проясняется. Весь этот маневр был на-
правлен против меня, против ихамбэ, против сторонников
мира. Я слишком долго отсутствовал, и вот теперь меня
застали врасплох. Ба! Если бы только нам удалось разы-
скать Лаэле, я бы с легкостью наплевал на все остальное!
Я могу месяц держаться против всего города. А потом, ког-
да они увидят, что покровительство Беельбы не спасает
их от моих пуль... Ладно, подождем, ничего другого нам
не остается.

Стелла вышла под колоннаду. По парку скользили груп-
пами патрули ихамбэ, вооруженные луками, или слуги Тераи
с автоматами в руках и гранатами на поясе. Ни одного звука
не доносилось из города, и эта тишина при свете рыжеватой
луны, название которой она позабыла, казалась Стелле осо-
бенно зловещей. Внезапно перед ней выросла чья-то тень.
Стелла выхватила револьвер, но тут же успокоилась: это был
Ээнко. Он наклонился к ней и тихо проговорил на ломаном
французском языке:

— Ваша плохой женщина! Если бы ваша не здесь, Лаэле
не выходить одна. Если она умереть, ваша тоже умереть!

И он исчез, словно тень.

— Это всего лишь я, Стелла, не стреляйте!

Тераи прислонился к колонне рядом с ней.

— Не знаю, что и делать! Я с ума схожу от беспокой-
ства. Разумеется, для вас Лаэле всего лишь туземка, даже
не человек. Но для меня, после смерти моих родителей,
она воплотила в себе всю нежность, всю любовь! У меня
есть только она да Лео. Игрищев... Игрищев, наверное, тоже
погиб, иначе бы он ответил на мой вызов. А Лео остался
в селении ихамбэ.

— Может, ваш компаньон просто отсутствовал, когда вы
пытались с ним связаться?

— Нет, это невозможно. Где бы он ни был, ему бы пере-
дали мое послание. Должно быть, его убили. Сейчас решается
все, а я не готов к большой игре. Потерял время, пока был
вашим проводником. Даже если вы мне не лгали, мы сыграли
на руку ММБ одним уже своим здесь присутствием.

— В любом случае, поверьте: я не имею ничего общего с этой кровавой религией, которую кто-то пытается здесь насадить.

— Возможно, вы действительно были лишь игрушкой в их руках... В чем дело, Керон?

— У ворот солдаты, господин.

Стелла последовала за Тераи, но он этого, казалось, не заметил. Ворота в парк были полуоткрыты, снаружи освещенный красным пламенем факелов ожидал Офти-Тика во главе десятка солдат. Его присутствие, видимо, успокоило Тераи. Разговор их был короток. Капитан отсалютовал мечом и подал Тераи пергаментный свиток. Тот развернул его, приблизился к факелу и быстро прочел. Ни одна черточка его лица не дрогнула.

— Плохие новости? — спросила Стелла.

— Хм... Приказ императора. Завтра, с рассветом, ихамбэ должны покинуть город. Меня он не осмелился выставить. Я бы с радостью ему подчинился, чтобы выбраться из ловушки, в которую так глупо попался, но, едва мы окажемся вне этих стен, как нас окружают и перебьют всех до единого. Если бы только я взял с собой Лео! Я бы отправил с ним послание Охеми, и через десять дней под стенами Кинтана стояла бы объединенная армия всех племен ихамбэ, и тогда бы мы смогли поговорить! В данных же обстоятельствах я могу ответить лишь отказом, то есть объявить войну всей империи Кено. Если бы Лаэле была здесь, меня бы и это не испугало!

Он подошел к офицеру и сказал ему несколько слов на кеноабском. Тика отрицательно покачал головой и с силой швырнул свой короткий дротик, который вонзился, дрожа, в ворота. Затем он отдал приказ и быстро удалился во главе своих солдат.

Едва они скрылись за поворотом, Тераи вырвал дротик и внимательно его осмотрел.

— Так я и думал! Официально такой жест означает: отныне мы можем встретиться лишь с оружием в руках. Но смотрите!

Ножом он разрезал бечевку, накрученную плотной спиралью на древко в месте хвата. Под бечевкой обнаружился листок бумаги с выведенными каракулями кеноитскими

знаками. Тераи лихорадочно развернул листок и до крови прикусил губу.

— Новости о Лаэле. Плохие. Она была схвачена жрецами Беельбы и завтра на рассвете будет принесена в жертву богине вместе с шестью другими молодыми женщинами. Это произойдет в красном храме на плацдарме. Сейчас она заперта в подземельях храма.

— Боже мой! Неужели для нее ничего нельзя сделать?

— Почему же? Во всяком случае, можно хотя бы попытаться. До рассвета у нас еще есть несколько часов.

Тераи в последний раз проверил, надежно ли подвешены гранаты к поясу, удобно ли прилажены револьверы, внимательно осмотрел ружье.

— Ну вот. Здесь я вам все показал. Если не вернусь, принимайте командование. Постарайтесь еще раз связаться с Порт-Металлом. Скажите им, что дочь Хендерсона в опасности. Если уж *это* не заставит их шевелиться, то я даже и не знаю, чем еще их подогнать... Но главное — не выходите из дому!

Эта фраза напомнила Стелле о полученном ею предупреждении, и внезапно, даже не подумав как следует, она решилась:

— Подождите! Я должна вам кое-что сказать.

Она быстро рассказала Лапраду о сцене, произошедшей в дворцовом зале, и записке с тайной опознавательной подписью. Тераи нахмурился.

— Могли бы сообщить и раньше! Впрочем, это мало бы что изменило, так как, когда вы прочли это послание, Лаэле уже была пленницей беельбаистов. Ладно... Сейчас у меня все равно нет времени на то, чтобы во всем этом разбираться. До свидания, мисс Хендерсон!

— До свидания, Тераи, — и удачи!

Он развернулся и во главе отряда из пятнадцати вооруженных мужчин исчез в глубине парка, где им предстояло перебраться через стену. Оставшись одна, Стелла поднялась на террасу. На востоке, чуть более темной массой на фоне уже бледневшего неба, вырисовывался холм, на котором располагался плацдарм. До рассвета оставалось еще около

получаса. Все в городе было погружено в темноту, но она слышала доносившиеся с соседних улиц шаги солдат, патрулировавших по трое, и поднимавшийся со стороны нижнего города глухой гул приближающейся толпы. Ей на мгновение захотелось побежать за Тераи, быть рядом с ним. В глубине парка кто-то приглушенно вскрикнул, и она поняла, что один из часовых только что поплатился жизнью за секундную невнимательность.

Стелла выжидала. Тену-Сика не отходила от нее ни на шаг, готовая переводить ее слова, повторять в микрофоны, соединенные со скрытыми в кронах деревьев громкоговорятелями, ее указания.

— Думаешь, ему удастся ее освободить? — спросила Стелла.

— Господин может все! И он будет не одинок. Многие отвергают подобные жертвоприношения, госпожа. Тика — то есть капитан Офти-Тика — говорил мне, что большая часть армии ненавидит жрецов Беельбы.

— Ты сказала об этом господину Лапраду?

— Естественно! Мой долг — передавать ему все, что может его заинтересовать.

— Ты любишь своего господина, Сика?

— Он не просто господин, он — Повелитель! Всё склоняется перед ним, когда он того желает. Но он добрый. Если будет нужно, мы все отдадим за него свою жизнь.

Стелла не ответила, поразившись в который уже раз той преданности, которую у людей вызывал по отношению к себе этот порой brutальный и суровый великан. Она вздохнула. Если бы только они могли сражаться на одной стороне! Она уже забыла, как всего несколько минут назад подошла к Тераи, чтобы рассказать ему о тайном послании жреца Беельбы. Она по-прежнему полагала, что он не прав, что он ведет бесплодную борьбу, но если за приношениями в жертву людей действительно стоит ММБ, она уже не чувствовала себя чем-то обязанной этой организации.

Небо на востоке уже светлело. С холма докатились глухая барабанная дробь, затем рев труб. По плацу разнесся протяжный вопль собравшейся там бесчисленной толпы фанатиков, и Стелла поняла, что они приветствуют появление жрецов — или же жертв.

Затем все стихло. Даже печальный гул бронзового гонга, доносившийся из храма Клона в нижнем городе, где всю ночь продолжалась искупительная церемония, казалось, лишь усугублял эту мертвую тишину.

Внезапно Стелла насторожилась: уж не выстрел ли она слышала? За первым последовали другие, целые очереди, прерываемые сухими взрывами гранат, затем все на миг заглушил дикий рев толпы, в котором смешались страх и ярость. Она бросилась к восточному парапету, пытаясь что-нибудь рассмотреть. Но дом стоял у самого подножия холма, и Стелла видела отсюда только верхнюю площадку храма, где, едва различимые в бинокль, беспорядочно метались черные фигурки. Теперь выстрелы трещали непрерывно. Вместе с Тераи ушли десять кеноитов, обученных стрельбе из автоматов, и она содрогнулась при мысли о том, сколько жертв этот град пуль вырывал из густой толпы. Новая серия взрывов, затем над ревом толпы взвился далекий боевой клич Тераи: «Йохихооохоо!» Поток людей стремглав катился по улице с вершины холма. Иногда она различала отдельные фигуры, потом они снова исчезали за вершинами деревьев. Стрельба усиливалась, приближалась.

— Господин! — крикнула Сика.

Стелла тоже мельком увидела высокий массивный силуэт Тераи: он приостановился, чтобы скосить первые ряды преследователей. Затем деревья снова скрыли его из виду.

— Сика, переводи! Десять человек — на улицу, встречать господина! Все остальные — на стены, на свои посты!

Она вставила в пулемет ленту.

— Праааа!

Где-то совсем близко протрещала очередь. Из глубины парка доносился шум схватки, какой-то человек, задыхаясь, взбежал по лестнице на террасу, прокричал несколько слов и снова исчез.

— Господин ранен, — перевела Сика.

— Я спускаюсь!

Стелла была уже под колоннадой, когда в аллее возникли четверо мужчин, несших на руках Тераи. Остальные шли следом, сжимая оружие: сражение на стенах, судя по всему, закончилось. Стелла склонилась над геологом. Длинный ру-

бец прорезал его правую щеку, а вся макушка головы представляла собой кровавую волосатую губку.

— Камень из пращи... господин как раз перелезал через стену, — пояснил какой-то кеноит, говоривший по-английски.

— Сика, аптечку! Скорее!

Череп, судя по всему, проломлен не был, но Стелла слишком плохо разбиралась в подобных вещах. А что если у него сильное сотрясение мозга? С санитарной сумкой прибежала Сика. Стелла промыла раны, остригла слипшиеся волосы и с облегчением увидела, что камень из пращи только скользнул по черепу, содрав несколько сантиметров скальпа. От ожога дезинфицирующей жидкости Тераи застонал, затем открыл глаза и попытался сесть.

— Не двигайтесь! Как вы себя чувствуете?

— Моя голова!.. Эта свинья не промахнулась! Но что вы тут стоите? К оружию! Все — на стены!

— Успокойтесь! Нападение отбито.

— Помогите мне встать.

Он поднялся, шатаясь, поддерживаемый двумя кеноитами.

— Я потерял всех ихамбэ. Не мог их удержать. Когда Ээнко увидел сестру на жертвенном алтаре, то просто обезумел! Впрочем, и я тоже...

Морщась от боли, он снова покачнулся, затем, невероятным усилием воли, распрямился во весь рост.

— Где Лаэле?

— Мертва! Мне пришлось ее застрелить! Ничего другого сделать для нее я просто уже не мог!

Он погрозил огромным кулаком в направлении холма.

— Война, теперь война, всеобщая и беспощадная! Я сожгу Кинтан, если понадобится, а вместе с ним — и другие города Кено! Разве что мне отдадут всех жрецов Беельбы, чтобы я бросил их Лео! Помогите мне дойти до моей комнаты. Стелла, займитесь обороной, голова буквально-таки раскалывается, ничего не соображаю. Через час-другой мне станет лучше.

Он исчез в глубине дома, тяжело опираясь на слуг. Между деревьями появилась шатающаяся, вся в крови, фигура, в которой Стелла признала Ээнко. Великий воин спотыкался,

кровь лилась из его бесчисленных ран. Он медленно подошел к дому, смерил Стеллу преисполненным ненависти взглядом и рухнул на землю где-то под крытой галереей.

— Позаботься о нем, Сика. Я схожу взгляну, как там господин Лапрад.

Тераи сидел на постели, сжав голову руками, не обращая внимания на кровь, пропитавшую повязку. Когда Стелла вошла, он поднял на нее глаза.

— Хотите знать, как это было, да? Прекрасная статья для вашей газетенки? Что ж, я вам расскажу.

— Не надо ничего говорить!

— Нет, я должен выговориться, иначе все это меня задушит! Проулками и через парки, мы беспрепятственно добрались до холма. Там уже собралась огромная толпа, и ближе нам подойти не удалось. Мы затаились в кустах, метрах в пятидесяти от храма, справа. Тройной кордон солдат отделял толпу от того места, где был воздвигнут их мерзкий алтарь. В бинокль я видел даже ножи для жертвоприношений. Потом, под рев труб, появились жрецы, толпа завопила, привели первую девушку, уложили на камень и — раз! — это было быстро сделано, ей живой вспороли живот. За ней последовала вторая, третья... Я не мог вмешаться, не мог растрачивать впустую и без того мизерные шансы спасти Лаэле! Наконец появилась она. Она не была, как другие, отрешенной или одуревшей от страха! Она отбивалась как могла, и, должно быть, у многих из этих мерзавцев навеки останутся следы ее ногтей и зубов! Когда ее хотели уложить на алтарь, я начал стрелять, снял всех жрецов с жертвенными ножами, и мы ринулись вперед. Но между нею и нами было слишком много народа! Чем больше людей мы истребляли, тем больше их прибывало. Я убивал, убивал и убивал — мужчин, женщин, детей, с этими их мерзкими рожами фанатиков... Я и окружавшие меня ихамбэ пробивались вперед в лужах крови, пока остальные наши парни палили налево и направо. В какой-то момент, после разрыва гранаты, в лицо мне прилетела оторванная женская голова. В конце концов я увидел, что нам не пробиться: Лаэле уже обступили другие жрецы с ножами. И тогда, выкосив всё вокруг себя при помощи гранат, я выпустил свой боевой клич, чтобы Лаэле знала, что я здесь,

прицелился ей в голову, выстрелил, и она упала замертво. А затем... затем оставалось лишь выбраться оттуда живым, выбраться для того, чтобы иметь возможность отомстить за нее! Вот и все. Мы вернулись, и я уже перелезал через стену, когда меня настиг этот камень.

Он умолк, потом продолжил:

— Это фанатики, Стелла! Самое отвратительное, самое ужасное и самое опасное на свете! Они убили моих родителей, убили Лаэле, пытались убить меня! Но меня эти сволочи пустили! И я заполучу их шкуру — по крайней мере, на *этой* планете! Фундаменталисты, эти жалкие недоумки, живущие легендами бронзового века! Беельбаисты, воображающие, что вырезанные у девушек яичники принесут им богатый урожай тле и кулира! Но худшие из всех — это *ваши*, Стелла, *ваши*, полагающие, будто технический прогресс — это все, путающие науку и технику с производством блестящих побрякушек, убежденные в том, что, если земляне благодаря удаче или случаю оказались первыми в этом уголке космоса, им позволено грабить соседей и навязывать им свою *цивилизацию*, если здесь вообще уместно данное слово. Ради всего этого они готовы воспользоваться фанатизмом полудикарей. И они еще говорят о науке и прогрессе! Будь они трижды прокляты! Даже тот, кто придумал обычное колесо, обладал большей ученостью, чем все ваши инженеры, которые prostituteуют свой мозг для того, чтобы производить бесполезные или слишком сложные и потому не приносящие никакой пользы машины...

Тераи с отвращением плюнул на пол.

— Они еще обо мне услышат, ваши приятели из ММБ! Даже если придется добиться объявления карантина для этой планеты, они ее не получат!

Стелла тихонько вышла из комнаты. Тераи спал. Снаружи, под ослепительно ярким солнцем, парк казался вполне мирным и тихим — но лишь до того момента, как на глаза ей не попался какой-то кеноит с ружьем. К ней подошел Мелик, старший слуга.

— Госпожа, как он там? — спросил он по-французски.

— Жить будет, не беспокойтесь. Что происходит в городе?

— Повсюду идут сражения! Те из солдат, что остались верными Клону, отбиваются от сторонников Беельбы. Народ тоже разделился, кровь льется ручьями.

— Что ж, пока они сводят счета, им не до нас!

Этот день показался ей целой вечностью. Время от времени из нижних кварталов доносился гул разъяренной толпы, в южной и западной частях города бушевали пожары. Разведчики, посланные Меликом, возвращались с противоречивыми сведениями: сторонники Клона берут верх. Нет, они разбиты. Императора убили. Нет, его видели на террасе дворца. Обмии заключил союз с Болором, убил его, подкупил... Словом, тут были все слухи, типичные для гражданской войны.

Сика сходила с ума от беспокойства: никто не знал, что стало с Офти-Тикой. Его нигде не видели с тех пор, как он вручил Тераи повеление императора. Он словно испарился, а ведь он был капитаном стражи внешних стен — очень важный пост, дававший допуск туда, куда прочим вход был воспрещен: во дворец... Как знать, не стоял ли он во главе сопротивления, восставшего против беельбаистов?

Он появился около пяти вечера, причем совершенно неожиданно. Крупный отряд солдат поднимался по улице, и Стелла приказала бить тревогу. Но солдаты, не став приближаться, рассеялись вокруг парка, словно для отражения атаки из города. Когда все улицы были перекрыты, к воротам в стене подошел офицер, и она узнала Офти-Тику. Он принес первые достоверные сведения.

В городе царило полнейшее смятение. Сто шестьдесят человек погибли во время попытки спасения Лаэле и как минимум вдвое больше получили ранения. Император приказал арестовать и немедленно казнить Обмии и Тераи. Часть армии отказалась повиноваться. Но на стороне беельбаистов было численное преимущество и исступленный фанатизм. Закидываемые с крыш камнями, солдаты Офти-Тики мало-помалу отступали и вот теперь попали в окружение у дома Тераи.

— А ты, где ты был все это время? — спросил Лапрад.

— Я с самого начала понял, что дело плохо. Вскочил на бирака, доскакал по северной дороге до первого поста связи и передал срочное сообщение генералу Ситен-Кану, который командует гарнизоном Якуна, объяснив ему ситуацию и по-

просив немедленно выступить маршем на столицу. Кан — ярый последователь бога Клона, он будет здесь через два дня.

— Хорошо. Мои люди помогут твоим, и это время мы продержимся. Но даже с тем подкреплением, которое приведет Кан, нас будет слишком мало, и в конце концов нас перебьют. Если бы я мог послать весточку ихамбэ...

Лицо капитана окаменело.

— Нет! Я твой друг, тебе это известно, но я не хочу видеть здесь ихамбэ!

— Тогда нам конец! Ты не хуже меня знаешь, что большинство наместников по всей империи займут выжидательную позицию и в итоге примкнут к тем, на чьей стороне окажется перевес. Не забывай и то, что император — отверженец Беельбы!

— И что делать? Отдать мой город на милость дикарей? Я не могу на это пойти!

Тераи наклонился вперед, нависнув над кеноитом.

— В этом деле есть две стороны: прежде всего — твоя. Ты не приемлешь ни тиранию жрецы Беельбы, ни их бессмысленную жестокость. С другой стороны, и у меня с ними свои счеты. Сейчас я сделаю тебе предложение, Тика. Если ты примешь его, то станешь следующим императором Кено.

От изумления капитан аж подпрыгнул.

— Ты ведь из рода Офти-Траин, не так ли? Значит, ты прямой потомок императора Тибор-Тука. А следовательно, после того, как не станет Ойготана и Софана, у тебя будет столько же прав на трон, как и у любого другого претендента.

— Да, полагаю, тут ты прав. Но эти фанатики беельбаисты свели народ с ума! Он ни за что не согласится...

— Обезумела только часть народа — здесь, в Кинтане. На остальные города империи новая религия еще не распространилась. Те, кто готовил этот зловещий фарс, слишком поторопились, или же их поторопили. Да и потом, у Беельбы сразу станет меньше адептов, когда люди увидят, что богиня, несмотря на все ее чудеса, не способна защитить своих жрецов. А уж об этом я позабочусь!

— И чего же ты просишь взамен?

Тераи не сдержал улыбки.

— Кеноаба, обоаба! Кеноит — значит, торговец! Старая поговорка не врет, не так ли? Прошу я немногого: права

преследовать на территории всей империи жрецов Беельбы, а особенно тех, кто скрывается за их спинами, и права решать их участь так, как я сам того пожелаю.

— Прольется много крови, Тераи!

— Если мы не остановим их сейчас, крови прольется гораздо больше! Так или иначе, я жажду этой крови, и я ее получу!

— А если я не соглашусь?

— В таком случае, Тика, ты отправишься к своим солдатам, туда, за стены, а я со своими людьми останусь здесь. Каждый будет сражаться за себя, и, если я отсюда выберусь, я вернусь за этой кровью во главе объединенной армии ихамбэ!

Капитан недовольно поморщился.

— Россэ Муту, да? Человек-Гора! Я знаю: ты так бы и сделал! Я согласен! Но нас это не спасет. Ты сам только что сказал, что даже подкрепления, которое приведет Кан, будет недостаточно.

— Так и есть. Но я сделаю то, Тика, чего предпочел бы не делать! Я раздам твоим солдатам оружие, доставленное с Земли, и, если нам хватит на то времени, научу им пользоваться. Впрочем, что-то мне подсказывает, что через несколько лет земное оружие все равно будет здесь, на этой планете, буквально у каждого. Бьюсь головой об заклад против зернышка пикука, что если прямо сейчас это оружие и не раздают в храме Беельбы, то это случится в самом скором времени. «Мазетти» миланского производства, — добавил он, поворачиваясь к Стелле. — Однако еще два условия, Тика! Первое: когда ты станешь императором, то возьмешь Тену-Сику в жены.

— Это не условие, а настоящий подарок!

— Тем лучше. Второе: без моего согласия ты не допустишь на территорию своей империи ни одного другого землянина.

— Сам ты, Тераи, всегда можешь являться в Кено с друзьями, но кого-то еще видеть здесь я не желаю!

— Хорошо. Распорядись, пусть твои люди заходят сюда по десять человек. Им дадут оружие и первый урок того, как следует убивать людей цивилизованным образом.

— Неужели вы действительно надеетесь не только выбраться отсюда живым, но еще и совершить подобную революцию? — спросила Стелла, когда капитан удалился.

— Почему бы и нет? Все будет зависеть от ближайшей ночи. Наши шансы, возможно, не слишком велики даже с двухтысячным войском Тики — это я готов признать, — но у меня еще кое-что припрятано в рукаве, да и враги, судя по всему, пока сбиты с толку, не знают, как им быть, что тоже играет нам на руку. Вероятно, они не ожидали, что всё так сложится. Они немного поторопились, а моя утренняя вылазка лишь ускорила развитие ситуации. Я — землянин, да и вы — тоже. То неизвестное пока еще нам чудовище, которое стоит за всем этим беельбаистским маскарадом, возможно, не сильно жаждет того, чтобы вместе с кеноитами здесь погибли еще и земляне. И уж точно этот некто не хочет, чтобы во всей заварушке сгинула мисс Хендерсон. Нет, похищение и убийство Лаэле были досадной оплошностью, допущенной кем-то из фанатиков-кеноитов в порыве ненависти к ихамбэ или же, быть может, в попытке разыграть собственную партию. Этот кеноит свел на нет, перечеркнул весь Генеральный План. И кто бы ни разработал этот план, должно быть, сейчас он не слишком доволен.

— Вы по-прежнему полагаете, что за всем этим стоят земляне?

— Теперь я в этом более чем уверен! Вспомните полученное вами предупреждение! Думаю, я могу вам сказать, как все должно было быть. Сегодня, когда бы я вышел куда-нибудь в город, где-нибудь поблизости должен был вспыхнуть мятеж, меня бы вырубili, накачали наркотиками, доставили под охраной в Порт-Металл и оттуда уже переправили на какую-нибудь богом забытую планету. Вас бы, со всеми соответствующими вашей персоне знаками уважения, выслали на родину, и через год или два империя Кено встала бы, как я вам уже говорил, на путь завоеваний.

— Но почему эта ночь должна стать решающей?

— Вам так хочется это узнать?

— Естественно! Я здесь тоже в опасности!

— Может, мне и не стоит это вам говорить, ну да ладно...

Вряд ли вам удастся меня предать, даже если вы этого и хотите. Очевидно одно: те, кто стоит во главе этого заговора, укрылись в храме Беельбы, рядом с императорским дворцом. Это двойной храм: на одной его половине властвует бо-

гиня Беельба, на другой — бог Клон. Покойный император решил таким милым способом примирить оба культа, вроде как не отдавая ни одному из них предпочтения. С согласия Обмии мои люди прорыли подземный ход от нашего дома до той половины храма, которая посвящена Клону. Да-да, как в какой-нибудь драме Виктора Гюго! Ночью я воспользуюсь этим ходом.

— Но с какой целью была проделана вся эта работа?

— Для дела, в котором меня опередили. Я сам хотел подержать старика Обмии, устроив *уже для него* несколько невинных чудес, но кто-то оказался проворнее меня.

— А у вас хватит сил для этой ночной вылазки? Ваша голова...

— Ерунда. Я выспался. Если ранение в голову сразу же не оказалось смертельное, значит, оно пустячное. Меня оно беспокоит даже меньше, чем этот рубец на щеке. Тем не менее я отдохну, пока все тихо. Прошу вас, проследите за раздачей оружия. У меня в сарае шестьсот винтовок. Разбудите меня, когда стемнеет.

— Вы действительно хотите истребить всех жрецов Беельбы?

— А почему я должен колебаться? Если бы у меня хватило на то мужества, я бы вообще передумал все их семя!

С наступлением сумерек Стелла на цыпочках прошла мимо двери Тераи, все еще не желая его будить. Приглушенные рыдания заставили ее остановиться, заглянуть в комнату через приоткрытую дверь. Тераи сидел на кровати с колье Лаэле в руках и плакал.

глава 3

Ужасная ночь

— Вы поняли, Стелла? Если мы не вернемся через три часа, взрывайте этот подземный ход!

Он уже наполовину спустился в освещаемое одними лишь факелами подземелье, и сейчас она видела только

его изнуренное лицо под окровавленными бинтами, которыми была обмотана его голова.

— Вы больше не боитесь, что я вас предам?

Он устало улыбнулся.

— Нет, не боюсь, хотя и сам не знаю почему. Ну все, парни, пошевеливайтесь!

Один за другим десять кеноитов, вооруженных карабинами, револьверами и рогатинами, исчезли в черной дыре. За ними, как жуткий призрак, проскользнул Ээнко, весь покрытый засохшей кровью, которую он поклялся не смывать до тех пор, пока его сестра не будет отомщена. Тераи чуть замешкался.

— Желаю удачи! — проговорила наконец Стелла.

— Благодарю, она мне понадобится!

И он последовал за своими людьми. Вскоре все они очутились в небольшой ротонде.

— Ээнко, Гидон, Текер, Тохи, вы идете со мной. Остальные — шагах в десяти позади нас. Не уроните взрывчатку!

Они продвигались по узкому извилистому туннелю, прорубленному в мягком известняке; на стенах отчетливо виднелись следы от ударов кирки. Местами со свода звонко шлепалась в лужицы капель, местами, напротив, стены были сухими и пыльными. Пройдя метров триста, Тераи остановился.

— Мы почти у цели. Следуйте за мной без малейшего звука. Стрелять только в случае крайней необходимости — они нужны мне живыми.

Еще через несколько шагов туннель пошел вверх, и вскоре они уперлись в прикрывавшую его каменную плиту. Тераи нащупал в углу рычаг, и плита с легким скрежетом повернулась. С револьвером в руке он бросился вперед. В низеньком зале сидели пять кеноитов; ужас отразился на их лицах, но тут же уступил место облегчению, когда они узнали Лапрада.

— Обмии! Что ты тут делаешь?

Старый жрец поднялся.

— Прячусь, Россэ Муту! Мы единственные выжили в этой бойне, да и то лишь потому, что находились в храме, когда началось побоище.

— А входная дверь?

— Если бы они ее нашли, нас бы уже не было в живых.

— Как это произошло?

Обмии пожал плечами.

— Очень быстро. Мы слышали выстрелы на плацдарме. Я знал, что они захватили твою жену, и подумал, что ты намереваешься ее отбить. Тебе это удалось?

— Нет!

— Тогда мне жаль Болора, — проговорил старик с улыбкой, в которой не было и тени сожаления. — Вскоре толпа хлынула к нашему храму, прося убежища. Мы открыли двери. А через несколько минут нас осталось в живых только пятеро!

— Они все еще в храме?

— Не думаю. Мы смотрели через «божье око». Они размолачивали там все что могли, осквернили алтари и ушли.

— Почему ты не пришел по туннелю в мой дом?

— Не знал, кто в нем хозяйничает.

Теперь подземный ход поднимался все круче, и постепенно пол его превратился в ступени, вырубленные в скале. Наконец они остановились в тупике под горизонтальной плитой, но сбоку открывался колодец, из которого свисала веревочная лестница. Тераи вскарабкался по ней до узкой и низкой галереи. Дальше он полз вверх еще осторожнее, стараясь не шуметь. Он остановился над небольшим отверстием в потолке верхнего храма. Оно было проделано как раз на месте зрачка бога Клона, чье изображение парило под сводом центрального зала.

Храм, едва освещенный жалкими огоньками уцелевших лампад, казался безлюдным. Тераи долго вглядывался в темные углы, потом достал из кармана монетку и опустил ее в отверстие. Монета зазвенела, отскакивая от каменных плит, — до них было метров двадцать... Никакого движения, тишина. Тераи вернулся к своим спутникам.

— Храм пуст. Следуйте за мной!

Вокруг было тихо и пусто, лишь темные пятна на каменных плитах, то тут, то там, отмечали места, где погибли под ножами фанатиков жрецы Клона. Центральная дверь из черного дерева с золотыми скрепами была полуоткрыта; укрывшись за ней, Тераи выглянул наружу. Храмовая

площадь, залитая бледным светом одинокой луны, сверкала всеми своими беломраморными плитами, отполированными босыми ногами верующих. Метрах в ста справа, за рощицей высоких колибантонов, черным силуэтом на фоне луны высилась зубчатая стена императорского дворца. По стене, то появляясь между зубцами, то исчезая, медленно прохаживался часовой.

— Черт бы его побрал! — проворчал Тераи. — До теневой стороны отсюда минимум метров двадцать...

Он было пожалел, что не захватил с собой лук, но потом подумал, что с такого расстояния и при столь неверном свете даже Ээнко не смог бы наверняка поразить цель. Тераи взглянул на небо. Гряда облаков медленно приближалась и через некоторое время должна была заслонить луну.

Они принялись ждать. Когда луна скрылась за облаками, они выскользнули из храма, обогнули угол и затаились в тени контрфорса второй половины храма, посвященной богине Беельбе. Главный вход наверняка охранялся, и поскольку их успех целиком зависел от внезапности, о штурме нечего было и думать. Тераи припомнил, как выглядел фасад, ощупал стену и скоро нашел ногу статуи Белини, сподвижницы Беельбы. Он подтянулся, вскарабкался на плечи статуи, затем на ее голову и одним рывком поднялся на широкий карниз. Отсюда он скинул вниз конец веревки. Через несколько минут все его спутники были рядом с ним.

Они осторожно прошли по карнизу, скользкому от плесени и помета священных птиц, и взобрались по контрфорсу на плоскую крышу. Никто ее не охранял. Отсюда был виден весь город: пожары все еще бушевали, багровые столбы пламени подсвечивали снизу черные полосы дыма, который стлался над крышами, как низкие гроззовые тучи. Тераи пригляделся, определяя очаги пожаров. Дворец принца Икстчи, самого верного сторонника Клона в придворных кругах. Казарма стражи внешних стен. Лабазы купца К'Гонды и рядом пять зарев на месте домов его друзей. И еще множество далеких пожаров в разных частях города. Поджоги? Следствие землетрясения? Тераи хмуро смотрел на эти зловещие костры.

— Ничего, они заплатят за все сразу, — наконец проворчал он.

Большая башня в форме головы богини Беельбы возвышалась на северной стороне крыши. Они осторожно приблизились, но входную дверь никто не охранял, и им удалось незаметно спуститься по винтовой лестнице в храм. Тераи здесь никогда не бывал, но Обмии знал каждый уголок благодаря своим осведомителям и давно уже дал геологу точный план. Минуя галереи, отряд Тераи продвигался по темным проходам в толще стен, где не было ни души. Но вот откуда-то сбоку до них донеслись голоса. Тераи жестом остановил своих спутников, подкрался к массивной деревянной двери и припал к скважине. Семь мужчин сидели в низком зале вокруг стола. Тераи сразу узнал Болора и его наперсников, Икто и Килсена, узнал купца из Кинтана и двух честолюбивых аристократов; только одно лицо было ему незнакомо, лицо кеноита необычайно высокого роста, который сейчас говорил, еле сдерживая злость:

— Слишком рано! Мы еще не готовы, положение неопределенное. Вы, Болор, поддались инстинктам дикаря! Вы решили принести в жертву эту девку, и теперь все племена ихамбэ выступят против нас. Как будто нам не хватало этого землянина! Такой промах может вам дорого обойтись!

— Мы уже захватили город! — отрезал Болор. — Кто владеет Кинтаном, тот владеет империей Кено!

Остальные одобрительно закивали.

— Я бы вам поверил, если бы этот проклятый офицер не сумел улизнуть и предупредить Ситен-Кана! Если бы город действительно был целиком в ваших руках, — а это не так, и вы это знаете. И главное — если бы этот чертов Лапрад... Слишком много «если»!

Болор встал, морща тонкие губы.

— Завтра я брошу народ на штурм виллы землянина!

— И он сотнями будет косить вас из своих пулеметов!

— У нас они тоже есть!

— Благодаря мне! Так или иначе, ничего другого нам уже не остается. Но помните: та девушка с Земли священна! Если с ней хоть что-то случится, я превращу Кинтан в прах! А что с Обмии? Вы уверены, что он...

— Он мертв!

— Вы видели его труп? Нет? Так я и думал.

Он пожал плечами, поднялся на ноги.

— Ладно, завтра на рассвете увидим. Я сам раздам оружие и взрывчатку. Дайте мне ключи от крипты.

Болор ошетинился:

— Только верховный жрец может входить в священную крипту!

— Хорошо, хорошо! Но будьте осторожны с тем, что там лежит, — это опасные игрушки.

Он направился к двери. Тераи жестом подозвал своих людей и, когда незнакомец поравнялся с ним, оглушил его ударом кулака и отбросил назад одному из кеноитов.

— Свяжи его!

С револьверами в руке Тераи и его люди ворвались в зал. Сидевшие за столом были настолько ошеломлены, что никто даже не пошевелился.

— Подходите по одному! Ты, Болор, первым! Считаю до трех, потом — стреляю! Один, два...

Жрец повиновался. Тераи разорвал его тунику, нашел связку ключей и вырубил ударом по затылку.

— Следующий! Вы, жирный торгош!

Тераи с отвращением посмотрел на семерых мужчин, валявшихся на полу со связанными руками и ногами.

— Ээнко, Тохи, останьтесь здесь и покараульте этих. Если их попытаются освободить, убейте! Гидон, Тольбор, Гду, Пика, встанете у обоих входов в коридор. Остальные — за мной.

Он направился влево, спустился по лестнице, затем по другой галерее дошел до зала, где стояли на страже двое кеноитов. Тераи уложил их двумя выстрелами из револьвера с глушителем.

Деревянная дверь крипты, окованная бронзой, открылась со скрежетом. Огромный сводчатый подвал был забит ружьями, ящиками с патронами, с гранатами и взрывчаткой. Посередине стояло несколько десятков минометов и пулеметов. Тераи присвистнул.

— Черт подери! Да по сравнению с этим мой арсенал — детские игрушки. Знай об этом ВБК... Ну ничего, сейчас мы наведем здесь порядок! Клафо, взрывчатку!

Кеноит подошел, осторожно снял со спины рюкзак, и Тераи вынул из него фугасы, детонирующий шнур и детонатор замедленного действия.

— Сейчас у нас ровно два часа. В три здесь начнется фейерверк, какого тут еще никогда не видали! Прямо под башней, рядом с которой — кельи жрецов. Выметать — так дочиста!

Бормоча эти слова, он раскладывал взрывчатку по крипте.

— Ну всё, уходим!

— Господин, а ты не боишься гнева богини?

Тераи улыбнулся и мягко ответил:

— Нет, Клафо — нас защитит Клон.

Он тщательно запер дверь крипты, сунул в замочную скважину бронзовый кинжал, сломал его и расплющил выступавший наружу обломок.

— Если даже у них есть запасной ключ, придется им повозиться!

Они стремительно взбежали по лестнице. Сидя на корточках перед связанным, с кляпом во рту, Болором, Ээнко забавлялся тем, что вычерчивал круги на обнаженной груди жреца острием своего ножа.

— Довольно, Ээнко! Это может и подождать! Развяжите ноги пленникам, пора уходить. По крышам мы с ними не пройдем, но теперь нам уже незачем соблюдать тишину. Тохи, Тольбор, свяжите всех одной веревкой, чтобы не разбежались. Остальные — с гранатами за мной!

За маленькой дверью перед ними открылся центральный неф, и Тераи замер как вкопанный.

— Об этом я как-то не подумал, — пробормотал он.

Перед статуей богини Беельбы на плитах из черного камня лежали тела молодых женщин, принесенных ей в жертву. Здесь они должны были оставаться всю ночь, прежде чем превратиться в мумии, которым предстояло затем оказаться погребенными в подземной усыпальнице храма. На полу, по обе стороны от плит стояли на коленях, склонив голову в священном экстазе, десятка три неофитов. Ослепляющая, дикая ярость захлестнула Тераи. Поставив собачку ружья на автоматическую стрельбу, он нажал на спуск.

— Получай, мерзавец! И ты! И ты!

Пули прошивали плотные ряды будущих жрецов Беельбы. Словно преследуемые крысы, неопиты в ужасе разбежались кто куда, пытаясь укрыться за колоннами, падая за погребальные плиты. Тераи, а вместе с ним — и его люди, настигали их всюду, поливая огнем. Последний неопит подполз к его ногам, и Тераи разможил ему череп прикладом.

— К двери, скорее!

Тераи взглядом искал среди распростертых на каменных плитах неподвижных тел Лаэле, но ее там не было.

— Ну конечно, ведь *ее-то* они не смогли принести в жертву!

Наконец он нашел ее: они бросили Лаэле в темный угол, как какую-то собаку, — длинные разметававшиеся черные волосы покрывали застывшее лицо. Тераи наклонился, вскинул на плечо окоченевшее тело и бросился к двери, где уже началась стрельба. По пути он не удержался и пнул одного из пленных. Снаружи десятка четыре лучников и копейщиков преграждали выход из храма, и Клафо уже корчился на каменных плитах с длинной стрелой в боку.

— Гранатами! Не щадить этих сучьих выроdkов-кинфу!

Он осторожно опустил Лаэле на пол, выхватил из рюкзака гранату и швырнул ее в группу солдат, затем еще две, одну за другой... Короткие вспышки взрывов освещали падающие тела. Над головой его просвистела стрела и сломалась о стену. Тераи заметил лучника и снял его одним выстрелом.

— Путь свободен! Вперед! Подберите Клафо.

Он снова вскинул Лаэле на плечо и побежал. Врата храма Клона поглотили их, и через несколько мгновений они исчезли в подземелье.

Стелла посмотрела на часы. Через двадцать минут истекал срок, назначенный Тераи. Внезапно ночную тишину разорвала стрельба. За выстрелами со стороны дворца докатились разрывы гранат. Стелла приказала Сике вызвать десять человек и направить их в подземный ход, но не успели они туда спуститься, как из черного провала возникла могучая фигура Тераи, тащившего на плече тяжелую ношу. Он медленно приблизился к Стелле и осторожно опустил труп на каменный пол.

— Да, это она. Я нашел ее... там.

Ночной ветер разбросал по сторонам длинные волосы Лаэле. Казалось, молодая женщина спит, но в виске у нее темнела круглая дыра от пули.

— Всем спрятаться в доме! — приказал гигант. — Сейчас храм взлетит на воздух, а у них в крипте столько взрывчатки, что я не удивлюсь, если камни долетят и сюда. Пленников сюда, мне есть о чем поговорить с ними!

Он направился к низкой пристройке из тяжелых каменных плит, Стелла последовала за ним. Перед входом Тераи остановился так резко, что она врезалась в его широкую спину. Он обернулся к ней с мрачной усмешкой на устах.

— Вам действительно хочется это видеть? Как вы понимаете, это будет не слишком весело.

— Неужели вы так и оставите Лаэле на полу? Вы же говорили, что любите ее!

Тучка пробежала по его лицу, и внезапно он показался Стелле бесконечно усталым.

— Так оно и было. Но не судите меня слишком строго, Стелла. У меня несколько иные представления о человеческих ценностях, нежели у вас. Я дикарь, и для меня есть вещи более важные, чем мертвая женщина, даже если это моя жена. Займитесь ею сами, прошу вас. Завтра... завтра еще будет время ее оплакать. Но не сейчас. Пусть это и прозвучит громко, но, возможно, от этой ночи зависит судьба всей планеты.

Он шагнул в темноту, чиркнул спичку и зажег масляную лампаду; колеблющийся огонек ее отбросил на стену его тень. Стелла постояла немного, глядя сквозь открытую дверь, как движется эта огромная зловещая тень, затем мимо нее под усиленной охраной провели пленных. Один из них пристально посмотрел на Стеллу, и глаза его сверкнули. Он потянулся к ней, но один из кеноитов грубо ударил его по руке.

Стелла вернулась в дом, позвала Сику и служанок. Они перенесли Лаэле в комнату Тераи, уложили ее на постель и занялись погребальным туалетом. Левая половина ее лица выглядела практически невредимой, если не считать небольшого входного отверстия от пули в виске, тогда как правая была полностью разворочена, — они как могли прикрыли ее волосами. Лаэле лежала в той позе, в которой ее и застала

смерть, с вытянутыми, словно для последнего удара ногтями, пальцами.

— Сика, каковы обычаи ее племени?

— Не знаю, госпожа. Будь здесь господин... Кажется, они зажигают три факела и устанавливают их треугольником.

— Ты не могла бы спросить у ее брата?

— Я плохо говорю на их языке, и я боюсь его. Да и потом, он сейчас с господином и, наверное...

Долгий крик огласил тишину ночи, крик, исполненный такого ужаса, что у Стеллы мурашки побежали по коже. Крик шел из пристройки. Стелла бросилась к окну, но отсюда сквозь оставшуюся открытой дверь были видны лишь спины выстроившихся в шеренги стражников-кеноитов. Крик повторился: то был вопль существа, замученного до такой степени, что оно уже утратило всяческую индивидуальность, и теперь невозможно было понять, кричит ли это так человек или же какое-то животное. Сика с невозмутимым видом зажигала факелы.

— Не ходи туда, госпожа. Это дела мужчин.

— Дай мне пройти! Сейчас же! Что они делают, боже правый, что они делают?

— Не ходи туда. Ты не знаешь господина. У него только что было лицо, как у мертвого! Он тебя...

Протяжный вопль повторился снова, разбил на рыдания. Стелле казалось, что он длится уже много часов и никогда не стихнет. Затем внезапно наступила тишина, нарушенная вскоре зловещим глухим шумом шагов во внутреннем дворе. Еще через несколько мгновений в комнату вошел Тераи. На секунду-другую он замер у двери, обвел взглядом мертвую Лаэле, зажженные факелы, бледную Стеллу и невозмутимую Сикку.

— Спасибо, Стелла, — проговорил он наконец.

— Что там происходит? Что вы делаете?

— Ничего. Просто позволил Ээнко немного позабавиться с толстяком-торговцем. Теперь уже все кончено. Для остальных это стало хорошим примером — заговорят как миленькие.

— Вы... вы... до чего же вы бессердечны!

Тераи взорвался:

— Жалеть эту пададь? И вы мне это говорите здесь, при ней?

Он указал на труп Лаэле.

— На кону судьба этой планеты, мадемуазель! Не только ныне живущих, но и их потомков!

— Неужели вы не можете просто убить этих несчастных, вместо того чтобы...

— Я должен узнать, что они замыслили, и узнать как можно скорее! О, если бы у меня были все эти аппараты, все эти наркотики, к которым прибегает следствие на Земле, возможно, я и не был бы столь к ним жесток... Но у меня нет ни того, ни другого, а главное — нет времени! Но пойдемте, уже без пяти три. Такой фейерверк не следует пропускать.

Он увлек Стеллу на террасу. Башня храма четко выделялась на светлом фоне луны, рядом с колоннадами императорского дворца, пробивавшимися сквозь густую листву.

— Постоим здесь, у двери. Через несколько минут, вероятно, пойдет каменный дождь.

Они принялись ждать. Большие пожары уже догорали в нижнем городе, и только слабые отблески указывали места, где недавно бушевал огонь. Шелестя в листве, поднялся свежий ветер. Прямо над их головами тяжело пролетела какая-то ночная птица, и ее протяжный печальный крик зловеще прозвучал в безмолвном парке.

— Три часа! Смотрите внимательно!

Время словно замедлило свой бег. Внезапно башня храма дрогнула и вся целиком поднялась к небу на столбе красного пламени. Второй взрыв бросил обломки храма навстречу падающей башне, затем все смешалось в чудовищном огненном смерче. Императорский дворец осветило, как в праздник, деревья от взрывной волны согнулись черными тенями. Затем до них докатился грохот и непрерывный треск.

— Давайте-ка вернемся!

Тераи увлек Стеллу в дом. Град обломков сыпался с неба на плац, но некоторые долетали и сюда, и сухой удар или влажный шлепок раздавались то здесь, то там. Затем все стихло. На месте храма в кольце ярко горящих деревьев и кустов медленно, тяжело вздымались гигантские рыжие клубы дыма, уносимые ночным ветром.

— Там, должно быть, было тонн пятьдесят взрывчатки, — пробормотал Тераи. — Но спустимся вниз, дело еще не закончено.

Она удержала его за руку.

— Вы будете их пытаться?

— Да, если потребуется.

— Не знаю, вынесу ли я эти крики, Тераи! У меня не такие стальные нервы, как у вас, полу...

— Полуазиатка, вы хотели сказать? Пойдемте! Сика постелет вам в крипте. Там вы ничего не услышите.

— Но я все равно буду знать, что в это время...

Он раздраженно взмахнул рукой.

— Думаете, мне это приятно? Надо было захватить вас с собой для наглядного урока. Вы бы тогда увидели, что скрывается за роскошными особняками вашего отца, за всеми этими приемами и балами, на которых вы танцевали, расточая улыбки, за всей вашей шикарной и безмятежной жизнью! О, наверное, испытываешь сладостное чувство могущества, когда способен одним росчерком пера определить судьбу планеты, когда решаешь отдать на разграбление тот или иной мир, — и тем хуже для его обитателей, если таковые на нем существуют! Но сейчас вы не в Нью-Йорке и не в Сан-Франциско, не в одном из кабинетов всемогущего Хендерсона. Вы — на Эльдорадо, рядом с дикарем Тераи, там, где истекают кровью, страдают, умирают, подвергают людей пыткам! Как бы я хотел, чтобы на вашем месте, мадемуазель, был ваш отец! В общем, оставайтесь здесь или идите в крипту — мне уже все равно!

Масляная лампа слабо освещала сводчатую комнату, и сидевшей на деревянном ложе Стелле казалось, что она вернулась в далекое прошлое Земли, в один из тех жестоких и трагичных периодов, о которых рассказывают варварские предания. Колеблющийся свет выделял неровности на каменных стенах и освещал тонкое лицо Сики, оставляя затемненными лишь впадины глаз. Стелла напряженно прислушивалась, но здесь до нее не долетало никаких шумов — лишь их с Сикой дыхание знаменовало собой ход минут.

— Поспите, госпожа, вы устали!

— Не могу, Сика. Там, наверху, пытаются людей.

Кеноитка искренне удивилась:

— А разве на Земле так не делают? Как же вы узнаете замыслы врагов?

— У нас есть другие способы, которые не причиняют боли. У нас те, кто опускаются до того, чтобы мучить других, считаются дикарями.

Сика какое-то время молчала.

— Стало быть, вам неприятно, что господин, по-вашему, ведет себя словно дикарь? — тихо спросила она наконец.

— Да, пожалуй.

— Вы любите господина?

— Скажете тоже! Просто он, как и я, землянин, и меня касается все, что он делает.

— Почему?

— Потому что... Ох, даже и не знаю! Но я бы предпочла, чтобы Тераи не пришлось...

— Вы его любите, госпожа, и стараетесь оправдать. Он в этом не нуждается, — он делает то, что должен делать, поступает так для нашего общего блага.

— Я уже и не знаю! Возможно, вы и правы...

Дверь распахнулась, и вошел Тераи — выглядел он свирепо.

— Пойдемте, Стелла! Вы мне нужны, будете свидетельницей. Среди пленников, как я и думал, оказался землянин, вероятнее всего, агент ММБ.

— И вы хотите, чтобы я присутствовала при том, как вы будете допрашивать его вашими способами? Я отказываюсь! Запишите его показания на пленку, если хотите, да не забудьте крики и стоны! Перед земным судом они прозвучат особенно убедительно...

Он пожал плечами.

— Магнитофонная запись ничего не даст. Ее слишком легко подделать. И прежде чем жалеть его, послушайте, что он скажет! Возможно, вы измените свое мнение. Да и вообще: не хотите идти по доброй воле, я поведу вас силой!

Тераи подхватил ее на руки. Тщетно она вырывалась, стуча ему кулаками по лицу. Один удар пришелся по повязке, скрывавшей рану. Тераи вскрикнул, поставил ее на пол и повернул к себе за плечи. Взгляд его был жесток.

— Стало быть, мадемуазель боится крови? Крови, которая проливается из-за моих дикарских методов? На эту кровь ей, видите ли, страшно смотреть! Но ее почему-то не смущает кровь вчерашних и сегодняшних жертв, сотен людей, погибших в городе, детей, раздавленных под обломками домов вследствие искусственного землетрясения, вызванного этими господами, молодых женщин, которым вчера на алтаре вскрыли животы, — эта кровь, получается, не в счет, раз она ее не видела? Пойдемте, черт подери, пока я не разозлился! В конечном счете, возможно, я и о вас узнал бы кое-что интересное, если бы раньше применил свои методы к вам!

Он развернул ее и грубо подтолкнул к лестнице.

— Господин! Не бейте ее, она вас любит!

— Не лезь не в свое дело, Сика! Ты сама не знаешь, что говоришь.

У входа в пристройку, сваленные в кучу, валялись пять или шесть трупов. Внутри оставалось лишь двое пленников: смертельно бледные, они сидели на тяжелых стульях, привязанные к высоким спинкам. Три кеноита, среди которых был Офти-Тика, и великан ихамбэ держались в стороне, у стены. Помещение освещалось четырьмя масляными лампадами и глухо гудевшим бензиновым фонарем с отражателем, отбрасывавшим слепящий белый свет. Тераи указал на два свободных стула, стоявших напротив пленников.

— Садитесь на тот, что слева, не двигайтесь и молчите.

Сам он устроился на правом стуле. С легким шелестом платья в комнату вошла Сика и расположилась за спиной у Стеллы.

— С которого начнем? Давай-ка, Ээнко, займись вот этим. Что делать, ты знаешь. Начни с известной тебе точки.

Великан-ихамбэ подошел со свирепой улыбкой на устах, долго смотрел на пленника, затем положил указательный палец в ложбинку на затылке у основания черепа и резко нажал. Человек побледнел и сжался, ожидая мучительной боли, но лицо его выразило лишь искреннее изумление, которое в других обстоятельствах показалось бы даже комичным.

— Довольно, Ээнко! Я узнал то, что хотел узнать, — сказал Тераи и продолжал по-английски: — Итак, я не ошибся. Вы — землянин!

— Не понимаю, — проговорил пленник на кеноитском.

— Продолжать эту комедию нет смысла. Будь вы туземцем, вы бы взвыли от боли, когда Ээнко нажал на затылочный нервный узел. Что, вы не знали об этом анатомическом различии между нами и эльдорадцами? Не повезло вам!.. А теперь вы скажете мне, что вы здесь делали и кто вас сюда послал.

— Ничего я вам не скажу!

— Вы так думаете? Другие в итоге заговорили, да еще как!.. И если Ээнко не знает чувствительных точек *человеческого* тела, то мне они прекрасно известны!

Тераи встал, навис над пленным, словно скала, взял одну из его рук и начал сжимать.

— Ваше имя!

— Карл Боммерс. Больше я ничего не скажу.

Тераи продолжил сжимать. На лбу немца выступил крупный пот, но он молчал. Тогда, не ослабляя хватки, великан вытащил левой рукой свой охотничий нож. Стелла закрыла глаза. Примерно с полминуты она слышала лишь учащенное дыхание пленного, затем кто-то из кеноитов коротко хохотнул, и раздался страшный крик:

— Нет! Нет! Только не это! Я буду говорить...

— Я знал, что ты образумишься. Кто тебя нанял?

— Хендерсон.

— Директор ММБ?

— Да.

— Для какой работы?

— Я должен был помочь жрецам Беельбы захватить власть. Для чего — не знаю, клянусь вам!

— Зато я знаю! А что тебе было приказано относительно меня?

— Постараться захватить вас и, по возможности, доставить в Порт-Металл...

— К кому именно — в Порт-Металле?

— К Джону Диксону.

— И этот мерзавец еще прикидывался моим другом! Ну ничего, придет и его черед.

Тераи повернулся к Стелле:

— Вы знакомы с Диксоном?

— Нет, — прошептала она, не открывая глаз.

— Это инженер... А если бы меня не удалось захватить в плен?..

— В таком случае мне пришлось бы отдать приказ о вашей ликвидации.

— Прелестно! Вы слышите, Стелла? Папаша Хендерсон жаждет заполучить мою шкуру! А какую роль ты сам играл во всех этих махинациях? Говори, свинья! И что ты знаешь о роли мисс Хендерсон?

— Ничего, клянусь вам! Я должен был лишь оберегать ее... любой ценой.

— Хм, может, так оно и есть... А вы что на это скажете, Стелла? Не пора ли нам кое-что прояснить? Ну же, посмотрите на меня!

Она открыла глаза, ожидая увидеть на полу лужу крови, но пусть пленник и выглядел смертельно бледным, все же он был цел и невредим.

— Я уже все вам рассказала, Тераи! Почему вы не хотите мне верить? Я ничего не знала о планах отца и могу сказать вам, что, если они таковы, как заявляет этот человек, я бы воспротивилась им всеми силами! Но правду ли он говорит? Под угрозой пыток я бы на его месте сказала все что угодно!

Тераи почесал затылок.

— Да, вероятно. Но признайте, что его показания слишком уж точно совпадают с моими собственными выводами, а ему они известны не были.

— Вы очень умны, Тераи, но напрасно вы полагаете, что вы один такой! Почему бы и этому человеку не предположить, что...

— Нет! Я слышал его разговор с Болором — там, в храме, еще до фейерверка! Нет, он не солгал и ничего не выдумал. Я понимаю, вам тяжело слышать о том, сколь низкую роль сыграл во всем этом ваш отец, но мне было необходимо, чтобы вы услышали эти признания. Теперь вы знаете, какими методами действует ММБ. Возможно, так вы лучше меня поймете...

— Что будет с этим человеком?

— Даже если кобра не смогла вас ужалить, она не перестает оставаться коброй! Раз уж он дал показания, то умрет быстро и без мучений.

- Но это убийство!
- Нет. Законная самозащита. Он сам вступил в игру, проиграл и теперь должен расплатиться. Никто его не заставлял соглашаться на эту миссию!
- Прошу вас, пощадите его!
- Сожалею, но вынужден вам отказать.
- А что будет с тем, другим?
- С Болором? Увидите завтра, вернее — уже сегодня утром.

Зловещая заря разгоралась в сером небе, по которому все еще тянулись полосы дыма от пожарищ, гонимые с запада на восток низовым ветром, в то время как облако легчайшего пепла, выбрасываемого вулканами, медленно смещалось на большой высоте с севера на юг, расплываясь грязными пятнами. Стелла проснулась, ее тихонько трясла за плечо чья-то рука.

- Вставайте, госпожа, вас зовет господин.
- Зачем?
- На похороны госпожи Лаэле.

Она поднялась с трудом, послав всего часа три, и быстро привела себя в порядок. Холодная вода вернула ей немного бодрости. Стелла надела свой земной костюм, выстиранный и отглаженный. Тераи ждал ее под колоннадой. Он был брит, умыт, на голове белела свежая повязка, — казалось, он снова стал самим собой, Росссе Муту, Человеком-Горой, которого ничто не может сломить, но у губ его залегли горькие складки.

— Я попросил позвать вас, Стелла. Я знаю, что для вас Лаэле была лишь псевдочеловеком, но Ээнко не понял бы, если бы вы не пришли на погребальный обряд. А у меня и без того дел по горло — не хватает мне еще оберегать вас от моих друзей...

— Я не одобряла вашей связи с Лаэле, но это не значит, что я не огорчена ее смертью, — ответила она довольно сухо.

— Простите меня, Стелла. Возможно, у меня сложилось неверное о вас мнение. Хотите ее видеть?

Не дожидаясь ее ответа, Тераи направился к погребальной комнате, и Стелла последовала за ним. При свете трех факелов Лаэле лежала на ложе в той же самой позе, в какой ее оставили там накануне, но сейчас она была облачена в тунику из великолепного переливающегося шелка.

— Я подарил ее Лаэле два года назад, — тихо проговорил Тераи. — Она редко ее надевала — боялась порвать. Напрасно я говорил ей, что всегда смогу найти ей замену — она мне не верила, считала ее такой красивой, что не могла представить, что где-то могут быть другие такие же.

Высокая фигура, словно тень, отделилась от стены, и мимо Стеллы, окинув ее ледяным взглядом, медленно прошел Ээнко.

— Я его боюсь, — прошептала Стелла.

— Да, вы ему не нравитесь. Он полагает, что, не будь вас здесь, я уделял бы его сестре больше внимания, и она была бы сейчас жива. Вам нужно убираться отсюда как можно скорее. Не знаю, смогу ли я разубедить Ээнко, объяснить ему, что вы здесь ни при чем и лишь роковая случайность...

— А я вот себя спрашиваю: что, если он прав? Если бы не я, были бы вы сейчас в Кинтане?

— Кто знает? Вероятно, так было предначертано. Должно быть, я приношу несчастье тем, кого люблю.

Он устало провел по лицу ладонью.

— Все потому, что нет удачи, как говаривал мой французский дедушка. Как только мы выберемся отсюда, как только подойдет армия Кана и мы раздавим беельбаистов, я отправлю вас в Порт-Металл. Вскоре туда прибудет звездолет. Вы вернетесь на Землю с прекрасным репортажем, в котором будет столько крови, что, надеюсь, ваши читатели останутся довольны!

— А что будете делать вы?

— Я? Продолжу борьбу! Скажите вашему отцу — прямо или еще как, — что эту планету он не получит. Пойдемте, пора.

Он склонился над телом Лаэле, едва коснулся рукой ее холодной щеки, затем распрямился с суровым лицом.

— Выносите!

Вошли четыре женщины с носилками, положили на них тело. Уже окончательно рассвело, и свет казался даже слиш-

ком резким: утреннее солнце поднималось над холмами, четко обрисовывая силуэт восточного храма. Погребальная процессия вышла из дома: впереди четыре носильщицы с ношей, за ними, в одиночестве, Тераи, потом раскрашенный по-боевому Ээнко, свирепый и безмолвный, затем Стелла, наконец, торжественный караул из тридцати вооруженных солдат под командованием Офти-Тики. Слуги Тераи замыкали шествие, все, даже женщины, — тоже с оружием в руках. По центральной аллее процессия прошла к погребальному костру. Стелла с ужасом увидела, что Болор, все еще живой, был привязан к толстым поленьям.

Носильщицы поднялись по дощатому помосту, осторожно опустили носилки на вершину костра. Солдаты выстроились вокруг и замерли с оружием на караул; один из слуг облил поленья бензином. Тераи и Ээнко одновременно подожгли костер факелами с двух сторон. Вспыхнуло пламя, и повалил густой дым, скрывший и Лаэле, и жреца. Затем все потонуло в ярких пляшущих языках, и протяжный вопль боли и страданий вырвался из огня.

— Зачем вы это сделали? Зачем?

— Болор возродил древние обычаи своего народа... Что ж, я распорядился возродить один древний обычай ихамбэ.

— Но это же чистое варварство!

— А разве я когда-то изображал из себя цивилизованного человека? Уж лучше помолчите и вспомните Беленкор! Вспомните, как вы, благородные земляне, подавили там восстание!

Пламя теперь полыхало так жарко, что им пришлось отступить. Крики жреца давно уже смолкли.

— Болор помучился всего пару минут. А сколько времени продолжалась агония тикханцев — мужчин, женщин и детей, — облитых С-123? А ведь они-то ни в чем не были виноваты...

— Ответственные за их истребление были наказаны!

— Вы так думаете? Как же тогда вышло, что три года тому назад, во время одной из поездок, я повстречал на Экино II, в тамошнем отделении полиции ММБ, бывшего капитана Горона? Чтобы успокоить публику, над ним для виду устроили процесс, а когда шум поутих, перевели его подальше, на

Экино, где он и служит в прежнем звании. Вот и все. ММБ просто-напросто переместило его из своего космического флота в свою же полицию.

— Я не могу в это поверить!

— Что ж, можете не верить — право ваше.

Тераи пожал плечами, отошел от нее и долго стоял молча, глядя на угасающее пламя, затем, не поднимая головы, удалился в направлении своего дома.

Стелла в одиночестве сидела на террасе и смотрела на город. Пожары утихли. На дворцовом холме лишь почерневшие руины еще дымились там, где прежде был храм Беель-бы. Башня смежного храма Клона наполовину обрушилась, как и часть императорского дворца. Стелла чувствовала себя ужасно уставшей и растерянной в этом чужом мире, среди чужого народа. Даже Тераи казался ей непостижимым и отвратительным: ее отталкивала эта смесь высокой цивилизации и вопиющего варварства. И в то же время ей было его жалко. Лапрада буквально-таки по пятам преследовало невезение, превратившее его, который в иных обстоятельствах мог бы претендовать на высшие должности в каком-нибудь университете, в обычного изыскателя, отказывавшего себе даже в той небольшой славе, которую ему могли принести его публикации, и все это для того, чтобы не помогать ММБ. И однако же она не могла не восхищаться мужеством человека, который в одиночку или почти в одиночку боролся с самой могущественной организацией Земли.

Стелла пребывала в смятении. С раннего детства она жила с мыслью, что ММБ под руководством ее деда, а затем и отца делает нужное для всего человечества дело и что деятельность эта, несмотря на несколько неприятных инцидентов, вроде истребления обитателей Беленкора, благородна. Разумеется, она знала, что ММБ безжалостно расправляется с конкурентами. Но, как говорил Хендерсон, когдаходишь в джунгли, нужно быть тигром, или как минимум волком. Она радовалась возможности видеть, как планеты одна за другой приходят к цивилизации, но даже и представить себе не могла, что для этого порой приходится идти по лужам крови принесенных в жертву людей. Если то, что сказал ей

Тераи, было правдой — а она в этом уже не сомневалась, — ничто не могло извинить ту манеру, в которой действовало ММБ, чтобы прибрать к своим рукам Эльдорадо. Стелла все еще цеплялась за мысль, что ее отец тут ни при чем, что по возвращении она сможет открыть ему глаза на гнусность его подчиненных, но верилось ей в это с трудом.

Тераи нигде не было видно. Минут десять назад он прошел по главной аллее, беседуя с Офти-Тикой, и куда-то исчез. Судя по всему, он работал над тем, как сделать из капитана нового, преданного ему императора, который поможет ему сорвать планы землян. Стелла поймала себя на мысли, что желает ему удачи.

Какой-то шум привлек ее внимание — низкий гул, доносящийся с неба. К городу с юга-востока приближался электрический вертолет. Он летел зигзагами на небольшой высоте. На фюзеляже четко вырисовывалась эмблема ММБ: две перекрещенные шахтерские кирки на фоне спиралеобразной туманности. Над парком вертолет на мгновение завис, затем плавно опустился на главную аллею. Кустарники и цветы вокруг пригнулись от вихря, поднятого его роторами. Но вот лопасти замерли, и аппарат мгновенно окружили солдаты. Пилот соскочил на землю и резко остановился перед остриями пик.

— Эй, кто-нибудь! Что здесь творится? — громко спросил он по-английски.

Стелла сбежала вниз, перепрыгивая через две ступеньки, но Тераи опередил ее и уже отодвинул солдат.

— Зачем вы здесь? Хотите узнать, почему ваши сообщники не отвечают?

Пилот выглядел искренне удивленным.

— Что вы хотите этим сказать?

— Вы сами прекрасно знаете!

— Что случилось с городом?

— О, сущие пустяки: искусственное землетрясение, пожары, приношения в жертву богам людей, убийства, погромы, мятежи и гражданская война. Не говоря уже о взрывах.

— Я не знал, что...

— Тогда зачем вы явились?

— Мы потеряли связь с одним из наших служащих. Возможно, вы о нем что-то слышали? Его зовут Боммерс, Карл Боммерс.

Тераи зловеще улыбнулся.

— Могу дать вам самые точные сведения. Этой ночью его казнили по моему приказу!

— Но это же убийство!

— Вы так полагаете? Что ж, либо вы наглец, каких свет не видел, либо один из тех многочисленных простаков, которых использует и эксплуатирует ММБ. Я приказал его расстрелять, потому что именно он, повинаясь приказам свыше, стал причиной всего того беспорядка, который вы могли наблюдать, прежде чем приземлились. Он во всем признался, у меня есть запись допроса.

— Запись легко подделать!

— Вот как? Что ж, у меня есть еще и свидетель.

— Testis unus*...

Тераи ухмыльнулся.

— Смотрите-ка, вас, оказывается, тоже пичкали латынью! Если не ошибаюсь, это означает «свидетель, не внушающий доверия». И даже если это мисс Хендерсон, дочь вашего патрона?

Он кивком указал на Стеллу. Молодой человек повернулся к ней:

— Это правда, мисс?

— Увы, похоже, что да!

На мгновение пилот, казалось, растерялся, но быстро взял себя в руки и снова обратился к Тераи:

— А кто мне докажет, что это действительно мисс Хендерсон?

— Стелла, у вас есть документы? Мсье у нас скептик! Давайте, покажите ему. А затем он мне покажет свои, потому что я хочу знать, кому доверяю заботу о вас.

— То есть как это?

— На этом вертолете вы доберетесь до Порт-Металла за несколько часов. Иначе, боюсь, я могу и не успеть доставить

* Первая часть латинского изречения «Testis unus — testis nullus» — «Один свидетель — не свидетель».

вас в город до отправления почтового звездолета. Уже через месяц вы будете на Земле.

— Спешите поскорее от меня избавиться?

Тераи грустно улыбнулся.

— Поверьте, я предпочел бы... Но здесь все неустойчиво, продлится это долго, и мне теперь будет уже не до вас... Полноте, Стелла, давайте расстанемся добрыми друзьями... если вы на это способны. Быть может, позднее...

— Хорошо. Я вернусь на Землю с превеликим удовольствием.

— Возможно, вскоре я тоже туда прилечу. Заскочу за вами в вашу газетенку, и мы где-нибудь вместе пообедаем. На юго-западе Франции я знаю один ресторанчик, где до сих пор готовят как в двадцатом веке и подают восхитительное вино. Ну так как, мы друзья?

Стелла протянула ему руку, и он задержал ее в своей.

— Мне, наверное, нужно собрать мои скромные пожитки. Отпустите мою руку, иначе я решу, что вы не хотите, чтобы я улетала!

Она исчезла в доме. Тераи снова обратил свое внимание на пилота, окинув того оценивающим взглядом. Молодой, высокий, худощавый, немного неуклюжий, пилот вызывал симпатию.

— Как вас зовут?

— Джон Маклин.

— Шотландец?

— Нет, канадец. Геолог-разведчик.

— Давно здесь?

— С месяц.

— Вкалываете на ММБ?

— Да. Вот уже третий год. До Эльдорадо работал на Офире II. А вы ведь Тераи Лапрад?

— Неужели меня можно с кем-то спутать?

— Да, это нелегко. Мне поручено передать вам привет от Лоуренса Дугласа и Жюля Тибо. Я встречал их там, на Офире. Семь месяцев провели в одной экспедиции.

— Где?

— В горах Судьбы.

— Паршивое место. Составляли карту?

— Да.

— Это я когда-то ее начинал, — мечтательно проговорил Тераи. — Давненько же это было... А вот и мисс Хендерсон! Доставьте ее в целости и сохранности в Порт-Металл и послушайте доброго совета: не задерживайтесь на Эльдорадо! Скоро здесь будет сущий ад. Где вы сейчас ведете разведку?

— На восточном склоне Карамелоле.

— На землях бихуто? Если вдруг ваша жизнь окажется в опасности, и вы успеете вступить в переговоры, скажите, что знакомы со мной, и потребуйте отвести вас к вождю Обо-то. Кто знает, быть может, это даст вам шанс на спасение.

— Но что мне доложить относительно ситуации в Кин-тане?

— Что я расстрелял Боммерса, что у меня в руках все доказательства и что так же будет со всеми, кто сюда явится. До свидания, Маклин, и — удачи!

Тераи помог Стелле подняться в кабину вертолета. Дверца скользнула в пазах, скрыв ее, и теперь он видел только ее лицо. Губы девушки шевелились, словно она пыталась что-то сказать, но шум роторов заглушил ее голос. Вертолет изящно поднялся, набрал высоту, растворился в синеве неба, и Тераи вдруг почувствовал себя безумно одиноким.

глава 4

Далила

Тераи меланхолично опустил в конверт те немногие фотографии, которые обнаружил в столе Игрищева, запечатал и от руки написал адрес. Из всей родни у Станислава осталась где-то на Украине одна лишь сестра, инженер-металлург. В свои сорок пять лет она все еще была не замужем... Эта ветвь рода Игрищевых угасала. Жаль, Стан был настоящим человеком, Человеком с большой буквы, — таких из года в год становилось все меньше и меньше.

В дверь конторы позвонили. Тераи вынул из кобуры револьвер, положил на стол, за книги. Со дня возвращения

в Порт-Металл он все время был настороже. Его друзья-изыскатели разъехались и теперь вели разведку где-то в отрогах гор Франклина или Карамелоле, а городская полиция — полиция ММБ — и пальцем бы не пошевелила, если бы кому-то вздумалось его убить. Хорошо еще, что они сами не проявляли такой инициативы!

— Лео, взгляни-ка, кто там!

Паралев поднял рыжую голову, посмотрел на хозяина, лениво зевнул и, потянувшись, направился к двери. Тераи нажал кнопку механизма, отпиравшего замок. Молодой человек в синей униформе отскочил назад, увидев огромного зверя.

— Спокойно, Лео! Входите, не бойтесь.

— Мсье Лапрад? У меня для вас официальное письмо, приказано вручить вам лично. Я воспользовался случаем и захватил всю вашу почту. Разрешите представиться: Луи Баррьер, каптенармус с «Юлия Цезаря».

— Вы уже здесь? Но ведь «Юлия» ждали только послезавтра.

— Мы не стали залетать на Тинхо. Там сейчас небольшая заварушка между шахтерами и туземцами. Три корабля ММБ перебрасывают подкрепление. Планета временно закрыта.

— А что делает ВБК? — живо спросил Тераи.

— А что они могут сделать? Как всегда, их предупредили слишком поздно. Когда их крейсер доберется до Тинхо, там все уже закончится, «порядок будет восстановлен», как у нас говорят.

— Ну да! Еще бы!

Пожав плечами, Тераи взял из рук молодого человека конверты и толстую кипу газет.

— Что ж, спасибо. И куда вы теперь?

— На Субур V. Оттуда — прямо на Землю.

— Тогда захватите это письмо и сдайте в первую же контору ВБК — они перешлют его дальше.

— Письмо официальное?

— Да, недавно здесь убили одного из их агентов. Он был моим другом.

Посыльный удалился, и Тераи принялся за почту. Несколько писем из Полинезии, напомнивших о друзьях детства, одно из Канады, два из Франции, еще одно от Рама-

кришны — по словам последнего, все шло к скорому возрождению породы сверхльвов.

— Терпение, Лео! Глядишь, года через три или четыре у тебя появится подружка!

Наконец он взял запечатанный пакет с грифом Бюро ксенологии, сунул его в щель дезактиватора и настроил аппарат. Через десять минут можно будет вскрыть пакет без того, чтобы тот вспыхнул у него в руках. А пока Тераи, немного разочарованный — он-то надеялся найти среди прочих письмо от Стеллы, — подтянул к себе комплект «Нью-Йорк геральд» за последний месяц и просмотрел все номера один за другим. О Стелле и ее путешествии на Эльдorado там не было ни единой строки. Тераи взял вторую пачку, комплект «Межпланетника», на который он подписался перед самым отбытием из Порт-Металла, уже предвкушая, как на досуге с удовольствием ознакомится с рассказом Стеллы об их приключениях.

Но тщетно он искал обещанные статьи. Лишь когда он раскрыл последний номер, вышедший накануне отлета «Юлия Цезаря», в глаза ему бросился кричащий заголовок: «Правда об Эльдorado». Тераи жадно погрузился в чтение.

«Наши читатели знают, что специальный корреспондент «Межпланетного обозрения» мисс Стелла Хендерсон недавно провела три месяца на Эльдorado.

Измученная трудностями и опасностями путешествия, мисс Хендерсон сейчас проходит курс лечения сном. Однако верная духу истинной журналистки, что делает ей честь, предварительно она написала эту статью. Вот, из-под пера человека, который знает, о чем говорит, так как изучал вопрос на месте, — вся правда об Эльдorado».

Тераи продолжил читать. Сначала он нахмурился, потом разразился проклятиями, бросил газету на пол, но затем, успокоившись, все же дочитал до конца. Статья была превосходной, правда, он ни на секунду не поверил в то, что Стелла писала ее одна, — при всем ее уме, при всей ее образованности это было ей не под силу. За каждой фразой этой статьи чувствовались годы профессионального мастерства. Ни один факт не был перевернут, но... но они были поданы так, что любому здравомыслящему человеку Эльдorado по-

казалась бы сущим адом, где горняки ММБ ценой неслыханных жертв вели героическую борьбу за обеспечение Земли редкими металлами!

В статье подробно рассказывалось о путешествии Стеллы и вскользь упоминалось об «отважном изыскателе», который служил ей проводником и спас ей жизнь, но имя его так и не было названо. Читатель мог с полным основанием заключить, что речь идет об одном из верных служащих Бюро. О пребывании у ихамбэ в статье рассказывалось в общих чертах, зато гражданская война в Кено была в ней описана в самых жестоких подробностях, оказавшись представленной в виде столкновения поклонников двух соперничающих богов, одинаково свирепых и кровожадных. Все завершалось призывом к всемирному правительству послать на Эльдорадо могучий флот для защиты горняков. В противном случае следовало ожидать, что Международное металлургическое бюро будет вынуждено действовать собственными силами, как, из-за некомпетентности других ветвей государственной власти, ему недавно уже пришлось действовать на Тинхо.

Тераи аж присвистнул сквозь зубы. Стало быть, ситуация осложнилась настолько, что ММБ уже противопоставляет себя правительству! Плохи дела, очень плохи. Когда Стелла попросила его стать ее проводником, он полагал, что она напишет классический репортаж, полный всякой экзотики. И в таком виде он, конечно же, не принес бы особой пользы... Но теперь сомневаться не приходилось: она обвела его вокруг пальца, — как он и подозревал, она была агентом ММБ! «И я еще относился к ней с уважением, хотя мог бы...» Впрочем, что сделано, то сделано... Теперь нужно было подумать о том, как отразить удар, если это вообще возможно. После убийства Игрищева он оказался отрезанным от ВБК... Внезапно Тераи вспомнил о письме: дезактиватор выплюнул его, и теперь оно валялось на полу.

Он поднял конверт, вскрыл, бросил взгляд на подпись: Жан Нокомбэ, сам патрон! Нокомбэ требовал от Тераи немедленного и подробного отчета о ситуации на Эльдорадо и предлагал ему перейти с положения независимого агента на должность агента штатного, наделенного на Эльдорадо неограниченными полномочиями. Ввиду срочности дела ему

сообщали имена оперативных работников ВБК, не дожидаясь его ответа. Все они, за исключением трех заводских инженеров, были изыскателями.

Тераи встал, задумчиво прошелся по кабинету, заложив руки за спину.

— Ничего не поделаешь, Лео, — проговорил он наконец, — придется нам еще разок на время расстаться. Пора пустить в ход наше первое секретное оружие. Им нужен отчет? Что ж, я доставлю им его сам!

«Таароа» вынырнул из гиперпространства неподалеку от орбиты Марса. Тераи шел на определенный риск, просчитывая этот скачок, но зато выигрывал время. Но и отсюда Земля все еще казалась маленькой зеленой точкой, располагавшейся слева от Солнца. Тераи устремился к ней на полном ходу.

Какого-либо плана у него не было. Смерть Игрищева застала его врасплох. Во всех делах, связанных с ВБК, Тераи целиком и полностью полагался на Станислава; сам он слишком дорожил своей независимостью, чтобы войти в штат той или иной организации, и предпочитал действовать самостоятельно, ни перед кем не отчитываясь, поэтому, после того как он помог Офти-Тике занять кеноитский трон, он оказался отрезанным от центра. Лапрад был уверен, что ВБК так и не получило ни вещественных доказательств, ни даже его рапорта. Во время короткой вылазки в лагерь ихамбэ он раздал кое-какое оружие и научил местных воинов пользоваться им, после чего вернулся в Порт-Металл и принялся ждать развития событий. Письмо Нокомбэ подсказало ему, что делать. Снова взяв вертолет, он переправил Лео к ихамбэ, где оставил его на попечение Ээнко, а сам полетел прямо на запад, к Россе Мозелли, где в просторном гроте был спрятан его частный звездолет, надежно защищенный от всех суеверным страхом туземцев перед духами священных гор.

Мало у кого имелись собственные звездолеты. «Таароа», сошедший с верфей французской Луары, был небольшим кораблем, рассчитанным максимум на трех человек, но зато новейшей модели. Его собратья составляли эскадру быстрых разведчиков ВБК. Официально «Таароа» был построен для Объединенной океанической республики и летал под ее фла-

гом, поскольку Тераи являлся офицером запаса космического флота Океании. В действительности же Лапрад покрыл половину расходов из собственного кармана, так как республика была для этого недостаточно богата.

Выйдя на расстояние прямой связи с Землей, Тераи послал радиозапрос на посадку на техасском космодроме «Астра», где находилась главная база Бюро ксенологии. Он знал, что там его звездолет будет в безопасности. Разрешение он получил без проблем и, приземлившись уже через час, тотчас же вылетел в Нью-Йорк, резиденцию всемирного правительства, на рейсовом стратоплане.

За время его отсутствия город еще больше разросся и простирался теперь от Хартфорда на севере до Филадельфии на юге. Это был настоящий мегаполис, город-гигант, гордившийся своим 50-миллионным населением, — к этой цифре во всем мире приближались сейчас лишь Токио и Москва. Из аэропорта гелитакси доставило Тераи на крышу «Джонстон-билдинг», где располагалось Бюро ксенологии. Являясь одним из последних возведенных небоскребов — вскоре после его строительства пришла мода на более низкие, по большей части подземные здания, — он возносил к облакам сто двадцать этажей кабинетов, лабораторий, залов заседаний, ресторанов и т.д. Едва вертолет опустился на посадочную площадку, как к нему подошли двое вооруженных охранников в серой униформе.

- Цель вашего визита? — спросил тот, что был повыше.
- Прибыл по вызову шефа.
- Вам назначено?
- Нет. Просто скажите ему, что здесь Тераи Лапрад.

Охранник снял с пояса радиотелефон, произнес несколько слов, выслушал ответ.

— Хорошо. Пройдите для идентификации на пост № 3, второй коридор. Сюда, пожалуйста!

Тераи спустился на пару пролетов по лестнице, нашел указанную ему комнату. Ожидавший его чиновник, внимательно сравнив Тераи с фотографией в досье, покачал головой.

— Похоже, все в порядке. Да и, полагаю, непросто было бы найти кого-то, кто мог бы выдать себя за вас. Тем не менее все же приложите ладони к вот этой вот пластине. А теперь

посмотрите в объектив. Прекрасно, все совпадает. Последняя формальность: пройдите перед этим экраном. О, нож вам придется оставить здесь!

Пожав плечами, Тераи вытащил из кармана складной нож и положил его на стол.

— Что делать теперь?

— У дверей вас ждет один из наших служащих — следуйте за ним.

Проводник оказался широкоплечим парнем, вооруженным до зубов, и он оказался не один, — с ним были трое астронавтов из флота ВБК, также при оружии.

— Черт подери, вижу, тут у вас царит полное доверие! — не удержавшись, громко произнес Тераи.

Командир эскорта повернулся к нему:

— Не далее как вчера патрона снова пытались убить!

— Неужели все так плохо?

— Увы! Следуйте за мной.

Лифт доставил их на сотый этаж. У кабинета Нокомбэ также стояла охрана, и три пулемета держали под прицелом прилегающие коридоры.

Нокомбэ поднялся навстречу гостю. Это был самый что ни на есть чернокожий африканец, почти такой же высокий, как и Тераи, но более худощавый. Курчавые седые волосы топорщились на его голове, словно гребень какаду. Улыбнувшись, он указал на кресло.

— Рад вас видеть, Лапрад, — проговорил он глубоким басом. — Надеюсь, вы выйдете отсюда уже полноправным членом нашей организации. Нам отчаянно нужны люди вашего размаха!

— Вы знаете мою точку зрения, господин директор, она не...

— Никаких «господин директор» между нами, Лапрад. Здесь это не принято. Перед тем как сесть в это кресло, я сам был агентом, и мне тоже довелось повидать всякого!

Он жестом остановил возражение Тераи.

— Я знаю, что вы хотите сказать! Не будем терять на это время. Я прочел ваш рапорт — тот, последний, который переслал нам Игрищев, — но с тех пор у вас наверняка произошло немало нового. Рассказывайте.

Тераи говорил долго, отвечая на точные вопросы пожилого африканца.

— Итак, вы считаете обстановку на Эльдорадо крайне напряженной?

— *Напряженной* — не то слово, Нокомбэ! Эльдорадо — это бочка с порохом и подожженным фитилем, и до взрыва осталось совсем немного!

— Вероятнее всего, вы правы, но мы-то что можем сделать? Мы еще не готовы к открытой конфронтации с ММБ. Боюсь, нам придется на какое-то время пожертвовать этой планетой.

— Действительно — что такое одна планета? Галактика ведь ими буквально кишит! Но дело в том, Нокомбэ, что *мне* эта планета дорога. И ее можно спасти!

— Вы давно не бывали на Земле и не в курсе дела. Постараюсь все объяснить в нескольких словах: сегодня настоящее правительство, то, которое располагает *реальной* силой, — это ММБ! Именно они, и ничто другое. Единственное, что мы можем сейчас сделать, — это тайно подрывать их могущество, создавая собственное. Вот, взгляните.

Он протянул Тераи металлический ящик, в котором лежали два сильно изъеденных ржавчиной, но бесспорно идентичных предмета. Тераи прочел прикрепленные к ним этикетки: на одной было написано: «GC 18-765-IV», на другой — «GC 21-203-VIII».

— Два одинаковых предмета с двух планет из различных галактических секторов? Но ведь это означает, что...

— ...что, помимо нашей, есть и другая разумная раса, блуждающая среди звезд? И да и нет. Это подделки, Тераи! Подделки, сфабрикованные нами, плод бессонных ночей наших экспертов по ксенологии. Они были оставлены нашими разведчиками на двух неизвестных и необитаемых планетах. Мы соорудили там довольно-таки убедительные руины. Самое трудное было воссоздать другие предметы, уже из органической материи, чтобы радиоуглеродный анализ показал их древний возраст, около полутора тысяч лет. Это была изумительная работа по разделению изотопов и управляемому синтезу. Тьюро, Гровер и Сугихара провозились два года, играя с атомами, прежде чем добились своего!

— Но для чего все это?

— Один из этих предметов был... «найден» одной из наших экспедиций. Второй обнаружили археологи, прирученные ММБ. Как вы знаете, они могут позволить себе такую роскошь — финансировать свои собственные научные институты. Вы спрашиваете, для чего все это? Так вот, с такими «доказательствами» в руках я добился от правительства кредитов на постройку мощного космического флота без участия ММБ! Но вся беда в том, что флот этот будет готов лишь через год!

— И правда не вышла наружу?

— Не вышла. Я умею выбирать людей! И если я рассказываю вам это сейчас, Тераи, то лишь потому, что доверяю вам... пока что.

— Но меня могут похитить, накачать наркотиками...

— Только не после той обработки, которой вы подвергнетесь перед выходом из этого здания! Ничто на свете не сможет преодолеть ментальную блокаду, которую мы создадим в вашем мозгу! Даже если ваша воля случайно пошатнется, — квик, конец, ничего не останется!

Тераи резко вскочил на ноги.

— Вы заманили меня в ловушку, вы...

— Садитесь! Этому есть альтернатива — пройти сквозь стиратель памяти.

— Ну да! И вы воображаете, что я отдамся в руки ваших гипнотизеров, чтобы очнуться покорным штатным агентом, до самой моей смерти рабски преданным ВБК и к тому же довольным своей участью! Нет, я предпочитаю рискнуть и подвергнуться ментальной блокаде!

— Она тоже постгипнотическая. Но я могу дать вам слово, что она ничуть не повлияет на свободу вашего выбора.

— Ваше слово! После этой западни!

Лицо пожилого африканца как-то сразу осунулось.

— Послушайте, Тераи! На карту поставлено все, понимаете? Все! Будущее Земли, ее союзников, новых, еще не открытых нами миров! Много ли значит по сравнению с этим то, что может произойти за год на Эльдорадо, раз уж эта планета все равно не избежит общей участи! Так и быть... Если вы согласитесь сотрудничать с нами, я дам вам полный карт-бланш

на это столь дорогое вашему сердцу Эльдорадо. Если вы найдете способ остановить ММБ, не вызвав преждевременного взрыва, что ж, считайте, у вас есть мое благословение! Но это будет нелегко. Народ относится к таким вещам болезненно. С одной стороны, если он наконец очнется от сытой спячки на своих хромированных и позолоченных ложах, это пойдет нам даже на пользу, вот только не сразу, а немного позднее. Пока же, после статей и фильмов мисс Хендерсон, Эльдорадо и его обитатели имеют здесь плохую репутацию, и с этим я ничего не могу поделать. Поездка туда малышки Хендерсон была мастерским ходом: даже не сомневаюсь, что парламент теперь выдаст ММБ неограниченную лицензию на эту планету!

— Маленькая стерва! Поимела меня как последнего лоха! Но ведь можно бороться, восстановить истину...

— Попробуйте, а потом расскажете, что у вас получилось. А что до того, как она вас поимела... В этой истории Стеллы Хендерсон есть одна странность. После приема, который отец устроил в честь ее приезда, ее никто больше не видел — как в воду канула. У нас есть в ММБ свой агент, но даже он ничего не сумел выяснить. Официальная версия такова, что она проходит курс лечения и отдыха в каком-то сомнари. Повторюсь — официальная...

— Что вы хотите этим сказать?

— Как знать? Может, и ее саму одурачили? А может, на обратном пути взгляды ее изменились, и в конце концов она отказалась сотрудничать с ММБ?

— И они использовали привезенные ею документы уже сами, без какого-либо ее в этом участия? Что ж, вполне возможно. Действительно, странно, что с тех пор никто ее больше не видел... Разве что...

Допустив, что Стелла мертва, Тераи побледнел.

— Не думаю, что они пошли на это, — сказал Нокомбэ, разгадав его мысли. — Случись такое, мы бы узнали. Скорее всего, ее держат взаперти в какой-нибудь позолоченной клетке, или же она просто-напросто предпочла забыть о сыгранной ею роли, тем более что, судя по вашим словам, роль эта была не из самых достойных. Впрочем, нас в ВБК это как-то мало волнует.

— Меня, по правде сказать, тоже... Ну да ладно. Что, по-вашему, я должен делать?

— Ничего. Просто позвольте ММБ вести собственную игру — до тех пор, пока мы не станем сильнее! Думаю, больше года нам на это и не потребуется.

— Вы отдаете себе отчет в том, какой ущерб они могут причинить этой планете за год? Получив неограниченную лицензию, они станут полноправными хозяевами Эльдорадо... А у меня там масса друзей.

Нокомбэ бессильно развел руками:

— Что же вы предлагаете?

— Драться! Если это возможно, то на Земле! Если невозможно — то там, на Эльдорадо! Я смогу продержаться против них и более года.

— Против всего их космического флота?

— Есть седьмой параграф межзвездного кодекса. Если идет открытая война между туземцами той или иной планеты и какой-либо частной или правительственной земной компанией, планета переводится на карантин, и все чужаки должны покинуть ее до завершения расследования. Даже если ММБ заручится поддержкой правительства, это ничего для них не изменит.

— Данный параграф не был применен в случае...

— Там все обстояло иначе, и вам прекрасно это известно! Тикхана уже шестьдесят с лишним лет состоит в федерации. Там мы, как говорится, всего лишь восстанавливали порядок и законность! Несчастные тикханцы!

— И сколько жизней будет стоить этот ваш план, Тераи? В разы больше, чем наш!

— Возможно. Хотя и не обязательно. Вы не знаете эльдорадцев. ММБ никогда не удастся подчинить себе ни ихамбэ, ни тем более кеноитов! Бюро может разве что их уничтожить. Но это будет не так-то просто. Я раздал туземцам оружие.

Директор ВБК рывком вскочил на ноги.

— Вы раздали им оружие? Да уже за одно только это мне следовало бы приказывать арестовать вас!

— Почему же тогда вы не арестовали тех, кто раздал оружие племенам умбуру и поклонникам Беельбы? Ничего уже не поправишь. Я не мог оставить моих друзей без защиты.

Нокомбэ снова опустился в кресло, пальцы его забарабанили по столу, инстинктивно находя ритм дедовских там-тамов.

— Да, действительно. А я-то надеялся, что мы сможем отсрочить кризис!..

— Пожертвовав еще одной планетой?

— Да, еще одной, но лишь для того, чтобы спасти все остальные! Но теперь это уже невозможно. Возвращайтесь на Эльдорадо, Тераи. Постарайтесь минимизировать ущерб. Обещаю: через три месяца к вам прибудет наш крейсер.

Великан ухмыльнулся:

— Один крейсер... через три месяца! Слишком мало и слишком поздно — всё, как обычно!

— Если на Эльдорадо действительно придется объявить карантин, даже ММБ ничего не сможет поделать. Общественное мнение обернется против него. Оно и так, как вы знаете, решительно настроено против любой колониальной войны, пусть и допускает «полицейские операции». Но это опасная игра, Тераи! Никто не поручится, что карантин затем будет снят. А вы знаете, что это означает для вас: если вы останетесь на Эльдорадо, то уже не сможете его покинуть. Вокруг планеты будет установлен кордон из космических мин.

— Мне там нравится. Да и по закону карантин не может продолжаться более десяти лет. Я подожду.

— Что ж, будь по-вашему. Я мог бы приказать арестовать вас, и, наверное, мне так и следовало бы сделать. Ваш план опасен, но, черт возьми, я и сам уже начинаю думать, что это единственно возможный выход. Когда вы улетаєте?

Тераи на мгновение задумался.

— Через три дня. Сначала попытаюсь повидаться с мисс Хендерсон.

— Удачи, и держите нас в курсе. Но прежде не забудьте зайти к нашим психологам. Вас туда проводят.

110-этажное здание ММБ возвышалось над Тихим океаном неподалеку от пляжа Сан-Грегорио, расположенного в южной части Сан-Франциско. Тераи посадил небольшой спортивный самолет, одолженный им у одного друга, на по-

ляну рядом с виллой этого самого друга, в паре километров от офиса ММБ, но в ангар заводить не стал.

— Господин Лапрад! — воскликнул коренастый привратник-мексиканец. — Давно же вас не было видно!

— Десять лет, Тонио! Господин Джелинек черкнул тут для вас пару слов.

Тонио внимательно прочитал записку.

— Мне приказано во всем вам содействовать. Прекрасно. Какие будут распоряжения?

— Наполните баки и держите самолет наготове. А пока что выведите из ангара вертолет.

Девушка-администратор попалась хорошенькая.

— Я хотел бы видеть господина Хендерсона.

— Вам назначено? Нет? В таком случае это невозможно. Совершенно невозможно! Господин Хендерсон чрезвычайно занятой человек.

— Для меня, думаю, это возможно. Извольте сообщить ему, что его желает срочно видеть Тераи Лапрад.

Девушка инстинктивно отпрянула. Тераи усмехнулся.

— А, понимаю! Я здесь своего рода страшилище — моим именем тут пугают людей. И все же позвоните, будьте любезны!

Девушка с некоторым сомнением наклонилась к микрофону, прошептала несколько слов, и на лице ее отразилось удивление.

— Присядьте, пожалуйста. Сейчас за вами придут.

Лапрад опустил в кресло и принялся ждать, находя коварное удовольствие в том, чтобы изредка бросать на красотку взгляды столь откровенные, что она вся залилась краской.

Тераи сразу же узнал явившегося за ним человека, хотя никогда прежде его и не видел: облаченный в черную униформу (почему, черт возьми, все диктаторы или подручные диктаторов, всегда выбирают темные цвета?), он был немного ниже геолога, но, пожалуй, чуть шире в плечах, с бочкообразной грудью и свисающими до коленей узловатыми руками: Горилла Джо, любимый телохранитель Хендерсона, точно такой, каким его не раз описывала Стелла.

- Лапрад?
- Да.
- Следуйте за мной.

Его ввели в маленькую комнату, где за столом, положив перед собой револьвер, сидел другой охранник в черной униформе.

- Нам придется вас обыскать.
- Пожалуйста! У меня нет с собой оружия. Или вы думаете, что я настолько наивен?

Кабина лифта, в которую они затем вошли, была слишком мала для двух мужчин их сложения. Воспользовавшись этой теснотой, Горилла Джо шепнул Тераи:

- Ты смотри тут, без фокусов, иначе я тебя вмиг ухандакаю. Откровенно говоря, давно об этом мечтаю!
- В самом деле? И почему же?

Горилла Джо не ответил.

У кабинета Хендерсона дежурили двое вооруженных охранников. Сам он, стоя спиной к двери, задумчиво смотрел в окно.

- Спасибо, Джо, — сказал он, оборачиваясь. — Оставь нас наедине.

- Но, патрон...
 - С каких это пор я должен повторять приказы?
- Горилла Джо поник и вышел.

Хендерсону было пятьдесят с небольшим, волосы его поседели, голубые глаза смотрели жестко и холодно. Высокий и худощавый, он уже слегка сутулился. Внезапно черты его лица смягчились, и он улыбнулся широко и открыто: эта обаятельная улыбка сразу напомнила Тераи Стеллу.

- Присаживайтесь, мсье Лапрад. Я как раз собирался послать в вашу гостиницу записку и пригласить вас сюда. Вы курите? Возьмите одну из этих сигар: настоящий гаванский табак, а не продукция гидропонной фермы!

Тераи погрузился в кожаное кресло, скрестил ноги.

- Мы с вами враги, Лапрад, или скорее вы — мой враг, так как это вы объявили войну. Это печально и, быть может, бессмысленно. Чем обязан вашему визиту?

- Полагаю, вы знаете, что я был проводником вашей дочери на Эльдорадо.

— Да, и за это я вам благодарен. Без вас она не сумела бы собрать такой ценный материал, да и вообще вряд ли вернулась оттуда живой. Я ведь даже не догадывался об истинном положении дел, когда отправлял ее туда.

— Стало быть, вы признаёте, что это вы ее туда послали? Хендерсон улыбнулся.

— Послушайте, Лапрад, какой смысл нам с вами лгать друг другу?

— Она обвела меня вокруг пальца. Впрочем, все было честно. Я хотел бы узнать, что с нею стало, и, если можно, увидеть ее.

Хендерсон резко наклонился вперед:

— Вы ее любите?

— Я? Боже правый, конечно же нет! Мы были всего лишь добрыми друзьями, и я беспокоюсь о ее здоровье...

— С ней все в порядке, точнее — будет в порядке, как только она пройдет весь курс лечения и отдыха. Мне не следовало отправлять ее на это задание, но, как я уже сказал, я даже не догадывался... Когда она вернулась... после всей этой резни в Кинтане... то у нее случился нервный срыв...

Тераи вспомнил, с каким хладнокровием Стелла держалась в ту ужасную ночь. Судя по всему, Нокомбэ был прав. Ее упрятали подальше и использовали собранный ею материал без ее согласия.

— Она выйдет из клиники примерно через неделю. А сейчас, я надеюсь, вы доставите нам удовольствие и пообедаете с нами.

— Я не могу оставаться здесь так долго. Какой там адрес у этой клиники? Пошлю туда ей хотя бы цветы.

Хендерсон замялся всего на долю секунды.

— Это клиника доктора Юкавы... А что, прекрасная идея: цветам, я уверен, она будет рада. Но в данный момент к ней не допускают посетителей, даже меня.

Тераи мысленно усмехнулся. Настаивать не имело смысла. Клиника ММБ была настоящей крепостью.

— Очень жаль, что вы вынуждены улетать так скоро. Но, быть может, мы сможем все уладить? У меня к вам предложение. Как я уже говорил, вы — мой враг, но я вам — отнюдь не враг. Я убежден, что все идет от прискорбного недо-

разумения, и мы оба лишь выиграем, если покончим с этой враждой. Вы нанесли мне немало могучих ударов, но я до сих пор вас щадил. Вы сорвали мои планы, убили одного из моих лучших агентов...

— Карла Боммерса?

— Да.

— А вы приказали убить моего лучшего друга. Когда я приказал расстрелять Боммерса, я еще не знал этого наверняка — лишь мог об этом догадываться, — но, впрочем, это ничего не меняет...

— К убийству Игрищева я не причастен! Один из моих подчиненных перестарался... Он был за это наказан.

— Неужели? Наверное, как Горон?

— Глядите-ка, вам и это известно? Нет, на сей раз наказание было реальным. Ваш компаньон мог бы мне пригодиться в той же мере, что и вы сами. О, разумеется, я вполне могу обойтись и без вашей помощи, а если потребуется, то запросто вас уничтожу, но я предпочел бы с вами договориться. Что скажете, если я предложу вам пост генерального директора ММБ на Эльдорадо? Изыскатели вас уважают, мои люди боятся, вы уже побратались с вождями многих туземных племен, да и новый император Кено, насколько я понимаю, тоже ваш ставленник.

— Мой друг, мистер Хендерсон!

— Тем лучше! Ну так как, вы согласны?

— А какую политику я должен буду там проводить?

— Нашу, естественно. Но благодаря вам она станет более гибкой и мягкой.

— И зачем же мне предавать все то, что мне дорого? Ради денег? У меня их столько, что мне их на несколько жизней хватило бы.

— Потому-то я даже и не заикался о деньгах. Послушайте, Лапрад. Вы — человек, землянин. Земле нужны металлы. Когда-нибудь, вероятно, мы наткнемся в космосе на *Других*, наша развивающаяся империя встретится с их империей. И, быть может, это произойдет даже раньше, чем вы полагаете!

— Ха!.. Стало быть, вы тоже задумывались об этом будущем контакте?

— Я только о нем и думаю! К тому времени мы должны быть сильны, как никогда, независимо от того, выйдет ли эта встреча мирной или же нет. Особенно, если она таковой не будет!

— С той земной империей, какой вы ее создаете, она и не может быть мирной. «Покоритесь, или будете уничтожены» — вот ваш девиз!

— А почему бы и нет! Выживает наиболее приспособленный! Кто может поручиться, что у тех, *Других*, не такой же девиз?

— Предположим. Но зачем ради этого разорять незащищенные планеты? Зачем пробуждать к себе ненависть туземцев? Что вам мешает разрабатывать глубокие *земные* месторождения? Ведь технически это вполне возможно.

Хендерсон воздел руки к небу.

— Типичная точка зрения простого технаря! Сразу видно, что вы не представляете всей сложности проблемы. Доставлять металлы с планет, расположенных за сотни световых лет от нас, с помощью передатчиков материи в три раза выгоднее, чем добывать их здесь, на глубине в три или четыре километра! Для добычи их здесь пришлось бы значительно понизить уровень жизни землян, и хотя, по совести говоря, они и так уже порядком обленились, если мы покусимся на их жизненный уровень, начнутся бунты, а то, глядишь, и революции!

— Вот вы сказали, что выживает наиболее приспособленный. Надеюсь, что встреча с теми, *Другими*, когда она произойдет, все же будет мирной. В противном случае, если Земля настолько деградировала, нас прихлопнут, как назойливых мух!

— У нас есть колонии, Лапрад. Они поставят армию. Земля теперь — всего лишь арсенал империи, пусть и на ней еще остается гораздо больше настоящих мужчин, чем мне казалось. Однако даже их не хватит, чтобы осуществить ваш проект глубоких разработок.

Тераи почесал затылок. Хендерсон решил, что геолог колеблется.

— Ну так как, вы согласны?

— Нет. Меня враждебно встретят *ваши* люди и станут презирать *мои*. Уж лучше предоставьте это ВБК и...

— Этому сборищу мечтателей?

— ...и через четыре или пять поколений Земля превратится в центр великой конфедерации равных народов, настолько мощной, что нам уже не будет страшна никакая встреча в космосе. А пока, почему бы вам не ограничиться эксплуатацией безлюдных планет, таких, как Хэлл* или Густавия?

— Потому что там, на местах, нет необходимой рабочей силы, и вам это прекрасно известно! И туда нельзя доставить на звездолетах тяжелое оборудование — слишком дорого. Да и потом, Лапрад, эти равные народы, как вы их называете, вскоре подомнут нас под себя. Вспомните Рим!

Тераи поднялся.

— Сожалею, Хендерсон, но нам больше не о чем говорить.

Рука Хендерсона легла на красную кнопку в уголке стола.

— Стоит мне позвонить, как сюда войдут пятеро вооруженных охранников, и Тераи Лапрада долго еще никто не увидит!

— Звоните! Перед тем как идти сюда, я заскочил в ВБК. Они знают, где я, и, если я не доложу им, — он взглянул на свои часы, — через десять минут, что жив и здоров, они поджарят вас заживо! Правительство еще не полностью в ваших руках, не забывайте.

— Хорошо, Лапрад, расстанемся по-хорошему, без взаимных угроз. У нас разные взгляды на будущее человечества, но это не значит, что мы не можем относиться друг к другу с уважением.

— Послушайте, Хендерсон, какой смысл нам с вами лгать друг другу? *Берегись, а уж я за себя постою*, как говорили древние корсиканцы.

Хендерсон пожал плечами.

— Что ж, будь по-вашему! Но вы об этом еще пожалеете!

Горилла Джо ожидал его в коридоре с недовольным видом. Он повел Тераи к лифту, держа руку на рукоятке револьвера. За поворотом на них буквально налетел какой-то человек.

— Что с тобой, Тэд? — проворчал Джо, хватая его за рукав.

* Hell (англ.) — ад, преисподняя.

— Девчонка! Она сбежала!

— Заткнись!

— Но патрон должен узнать немедленно...

— А этот тоже должен все знать, идиот? — оборвал его Джо, кивнув на геолога. — Это наш смертельный враг! Убийрайся! — добавил он, вынимая из кобуры револьвер. — Боюсь, как бы с вами не произошел несчастный случай, — продолжал он с кривой улыбкой. — Теперь вы знаете слишком много!

— Даже если бы я ничего и не понял, ваши последние слова все объяснили, — спокойно ответил Лапрад. — Итак, мисс Хендерсон держали в заключении? Я подозревал это, теперь знаю точно.

— Вот только это тебе уже ничего не даст, потому что...

Ребром левой ладони Тераи ударил его по руке, сжимавшей револьвер. Раздался выстрел, пуля отрикошетировала от металлических стен. В тот же миг правый кулак Лапрада со всего размаха въехал Джо в солнечное сплетение. Охранник согнулся пополам, вновь разогнулся после левого апперкота в подбородок и рухнул на пол. Тераи подобрал револьвер, вырубил громилу ударом рукоятки по голове и прислушался. Все было тихо. Ни торопливых шагов, ни звонков сигнализации.

«Отличное изобретение, эти звуконепроницаемые перегородки!» — подумал Лапрад.

Из здания он вышел без малейших препятствий.

Поймав на улице такси, Тераи попросил довезти его до гостиницы. Что делать дальше, он не знал. Созвать журналистов и восстановить истину об Эльдorado? Теперь, когда Стелла сбежала, он мог бросить Хендерсону вызов, потребовав показать ее представителям прессы, и... Нет. Единственное, чего он таким образом добьется, — это начала открытой войны на территории врага, тогда как ни ВБК, ни здравомыслящие члены правительства к этому еще не готовы. Собрав вещи, он отправился в аэропорт и первым же самолетом вылетел в Техас, на космодром «Астра», немного удивленный тем, что никто его не преследует.

«Таароа» стоял на взлетной площадке. Подписав бумаги, Тераи направился к звездолету. У входного трапа стоял че-

ловек в униформе капитана космического флота Конфедерации, с любопытством разглядывая изображенную на корпусе эмблему: атолл с пальмами, герб Океанической республики. Заслышав шаги, он обернулся.

— Тераи Лапрад! А я-то все не мог понять, что здесь понадобилось кораблю Океании! У вас что, мало своих астропортов, что вы загромождаете наши?

Лукавая улыбка никак не вязалась с агрессивностью сказанного.

— Джек Сильвер! Сколько же мы не виделись?

— Лет десять? Двенадцать? Последний раз это было у тебя, в Торонто, еще до того...

— ...до того, как эти свиньи все там сожгли! Да, прошло уж двенадцать лет.

— И чем ты занимался с тех пор?

— Геологической разведкой. Попутно сколотил состояние.

— Где именно?

— На Эльдорадо.

— Так ты работаешь на ММБ?

— Нет.

— И ты сумел сколотить состояние на Эльдорадо, не работая на ММБ? Ну, знаешь ли, старина, снимаю шляпу! Возвращаешься туда?

— Да, но не сразу.

— В таком случае, мы там, возможно, встретимся. Я только что получил приказ. Через три месяца, после исследований в том секторе, мы там сделаем остановку. Что это за планета? Красивая? А как туземцы?

— Очень красивая. Туземцы почти такие же люди, как мы. У тебя есть пара минут? Давай-ка поднимемся на борт.

В каюте Сильвер восхищенно присвистнул.

— Неплохо вы там, в Океании, поживаете! Последняя модель, как я вижу.

— Скажи, что ты думаешь об ММБ?

Сильвер поморщился:

— Ты действительно на них не работаешь?

— Я уже сказал, что нет!

— Ну да, ты не из тех, кто способен сыграть злую шутку со старым другом, или же ты сильно изменился. Что я ду-

маю о ММБ? Что его давно пора раздавить, пока Бюро не уничтожило весь мир! Тебе известно, что один из их политиканов год назад едва не протащил в парламенте, застав всех врасплох, закон о роспуске конфедеративного флота? Ему не хватило всего трех голосов! Но фокус не удался, и теперь уже поздно — мы начеку. С тех пор как мы узнали, что где-то там, среди звезд, есть другая империя, или республика, называй ее как хочешь...

— Я веду войну с ММБ, Джек! Когда через три месяца твой крейсер опустится на Эльдорадо, будьте во всеоружии и удвойте караулы!

— Что ты хочешь этим сказать?

— У меня нет времени все тебе объяснять. Через три месяца увидишь сам, но воздержись от принятия каких-либо решений до тех пор, пока не встретишься со мной.

— Все настолько серьезно?

— Более чем.

Сильвер приподнял фуражку, взъерошил волосы.

— Хорошо, постараюсь не забыть. Что касается оружия, то с тех пор, как мы знаем о существовании тех, *Других*, оно у нас всегда наготове.

Тераи подавил улыбку. Стало быть, Сильвер не посвящен в тайну. Он протянул ему руку:

— До свидания, Джек. Мне повезло, что я тебя встретил.

Англия была одной из редких планет земного типа, которые были лишены какой-либо разумной туземной жизни. Заселенная около ста лет назад колонистами преимущественно англосаксонского происхождения, она оставалась также одной из тех немногих богатых металлами планет, которые пока еще не успело прибрать к своим рукам ММБ. Расположенная рядом с несколькими другими колониями, Англия создала свой собственный торговый флот и специализировалась в экспорте машин и производстве оружия. Тераи провел на ней несколько месяцев после того, как покинул Землю. Это был еще не обжитый суровый мир, хотя численность его населения достигала уже двухсот с лишним миллионов. Колонисты Англии славились во всей галактике неукротимым духом независимости, и ММБ оставило их

в покое, слишком поздно осознав могущество планеты. Народ инженеров, горняков и скотоводов, разводивших стада на обширных равнинах северного континента, они всегда были готовы, возникни такая необходимость, взяться за оружие. Тераи надеялся обрести в их лице союзников.

Он сел ранним утром в аэропорту Нью-Шеффилда, столицы планеты. Город состоял из двух частей. На севере, на склонах холмов и в зелени парков, белели здания жилых массивов; на юге прижимался к земле комплекс металлургических заводов, мастерских и складов, уродливый и мрачный. Между двумя частями города, на пространстве километров в сорок, тянулась сложная сеть железных дорог и шоссе, ежедневно доставлявших потоки людей к местам их работы и обратно. Как и на всех недавно освоенных планетах, промышленность Англии была высокоавтоматизирована, так как колонистов было мало и каждый ценился на вес золота, но промышленный комплекс Нью-Шеффилда был так велик и сложен, что его обслуживало до пятидесяти тысяч человек.

«Теперь я понимаю, почему ММБ делает все возможное, чтобы задержать их развитие, — подумал Тераи. — Если я потерплю неудачу, если и план Нокомбэ провалится, этот свободный мир останется, наверное, единственной надеждой всего человечества!»

В девять утра у него состоялась короткая встреча с Т.Г. Рамстедом, президентом «Нью-Шеффилдской оружейной корпорации», аскетическим старцем с горящими глазами. Тот даже не моргнул, когда Тераи изложил ему свой заказ: десять тысяч автоматов, пулеметы, ракеты для поражения воздушных и наземных целей, тонны боеприпасов. Рамстед только спросил:

— Для чего вам все это? Такое количество оружия, как мне представляется, превышает нужды пирата, даже если предположить, что космическое пиратство — дело выгодное.

— Для защиты одной планеты!

Рамстед улыбнулся.

— Эльдорадо? И от кого же?

— А, так вы уже знаете?

— Да, мы получили от ММБ послание, в котором нас просят ни за какие деньги не продавать вам оружие.

— И вы... подчинитесь? — спросил Тераи, выделив последнее слово.

— Не старайтесь меня задеть, это ни к чему. Нам никто не смеет приказывать, и меньше всех — ММБ. Вы получите ваше оружие по заводской цене. И дай вам бог свернуть им шею! Поверьте, мы не питаем неприязни к Земле, нашей планетематери, но если земляне позволят тирании ММБ и дальше расползаться по галактике, однажды мы и сами встанем у них на пути с оружием в руках, если это потребуется.

— Полагаю, я не выдам никаких секретов, если скажу вам, что такой же точки зрения придерживается и ВБК.

— Которое ничего не делает для того, чтобы остановить их!

— Которое долго ничего не могло сделать. Но если вы действительно думаете так же, как и люди из ВБК, вам следовало бы с ними связаться.

— Мы это обсудим. Вы получите ваше оружие через два дня.

— Так скоро?

— Я поговорю с моим старым другом Диком Кристофером, нашим президентом Республики, и мы возьмем все, что нужно, из наших арсеналов. Только вот что. Доставку мы обеспечить не сможем. Это стало бы открытым объявлением войны, а нам хотелось бы этого избежать. Во всяком случае, сейчас.

— Благодарю вас. Доставку я возьму на себя.

Тераи встал, чтобы попрощаться. Рамстед проводил его до двери, протянул ему сухую холодную руку и сказал:

— Если вы потерпите поражение, Англия станет для вас надежным убежищем. Помните об этом. Нам нужны такие люди, как вы.

О том, чтобы переправить все оружие на «Таароа», даже за несколько рейсов, нечего было даже и думать. Оставалось только одно: найти независимого капитана, собрата по духу, которого не испугала бы доставка такого груза на планету из списка «Б». Тераи полагал, что знает, где такого искать. Он направился к кварталу, прилегающему к аэропорту, зашел в таверну, которую когда-то часто посещал. Внутри ничего не изменилось. Зал был длинным и низким, с почерневшими

балками потолка, под которыми тянулись два ряда столиков вплоть до маленькой танцевальной площадки перед закрытой занавесом сценой. В этот час таверна была почти пуста. Тераи облокотился о барную стойку, и к нему тут же подошел незнакомый официант с грубым лицом.

— Скотч.

— Местный или импортный?

— Я сказал «скотч», а не ослиную мочу с купоросом, которую вы тут гоните.

— Тогда десять долларов — и плата вперед. Здесь не дают в кредит незнакомцам даже на две минуты!

Тераи через стойку схватил официанта за отворот куртки, притянул к себе. Тот задергался, норовя ударить великана по лицу. Взмахом руки гигант отшвырнул его к стене. Официант выхватил из-под стойки дубинку и замер, уставившись на внезапно возникшие в руках Тераи два револьвера.

— Ну так что, нальешь ты мне или нет?

— Это еще что тут такое? — раздался сзади голос. — А... Все в порядке, Том! Опустите ваши пушки, Тераи, здесь они ни к чему!

Гигант повернулся:

— Я знал, что вы явитесь, если я затею маленькую потасовку. Как дела, Тейлор?

— Да так, ни шатко ни валко. Каким добрым ветром вас занесло к нам после стольких лет?

— Понадобилось кое-что прикупить.

— Шахтное оборудование?

— Хм... Где бы нам поговорить спокойно?

— В моем кабинете. Пойдемте.

Тейлор направился к двери в другом конце бара, кивком головы предложив Тераи следовать за ним. Глухая комната была весьма уютной.

— С чего это вы подняли такой шум? На вас это не похоже, или вы сильно изменились. Скотч? Здесь у меня родной, не волнуйтесь.

— С удовольствием. Да, я изменился, Джейк. Постарел. Мне нужно было вас увидеть, а я не знал нового пароля.

— Я чем-то могу вам помочь?

— Думаю, да.

— Старина Джейк всегда платит свои долги. Особенно такие, как этот. Рассказывайте.

Тераи жестом отмахнулся от этого напоминания о прошлом. Одиннадцать лет назад его показания вытащили Тейлора из одной грязной истории, подстроенной главарем конкурирующей банды. Он не испугался тогда угроз и выступил на суде. После вынесения оправдательного приговора все завершилось десятиминутным сведением счетов, после которого осталось семь трупов.

— Так вот, мне нужен не слишком щепетильный, но достаточно храбрый капитан, который сможет переправить на Эльдорадо оружие.

Тейлор присвистнул.

— Черт возьми! Похоже, здесь не обошлось без ММБ.

— Так и есть.

— Я и сам бы с радостью помог вам утереть им нос. Но у них свои патрульные крейсера, и если вашего человека схватят... Трафик оружия для планеты типа Б... Это пахнет виселицей или как минимум промывкой мозга!

— У меня есть свой дозорный корабль, я сам буду его сопровождать.

— Независимый капитан, не слишком щепетильный, но храбрый? Такого здесь можно, конечно, найти, но это обойдется недешево.

— Цена меня не волнует. Деньги у меня имеются.

— Достаточно?

— Раз в десять более чем достаточно!

— В таком случае я умолкаю. Лишних вопросов задавать не буду, ваши дела — это ваши дела, и, если вам вздумалось устроить там большую охоту на крупного зверя, меня это не касается. Так, давайте-ка прикинем... Ред Джонс? Нет, он сейчас у черта на куличках. Тед Ларкинс? Его лоханка недостаточно быстроходна. Казимир Круковский? По последним сведениям, его сцапали на Логало. Надеюсь, правда, это ложные слухи... Ага, Дом Фландри. Его «Молния» когда-то вполне оправдывала свое название, и я знаю, что он ее держит в полном порядке. Он здесь не так давно, но, думаю, положиться на него можно.

— Француз?

- Да. Или, быть может, канадец. А есть разница?
- Да в общем-то нет. Когда я могу застать его тут?

Тейлор посмотрел на свои часы:

— Сейчас половина девятого. Он будет в баре около половины одиннадцатого. Можете подождать его, заодно и поужинаете. У нас сейчас неплохая эстрадная программа, так что я уверен, что Фландри явится ее посмотреть. Разумеется, ужин и напитки — за счет заведения!

Тераи в который уже раз окинул сцену рассеянным взглядом. Вслед за стриптизершами, вызвавшими в зале настоящий переполох, выступили довольно-таки профессиональные жонглеры, которых, в свою очередь, сменили весьма посредственные эквилибристы. Но вот занавес снова закрылся, и появился конференсье.

— Дамы и господа... — Тераи улыбнулся. «Дамы и господа», в большинстве своем, таковыми отнюдь не являлись... — Теперь я имею честь вам представить нашего соловья, Джейн Партридж, любимицу астронавтов, шахтеров, торговцев — да всей Вселенной! Джейн, только что вернувшаяся из триумфального турне по Телону, Барре, Сульфору и Бруншвику, унесет вас в мир космических дорог и девственных планет! Встречайте — Джейн Партридж и ее «Песни о космосе»!

Конференсье исчез. Занавес раздвинулся, явив зрителям декорации астропорта, на фоне которого возвышались гротескные, самых необычных форм звездолеты. Появилась певица. Невидимое фортепьяно заиграло аккомпанемент.

Кружили мы как-то, дед мой и я,
На звездолете «Джон Тля»
Над Нью-Шеффилдом, Шеффилдом
День ото дня...

Тераи вздрогнул. Он знал эту песню — ее ему пела Стелла! Вернее — нет, то была другая версия, пусть и на тот же мотив, да и слова там были немного иные. Кто-то переделал старый текст, заменив «шлюп» на «звездолет», «Буффало» на «Нью-Шеффилд» и т.д.

«Вот же наглецы!» — подумал Тераи, усмехнувшись.

Голос был приятный, да и потом, неизвестные барды, сочинявшие фольклорные песни, зачастую всего-то и делали, что немного видоизменяли мотивы и слова более древних песен.

Знай я, что выйдет такая херня,
Дома б остался, ей-богу, друзья!..

Зал взорвался аплодисментами, певица раскланялась и запела следующую песню. В резком свете прожектора она выглядела хрупкой, молодой, прелестной, с этими ее распущенными длинными черными волосами, ниспадающими на плотно облегающий костюм астронавта, служивший ей сценическим.

... и от Сириуса до Альбирео
Деньгами сорил я, словно бумагой,
И вот теперь сию на мели,
Не зная, куда и к кому мне податься...

Убаюкиваемый мелодией, звонким и в то же время глухим голосом, Тераи сам не заметил, как предался меланхолии. Как-то вечером на Ируандике — сейчас ему казалось, что с тех пор прошла целая вечность — Стелла тоже пела эту песню, правда, в ее варианте говорилось о железной дороге. У него, Тераи Лапрада, деньги были — кучи денег, — но, как и этот бродяга из песни, он не знал, куда ему податься, теперь, когда Лаэле была мертва, а Эльдорадо могло в любую минуту превратиться в сущий ад.

Джейн Партридж продолжала распевать перед своей наивной и суровой аудиторией старые песни первооткрывателей одного из континентов другой планеты, планеты, которую многие из присутствовавших в зале никогда даже и не видели. Тераи распознал почти все эти песни, пусть теперь, в XXIII веке, они и звучали иначе. Чаще всего изменения были совсем незначительными, но иногда адаптация была полной, и от прежних песен оставался только мотив, а то и вовсе лишь ритм. Если мисс Партридж изменила их и не сама — а это представлялось ему вполне возможным, — то как минимум определенным поэтическим чутьем, прекрасным пониманием музыки она уж точно обладала. Внезапно

Тераи захотелось с ней познакомиться. Песенный номер подходил к концу. Он жестом подозвал к себе официанта.

— Могу ли я встретиться тет-а-тет с той девушкой, которая сейчас на сцене?

Официант многозначительно ухмыльнулся.

— Это будет не так-то и просто, мсье. Возьмите лучше Перл Саншайн.

— Стриптизершу? Ну уж нет!

— Мсье не нравятся блондинки? Как мсье будет угодно. Сейчас я провожу вас в частную гостиную и схожу спрошу. Но до сих пор мисс Партридж всегда отвечала на подобные приглашения отказом.

— Вот как? Тогда скажите ей, что сюда я добирался на шлюпе «Джон Тля», а затем поездом «Ред Булл». Если уж *это* не сыграет мне на руку, придется мне остаться ни с чем.

Тераи опустил в мягкое кресло. Вошел Тейлор.

— Рисковый вы парень, Лапрад.

— Вы это о чем?

— Она работает на Большеротого Стивена.

— Неужели? И кто этот джентльмен?

Тейлор чувствовал себя явно не в своей тарелке.

— Тут, в Нью-Шеффилде, под ним находятся все кабаре, танцполы и прочие увеселительные заведения. Бандит, одним словом. Строит из себя крутого парня.

— Это его любовница?

— Нет, не думаю. Большеротый Стивен западает скорее на пышногрудых блондинок. Но он не любит, когда подкапывают к его работникам, которых, поговаривают, он держит в черном теле.

— Да плевать я на него хотел, старина! Мне всего-то и надо, что перекинуться парой слов с этой девушкой. Завтра, максимум послезавтра, я отсюда отчалию.

— Что ж... Так или иначе, я вас предупредил.

— Вы что, боитесь его, этого Стивена?

— Я-то? Да я и не таких перемалывал. Просто не хотелось бы мараться понапрасну. Я хватаюсь за револьвер только тогда, когда ничего другого не остается.

— Не волнуйтесь, все будет в порядке... Но ступайте, вот и она!

Джейн Партридж, переоблачившаяся в черное платье, в нерешительности застыла в дверях.

— Вы хотели меня видеть?

В глазах ее стоял страх.

— Входите, присаживайтесь. И чтобы вы почувствовали себя более непринужденно, позвольте мне заверить вас, что я не имею в отношении вас никаких дурных намерений, что мне понравился ваш песенный номер и что я всего лишь хочу задать вам несколько вопросов.

Ее изящные черты лица, казалось, еще более напряглись.

— А, так вы из полиции?

Тераи рассмеялся.

— Нет-нет, уверяю вас! Я хотел всего-навсего сделать вам комплимент — у вас настоящий талант к адаптации этих старых земных песен. Вы ведь и сами с Земли, не так ли?

— Да, из Филадельфии.

— И вам сейчас... года двадцать два-двадцать три?

— Двадцать четыре. А что?

— А то, что у вас тот же репертуар, какой был у одной моей подруги, — она тоже с Земли, из Северной Америки, и ей тоже 24 года. Вот я и спросил себя: а не могли вы заниматься фольклором в одном и том же студенческом кружке, к примеру, в Чикаго?

Джейн Партридж густо покраснела.

— Возможно, — пробормотала она наконец. — Только прошу вас, никому это не говорите! Мой патрон считает, что я сама сочиняю эти песни! Они, знаете ли, нравятся публике, и потому мне платят чуть больше, чем всем остальным, что, в свою очередь, позволяет мне чувствовать себя чуть более свободной!

— Так это правда, что Стивен, как поговаривают, держит вас в черном теле?

Она прикусила губу.

— И да и нет. Он не пытается извлечь из этого выгоду в том плане... в каком вы могли бы подумать. Но у меня семилетний контракт, и истекает он лишь через шесть лет.

— И хороший контракт?

— На кров и еду хватает, но и только.

— Зачем же вы его подписали?

— До чего же вы любопытный!.. Впрочем, я вам отвечу: чтобы не умереть с голоду. Я прилетела сюда туристкой в составе студенческой группы — тур нам оплачивало правительство, — а потом опоздала на звездолет и зависла тут без единого цента в кармане. Вы ведь знаете, какие здесь, на Англии, нравы?

— Да, это суровая планета для тех, у кого нет денег. Родные-то у вас есть?

— Нет, я сирота. Занявшись поисками работы, я нашла это место. Выбор был невелик — или это, или панель. Правда, в какой-то момент я даже испугалась, что придется работать и здесь, и на панели.

— И организаторы тура вас даже не искали?

— О, они мне писали, даже выслали немного денег со следующей по счету планеты, но было поздно — я уже подписала контракт!

— А какова была ваша специализация в университете?

— Социология.

Тераи тяжело вздохнул.

В этом безжалостном космосе есть ли кому-то дело до исчезнувшей бедной студентки, специализировавшейся в социологии?

— Но вы вполне могли бы выйти замуж.

— Контрактом это запрещено. Неустойка просто-таки огромна.

— А вы не устали? Мне сейчас нужно будет решить один вопрос — это займет всего несколько минут, — а затем я хотел бы поговорить с вами, без каких либо задних мыслей. Как насчет небольшой прогулки по дорогим бутикам?

Она едва заметно улыбнулась.

— Контрактом это запрещено.

— Да уж, держат вас действительно в черном теле — чуть ли не за рабов! А «огромная неустойка» — это сколько?

— Десять тысяч долларов!

Тераи пренебрежительно щелкнул пальцами.

— Огромная — для вас, пустячная — для меня. Вот, держите!

Вытащив из кармана чековую книжку, он быстро написал два чека.

— Один из них — на десять тысяч долларов; бросите его в лицо Большеротому Стивену. Второй — на сорок тысяч; это позволит вам вернуться на Землю и завершить обучение.

Она смотрела на него округлившимися глазами.

— Берите же! Я знаю, что завтра на Землю, с остановками на Теллусе и Скане, улетает «Вега», — на ней еще есть свободные места.

— Но я не могу!

— Вы боитесь, что они окажутся без покрытия? Я мог бы выписать и еще с десятков на столь же крупные суммы и даже этого не заметить. Спросите у Тейлора, если не верите мне. Он подтвердит вам, что подпись Тераи Лапрада стоит гораздо больше, чем это!

— Но почему вы даете мне все эти деньги? И что вы потребуете взамен?

— Потому, что, спев эти песни, вы пробудили во мне мучительные и в то же время приятные воспоминания, потому, что, пусть я с ним и не знаком, я уверен, что Большеротый Стивен — скотина, каких мало, потому, что вскоре мне и вовсе не нужны будут деньги, но прежде всего потому, что я — Тераи Лапрад. Что же до того, что я мог бы потребовать взамен, я скажу так: вы, конечно, красивы, мисс Партридж, но неужели вы и в самом деле думаете, что стоите пятьдесят тысяч долларов?

— Не знаю, должна ли я принять эту милостыню, — проговорила она глухим голосом.

— Это вовсе не милостыня, мисс. Когда мне было столько лет, сколько вам сейчас, я был еще более беден, но я был мужчиной. Мне повезло сколотить состояние, причем столь огромное, что мне не потратить его и за всю мою жизнь. Берите, и если и вам тоже улыбнется удача... что ж, вы и сами сможете помочь какому-нибудь обездоленному. Как только освобожусь, я за вами зайду. Договорились?

Едва она вышла из комнаты, как Тейлор ввел туда высокого, худощавого брюнета, одетого с элегантностью и даже с изысканностью. Его тонкое, пожалуй, даже слишком правильное лицо сохраняло рассеяннo-мечтательное выражение, с которым никак не вязался холодный блеск пронизательных серых глаз.

— Тераи, это капитан Фландри. Думаю, он подойдет для вашего дела лучше, чем кто бы то ни было другой.

Тейлор вышел. Несколько секунд Тераи и Фландри приглядывались друг к другу — так тигр порой оценивает встретившегося ему носорога.

— У вас есть звездолет? Какого класса?

— Типа «Альтаир».

— Такое старье?

— Вы будете поражены той скоростью, которую я из него выжимаю. Ничто не запрещает ставить новые двигатели на старый корпус... Да и потом, если модель и устарела, сам корпус в прекрасном состоянии. «Молния» была последним кораблем этого типа, и до того, как я ее купил, она успела сделать всего два рейса. В нашем деле иногда полезно иметь невинный с виду грузовоз, развивающий скорость крейсера.

— Команда надежная?

Фландри хитро улыбнулся.

— Банкиру или девице из церковного хора, возможно, и было бы опасно путешествовать на нашем корабле. Но для ваших целей, если я правильно их понял, команда подойдет.

— Вы готовы рискнуть, зная, что за это вас ждет стирание памяти или даже виселица?

— Все зависит от цены.

— Триста тысяч долларов.

— Давайте уж — четыреста!

Тераи пожал плечами.

— Пусть будет четыреста, за ценой я не стою. Договорились.

— Эх, надо было просить полмиллиона! Ну да ладно, деньги лишь позволяют жить с бóльшим комфортом.

— Сможете купить другой звездолет или уйти на покой.

— Как тут недавно пела мисс Партридж: «Когда забурлит кровь бродяги да ветер странствий подует...»

— Вы так любите приключения?

— Да, братишка, — в них вся моя жизнь.

— Не могу сказать, что мне это не по душе... Ладно, будьте готовы начать погрузку послезавтра с рассветом. Взлетный квадрат № 41.

— Я там буду. Пойдемте, что ли, пропустим по рюмашке, дабы закрепить наш уговор?

Они прошли в бар, где Тераи на минутку задержался у стойки, чтобы обменяться приветствиями с тремя стары-

ми товарищами, после чего направился к угловому столу, за которым уже расположился Фландри. Чей-то раздраженный голос перекрыл общий шум. Лапрад обернулся. Сопровождаемая крупным, пышущим яростью мужчиной, в зал вошла Джейн Партридж.

— И вы думаете, я позволю вам уйти вот так просто, получив в качестве гарантии какой-то жалкий клочок бумаги? Кто мне подтвердит, что он вообще что-то стоит?

Тераи подошел к девушке и ее спутнику.

— Я.

— А, так это вы хотите у меня ее увести? Нет уж, со мной этот номер не прокатит!

Вынув чек из кармана, Большеротый Стивен разорвал его надвое. С хриплым криком Джейн Партридж набросилась на него, пытаясь вырвать клочки бумаги из его рук. Схватив девушку за запястье, громила грубо оттолкнул ее от себя, и, отлетев метра на два, она упала под стол. Тогда Тераи, подойдя вплотную к бандиту, отвесил ему две легких пощечины.

— Вижу, с женщиной, скотина, ты чувствуешь себя очень сильным, — спокойно произнес он. — Давай, вытаскивай свой револьвер, если такой смелый, я подожду.

Двое амбалов, державшихся позади Большеротого, синхронно пришли в движение, но больше пары шагов сделать не успели.

— Стойте, где стоите!

Справа от Тераи, с револьвером в руке, возник Тейлор. Слева от себя Лапрад краем глаза заметил поигрывающего длинным пистолетом Фландри.

— Играем открыто! Трупы мне здесь не нужны! — тихо, но твердо проговорил Тейлор. — Вы допускаете ошибку, Стивен. Если вам дорога жизнь, я бы на вашем месте даже не стал дергаться против Лапрада или его протеже.

Не теряя самообладания, Большеротый Стивен пожал плечами:

— Может, он потому и бахвалится, что у него такая поддержка?

— Я же сказал: вытаскивайте ваш револьвер, — повторил Тераи. — Ну что, решились? Или вы не только скотина, но и трус?

Грязно выругавшись, Стивен развернулся, якобы для того, чтобы направиться к выходу, и с быстротой молнии выхватил из кобуры револьвер. Выстрелить он не успел. Прогрохотали три выстрела, он пошатнулся и обрушился на пол, накрыв своим мощным телом труп одного из двоих своих телохранителей. Другой, схватившись левой рукой за раздробленное запястье правой, ошеломленно взирал на мертвого босса.

— Надо же, разок промазал. Видать, старею. Впрочем, десять кусков я все равно сэкономил. Давай, парень, вали отсюда, держи рот на замке и благодари судьбу. А этих неплохо бы отсюда убрать.

Тераи по разу пнул каждый из трупов.

— Джейк, налей-ка всем за мой счет.

Он бросил на стойку несколько банкнотов.

— Полноте, мисс, бояться больше нечего! Все кончено, вы свободны.

Бледная как мел, Джейн Партридж подошла к Тераи.

— Так кто же вы все-таки? Убийца? Или сэр Гэлахад*?

Лапрад рассмеялся.

— Немного и тот, и другой, если хотите.

— Но... двух человек... из-за меня, которую вы даже не знаете.

— Что ж, вот и повод узнать поближе! С тем образом жизни, который я веду, двумя мерзавцами больше или меньше... Ладно, пойдемте, я обещал вам приятное завершение вечера. До свидания, Фландри, и спасибо за помощь. Не забудьте — послезавтра, как рассветет! До свидания, Джейк, или прощайте, кто знает?

— Вы даже не дали мне возможности выстрелить, Тераи. Так бы я хоть долг оплатил!

— Оплатите, если сможете договориться с полицией о том, чтобы подзамять дело хотя бы до тех пор, пока я отсюда отчаю. А потом уже мне будет без разницы. В конце концов, это была законная самозащита. Удачи вам всем!

Вечер затянулся на добрую половину ночи. Они пили, танцевали, флиртовали, говорили то о нем, то о ней, сно-

* Г э л а х а д — рыцарь Круглого стола короля Артура. Славился своим целомудрием и нравственной чистотой.

ва пили. Ближе к утру Тераи проводил девушку до ее квартиры.

— Ну ладно, может, когда-нибудь еще и свидимся, — сказал он.

Джейн посмотрела ему прямо в глаза — в бледном свете зари она была необычайно красива. Медленно и нежно он обнял ее и привлек к себе. Она не сопротивлялась.

Проснувшись, Тераи с удивлением обнаружил, что находится в незнакомой комнате. День давно уже вступил в свои права. Рядом с ним, с растрепанными волосами, прикрывавшими голые плечи, все еще спала Джейн. Какое-то время он смотрел на нее, злясь на себя самого.

— Она подумает, что именно этого я и хотел. Однако же...

Он ни о чем не жалел. Ночью о чем они только ни болтали — алкоголь, как известно, развязывает языки, — но он знал, что не сказал ничего такого, что могло бы поставить под угрозу его планы. Естественно, он рассказал ей о своей жизни, не забыв в подробностях описать ту экспедицию, в которой он выступал в качестве проводника Стеллы Хендерсон. Услышав это имя, Джейн вскрикнула от удивления. Когда-то она знала мисс Хендерсон — они вместе посещали один и тот же фольклорный кружок, — знала ровно настолько, насколько бедная студентка может знать столь богатую сокурсницу, и потому, придя в восторг от столь странной случайности, ловко, как ей, вероятно, казалось, расспросила Тераи о его отношениях со Стеллой. Впрочем, все это было уже неважно. Джейн намеревалась вернуться на Землю и зажить там относительно безоблачной — благодаря ему — жизнью. Возможно, когда-нибудь она расскажет о нем своим детям, тогда как сам он, вероятно, будет к тому времени давно уже мертв или выслан навсегда на какую-нибудь богом забытую планету. Эта мысль немного позабавила Тераи, вернув ему меланхоличное настроение.

«У нее, вероятно, сложилось обо мне куда лучшее мнение, чем я того заслуживаю. А мне просто-напросто больше некуда девать все эти деньги, вот я и разыгрывал из себя доброго гения».

Он потянулся, встал, разбудил Джейн. Остаток дня они провели вместе, он помог ей собрать скромные пожитки, по-

сле чего отвез в аэропорт на взятой напрокат машине. Она всю дорогу молчала, думая о чем-то своем. «Вега» вылетала лишь через час, и она робко спросила, можно ли подняться на борт «Таароа». Он оказал ей эту честь, уже ощущая некоторую неловкость, не находя больше тем для разговора. Когда пришло время уходить, она сняла с шеи кольцо из искусственных камней и повесила на штурвал.

— Мне его когда-то дала одна старая колдунья-негритянка, сказав, что оно принесет мне удачу, — пояснила она. — Так все и вышло. Пусть же теперь оно принесет удачу и вам!

Тераи проводил ее до наружного трапа «Веги». Над их головами изгибался длинный корпус корабля, слегка вибрируя под напором работавших на малых оборотах двигателей. Прозвучала сирена. Джейн подняла на него свои большие глаза.

— Жаль, что у нас был всего один день, — прошептала она.

— Будьте счастливы, Джейн.

— И вы тоже, Тераи.

Он смотрел ей вслед, пока она поднималась по трапу. У входной дверцы она остановилась, обернулась, наградила его широкой улыбкой и стремительно сбегала вниз.

— Если увижу Стеллу, скажу ей, что вы ее любите.

Она крутанулась, словно юла, и навсегда исчезла из его жизни.

«Таароа» снова парил в пространстве. Впереди, еще довольно далеко, величественно вращался гигантский голубоватый диск Эльдорадо, кое-где закрытый белыми пятнами облаков.

Чуть правее маячила маленькая звездочка, грузовоз «Молния». Тераи не сводил глаз с экрана радара. Другая сверкающая точка стремительно приближалась к первой.

— Похоже, нужно готовиться к бою.

Он методично привел «Таароа» в полную боевую готовность, проверил аппараты, затем настроил приемник на нужную волну.

— Алло, неизвестный корабль! Алло, неизвестный корабль! Говорит патрульный корвет «Сэмюэль Лимэн», капитан Джонсон. Остановитесь для досмотра!

Тераи придвинул к себе ежегодный справочник космических флотов. «Сэмюэль Лимэн», корвет новейшей постройки, 300 тонн, пять человек экипажа, две пушки, магнитные захваты, частный флот ММБ.

— Если они ударят по «Молнии», ей кранты! — проворчал Тераи.

«Таароа» приближался со стороны солнца, и благодаря антирадарному покрытию, предназначенному только для кораблей государственного флота, оставался незаметным для корвета. Тераи увеличил скорость, прицелился.

— Алло, неизвестный корабль! Остановитесь, или мы откроем огонь!

«Молния» продолжала идти своим курсом. Раздался первый пушечный выстрел, подтверждающий приказание остановиться, и снаряд разорвался примерно в километре перед ней.

— Последнее предупреждение!

Тераи повернул прицел, выпустил две торпеды и принялся ждать. За мгновение до взрыва в «Лимэне» заметили опасность и попытались уйти в сторону, но было уже поздно. Ослепительная искра полыхнула в небе.

— Ну вот, война началась. Пятеро бедняг, которые, вероятно, и не были такими уж мерзавцами. Семьи, куда уже никогда не вернутся отцы...

Он выругался. «Молния» вошла в верхние слои атмосферы, замедляя ход. Он немного подзадержался сзади, вглядываясь в небо, а затем тоже устремился вниз.

глава 5

... как ломается это копье

— **Н**у вот, разгрузку закончили. Теперь у вас тут хватит оружия, чтобы завоевать всю планету. Ведь именно этого вы хотите?

Тераи раздраженно обернулся:

— Нет. И вообще, то, чего я хочу...

— ... меня не касается.

Тераи повел плечами.

— О, я вполне могу вам сказать. ММБ наверняка уже предупреждено о гибели своего корвета. У них хватает довольно-таки умных людей, чтобы заключить из этого, что я вернулся — и вернулся не с пустыми руками. Моя цель — помешать им опустошить эту планету, как они уже опустошили десятки других.

— И для этого вы намерены вступить с ними в войну. Знаете, войны тоже иногда неплохо опустошают планеты.

— Черт возьми! Я знаю, что будут трупы, возможно, и сам я погибну. Но при возникновении конфликта между ММБ и туземцами федеральное правительство будет вынуждено применить закон о карантине, и лет на десять эта планета будет спасена. А за десять лет многое может случиться.

— Но почему вы хотите защитить именно Эльдорадо?

Тераи устало провел ладонью по лицу.

— Сложно объяснить. Потому, что я сам частично происхожу от колонизированных земных народов, потому, что я не верю в то, что человек достаточно мудр и бескорыстен и способен не претендовать на ведущую роль в космосе, потому, что здесь у меня есть друзья среди туземцев, а ММБ представляет здесь то, что я ненавижу больше всего на свете... Наконец, потому, черт побери, что, будучи таким, какой я есть, я и не могу поступить по-другому! Почему вы сами-то ушли из Звездной гвардии, капитан Фландри?

— Глядите-ка, да вы все знаете!

— Я всегда навожу справки о тех, кого нанимаю. У меня есть кое-какие связи в конторах, на Англии.

— В основном от скуки. Звездная гвардия — это вовсе не то, что думают простаки. Никаких тебе космических пиратов, эти ожидания не оправдались, только в фантастических романах можно взять на абордаж звездолет, когда он в полете. Остается картография, но это однообразно. Я просил перевести меня в исследовательский корпус, но мне отказали, и я подал в отставку. С тех пор веду исследования на свой страх и риск. А заработка ради перебрасываю иногда грузы, законные или незаконные, как на сей раз.

Немного помолчав, он продолжал:

— Вы мне нравитесь, Лапрад. Я думаю, ваш замысел может сработать, но, возможно, кое-какая помощь вам не помешает. Что скажете, если я предложу вам союз? Не исключено, что и у меня есть с ММБ свои счета...

— А ваша «Молния»?

— Мой помощник пару месяцев справится с ней и без меня.

— Если мы проиграем, на Земле вас объявят вне закона.

— Я и так уже вне закона.

Тераи смерил его долгим взглядом.

— Простите мою подозрительность, но я недавно обжегся. Откуда мне знать, что вы не шпион Хендерсона?

Фландри громко расхохотался.

— Неужели я тогда доставил бы вам целый арсенал, с помощью которого вы намерены свернуть им всем шею?

— Хендерсон вполне способен рискнуть по-крупному, лишь бы узнать мои планы. Что значат для него несколько десятков или даже сотен трупов? Нет, если вы хотите остаться со мной, вы должны дать мне серьезный повод принять вас в союзники.

— Я уже сказал: у меня с ММБ свои счета...

— Слишком туманно!

Фландри глубоко вздохнул.

— Ладно. Я расскажу вам, хотя это может показаться вам самой нелепой мелодрамой. Вы служили мисс Хендерсон проводником, так ведь? В каких вы были с ней отношениях?

— Я полагал, что в дружеских. Она обвела меня вокруг пальца.

— Возможно. Она рассказывала вам о своих студенческих годах?

— Да.

— О своей первой любви?

— Да.

— Она назвала вас имя?

— Нет.

— Поль был моим младшим братом, Лапрад. Молодой физик с блестящим будущим, как принято выражаться. Но будущее оказалось коротким и закончилось в груди железа: его машина сорвалась с шоссе на скорости в сто восемьдесят

километров в час. Меня не было на Земле, когда это произошло, но я отыскал остов его автомобиля на свалке металлолома прежде, чем его успели отправить под пресс. Так вот, рулевое управление было намеренно повреждено. У меня нет доказательств, но мне не сложно представить, что идиллия между нищим Полем Фландри и Стеллой Хендерсон далеко не всем нравилась. Разумеется, расследования как такового и не было. Еще один молодой безумец разбился — эка важность! Теперь вы понимаете, почему я ненавижу ММБ и его хозяина? И я не думаю, Лапрад, что мисс Хендерсон хотела вас предать. Поль был сама честность и никогда бы не любил девушку, которая не была бы в этом похожа на него. Вероятно, ее обманули так же, как и вас.

— Она могла измениться. Богатство растлевает души.

— Вы и сами богаты.

— Деньги у меня действительно есть, но на богатство, на какое-то имущественное положение мне до такой степени наплевать, что я предоставляю другим возможность преумножать мой капитал и до этого года не тратил на себя и двадцатой части моих доходов.

— Вы ведь ее любите, не так ли?

— А вас-то это как касается?

— Да никак, тут вы правы. Ну что, вы принимаете мое предложение?

— Любая искренняя помощь, Фландри, мною только приветствуется!

Солнце золотило саванну, и красные палатки второй армии Кено ярко горели в его лучах позади лагеря ихамбэ. Тераи потянулся. Вдали, на травяной равнине, маневрировали в рассредоточенном порядке черные фигурки — смешанные отряды ихамбэ и кеноитов под командованием Фландри.

— Наконец-то я применю знания, — сказал ему накануне последний, — которые считал совершенно бесполезными: мне их вдолбили еще в кадетской школе. Продвижение перебежками под огнем противника, маневры сближения, расстановка пулеметов и так далее, и тому подобное!

Справа ветер доносил трескотню выстрелов: там тренировались отборные солдаты. Клон-Сифо, кеноитский генерал, подошел к Тераи.

— Скоро, господин Лапрад, мы будем готовы.

— Ага, для того чтобы разгромить несколько вооруженных отрядов горожан. Если бы пришлось иметь дело с регулярной армией... В общем, постараемся справиться и будем надеяться, что нам не придется сражаться по-настоящему.

Он поднялся со стула и направился к штабной палатке. Навстречу ему гигантскими прыжками устремился Лео и упал у его ног с тяжелой грацией хищника, радостно хлеща траву хвостом.

— Да, я вернулся, дружище! Нет, больше я тебя не покину, никогда не покину, обещаю. Ты — это всё, что у меня осталось.

Родители... Лаэле... Стелла...

Тераи вздрогнул. Почему вообще в его мыслях Стелла стоит рядом с его родителями или женой? Она обманула его, обвела вокруг пальца, воспользовалась им в своей борьбе против того, что ему было дорого. И однако же он не мог ее ненавидеть. Вновь и вновь ее образ вставал у него перед глазами — в лагере ихамбэ, на Ируандике или же в ту ужасную ночь в Кено, но особенно во время танца Трех Лун, когда он прижимал ее к себе, а она отвечала на его поцелуи...

Он тряхнул головой.

— Ну уж нет. Я не стану играть в Ромео и Джульетту, слишком уж я стар для этого! Да и ничто не говорит в пользу того, что Джульетта согласится.

Тем не менее он не мог больше себя обманывать. Зачастую, прокручивая в голове события этих последних месяцев, он искал ей оправдания: несомненно, она была искренней, когда прилетела на Эльдорадо, ослепленная пропагандой ММБ, а затем и оскорбленная в своих предрассудках женщины Земли его связью с Лаэле. И однако же ему неоднократно казалось, что она готова понять, что она сможет перейти на его сторону, окажись он чуть более умелым, чуть менее brutальным. Когда она улетала, то сказала, что будет рада увидеться с ним снова, и быть может... Но нет: всё их разделяет — кровь, происхождение, социальная среда. Возможно, это и к лучшему.

Сам не отдавая в том себе отчета, Тераи незаметно дошел до стрельбища. Офицеры-инструкторы, три бывших геолого-

разведчика, отобранных им среди тех, кто были ему наиболее фанатично преданны, подошли к нему с отчетом.

— До совершенства им далеко, но стреляют они хорошо и уже «от» и «до» знают свое оружие, — доложил самый старший, Нед Соммерсфилд, который был унтер-офицером в годы своей молодости. — Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, Тераи. Если когда-нибудь они повернутся против нас...

— Это нам не грозит, Нед. Сейчас семь вечера. Как только части вернутся с маневров, скажи Фландри, чтобы собрал командиров отделений. Мне нужно с ними поговорить. Что с тобой, Лео?

Ритмично порывая, сверхлев с тревогой поглядывал на восток.

— Самолет? Там? Всем рассредоточиться по саванне!

Прислушавшись, он уловил глухой гул, который усиливался с каждой секундой, пока не превратился в пронзительный вой.

— Нет, это не самолет. Звездолет. Но только сумасшедший может входить в атмосферу на такой скорости! Сумасшедший или тот, кто спасается от погони...

В высоте, над грядой облаков, появилась сверкающая точка, которая росла на глазах, приближаясь к земле. Внезапно впереди нее возникло сияние, характерное для антигравитационного поля.

— Слишком поздно! Он свернет себе шею! И совсем близко отсюда!

Тераи уже бежал к возможному месту падения корабля. Фландри за ним. Звездолет ударился о поверхность по касательной, взрыл почву, брызнувшую из-под его носа двумя волнами, и замер под скрежет рвущегося металла.

— Космическая яхта! Нашли время для прогулок, придурки!

Корпус был сильно помят, но уцелел, только в середине зияло неправильной формы отверстие с оплавленными краями. Неудачная посадка тут была ни при чем.

— Термическая торпеда, — заметил Фландри. — По яхте стреляли.

Тераи напрягся, пытаясь открыть смятую дверцу шлюза, но даже его титанической силы было для этого недостаточ-

но. Он простучал по корпусу морзянкой: «Ждите, иду за помощью», приложил ухо к металлу, прислушался. Ничего. Тишина.

— Вероятно, их оглушило, — сказал капитан. — У вас есть газовый резак?

— Да, в моей пещере. Робертс, Нед, бегите за резаком. А вы все отойдите подальше! — добавил он на языке ихамбэ, обращаясь к сбежавшимся воинам. — Эта штука в любой момент может взорваться! Вы тоже, Фландри.

Капитан спокойно закурил сигарету.

— Я останусь. Звездолеты — моя специальность.

— Как вам будет угодно. Ваша жизнь — вы ею и распоряжаетесь.

В ожидании резака они обошли аппарат кругом. Возле носа, там, где должно было находиться название и порт приписки, корпус был свежезачищен.

— Пират? — удивился Тераи.

— Едва ли. Никакого вооружения. А вот и ваши люди с резаком.

Они вырезали по внешней дверце шлюза отверстие, только чтобы проползти, и охладили раскаленные края водой. Внутренняя дверца оказалась открытой, за ней начинался узкий коридор. Тераи и Фландри прошли через помещение, опустошенное взрывом торпеды, открывая уцелевшие герметические двери и срезая петли на поврежденных. Нигде не было ни души. Наконец они добрались до штурманской рубки. Она тоже казалась пустой, но потом Тераи разглядел при красном тревожном свете сигнальной лампочки какую-то темную массу, зажатую между креслом пилота и пультом управления. Он приблизился, включил фонарик.

— Стелла!

Дрожащими руками он попытался высвободить ее — не вышло, — и он заставил себя успокоиться. Газовый резак!

Он вернулся, таща за собой аппарат, и при помощи Фландри отрегулировал пламя, после чего, накрыв девушку собственной кожаной курткой, чтобы защитить от попадания расплавленного металла, принялся разрезать ножку сиденья.

— Ну вот, теперь можно. Только осторожно.

Они потянули, сломали наполовину уже разрезанную ножку.

— Фландри, давайте к машинному оборудованию! Выключите все, что еще не выключено! Нед, помоги мне.

Потихоньку, опасаясь внутренних кровоизлияний, он уложил Стеллу на металлический пол и осмотрел. Она казалась невредимой, лишь тонкая струйка крови текла из ноздри. Что это, простой разрыв сосуда от удара или перелом носовой кости черепа? Вошел Робертс в сопровождении двух кеноитов с носилками.

— Подсунь руку под ноги и поднимай, я буду поддерживать спину и голову. Осторожно, черт побери, не то я спущу на тебя Лео! В мою пещеру! Быстрее!

Тераи взялся за задние ручки носилок. Ветер играл в светлых растрепанных волосах, приятно щекотавших ему руку.

— Дьявол! Но что она здесь забыла? И ведь они в нее стреляли, мерзавцы!

Голова Стеллы тихонько покачивалась из стороны в сторону; при закатном свете она казалась смертельно бледной.

— Они стреляли в нее! В дочь своего босса! Что же происходит? Революция? А эти болваны из ВБК поручают мне самую грязную работу и молчат, даже на связь не выходят!

— Вскоре она сама вам все расскажет, — сказал Фландри. — Не думаю, что она серьезно пострадала.

— Не знаю, я уже ничего не знаю!

«Если увижу Стеллу, скажу ей, что вы ее любите...» Он тогда пожал плечами. Но теперь, в предчувствии смерти, он отчетливо понимал, *что* чувствует. Да, он ее любит, даже несмотря на предательство. И если она умрет... Если она умрет, он отправится на Землю на своем «Таароа» и забросает офис ММБ ядерными бомбами! Но почему они в нее стреляли?

— Тлонг, поддержи носилки, пока я открою дверь! Положите ее на постель, осторожнее. А теперь уйдите все — кроме вас, Фландри.

Он включил переносной радиоскоп, осмотрел ее руки и ноги, косточку за косточкой. Переломов не было. Спинной хребет — тоже все в порядке. С бьющимся сердцем он

направил лучи на голову и шумно с облегчением вздохнул. Ни переломов, ни трещин!

— Черт, куда подевалась эта проклятая сумка с медикаментами?

— Вот она, Тераи.

— Вы сможете сделать укол? Стимулол-12. У меня слишком сильно дрожат руки...

Он рухнул без сил в кресло и закрыл лицо руками. Послышался слабый стон, и он бросился к Стелле. Она открыла глаза.

— О, как же больно! Где я? Ох, Тераи, вы здесь! Будьте осторожны, они хотят вас убить. Скоро здесь будет армия... И кофе, кофе! Главное, пусть они не пьют кофе! О, как же больно! Тераи, неужели я умру?

— Нет, нет, с вами все в порядке! Не шевелитесь! Завтра вам станет лучше. Вы просто вся в синяках. Вот, проглотите это и спите!

Он осторожно приподнял ее голову, вложил в рот таблетку и поднес к ее губам стакан воды. Она пила медленно, с трудом, наконец откинулась на подушку и заснула.

Тераи долго смотрел на нее, затем знаком предложил Фландри следовать за ним.

— Не волнуйтесь, — сказал ему капитан. — Через несколько дней от этих ушибов не останется и следа. Красивая девушка. Вы счастливчик, Тераи.

— Это дочь Хендерсона, Фландри.

— Однако что она хотела сказать? Вот-вот подойдет армия, как я понимаю. Но что за история с кофе?

— Может, она бредила?

— У нее нет жара. Ладно, завтра утром узнаем.

Тераи внезапно проснулся на своей походной кровати, прислушался. Заря уже занялась, и сквозь зарешеченное оконце бронированной двери в пещеру просачивался бледный свет.

— Тераи!

— Я здесь. Как вы себя чувствуете?

— Лучше. Ощущение такое, будто по мне как следует прошли дубинкой!

Она попробовала усмехнуться, но тут же сморщилась от боли.

— Подойдите ближе. Мне трудно говорить громко, а я должна сказать вам кое-что важное. Последние новости с Земли я получила шесть дней назад, на Клобо. ММБ высылает сюда свои части, скоро они будут здесь. Избавившись от вас, они намерены претворить в жизнь дьявольский план...

— Время у нас еще есть. Спите, вам нужно набраться сил.

— Нет, я не хочу больше спать. Я должна вам всё рассказать.

— Хорошо, говорите.

— Их план ужасен, Тераи! Вы были правы. Их нужно остановить любой ценой. Моего отца и моего брата! Как они дошли до такого? До геноцида! И я, как последняя дура, игравшая в их игру, стала их оружием в борьбе с вами! Никогда себе этого не прощу! Короче говоря, план их таков. Вы когда-нибудь слышали о гипноне-8?

— Слышал. Это ведь успокаивающее средство от нервов, если не ошибаюсь.

— Именно. Но их биологи обнаружили, что у эльдорадцев гипнон-8 не только убивает дух инициативы, но и вызывает привыкание, как морфин у нас, а главное — в девяноста случаях из ста делает их бесплодными. Они провели опыты на нескольких десятках туземцев, перевезенных на Тикхану в обход всех законов.

— Что ж, этим можно их прижать, и тогда...

— Все они умерли, разумеется! Не осталось ни малейших следов!

— И ММБ полагает, ему удастся превратить в наркоманов население целой планеты? Не знаю, не знаю. Зачем туземцам принимать гипнон-8?

— В чистом виде им его давать и не будут. Но эльдорадцы обожают кофе, не так ли?

— Ну да! Это единственное, что у меня здесь когда-либо крали, будь то у ихамбэ или в Кено.

— Так вот, избавившись от вас тем или иным способом, ММБ объявит крутую перемену курса и, чтобы подчеркнуть свою благожелательность по отношению к туземцам, начнет щедро раздавать кофе во всех доступных уголках планеты.

Так они убьют одним выстрелом двух зайцев: с одной стороны, туземцы для того, чтобы заполучить кофе с добавкой гипнона-8, пойдут на любые унижения, с другой стороны, население начнет резко сокращаться в результате «неизвестной эпидемии», освобождая место для земных колонистов.

— Но общественное мнение на Земле никогда не допустит такого преступления!

— До чего же вы наивны, Тераи! Откуда люди об этом узнают? Кто им скажет? Кто сможет всё это доказать? ВБК будет по горло занято своими делами, защищаясь от тщательно подготовленных и, конечно, ложных обвинений, поддержанных вескими доказательствами, тоже, разумеется, фальшивыми. А для нескольких следователей, которые сюда доберутся, будут приготовлены мешки с великолепным чистым кофе.

— Ну да, этот дьявольский план удался бы, если бы вы меня не предупредили или если бы я исчез. Но как вы сами узнали об этом?

— Это длинная история, Тераи, я расскажу вам ее вкратце. Когда я прибыла на Эльдорадо, я вас ненавидела. Вы были для меня помехой на пути грандиозной мечты моего отца — подарить вселенную человечеству! Из глупого идеализма вы вставляли палки в колеса ММБ, которое трудилось на благо всех земель...

— А вы никогда не задумывались, трудилось ли оно также и на благо обитателей тех планет, которые эксплуатировало?

— Я в этом даже не сомневалась, Тераи. На Земле, со всеми ее недостатками, колониализм в конечном счете принес пользу колонизированным народам, пробудив их к современной жизни, взорвав, пусть и всего лишь благодаря их восстанию в XX веке, устаревшие структуры...

Тераи иронично улыбнулся.

— И безжалостно уничтожив все те ценности, которые не были ему полезными! Ну да ладно, проехали... В колонизации действительно были и свои плюсы. Но я готов это признать лишь потому, что в моих жилах течет кровь как самих колонизаторов, так и тех народов, что были ими колонизированы.

— Словом, я прилетела на Эльдорадо уже предубежденной против вас. Первая встреча не изменила моего мнения: грубый, наглый, надменный, тщеславный, циничный и смертельно опасный...

— Настоящий метис, не так ли?

— Дайте мне закончить, Тераи. Но также и безумно важный, великодушный и чувствительный, относящийся к вам с гораздо большей лояльностью, чем может в себе развить простой главарь шайки. К тому же, очень умный и необычайно компетентный в своей профессии...

— И вы решили, что эти положительные черты мне дала четверть белой крови...

— Замолчите! Вы совершенно невыносимы. Нет, я так не подумала. Я была сбита с толку. Мне не удавалось подогнать вас ни под одну из категорий. Затем мы отправились к ихамбэ, и по дороге вы не раз спасали мне жизнь, хотя и подозревали, что я пришла к вам с недобрыми намерениями.

— Вспомните *Microaptor ferox*. Вы были слишком красивы, чтобы я мог позволить вам умереть.

— Мало-помалу мое мнение о вас изменилось. Я попыталась понять вашу точку зрения. Мне становилось все труднее и труднее бороться с растущей симпатией к вам. Переломным моментом была слеза, тайком пролитая вами над могилой Гропаса. Кстати, это вы — тот аноним, который отправил его матери тридцать тысяч долларов, чтобы она могла поставить на ноги его братьев и сестер? Я долгое время полагала, что это — дело рук ММБ, но затем получила доказательства обратного: они выплатили семье лишь его полугодовой заработок!

— Да, это был я. Бедняга не заслуживал вот такой вот смерти, ради этих мерзавцев. Из него могло что-то выйти, пусть он меня и ненавидел.

— Затем было наше пребывание здесь, у ихамбэ, ваша схватка с тигром, вечер танцев на Праздник Лун. Я уже не знала, что и думать. Чего вы хотели? Какие чувства питали ко мне? Порой я ощущала только ваше бесконечное презрение, но иногда мне казалось, что вы... относитесь ко мне по-дружески.

— Я и сам тогда еще не разобрался в своих чувствах, Стелла.

— И все это время я колебалась. ММБ, которым управлял мой отец, не мог быть тем отвратительным чудовищем, каким вы мне его представили, но с другой стороны я чувствовала и вашу искренность и краснела каждый раз, когда тайком

снимала те фильмы, которым предстояло стать оружием против вас самого и тех, кого вы защищали. И еще была Лаэле...

— Не говорите о ней, Стелла, прошу вас. Этого вам никогда не понять!

— Возможно... Я уже почти перешла на вашу сторону, но потом, когда увидела, как вы, в Кинтане, пытаете пленных, приказываете их расстрелять...

— А что, по-вашему, я должен был сделать? Возможно, я был не прав, но я один, совсем один против неисчерпаемых ресурсов ММБ! Один против всей — или почти всей — Земли, потому что ВБК пока бессильно, а правительство не вмешивается в такие дела. О, я знаю, что совершил немало тактических ошибок, но я не генерал, Стелла, и не политик! В этой коварной войне я всего лишь любитель, который парирует удары как может и наносит их как умеет, пусть даже и ниже пояса! Я не бог и не политический гений! Я часто ошибался и, возможно, даже и сейчас ошибаюсь. Если все обстоит именно так, я еще за это поплачусь, и мои друзья тоже, но иного выхода я не вижу!

— Так или иначе, возвращаясь на Землю, я была решительно настроена выполнить ту миссию, ради которой и явилась сюда под видом журналистки. У меня были документальные фильмы, которые при должной обработке и монтаже выставили бы туземцев в довольно-таки неприглядном свете. Однако я собиралась использовать все свое влияние на отца, чтобы после получения неограниченной лицензии он отнесся к этим аборигенам гуманно. Я бы попыталась убедить его назначить вас нашим резидентом на Эльдорадо, если вы согласитесь проводить нашу политику. А если откажетесь — пощадить вас.

— Значит, вот почему он предложил мне... Фактически, в тот самый день, когда вы сбежали! Но почему они посадили вас под замок, если уж вы взяли их помочь?

— Совершенно случайно дня через три после возвращения я заметила, что отец не запер свой секретный сейф. Сам он тогда находился в Австралии. В сейфе я нашла неопровержимые доказательства его желания захватить власть, свергнув правительство, отчеты об экспериментах над эльдорадцами и план касательно их планеты. Потрясенная, я все

сфотографировала и положила на место. Мой старший брат, бывший в курсе всех этих замыслов, едва не поймал меня с поличным. Я нашла там и кое-что другое: доказательство того, что несчастный случай с Полем, молодым физиком, который любил меня, когда мне было девятнадцать лет, вообще не был несчастным случаем. У отца относительно меня были другие намерения!

— Мир тесен, Стелла. Знаете, кто доставил сюда оружие для моих людей? Брат Поля, бывший капитан Звездной гвардии, Доминик Фландри!

— Бывший капитан? Два года назад он командовал целой флотилией!

— Ну и дела! А мне-то он сказал, что вышел в отставку пять лет назад! Придется поговорить с ним на эту тему. Но что вы сделали с документами, Стелла?

— Я могла бы переслать их правительству, но это было опасно. У ММБ всюду свои люди, но кто и где, я не знаю. Поэтому я отправила фото пленку заказным письмом моей старшей подруге, которая живет на Клобо, попросив придержать конверт у себя до тех пор, пока я сама за ним не приеду. По пути сюда я их забрала. Сейчас документы здесь, в сейфе моей яхты. Короче говоря, прикрыв, как мне казалось, свои тылы, я дождалась возвращения отца, и у нас с ним состоялся неприятный разговор. Он пришел в такую ярость, что приказал своим телохранителям арестовать меня и держать под замком.

— В клинике?

— В клинике? Ничего подобного! В нашем загородном домике, в Колорадо. О, это была золотая клетка! У меня были книги, телевизор, все что угодно, кроме права выходить или как-либо общаться с внешним миром. Именно так я и увидела телепрограмму с моими фильмами, очень ловко смонтированными, именно так я и узнала из последних новостей, что вы прибыли на Землю. Тогда-то я и решила бежать, чтобы найти вас и предупредить.

— Как же вам удалось?

Она устало улыбнулась.

— О, благодаря древнейшей в мире уловке. Я соблазнила моего тюремщика!

Тераи вздрогнул, и улыбка на ее лице сделалась более искренней.

— На это у меня ушло всего четыре дня! На пятый, потеряв всяческую осторожность, он подошел ко мне слишком близко, и я оглушила его вазой для цветов. Остальное было проще простого. Я взяла у него ключи, добежала до ангара, где стояла моя космическая яхта, — у меня давно уже имеется диплом межзвездного пилота, — и поскольку я знала, что вы улетели, я устремилась к Эльдорадо, завернув по пути на Клобо, чтобы взять документы. Там я узнала, что всемирное правительство большинством голосов выдало неограниченную лицензию на эксплуатацию Эльдорадо — с двумя самыми яркими оппонентами ММБ накануне голосования произошел «небольшой несчастный случай», — и что меня уже разыскивает полиция, как сбежавшую из дому «вследствие временного помешательства». Тогда я приступила к маскировке своей яхты, но успела только счистить старое название и номер: пришлось срочно улетать. Уже здесь, на орбите, меня хотел остановить для досмотра патрульный корвет, но я никак не отреагировала на все их сигналы, и тогда они выпустили по мне термическую торпеду. Остальное вы знаете.

Какое-то время Тераи пребывал в раздумье.

— У вас сложное положение, Стелла. От всего сердца благодарю за то, что вы сделали, это с лихвой компенсирует тот вред, который причинили ваши фильмы. Сейчас я заберу документы из вашего сейфа и постараюсь переправить их в ВБК. Как это сделать, пока что не знаю. Конечно, я мог бы доставить их и сам, но если ММБ получило неограниченную лицензию, одна из их флотилий наверняка уже направляется к Эльдорадо, поэтому покинуть планету я пока не могу. А, подумал!.. Вот как мы поступим: через несколько дней сюда прибьет крейсер ВБК. Я передам документы капитану, это один из моих старых друзей. Какая комбинация у вашего сейфа?

Стелла покраснела.

— Там звуковой замок. Произнесите отчетливо: Стелла и Тераи. Да, я подумала, что никто... Но я пойду с вами!

— Нет. Прежде всего вам надо еще отдохнуть. И потом, я не знаю, будете ли вы в безопасности снаружи. После возвращения с Земли я имел глупость рассказать, кто вы такая. Большинство ихамбэ поверят мне, когда я признаюсь, что ошибался на ваш счет, но вот другие... Ээнко, к примеру. Он

ненавидит вас как личного врага, потому что считает, будто вы виноваты в гибели Лаэле.

— Уж не думаете ли вы, что он...

— Хм, вот этого я наверняка не знаю! Мне кажется, я понимаю ихамбэ настолько хорошо, насколько вообще возможно понимать представителей другой разумной расы. Лаэле — да, ее я понимал. Но ее брата? Иногда мне удастся пробить его панцирь гордой невозмутимости, но иной раз... Лишь в романах автор, сам создающий своих героев, может заглядывать к ним в душу когда захочет. В жизни мы знаем людей лишь по их наружности. Ваши отец и брат годами скрывали от вас свою истинную сущность, а вы ведь совсем не дура. Ждите меня здесь, я закрою вас на ключ, и вы будете в безопасности. В любом случае, вот револьвер, держите его под рукой.

Ээнко ожидал его, сидя на уступе скалы, в окружении пяти молодых воинов. Он встал, когда появился Тераи, простествовал к нему и поднял руку в церемониальном приветствии.

— Мне сказали, что плохая женщина была здесь, Росссе Муту.

— Все верно, Ээнко Тене. Но она не плохая.

— Должно быть, власть женщин твоего народа весьма велика, Человек-Гора, если ты так быстро изменил свое о ней мнение.

— Мудрый человек меняет свое мнение, когда видит, что ошибся, только глупец упрямится. Вечером на совете я объясню, почему отношусь к ней теперь по-другому, и расскажу о новой опасности, которая нам угрожает. Эта женщина прилетела предупредить нас о ней, рискуя жизнью!

Ээнко злорадно ухмыльнулся.

— Плохая женщина всегда находит слова, которые превращают черное в белое, но наивен тот, кто им верит.

— У меня есть доказательства, воин!

— Доказательства для тебя, принадлежащего к ее народу. Но что стоят эти доказательства для ихамбэ?

— Я представляю их сегодня вечером. Совет рассудит.

— Ты должен прогнать эту женщину, Росссе Муту! Вспомни, мы были братьями. Мы долго шли по одной тропе, но мы разойдемся, если ты пойдешь по этой лунной дорожке. Она заведет тебя в болото, в зыбучие пески, и ты станешь тонуть,

и никто не протянет тебе руку, и ты погибнешь. Ты должен прогнать эту плохую женщину, иначе она умрет!

— Это угроза, Ээнко?

— Предупреждение, Росссе Муту!

Тераи почувствовал, как в нем закипает страшная ярость человека, все планы которого рушатся из-за тупого фанатизма.

— Хорошенько подумай над тем, что ты говоришь, Ээнко! Стелла под моей защитой. Кто покушается на нее, покушается на меня!

— Ты потерял разум, Росссе Муту! Эта женщина опоила тебя зельем из волшебных трав. Ты встал на сторону нашего врага, той, которая погубила твою жену, мою сестру! Той, которая принадлежит проклятому народу, прилетевшему с неба!

— Я тоже принадлежу ему, не напоминай мне об этом слишком часто! На Обале есть и другие народы, помимо ихамбэ. Но я все же уверен, что совет меня выслушает, и что ты и сам поймешь...

— Никогда! И раз уж ты стоишь на своем, да переломится наша дружба, как ломается это копье!

Он схватил тонкое древко, сломал его посередине и бросил обломки к ногам Тераи.

— Око Сакуру! Именами Тинаи, Тана и Антафаруто, я, Ээнко Тене, клянусь, что отныне между нами разрублены узы крови и охотничьей тропы!

С бесконечной печалью Тераи нагнулся, подобрал обломок с наконечником и воткнул его перед собой в землю.

— Да будет так. Око Сакуру! Да падет кровь тех, кто погибнет, на твою голову, о безумец, внимающий только своей ненависти! Когда война завершится, если мы будем все еще живы, то сразимся с тобой перед старейшинами! Но пусть твои боги задушат тебя, если ты тронешь Стеллу. Если хоть волос упадет с ее головы, я прикажу всем воинам взять хлысты и гнать тебя, как собаку! А теперь прочь отсюда, и, если я увижу тебя менее чем в двадцати метрах от этих ворот, я спущу на тебя Лео!

Завернувшись в одеяло, Тераи спал перед входом в грот, где отдыхала Стелла. Лео тихонько заворчал. В тот же миг Тераи был на ногах с пистолетом в руке.

— А, это вы, Фландри? Что случилось?

— Ничего, просто проходил мимо. Ночь слишком хороша, чтобы спать.

Он указал жестом на долину, где при свете трех лун по морю трав перекачивались волны зыбких теней.

— Раз уж вы здесь, садитесь рядом. Нам нужно поговорить.

— Что случилось вечером? Похоже, вы крупно поспорили с тем высоким дикарем.

— Он был моим шурином, Фландри, а теперь он мой враг. Тераи объяснил, что произошло.

— Дело скверно. Он, кажется, вождь?

— Да, но это не имеет никакого значения. У нас с ним личные счеты, которые мы сведем позднее. Почему вы мне солгали, Фландри? Какую игру вы ведете?

— Я? Солгал?

— Да, вы заверили меня, что ушли из Звездной гвардии пять лет назад и были объявлены на Земле вне закона, тогда как Стелла видела вас всего два года назад, и тогда вы командовали флотилией!

Фландри скорчил гримасу, затем расхохотался.

— Ай-ай-ай! А я так старательно заметал следы на Англии! Откуда ж мне было знать, что сюда явится какой-нибудь землянин, который меня знает, и тем более — мисс Хендерсон? Ладно, долой маски!

Порывшись в кармане, он вытащил удостоверение.

— Вот. Полковник Фландри, Секретная служба Звездной гвардии! Нас тоже давно беспокоят непомерные амбиции ММБ, Тераи. Поэтому два года назад — действительно, два года назад, а не пять — меня объявили вне закона «за дезертирство с кассой флотилии». То, чего не могла совершать Звездная гвардия — уничтожать время от времени автоматические грузовые корабли ММБ, — вполне могли делать пираты. Правда, на свой страх и риск. Но, признаюсь, ваш план мне нравится больше.

— Похоже, вам нравится изображать конспиратора!

— И да и нет. Но, видите ли, Тераи, в армии всегда был какой-нибудь Фландри. Один из моих предков сражался при Креси, правда, даже и не знаю, на чьей стороне — моя семья долго колебалась между Францией и Англией, прежде чем

в XIX веке частично обосновалась в Канаде. Были Фландри и в экипаже Жана Бара, парочка участвовала в битве при Ватерлоо, на сей раз на стороне англичан. Один, из французской армии, погиб в Дюнкерке, прикрывая повторную посадку на корабль другого Фландри — канадского. Всё это у нас в крови. И я полагаю, что в будущем, когда Земле и вправду удастся основать свою галактическую империю, в армии или во флоте будут и новые Фландри, и я могу даже поспорить, что кого-нибудь из них будут звать Домиником, — в том, что касается выбора имен для наших отпрысков, нам всегда недоставало воображения! И все мы были циниками, забияками и бабниками, причем ужасно сентиментальными. В этом мы с вами схожи!

Тераи рассмеялся.

— И какова же ваша цель здесь и сейчас?

— Я уже говорил: помогать вам. Из личных ли соображений, чтобы отомстить за брата, или же в качестве полковника Секретной службы, вам-то какая разница? Один вопрос, если позволите. Кажется, вы не собираетесь использовать в этой войне свой звездолет. Почему?

— С ним я, конечно же, мог бы разрушить Порт-Металл за десять минут. Но на Земле это сочли бы обыкновенным пиратским нападением, и никто бы не поверил, что меня поддерживают туземцы. Поэтому пока предпочитаю придержать его про запас. Если уж дела будут складываться совсем плохо, тогда...

глава 6

Последнее сражение

Армия гигантской змеей ползла по саванне; впереди разведчики ихамбэ с длинными луками или короткими карабинами, за ними — вооруженные ружьями кеноиты, позади домашние биштары Кено, которые, трубя, тащили повозки с тяжелым оружием. Каждая десятая из повозок была превращена в платформу противовоздушной обороны: на них щетинились дула зенитных пулеметов или же

ракеты и аппараты радионаведения, за пультами которых сидели изыскатели. Далее, в арьергарде двигалась основная масса воинов ихамбэ и обозы с продовольствием.

С вершины холма Тераи, Фландри и Стелла, окруженные десятью телохранителями-кеноитами, наблюдали заходом войска.

— Мы пересечем саванну по стране михо, которые не станут чинить нам препятствий, пройдем к востоку от гор Тумбу и спустимся в долину Нианги, которая выведет нас напрямиком на Порт-Металл. Я предпочел бы оставить вас в лагере, Стелла, но не осмеливаюсь. Ээнко и десятка два воинов исчезли. Первый раз вижу, чтобы ихамбэ нарушал закон Око Сакуру, и мне это не нравится. Когда все наши десять тысяч воинов дойдут до пещер Боро-Орок, я один с небольшой группой пойду вперед на разведку.

— Но почему? Разве это не опасно?

— Мне нужно узнать, прибыл ли крейсер ВБК. Если да, то все может обойтись без кровопролития. Я приведу капитана в пещеры, покажу ему, что мы готовы к настоящей войне, и тогда — ограниченная лицензия или неограниченная — он объявит планету закрытой на карантин, и ММБ ничего не сможет поделаться с земным общественным мнением, которое больше не желает колониальных войн! Мы окажемся изолированными от всего остального мира максимум лет на десять. А за это время ВБК... короче говоря, за это время может случиться многое.

— А если крейсера еще нет?

— В этом случае мне придется самому разведать оборону противника, узнать, прибыли ли их транспортные суда с войсками. И потом, у меня ведь друзья в городе, на заводе, среди технического персонала. Это может оказаться полезным, но мне нужно установить с ними связь. Все это импровизация, Стелла. Я уже говорил вам, я не Наполеон, и к тому же все мои планы нарушены! Мне отчаянно не хватает хорошей разведки! Я не знаю, что они там замышляют в Порт-Металле. К счастью, они, похоже, осведомлены не лучше нас и, возможно, даже не подозревают, что у меня есть армия и что она уже выступила!

— Но... если они вас арестуют?

Тераи вызывающе повел плечами.

— Не сунусь же я туда в одиночку!

Тераи раздвинул кустарник, оглядел город в бинокль. С высоты нависавшего над ним холма Порт-Металл казался совершенно спокойным. Дымили трубы заводов, по мосту через Ниангу с грохотом проходил поезд, по улицам катили автомашины, и было их не больше и не меньше, чем в обычные дни. Но в аэропорту возвышалась громада «Херманна Швабе», крейсера ВБК, а на другом краю поля стояли два больших грузовых корабля ММБ, из чрева которых потоком шли люди и грузы.

— Я как раз вовремя! Робертс, возвращайся обратно и прикажи армии обложить Порт-Металл, но не ближе чем в километре от городской черты. Сразу же поставь на этом холме две ракетные установки и держи аэропорт под прицелом. И никаких шуточек, когда получишь приказ, не вздумай пальнуть по крейсеру! Жди моих распоряжений около батареи. Если услышишь в городе стрельбу — начинай штурм! Ты понял?

— Да, Тераи. Но скажи, неужели придется стрелять в товарищей? Ведь они там ничего не знают!

— Именно для этого я туда и иду. Чтобы предупредить их. Робертс исчез в густых зарослях.

— Так! Стелла, ждите меня здесь вместе с охраной. Надеюсь, я вернусь часа через три. Пойдем, Лео! И вы, остальные, за мной!

— Тераи!

— Да?

— Возвращайтесь!

— Не бойтесь, Стелла. Крейсер здесь, они не посмеют ничего сделать.

Он спустился по склону в сопровождении десяти отборных стрелков, пяти изыскателей и пяти кеноитов, прошел сквозь заросли кустарника и выбрался на шоссе, идущее параллельно железной дороге к ущелью Кхабар. Мимо проскочила машина с вооруженными людьми, которые, похоже, не обратили на них внимания.

— Вот и первый знак, — проговорил Тераи, пожимая плечами. — Ты узнал кого-нибудь на борту, Джон?

— Мне показалось, что за рулем был молодой Макгуин. А вот трое других мне незнакомы.

Они дошли до периферийных домов: ставни опущены, двери закрыты, вероятно, все из них уже ушли.

— Судя по всему, они сосредоточили оборону вокруг заводов. Что меня удивляет, так это отсутствие наблюдательных постов. Ага, вот и дозорный!

За одним из заграждений промелькнул чей-то силуэт. Лео вопрошающе рыкнул.

— Нет, старина! Еще рано! Пускай себе уходит, мы его позднее отловим вместе с другими.

По мере приближения к центру улицы становилось оживленнее: куда-то спешили мужчины и женщины, проехало несколько машин, в маленьких садах играли дети. Затем они натолкнулись на импровизированную баррикаду: два грузовика, поставленных впрытик, загораживали улицу, а за ними стояло шесть или семь вооруженных ружьями человек. Тераи подошел к ним один.

— Стой!

— В чем дело? Уже нельзя пройти к себе домой!

— А, это вы, Лапрад! Что вам здесь нужно?

Тераи узнал мастера с завода.

— Возвращаюсь к себе, это мое право.

— С оружием?

— А почему бы и нет? Я всегда хожу с оружием.

— В городе осадное положение.

— Отличная новость! Но почему?

— Опасаются нападения враждебных племен. Но вы должны знать об этом гораздо больше меня!

— Я? Там, где я был, все спокойно. Впрочем, мне на это начхать, я лишь хочу вернуться домой, и вы не имеете права меня задерживать, это незаконно. Вы не полиция...

— В соответствии с параграфом четвертым неограниченной лицензии...

Тераи прикинулся изумленным:

— А, так вы, значит, получили неограниченную лицензию? Черт возьми! Будут неприятности! Лишний повод для

того, чтобы поскорее добраться домой и уложить чемоданы. Так что позвольте пройти.

Пока он говорил, его люди, с оружием наготове, подошли ближе.

— Да хватит уже придуливаться, Джонс! — проговорил один из них. — Ты же не хочешь умереть за ММБ? Все, чего нам нужно, так это вернуться домой!

— А это еще кто такие? — спросил другой горожанин, показывая на кеноитов.

— Наши слуги! Они имеют право оставаться в городе три дня.

— Ладно, проходите.

Командир заградительного отряда задумчиво почесал затылок.

— Послушайте-ка, Лапрад! На вашем месте я не подходил бы близко к заводу. Там на постах только что прибывшие новички, которые, как я слышал, именно за вами-то и охотятся. То же самое на подступах к аэропорту.

— Спасибо, Джонс, я этого не забуду. А на вашем месте я бы перестал играть в солдатиков. Это опасно! Иногда ружья стреляют сами по себе...

Они прошли через центр города и направились к аэропорту. Перед большими воротами, заграждая дорогу, стояла цепь солдат в черной униформе, частная охрана ММБ. Два пулемета в гнездах из мешков с песком держали под прицелом всю площадь. Тераи резко остановился, нырнул в ближайший подъезд и уже оттуда внимательно оглядел в бинокль вражеские позиции. С сотню человек. Позади них, у одного из пулеметных гнезд, держался крайне высокий тип, которого он узнал: Горилла Джо. Но по бокам, у входа для пассажиров, так же, как и у более широких ворот для автомашин, виднелись другие фигуры в синем — то была униформа Космической гвардии.

— Оставайтесь все здесь! Я пойду один. Они не имеют права меня арестовать. Но если вдруг что-то пойдет не так, пальни-ка ты, Том, по их пулеметам из гранатомета. Все ясно?

Отмахнувшись от возражений, Тераи двинулся к воротам аэропорта. Лео следовал по пятам крадущейся походкой льва, который приближается к своей жертве.

Увидев Тераи, Горилла Джо наклонился к одному из своих лейтенантов:

— Прекрасно. Этот недоумок сам лезет в волчью пасть! Оставьте его мне, я с ним разберусь.

— Но, шеф, чем же тогда займется Космический флот?

— Как обычно — ничем. К тому же, будет уже поздно. В любом случае, командир здесь я, именно я представляю Хендерсона!

Небрежной походкой он направился навстречу Тераи, но затем решил подождать посреди площади.

— Что вы здесь забыли, Лапрад? Ваша карта бита, мы получили неограниченную лицензию. Мотайте отсюда, да поживее! Вместе со своим вшивым львом!

Тераи продолжал медленно идти и остановился только в двух метрах от него.

— Неограниченная у вас лицензия или еще какая, но вы не имеете права запретить мне переговорить с капитаном крейсера ВБК, который стоит здесь, и вы это знаете. Прикажете вашим людям пропустить меня.

— А если не прикажу?

— Тогда вы об этом пожалеете. Всемирный кодекс от ноября 2077 года предписывает каждому капитану Космического флота поддерживать закон и порядок, где бы он ни находился. Все ваши транспортные суда ничто по сравнению с боевым кораблем.

— А кто вам сказал, что он встанет на вашу сторону?

— Я требую только того, что мне положено по закону: возможности побеседовать с капитаном и изложить ему нашу точку зрения. Позвольте пройти.

В дверях астропорта появился человек в синем мундире и широкими шагами направился к ним. Тераи узнал Джека Сильвера, Горилла Джо тоже его увидел. Пожав плечами, он принял безразличный вид.

— Так и быть, валяйте... Эй, пропустите его!

Стволы автоматов опустились. Тераи двинулся навстречу офицеру, миновал Джо. С быстротой молнии тот вытащил из-за пояса револьвер. Но все же недостаточно быстро. Огромная лапа с острыми когтями обрушилась на его руку, вырывая оружие и мышцы предплечья. В следующую секунду вторая лапа сломала ему шею.

На какой-то миг воцарилась мертвая тишина. Охранники ММБ, оцепенев, смотрели на своего поверженного начальника, лежавшего с пробитой головой в луже крови, которая лишь увеличивалась, Тераи неподвижно стоял с револьверами в обеих руках, Лео, прижавшись к земле, казалось, уже был готов к новому прыжку, бледный как смерть офицер держал наизготовку фульгуратор. Затем, почти одновременно, раздались короткая пулеметная очередь и глухой взрыв гранат. Тераи бросился на землю, увидел, что Сильвер упал как подкошенный, услышал рядом захлебывающийся львиный рев и начал стрелять по цепи черных фигур, бегущих прочь от бледных лучей фульгураторов. Легкий танк прорвал заграждение, ударил по охранникам ММБ с фланга, и в то же время оглушительно заревел мегафон:

— Прекратить огонь! Прекратить огонь, иначе мы пустим газ!

Стрельба прекратилась.

Тераи поднялся на ноги. Двое в синей униформе поднимали Сильвера, раненного в обе ноги. Чуть поодаль, у развороченных мешков с песком и искореженных пулеметов, земля была усеяна трупами — их было с дюжину, не меньше.

Тут Тераи вспомнил о Лео. Тот лежал с закрытыми глазами, уронив голову на вытянутые передние лапы, и лужица крови растекалась из-под его живота. Тераи бросился к нему.

— Лео, дружище! Они убили тебя!

Он наклонился. Лев еще дышал, но на его правом боку виднелось несколько красных точек — входные пулевые отверстия.

— Лео! Богом клянусь, они мне за это заплатят!

Он присел, подsunул руку под морду льва. Большие желтые глаза с трудом открылись, уже стекленея, и закрылись навсегда. Тераи осторожно опустил тяжелую голову и в прощальной ласке запустил пальцы в жесткую гриву.

— Спи, Лео, мой старый друг! Вместе мы прошли через десятки ожесточенных сражений... Спи с миром, старина, ты будешь отомщен. Джон, Патрик, возвращайтесь к армии, пусть переходят в атаку! Впрочем, вероятно, они и так уже слышали выстрелы; должно быть, уже наступают. Я сейчас, только сведу один маленький счет. Дай-ка мне свой автомат!

Чуть поодаль космонавты разоружали наемников ММБ и сгоняли их в кучу под охрану двух солдат. Тераи направился к ним, в глазах его пылал смертоносный огонь.

— Тераи! Куда ты?

Сильвер сидел на ящике, обе его ноги были перевязаны.

— Нужно кое с кем поквитаться.

— По безоружным не стреляют! У нас и так сегодня полно трупов.

— Когда давишь гадину, это не преступление!

— Ты не вправе вершить правосудие. Если здесь есть гадина, то давить ее должен я! Не усложняй мне задачу, не вынуждай считать и тебя нарушителем порядка!

— Это угроза, Джек?

— Нет, Тераи. Никаких угроз между нами, ты же знаешь.

— Тебе следовало бы вмешаться раньше!

— Ха! Что ж ты не отвечал? Я вот уже два дня как пытаюсь связаться с тобой по радио!

Тераи пожал плечами.

— Я был в пути. Они получили неограниченную лицензию. Ты сам знаешь, *что* мне остается сделать, чтобы вырвать эту планету из их когтей. Показать, что эта неограниченная лицензия означает войну!

— Нет! Довольно крови! Через год мы уже будем достаточно сильны, чтобы покончить с ММБ раз и навсегда. Тебе это известно.

— А, так ты в курсе этого великого плана? А что останется через год от Эльдорадо? Но вот чего ты не знаешь, так это *их* плана. Он очень прост — геноцид! Вы, как всегда, прибудете слишком поздно.

— Откуда у тебя эта информация?

— От Стеллы Хендерсон, дочери генерального директора ММБ! Именно она раскрыла мне их замыслы и привезла доказательства. Она там, с моей армией. Можешь взять ее под свою защиту до конца сражения?

— Да, конечно. Но если сказанное тобою — правда, мы можем сейчас же отозвать неограниченную лицензию и...

Оглушительный взрыв не позволил ему договорить. Осколки бетона брызнули в небо из-под танка. Затем где-то у астропорта взмыли вверх два столба дыма.

— Вот тебе и ответ, Джек! Ступай, прячась за уставами и регламентами! Они стреляют из-за ворот своих заводов, а я буду сражаться вместе с моей армией! Пришлю тебе Стеллу с эскортом! До свидания, Джек, или прощай, кто знает! За мной, парни, вперед!

Стелла не сводила глаз с высокого силуэта Тераи так долго, как только могла, затем он исчез между деревьями. Тогда началось долгое ожидание.

Армия, с разведчиками во главе, уже прибыла и установила батареи неподалеку от ее наблюдательного поста. Ихамбэ расположились у подножья холма, готовые ринуться на штурм города, тогда как пехотинцы-кеноиты разворачивались по склонам. В бинокль всё внизу выглядело обычным, за исключением нескольких человек у ворот аэропорта, сваливших в кучу у редутов мешки с песком. Один великан среди них привлек ее внимание, она узнала Гориллу Джо и тотчас же поняла, что трагедия неизбежна.

— Мы не можем здесь торчать, Тераи идет на верную смерть, — сказала она Лорану, изыскателю, оставшемуся с нею.

Он беспомощно развел в стороны руками.

— Командир приказал ждать до первой стрельбы.

— Но он рискует своей жизнью!

— Разве мы все ей не рискуем?

В сопровождении нескольких безоружных мужчин — изыскателей, которых смогли застать дома гонцы Тераи — из города прибыли женщины и дети. От них Стелла узнала последние новости: вокруг заводов возведены укрепления, развернута артиллерия, улицы заминированы.

Не находя себе места от волнения, она мысленно прокляла беспечность Тераи, жажду власти отца, свое собственное поведение.

— Если он погибнет... Я даже не сказала ему, что люблю его!

Затем высокая фигура Тераи возникла на площади, перед аэропортом. Она видела, как он, а за ним и лев, подошли к Горилле Джо. Со столь далекого расстояния, пусть даже и в мощный бинокль, она не смогла отследить все детали

драмы, лишь увидела, как он упал, решила, что его убили. Спустя пару секунд до них донесся шум взрывов. Она закрыла лицо руками.

— Он жив, мадемуазель! Жив!

Лоран тряс ее за плечо.

— Все кончено! Вмешался Космический флот! Что будем делать? Пойдем на штурм?

Она всмотрелась вдаль, вытерла слезы.

— Нет, подождите! Если там не стреляют, то возможно...

Новый взрыв не дал ей договорить: жажнула одна из подводских пушек.

— Полноте, это была всего лишь передышка! Делаем, как он и сказал! Спускаемся к городу!

Легкие орудия уже приступили к обстрелу того уголка астропорта, в котором находились транспортные корабли ММБ.

Они встретились на перекрестке одной из улиц после короткой, но ожесточенной схватки изыскателей и кеноитов с защитниками очередной баррикады. Лицо Тераи, как в самые тяжкие дни, было замкнутое и суровое.

— Они убили Лео, Стелла. Я потерял своего лучшего друга! Он погиб, защищая меня. Но я отомщу за него, клянусь!

— Тераи!

— Что?

Она заговорила по-французски.

— Не будьте слишком жестоки! Многие из них отнюдь не плохие люди, они лишь подчиняются приказу...

Он горько улыбнулся.

— Постараюсь об этом помнить. Перед тем как штурмовать заводы, я, дабы доставить вам удовольствие, пошлю к ним парламентарера. А сейчас я дам вам эскорт, который сопроводит вас до крейсера, как только здесь прекратится бой. Там вы будете в безопасности, сможете улететь с ними, вернуться на Землю. Не знаю, чем вся эта авантюра закончится: меня могут убить, мы можем потерпеть поражение...

— Но зачем продолжать, Тераи! Капитан крейсера...

— Прежде всего должен позаботиться о безопасности своего корабля. Он не может раз за разом во все это вмешиваться. А люди ММБ на перемирие не пойдут!

— Я не хочу возвращаться на Землю, Тераи! Я хочу остаться здесь, с вами!

— Вы сошли с ума! На Эльдорадо будет введен карантин, планета, быть может, лет на десять окажется отрезанной от всего цивилизованного мира!

— Да мне все равно, что тут будет! Я хочу остаться с вами, потому что люблю вас!

Тераи буквально остоленел от изумления.

— Что вы сказали?

— Не вынуждайте меня повторять это, так как я не знаю, как вы...

— Стелла!

Он заключил ее в объятия, оторвал от земли, словно соломинку.

— Стелла! Вы бы остались со мной? Ну, тогда я обязательно выиграю эту битву! Вдвоем мы поведем эльдорадцев по пути цивилизации — настоящей цивилизации! Мы превратим эту планету в рай, и когда эти придурки-земляне вернутся, мы будем смеяться им прямо в лицо! Сначала мы с вами, Стелла, вдвоем, затем наши дети! И дети тех разведчиков, которые останутся с нами!

Резко опустив ее на землю, он завопил:

— Иено! Патрик! Афорате кна! Вперед! Стелла, где бы мне вас укрыть? В моем доме есть бронированный подвал! Там вы будете в безопасности! Только никуда не выходите! Жозеф, отведи мисс Хендерсон ко мне! Вот ключ. Стелла, там, если что, есть оружие. Ну, до скорого!

Он схватил ее, страстно поцеловал.

— Поспешите, сейчас пойдет дождь, и вы промокнете! Я буду звонить время от времени!

И он исчез за углом, прежде чем она успела произнести хотя бы слово.

Яростное сражение продолжалось уже пять часов. В стене вокруг заводов зияли широкие бреши, пробитые орудиями Тераи, но защитники держались упорно, и на соседних улицах лежало уже немало трупов — людей, кеноитов и ихамбэ. Густой столб дыма поднимался над горящими цехами, где разлился расплавленный металл из поврежденных домен. Рядом с астропортом на небольшой высоте парил над рас-

плавленными остовами транспортных судов ММБ крейсер, и бледный луч тяжелых фульгураторов время от времени прорезал вечерние сумерки. Стоявший на террасе астропорта, где он устроил свой командный пункт, Тераи оторвался от бинокля.

— Подкрепление налево, Оокну! — сказал он державшемуся рядом офицеру-кеноиту. — Наша линия там слишком слаба, с наступлением ночи враг может организовать вылазку, прорвать ее и сокрушить весь фронт. Ах, если бы у меня была хотя бы парочка танков! Что там еще?

Прибыл посыльный.

— Командир крейсера хочет с тобой говорить, господин! Да, и вот еще что: в городе видели Ээнко с несколькими его последователями.

Тераи нахмурился. Что понадобилось здесь мстительному ихамбэ?

— Хорошо, передай капитану, что я спущусь к нему. И пошли патруль выследить Ээнко. Но помни, что он — только мой!

Сильвер ждал его на первом этаже, на носилках, которые внесли четыре астронавта. Его сопровождали двенадцать человек вооруженного эскорта. Он приподнялся на локте.

— Ты выиграл, Тераи. Я обязан объявить карантин! Для ММБ Эльдорадо потеряно. Надеюсь, планета не будет потеряна для Федерации Человечеств.

— Федерация Человечеств?

— Мы надеемся, что через несколько лет она придет на смену империи. Возможно, ты был прав, возможно, столь жестокий конфликт действительно был необходим. Фландри, которого я только что видел, уверяет, что это было единственным выходом. Я тоже думаю, что на Земле у многих откроются глаза, когда там узнают правду об Эльдорадо! А теперь прекрати эту битву, она больше ни к чему. Ты уже доказал, что туземцы на твоей стороне. И дай мне документы, о которых ты говорил. Благодаря им карантин, быть может, и не продлится все десять лет!

— Подлинные микрофильмы хранятся в моей пещере, в деревушке ихамбэ, но копии со мной. Вот они! Что касается Федерации Человечеств...возможно, это выход. Но как

остановить сражение? Я бы с удовольствием, но нужно, чтобы и другие согласились!

— Они согласятся, если ты пообещаешь сохранить им жизнь, и если я им это гарантирую.

— Хорошо. Я отдам приказ о прекращении огня. До свидания, Джек, и спасибо!

Он поднялся на верхний этаж, где к нему присоединился Фландри. Постепенно, сектор за сектором, стрельба утихла. Спустилась ночь, пламя пожаров освещало снизу стлавшуюся над городом завесу дыма.

Сильвер на машине с включенными фарами под белым флагом исчез в уцелевших заводских воротах.

— Ну что, Тераи-победитель? Что испытывает человек, изменивший судьбу планеты? — поинтересовался Фландри. — И что вы собираетесь делать дальше?

— Ничего, кроме усталости! А что я буду делать дальше? — Тераи горько усмехнулся. — Постараюсь избежать ошибок, совершенных на Земле, хотя это и будет непросто. На этой планете огромное множество самых разных племен и зачаточных империй, которые никогда не соприкасались с землянами, дорожат своей независимостью, люто ненавидят друг друга и так далее, и тому подобное! Я попытаюсь объединить их до того, как они приобщатся к техническому прогрессу и их войны станут по-настоящему кровопролитными. К счастью, здесь уже есть неплохое ядро — империя Кено, сильная и миролюбивая.

— И вы начнете с того, что попытаетесь завоевать весь континент?

— Боже упаси! Старый китайский метод, культурный империализм — вот что нам нужно! Но придется потрудиться.

Он вздохнул.

— На это понадобится не десять лет карантина, а двести или триста! Если бы только нас оставили в покое! Но едва карантин снимут... Впрочем, посмотрим. Ну, а вы что будете делать?

— Вероятно, вернусь в Звездную гвардию. Не очень увлекательно, но, как говорят американцы, это единственное развлечение в городе. Буду навещать вас время от времени, и если вам понадобится помощь...

— Спасибо, буду об этом помнить. Пойду позвоню Стелле, сообщу ей добрую весть. А вы займитесь, пожалуйста, восстановлением освещения улиц, если не трудно?

Он попробовал связаться со Стеллой, но на другом конце никто не отвечал. Охваченный безотчетной тревогой, Тераи выбежал из здания и под проливным дождем бросился к своему дому.

Стелла нетерпеливо ждала, сидя в бронированном подвале. Жозеф, охранник, которого оставил с ней Тераи, держался у входа и время от времени сообщал ей новости о битве, которые узнавал у проходивших мимо бойцов. Самой ей — вежливо, но твердо — он выходить запретил.

— Подождите здесь, мисс. Наверху слишком опасно, и, если с вами что-то случится, Тераи живьем меня освежут! Снаряды вокруг так и рвутся!

Дважды звонил Тераи, бросал несколько обнадеживающих коротких слов и вешал трубку. Затем телефон умолк на несколько часов. Уже потеряв терпение, она попыталась дозвониться до Тераи сама, но все было тщетно. Он не оставался подолгу на одном и том же месте, и дежурный у телефона не знал, где его искать. Она взяла книги, полистала их, но читать не смогла. Еще более мощный взрыв потряс дом, и она услышала над головой шум обвала. Она бросилась к лестнице, позвала Жозефа, но никто не ответил.

Снаряд разорвался на втором этаже, и обломки загромождали коридор. Жозеф лежал на пороге с пробитой головой. Стелла на мгновение замерла в нерешительности, прислушиваясь: все было тихо, стрельба прекратилась. Она снова спустилась в подвал, попыталась еще раз дозвониться до Тераи. Теперь на том конце провода вообще никого не было. И тогда, потеряв голову от беспокойства, она взяла с оружейной полки пистолет-автомат, проверила магазин и вышла.

Удар отбросил ее назад. Ощувив острую боль, она посмотрела непонимающим взглядом на длинное оперение стрелы, вонзившейся ей под левую грудь, и рухнула на землю. Мельком она еще успела увидеть ухмыляющееся лицо склонившегося над ней Ээнко, но затем провалилась во мрак.

Здесь, на пороге своего дома, и нашел ее через несколько минут Тераи. Она лежала скорчившись, лицом к небу, и редкие капли дождя медленно текли по ее щекам, будто слезы.

Эпилог

Армия возвращалась в страну ихамбэ, длинная вереница людей и повозок с оружием, припасами и добычей, с женщинами и детьми изыскателей, рабочих и нескольких инженеров, которые предпочли на время карантина остаться на Эльдорадо. Огромной гусеницей струился этот конвой между рощицами, иногда исчезая в высокой траве, гусеницей, из которой вырастал то тут, то там долговязый силуэт навьюченного, недовольно трубящего биштара. Тераи шагал впереди, ничего не замечая, в суровом молчании, прерываемом, когда это было необходимо, одними лишь короткими резкими приказами. Он шел, внутренне недвижимый с тех самых пор, как Стелла в ее золотом гробу упокоилась на вершине холма над Порт-Металлом, рядом с могилой Лео. Целыми днями работали люди и бульдозеры, принося камни, утрамбовывая землю, и теперь они оба лежали под огромным курганом, неизмеримо более высоким, чем те, которые во мраке забытых времен Земли варварские племена насыпали над погребениями своих вождей.

Он шел, глухой ко всему, что его окружало. Сильвер и Фландри навели его перед отлетом, о чем-то говорили с ним, но он уже не помнил о чем. Был объявлен карантин, ММБ проиграло войну... Все ему было теперь безразлично, даже жажда возмездия на какое-то время уснула в нем. Ничто его не подгоняло. Позднее, когда вернутся силы, он выследит Ээнко и его воинов, — позднее. Они поставили себя вне закона, нарушив законы *Око Сакуру*, и теперь нигде на этой планете не найдут поддержки, отовсюду будут изгоняться, словно собаки, своими же соплеменниками до тех пор, пока он, Тераи, не найдет их и не убьет. Он шел. Боль жила глубоко внутри, глухая, отупляющая. Позднее, возможно, он сможет даже поплакать. Позднее он снова сможет нена-

видеть, что-то планировать, позаботиться о будущем этой планеты, которая была теперь ему противна, но которую он не чувствовал себя вправе оставить. Позднее он сможет вернуться к жизни, возможно, даже смеяться.

Армия пересекла лес и углубилась в саванну. Под тяжелым небом уходящей осени, прикрытая облаками, которые неотступно преследовал ветер, она простиралась в бесконечность, рыжеватая и прекрасная. Набежавшие с горизонта тучи обрушились на землю дождем. Он их не видел, не чувствовал хлеставших по лицу капель. Он шел.

Лаэле... Лео... Стелла... Что ему до всего остального? Лаэле, дикарка чужого мира, бывшая для него воплощением всей нежности жизни. Лео, неподкупный и надежный товарищ. И, наконец, Стелла, обретенная слишком поздно и слишком быстро утраченная, Стелла, которая была одной с ним крови и могла бы стать матерью его детей. Все погибли, всех унесла кровавая буря, которую сам же он и вызвал... Уж не ошибся ли он? Стоило ли Эльдорадо такой цены? Этого он уже не знал. Он вспоминал все свои промашки и тактические просчеты. Ему следовало лучше охранять Стеллу, он не должен был недооценивать фанатическую ненависть Ээнко. Он должен был... К чему теперь это? Что сделано, то сделано, он наказан за то, что восстал против целой планеты, что счел себя способным спасти целый мир. И вот теперь он идет один в окружении своих спутников, хранящих глубокое молчание, наполовину из уважения к его скорби, наполовину из страха перед его неистовыми вспышками гнева. Один. И останется таким до самой смерти. Один, без Лаэле, без Лео, без Стеллы. Без Ээнко. Он обернулся. Армия продвигалась беспорядочным строем, не хватало пушки, вероятно, увязшей в грязи при переходе вброд реки. Он пришел в ярость. Шеренги сомкнулись, отстающие добавили шаг. Устало махнув рукой, он снова ушел в себя.

Однажды вечером он испытал новый удар. Армия случайно остановилась на ночлег в том месте, где они бросили свои вещи, уходя от умбуру. Затоптанные копытами животных, мокрые, грязные и уже наполовину истлевшие, на земле валялись клочки одежды Стеллы. Он наклонился, благоговейно собрал их, развел большой костер и все сжег. И ему показа-

лось, словно что-то оборвалось в нем, словно он во второй раз похоронил Стеллу и свое прошлое.

Пробежали дни. Боль не утихала, но становилась все глуше. Постепенно он снова начал воспринимать окружающий мир таким, какой он есть. И когда они дошли до берегов Ируандики, пока собирали лодки, на которых можно было бы доплыть до Кинтана, он заметил девушку с тяжелыми русыми косами, которая полоскала в реке белье.

— Как тебя зовут?

— Сигрид Нильсен, мсье Лапрад.

— Замужем?

— Нет.

— Хорошо. Будешь моей женой. Мне нужен сын. Но знай: я тебя не люблю, и не думаю, что вообще когда-либо полюблю!

Отец, старый изыскатель, хотел было возразить, но, поймав на себе предостерегающий взгляд гиганта, лишь пожал плечами. В конечном счете, с Тераи его дочь не будет несчастлива. А время, как известно, многое меняет...

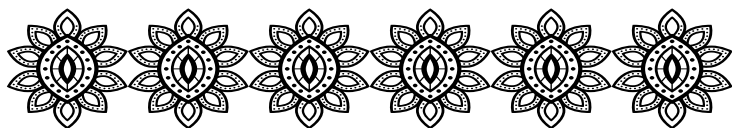
Тераи запрыгнул в лодку последним и остался стоять на корме. После дождя Ируандика смеялась всеми своими волнами, и в омытом небе, над страной ихамбэ, разворачивала свои цвета радуга. Отчаянно, всем сердцем Тераи захотелось увидеть в этом счастливое предзнаменование.

ΟΚΗΟ Β ΠΡΟΨΛΟΕ

UNE FENÊTRE
SUR LE PASSÉ

1961

— Самое странное происшествие в моей жизни?
Наш хозяин знакомым жестом провел рукой по своей густой шевелюре, затем почесал подбородок.

— Подождите-ка, нужно собраться с мыслями, — сказал он, подлив нам немного коньяку.

В тот вечер мы втроем гостили у Арно Лапейра, геолога и антрополога, известного своими раскопками во всех частях света, — трое его бывших однокашников, давно уже взявших в привычку откликаться на его приглашение проводить с ним Марди Гра*.

— Как-то раз в Борнео... Да нет. Самое странное, что у меня было в жизни, произошло в начале моей карьеры, и я об этом никогда никому не рассказывал, за исключением моего бедного друга Мориса Вёрня, который почил еще двадцать два года тому назад, в августе. Я и сам не знаю, что об этом думать, так что прошу вас сохранить все это в тайне. Есть вещи, которые лучше не предавать огласке, если желаешь, чтобы тебя воспринимали всерьез в определенных кругах, которые полагают себя научными потому, что от-

* М а р д и Г р а (фр. *Mardi gras*, буквально — «жирный вторник») — вторник перед Пепельной средой и началом католического Великого поста, последний день карнавала. Праздник, который знаменует собой окончание семи «жирных дней» (аналог *Всеядной недели*).

рицают все *a priori*. Есть, правда, и такие индивиды, которые полагают себя людьми широкого ума, — эти без малейшей критики поверят в какую угодно историю, лишь бы она оказалась невероятной. Словом, я изложу вам факты, а там уж думайте сами...

Тридцать лет тому назад, в июле месяце, я приступил к своим первым палеолитическим раскопкам. Мой выбор пал на одну из пещер в Дордони, называвшуюся Pech de la Crabo, что по-окситански означает «козий холм». Эту обширную впадину, проходящую через скалистый отрог, изредка перекапывали то там, то сям — как вы понимаете, отнюдь не методично — многочисленные дилетанты. Я тогда был всего лишь обычным студентом-четверокурсником, одним из десятков таких же, и мои возможности были ограничены. Мой друг Вернь должен был мне помочь, а для основных работ мы наняли землекопа, неразговорчивого испанца по имени Мартин.

О первых двух месяцах раскопок сказать особо нечего. Две с лишним недели у нас ушло только на то, чтобы убрать землю, поднятую кем-то еще, и установить границы тех местонахождений, что еще оставались нетронутыми. Затем нас остановили огромные обрушившиеся глыбы, которые пришлось разбивать при помощи кувалд и клиньев, — использовать взрывчатку мы не могли ввиду проходившей совсем рядом железной дороги. В общем, непосредственно раскопки начались лишь в начале сентября. К тому моменту перед нами встала другая проблема: владельцы гостиницы, в которой мы проживали, любезно, но твердо выставили нас за дверь по той причине, что на этот последний отпускной месяц комнаты были уже сданы некоему парижскому семейству, навещавшемуся в Дордонь каждый год. Так как в пещере было очень сухо, мы решили расположиться там.

И правильно сделали: о проживании в гроте у меня остались самые приятные воспоминания. В половине шестого вечера мы заканчивали работу и на обычной деревянной доске, помещенной на две подставки, вносили в дневники свежие данные о раскопках. Стряпню мы готовили в примитивном очаге, между тремя большими камнями, тем самым получая затем возможность насладиться восхитительными бифштек-

сами «по-мустьерски», которые мы нанизывали на зеленые ветки и поджаривали над горящими углями. Дым от сжигаемого нами можжевельника придавал мясу особый аромат, и в силу нашей юности мы представляли, что поедаем бизона. Затем, спокойными сентябрьскими вечерами, мы наслаждались последними отблесками дня. Сидя на огромном камне на самой вершине склона, мы созерцали небольшую долину, прямые и высокие тополя, ряды которых тянулись вдоль почти уже пересохшего ручья, отбрасывая на луга длинные тени («*Majoresque cadunt*...*» — обязательно замечал кто-либо из нас), крыши ферм, отдающие красным под последними косыми лучами, медленное нарастание сумерек. За окнами домов одна за другой зажигались лампы, и незадолго до наступления кромешной тьмы, объявляя о своем подходе певучими гудками, прямо под нами огненной змейкой пробежал поезд на колесах с пневматическими шинами. Едва различимые в темноте, мы приветственно махали рукой машинисту, тот махал нам в ответ, и после того как поезд исчезал вдаль, мы снова разжигали костер и при его свете, растянувшись на песке, обменивались мыслями об истории первобытного общества в целом, ходе раскопок или же современном мироустройстве. Пританцовывало оранжевое пламя, потрескивал хворост, дым лениво поднимался к своду пещеры, а затем, уползая к выходу, исчезал, уносимый легким ночным бризом. Круг света не проникал в глубь грота, и потому дальняя часть пещеры представляла собой черную бездну, где, еще более черный, открывался вход в галерею, которая шла через весь холм. То тут, то там выступы стен цепляли свет, и на мгновение в его зыбких отблесках казалось, что где-то рядом крадется некое жуткое чудовище.

Затем наступал крепкий сон, каковой всегда приходит с усталостью и сопутствует молодости. В общем, все было чудесно, за исключением одного: воду нам приходилось набирать на ферме, находившейся в шестистах метрах от «лагеря»!

* Заключительная строка первой эклоги (главы) «Буколик» Вергилия *Majoresque cadunt altis de montibus umbrae* (Длинные тени падают с высоких гор...) — своеобразная дань уважения Жозефу-Анри Рони-старшему и его роману «Удивительное путешествие Гертона Айронкастля», где встречается это выражение.

Ходили мы туда по очереди, беря с собой большой жестяной кувшин, все еще сохранявший в своей форме некоторую грациозность кувшинов глиняных. Нужно было спуститься метров на двадцать по крутому склону, пересечь железнодорожные пути, затем, по склону уже менее покатому, но более длинному, сбегать к дороге и пройти по ней еще с полкилометра. Эта грунтовая дорога вела прямо к ферме. Весь путь, туда и обратно, занимал с полчаса. Обычно мы исполняли эту неприятную обязанность *до* ужина, но в тот вечер совершенно об этом забыли, и, так как была моя очередь, идти за водой мне пришлось уже в спускающихся сумерках.

По правде сказать, меня это совсем не обрадовало. Знойное солнце весь день палило сквозь своеобразную дымовую завесу, и теперь, спускаясь по склону, я мог видеть, как на западе, над холмами, собираются в кучку огромные зубчатые тучи, предвестницы грозы. Грозу в те времена я всей душой ненавидел и даже боялся. Когда мне было лет шесть, рядом со мной ударила молния, и с тех пор грозовая погода меня весьма тяготила. Казалось, атмосферное электричество циркулирует прямо у меня под кожей; я становился раздражительным, эмоциональным и никак не мог усидеть на одном месте. Лишь спустя долгие годы, уже в жарком климате с его тропическими смерчами, мне удалось излечиться от этой фобии. Морис, конечно же, согласился бы меня заменить, попроси я его об этом, но из чувства такта делать этого я не стал и теперь поспешно шагал к ферме в надежде успеть вернуться еще до первого грома и молний.

Разумеется, именно этот вечер фермер выбрал для того, чтобы подробно рассказать мне обо всех тех несчастьях, что обрушивались в ту пору, как, впрочем, и всегда, на сельское хозяйство. В общем, когда я с ним распрощался, гром уже грохотал, а сумеречный свет принял тот бледный оттенок, что всегда бывает у него перед бурей. Я чуть ли не бежал по дороге, то и дело перекладывая тяжелый кувшин из одной руки в другую, но когда очутился у первого склона, уже поднялся, выметая пыль, ветер, и в почти опустившейся темноте молнии освещали беспорядочное бегство клочковатых туч.

Преодолев овраг, я так быстро, как только мог, вскарабкался по второму склону к железной дороге. Там я вынужден был остановиться, чтобы перевести дыхание.

Подняв голову, я заметил, практически прямо над собой, увенчанный зелеными дубами и соснами высокий силуэт скалы, на которой находился вход в пещеру. Но скалу озарял странный красноватый отблеск, и я повернулся к заходящему солнцу, ища источник этого света: запад, прорезаемый зигзагообразными молниями, утонул в непроглядной мгле. Гром грохотал теперь практически беспрестанно, и, хотя я не успел еще как следует отдышаться, я решил больше не ждать и начал подниматься на последний склон.

Несмотря на тяжелый кувшин, цепляясь за знакомые ветки, ступая на вырезанные в грунте ступени, поднялся я быстро. Красный свет на скале был теперь более отчетливым, пляшущим, и я решил, что мой товарищ разжег, как мы иногда это делали, большой костер. Я взобрался наверх, ухватившись за молодой дуб, росший с краю траншеи, поставил кувшин на землю и огляделся в поисках входа в грот. Он находился слева от меня, метрах в двадцати. На мгновение задержавшись на черной дыре, что зияла на месте раскопок, я снова обратил свой взгляд на вход в пещеру и инстинктивно отпрянул, впечатавшись спиной в узловатый ствол дуба.

В пещере, у самого входа, действительно горел большой костер, или скорее вереница костров, дугой расходившихся от одной внутренней стенки к другой позади низкой каменной стены сухой кладки. Но светлое пятно палатки исчезло, и на его месте я видел нечто невообразимое.

В центре, позади костров, сидел на корточках человек — плотный, мощный, сгорбленный. В язычках пламени его смуглая кожа казалась охристой. В руке он держал короткое толстое копье, наконечник которого слегка поблескивал. У него была большая, косматая голова, и, когда он повернул ее ко мне, я увидел в его глубоко посаженных глазах, под огромными надбровными дугами, отблеск огня. Чуть дальше, в красном сумраке, под шкурами животных, лежали и другие, — я смог различить лишь их смутные очертания. Каменный пол вокруг костров был усеян объедками, сломанными или наполовину обглоданными костями, хворостом и тускло

мерцавшими камнями из кремня. В углу валялся огромный, уже почти голый скелет какого-то животного.

Из тени вышел другой человек и неспешно, грузной и одновременно легкой походкой, приблизился к огневому барьеру. Остановившись рядом с сидевшим на корточках дозорным, он пристально вгляделся во тьму. Осторожно, стараясь не шуметь и пригибаясь к земле, я отступил чуть назад, забыв про кувшин. Затем снова замер и продолжил свое наблюдение.

У меня не было ни малейших сомнений относительно того, кто эти существа: передо мной находилось племя неандертальцев. Но был ли я жертвой галлюцинации, или же каким-то необъяснимым образом я открыл окно во времени, окно в прошлое, позволившее мне, археологу из XX века, наблюдать сцену, происходившую сорок или пятьдесят тысяч лет тому назад? Оцепенев от ужаса, ужаса почти метафизического, я, однако же, продолжал мыслить и, отчаянно пытаясь найти аргументы в пользу первой — успокаивающей — гипотезы, не сводил с неандертальцев глаз.

Теперь стояли уже оба мужчины, — приземистые, с огромной бочкообразной грудью, которую не скрывали даже накидки из шкур, короткими руками и ногами. «Если что, — подумал я, — мне, вероятно, удастся быстро сбежать по склону к дороге, где я буду уже в безопасности, — там то и дело ходят машины, эти знакомые изобретения моего века». Затем — странная штука! — весь страх ушел. Я все же склонился к тому, что все это — галлюцинация, порожденная моим нервным состоянием, моим желанием узнать жизнь этих первобытных людей, желанием, побуждавшим меня тогда и побуждающим и сейчас раскапывать их места обитания. Двое мужчин по-прежнему стояли там, за огненной баррикадой — отчетливые, реальные. Пламя отбрасывало их причудливо деформированные тени на стену пещеры, и казалось, что они танцуют на этой стене некий боевой танец, дикий и угрожающий. Я неистово потряс головой — они не исчезли. И тут, сопровождаемая оглушительным раскатом грома, неподалеку, метрах в десяти, в землю ударила молния, и на долю секунды я увидел, как их тени на стене расщепило надвое. Один из мужчин посмотрел прямо на меня.

Внезапно меня охватила жуткая паника, ноги перестали слушаться, и я сполз на землю, пытаясь вытащить из ножен шведский нож, который носил на поясе, но моей вспотевшей от страха руке никак не удавалось этого сделать. Реальная, настоящая молния не могла отбросить галлюцинаторную тень! Склонившись над костром, неандертальцы теперь пытливо вглядывались в ночь. Внезапно один из них испустил вопль — так, по крайней мере, мне показалось, пусть я ничего и не слышал, так как рот его широко раскрылся, — и позади него, среди отброшенных в сторону шкур, возникли другие фигуры. Один из дозорных подобрал с земли камень, с силой бросил, и я инстинктивно пригнул голову. Но ничто не происвистело рядом со мной — напротив, я услышал удар камня о нечто металлическое.

Кувшин! Они увидели кувшин!

Теперь их вскочило на ноги уже человек двадцать — мужчины, женщины с тяжелой голой грудью, укрывавшие за своими спинами детей. Снова прогрехотал гром, молнии ясно показали не только раскопанную траншею, но и все это державшееся позади костров первобытное племя. Один из мужчин уже разбивал этот огненный полукруг при помощи древка копья, разбрасывая по сторонам головешки. Как только образовался достаточно широкий проход, он переступил через низенькую каменную стену и, вскинув копье, двинулся в мою сторону. Я попытался встать, ухватился за нижние ветки, завопил во все горло от ужаса...

— Какого черта ты там делаешь? Не иначе как душ принять хочешь?

Морис! Это был Морис!

— Еще и кувшин пробил где-то! Да что с тобой, парень?

Он помог мне дойти до пещеры, усадил. Я дрожал как осиновый лист, лепетал что-то, не в состоянии объясниться. Исчезнув на минуту в палатке, мой друг вернулся с коньяком, который мы расходовали крайне бережливо, и налил мне целый стакан. Прошло добрых полчаса, прежде чем я начал изъясняться более или менее понятно.

Морис добродушно расхохотался. Уже вовсю бушевала буря, дождь лил ручьем, свежесть наполняла пещеру, успокаивая мои нервы.

— Не знал, что ты так боишься грозы, — сказал он. — Да и фантастики тебе следовало бы читать поменьше!

— Но как же пробитый кувшин?

— А ты никогда не замечал, что там, где мы всегда сидим, прямо над склоном, скала немного выступает в сторону тропинки острым концом? Нужно бы расколоть этот камень кувалдой. Вероятно, в спешке ты зацепился за этот острый выступ кувшином и пробил его. Завтра сходим посмотрим, и могу поспорить, что обнаружим на скальной породе какие-нибудь следы металла. Но, должен признать, ты меня здорово напугал!.. Когда я увидел тебя там, при свете молнии, съезжившегося под деревом, словно какой-то хищник...

На следующий день мы осмотрели скалу и действительно обнаружили то место, где на ее острый край напоролся кувшин.

— Стало быть, это была всего лишь галлюцинация? — спросил Виллар, психиатр. — Тогда это один из самых интересных случаев, какие мне известны. И как долго она длилась?

— Не знаю. Морис уверял, что с того момента, как он услышал, как я поднимаюсь по склону, и до того, как он отправился за мной, прошло с полминуты, не более. Я бы сказал, что все длилось минуты три-четыре. Да, это была галлюцинация. Другая гипотеза оказалась бы слишком фантастичной и не объяснила следов металла на скале. Но, галлюцинация то была или же нет, ничего более странного со мной в жизни не случилось.

Разговор перескочил на другие темы, мы немного поболтали о том и о сем, но наш хозяин выглядел каким-то рассеянным и задумчивым. И в промежутке между двумя репликами я услышал, как он пробормотал:

— Однако же есть еще вот что... Когда год спустя мы производили раскопки прямо у входа в пещеру, то нашли там очаги и низенькую каменную стену сухой кладки — ровно в том месте, где я их и видел.

БОГ, КОТОРЫЙ ПРИХОДИТ
С ВЕТРОМ

LE DIEU QUI VIENT
AVEC LE VENT

1972

*Эта история о Приграничье —
для А. Бертрама Чандлера*

С'гами

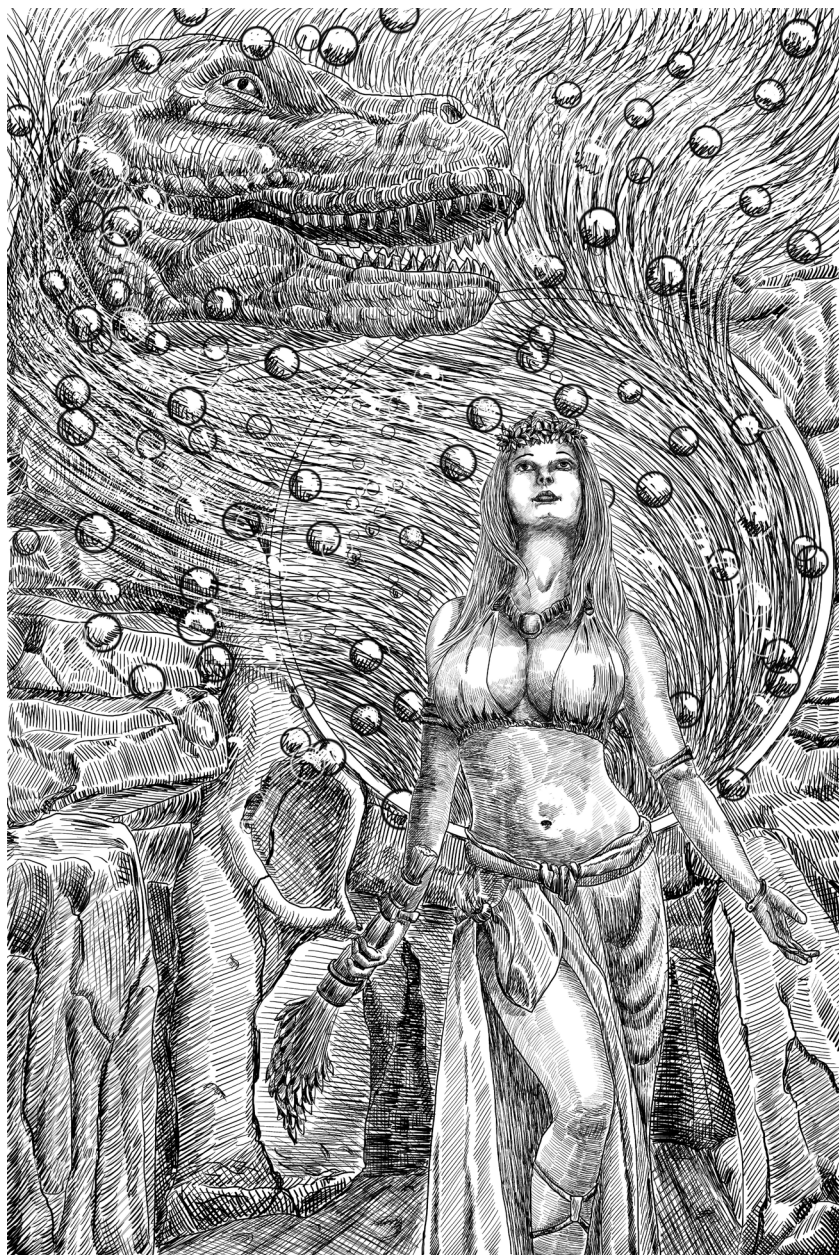
После наступления сумерек Гам, Ва и Минáми почти вместе поднялись над восточной частью горизонта, а вскоре к ним присоединилась и Ганэ, красная луна. Время приближается. Мы приготовили священные пещеры и навалили у входа камни, которые послужат для их замуровывания, когда придет По Атия, ночь бога. Тюран, старейшина, в присутствии жрецов и вождей прочитал по памяти традиционные слова. Женщины весь день сушили, заноса продукты и дрова как можно глубже под землю для большого праздника. А я, С'гами-охотник, дрожу от радости и страха. От радости, потому что бог вскоре еще раз пройдет по нашей земле, что происходит лишь раз в десять поколений, и я при этом присутствую и смогу рассказать об этом моим детям и внукам. Но и от страха, потому что судьба может быть жестокой и Маэми может оказаться избранной! Маэми с ее нежной улыбкой, которая станет моей подругой после больших осенних охот.

Там, на равнине, блестит в ночи лагерь людей неба, они зажгли все свои звезды-пленницы. Впервые чужаки для нашего мира будут здесь, когда появится бог, приходящий с ветром. Я был ребенком, когда они прибыли, но

помню, в какой ужас пришла наша деревня, когда их сверкающий корабль опустился в долине Гир, в пяти тысячах шагов к западу, и жрецы решили, что это боги верхнего мира спустились к нам в гости. Потом чужаки выучили язык людей, и мы обнаружили, что, как и мы сами, они тоже смертные, явившиеся из другого мира и пересекающие небо подобно тому, как торговцы из Нэбо пересекают море на своих судах. Со своей бледной или черной, как уголь, кожей они выглядят немного отталкивающе. Другие в их странном краю, по их словам, бывают даже желтыми. Ни у кого из них нет, как у нас, насыщенного синего цвета плода риме; волосы у них черные или желтые вместо того, чтобы быть фиолетовыми. Губы у них розовые — лишь у женщин другие, но Маэми мне сказала, что женщины мажутся цветным жиром. Они совсем не охотятся, не выращивают бонг и селюр, как мы, но копают землю. Они не ищут железную руду для своих инструментов и своего оружия, но раз в лунный месяц нагружают цветными минералами некий корабль, который тотчас же улетает. Эти минералы иногда красивы, но, по мнению наших кузнецов, совершенно бесполезны, и что же они могут из них делать, кроме безделушек для своих жен? Галереи им прокладывают поработанные ими пыхтящие и грохочущие металлические демоны, которые пережевывают скалу и дробят ее. Хотя они выше и плотнее нас, никто из них не может следовать за нами в горы или работать в поле целый день под обжигающим солнцем. За исключением Джека и Пьера.

Джек любит ходить со мной на охоту. Он выучил наш язык и научился пользоваться луком, когда жрецы сказали ему, что его извергающее огонь оружие неумодно богам и может распугать дичь своим грохотом. Я научил его загонять му, биферов и гонэ, и однажды он спас мне жизнь, когда разъяренный божум* загнал меня в овраг. Он вытащил из-за пояса запрещенное оружие и убил божума, и я ничего не сказал жрецам, потому что Джек — мой друг.

* Автор в этом эпизоде обыгрывает сходство слова «божум» (у Карсака оно звучит именно так: *bojoum*) и названия существа из книги Льюиса Кэрролла «Охота на Снарка» Буджума (по-английски *Boojum*) — *прим. переводчика*.

Он много смеялся над именем дикого зверя, но не объяснил почему. Сказал лишь, что это имя напомнило ему одну их древнюю легенду, и посоветовал оставить божумов в покое и загонять только снарков. Но шкура божума является необходимым подарком для того, кто хочет жениться, и в любом случае в нашем краю нет снарков. Может, они есть за морями? Когда пойду в Нэбо, спрошу об этом у торговцев.

Пьер тоже мой друг, но он более странный. Он живет не в лагере людей неба, но один в просторной хижине из металла, в нескольких тысячах шагов. Он тоже копает землю, но не ради железной руды, как мы, и не ради причудливых цветных камней, которые собирают другие. Он ищет в горной породе странные отпечатки, которые там иногда находят, и которые похожи на морские раковины или на кости. Он называет их окаменелостями и однажды объяснил мне, что задолго до людей и животных, которые живут сейчас, были другие, которые исчезли. Иногда он раскапывает почву в старых заброшенных пещерах. Он показал мне обтесанные камни, заостренные, как наконечник копья или нож, и похожие на те, которые жрецы используют для жертвоприношений, и сказал, что до того, как мы узнали металл, такими же были орудия и оружие наших предков. Возможно. Торговцы из Нэбо рассказывают, что за океаном люди и сейчас используют оружие из камня. Но торговцы из Нэбо много чего говорят...

И, наконец, есть Мэри, подруга Маэми. Волосы у нее желтые, как сухой стебель селюра, а глаза голубые, как бледное весеннее небо. Чужаки говорят, что она красивая, но кожа у нее розовая, как рыбье брюхо. Она дочь Джона, их вождя, того, кто всегда сердит. Он запрещает ей приходить к нам, встречаться с Маэми. Но он не знает хитрости женщин!

Приближается ночь. Завтра с рассветом придут паломники, идущие из Нэбо, Тара Великого, Селинге и далекого Аримадо. Как только По Атия пройдет, они отправятся вместе с нами поклониться следам и попросить бога дать им удачу. Я горжусь тем, что родился в деревне Сами, которую посещает бог.

Я нервничаю, или, скорее, если быть честным, просто боюсь. Не знаю почему. Возможно, из-за боя барабанов, что доносится весь день из туземной деревни, глухого и непрерывного боя, от которого дрожат внутренности. Сегодня я не видел ни С'гами, ни кого-то другого. Несколько гюисов, которых мы используем на рудниках, чтобы катать вагонетки, тоже не пришли, и Нэду Кинкэннону, мастеру-ирландцу, пришлось буквально-таки гнать механиков на место туземцев для выполнения этой работы, где-то даже при помощи непечатных словечек и угроз. Было жарко, с середины утра духота стала и вовсе невыносимой. Тогда-то и зародилось мое беспокойство, да так и не прекратило расти. Я рассказал об этом патрону, Джону Карпентеру. Он лишь пожал плечами: «Вы и сами прекрасно знаете, Джек, что гюисы народ миролюбивый, да и в любом случае, у нас здесь есть чем себя защитить!» И его рука широким жестом указала на металлические стены наших домов и фульгураторы на башнях, по соседству с прожекторами.

Он прав, и все-таки мне одиноко — ведь мы так далеки от родной планеты. Здесь мы на самом краю Галактики, настолько на краю, что в это время года на ночном небе видны только три внешние планеты, которые сейчас почти сливаются, луна, а также две или три жалкие звездочки. Но Карпентера это не волнует. Для него важно лишь количество редких руд, которые мы отправляем на Землю, да его дочь Мэри.

Мэри! Все пятнадцать мужчин, которые находятся здесь, влюблены в нее, в том числе и я. Она настолько же нежна, насколько груб ее отец, прекрасна как богиня и имеет больше дипломов по различным наукам, чем любой из нас, за исключением Пьера. Я люблю ее. Думаю, она это знает, и иногда взгляд ее останавливается на мне, веселый, но немного задумчивый, и во мне пробуждается надежда.

Но сейчас я боюсь, боюсь за нее. Наступила ночь, чужая ночь. Что за неведомое животное ревет в горах, за туземной деревней, в которой надрываются барабаны? Рев этот странный, ненормальный, неземной. Что там происходит? Я связался по радио с Пьером, который знает гюисов лучше, чем кто-либо

другой, гораздо лучше меня. Похоже, готовится большой религиозный праздник, но он не смог узнать ничего конкретного и, верный своему принципу ожидать, пока доверие не придет само, не настаивал. Только С'гами, проходя мимо него, прошептал: «Не выходите, когда поднимется ледяной ветер с юга, вы можете встретить бога, который приходит с ветром».

О том, что бы все это могло означать, Пьеру известно не больше, чем мне. Мы вообще впервые слышим об этом боге. Правда, пантеон гюисов довольно-таки многочислен: одиннадцать главных божеств и около сотни второстепенных! Их мифология даже более сложная, чем мифология древних греков или римлян, — всех этих полубогов, героев и монстров ксенологи могут изучать многие века! Словом, в том, что мы никогда не слышали о боге, который приходит с ветром, с южным ветром, нет ничего удивительного.

Постойте-ка! Минутку! Тут все же есть нечто странное! У нас здесь уже был ветер с юга, но ветер этот не был холодным! Скорее он был обжигающим, своего рода иссушающим сирокко*. «Ледяной ветер с юга», — сказал С'гами. В этом нет смысла, разве что Пьер плохо понял или плохо расслышал... Ледяной... *броами... броами ивта*, ледяной ветер... А! Понял! Пьер немного глуховат, и С'гами, должно быть, ему сказал *дроами света*, ветер, который приносит песок. Пустыня находится там, у нас за спиной, на юге.

Прояснив для себя эту небольшую загадку, я приободрился, и сейчас я уже не так встревожен. Впрочем, опасаться нам действительно нечего. Патрон прав: ничто на этой планете не представляет для нас угрозы. Туземцы здесь находятся в состоянии перехода от бронзового века к железному и живут в городах-государствах и зародышах империй. В десяти или пятнадцати пунктах обустроены миссии землян. Используя тот факт, что ралиндийцы, несмотря на их голубую кожу, удивительно человекоподобны, эти миссии пытаются, путем их изучения, пролить некоторый свет на прошлое Земли. В Мелиндэ, в менее чем в тысяче километров от нас, даже

* С и р о к к о — знойный ветер, дующий в средиземноморских странах; губительно действует на растения и животных (*Прим. переводчика*).

имеется крейсер. Конечно, что ни говори, мы здесь, на северной окраине пустыни Гюле, живем немного уединенно, но в случае внезапного и массированного нападения нам придут на помощь не позже, чем через двадцать минут после того, как нами будет подан сигнал тревоги.

Здесь нам никоим образом не угрожают люди, да и со стороны сил стихии опасаться особо нечего. Ралинда переживает период тектонического покоя, и, чтобы серьезно повредить наши металлические жилища, понадобился бы подземный толчок намного более сильный, чем те несколько сотрясений, которые мы испытали в эти дни.

После знойного дня — прохлады ночи. Ганэ освещает равнину между нами и скалами. Мне не нравится эта большая красная луна, слишком гладкая и слишком близкая, но сегодня вечером лунный свет приятен. Если бы я осмелился, я постучал бы в дверь Мэри (она, как обычно, работает допоздна) и предложил ей немного прогуляться со мной, не выходя за границы лагеря. Но я не осмеливаюсь. Вероятно, она на миг оторвалась бы от своей работы (виды минерализации на Ралинде!) и мило извинилась бы. Мне не остается ничего другого, как пойти спать, может, немного почитать перед сном. Сейчас я чувствую себя уже спокойнее, но, несмотря ни на что, возьму оружие и произведу обход.

Пьер

*Планета Ралинда, 2 июля 2403 г., миссия 337-А,
отчет №512.*

Черт, черт, черт! Нелли, вы это сотрете, когда будете готовить этот отчет для господина директора; этот старый пуританин был бы шокирован, но такие слова прекрасно выражают то, что я чувствую. Проклятая планета! Всякий раз, как мне кажется, что я что-то понял — бац! все словно само по себе выпадает из головы! Гребаная планета! Конечно, я мог бы начать свой рапорт спокойно, пристойно (почему бы и нет, господин директор?), но я знаю, что вам нравится слушать, как костерят вашего патрона — пусть я и нахожусь

от вас на расстоянии трех месяцев лёту, — а меня это успокаивает. Ну да ладно, перейдем к серьезным вещам.

1° Ксенология. Говоря строго между нами, Нелли, разве не забавно, что я, планетолог, вынужден заниматься еще и *ксенологическими* исследованиями этого племени земледельцев-охотников на этой затерянной планете, в то время как столько кабинетных ксенологов «рожают» столько гениальных, сверхважных трудов, никогда не покидая Лондон, Вашингтон, Москву, Нью-Дели или Париж? Ладно, не будем об этом. Некоторые, находящиеся здесь, живут в северных городах и весело проводят время, в то время как я расхаживаю по пустыне! Не смейтесь, Нелли! Я знаю, что мне это нравится, но все же!..

Итак, сегодня я открыл существование у гюисов еще одного бога. Бога, который, должно быть, как-то связан с метеорологией, потому что считается, что он приходит с ветром. Это все, что я знаю. Нет, не совсем. Вот: сегодня после полудня я пошел в туземную деревню, чтобы попытаться нанять несколько рабочих, которые помогли бы мне перенести окаменелости до места, доступного моему аэриону. Антигравитационное поле — штука, конечно, замечательная, но, вопреки тому, что думает широкая публика, оно не позволяет приземляться где угодно. Во всяком случае, не на груды глыб, обрушившихся на дно каньона с крутыми стенами. И некоторые из этих содержащих окаменелости блоков слишком тяжелы для меня одного. Итак, я пошел в деревню и не обнаружил в ней никого, кроме детей и нескольких старух. Когда я спросил, где находятся взрослые, они мне не ответили, но я решил, что и сам знаю, и направился к пещерам.

Я не стал даже пытаться подходить слишком близко и уж тем более входить внутрь. У меня хорошие отношения с гюисами, и я намереваюсь ладить с ними и дальше. Не улыбалось мне и сгинуть там, получив дротик в спину, как это часто случается не только здесь, но и в других местах, с людьми слишком любопытными или слишком настырными. Я прекрасно знаю, что в конечном счете я все же в них побываю, в этих пещерах! Быть может, лет через пять или же десять... В общем, я удовлетворился тем, что стал наблюдать за входами в подзорную трубу. Женщины приносили туда кувшины

с водой и гюлимом и различные продукты, а мужчины подкатывали крупные камни и строили у входа в главную пещеру толстую стену. Похоже, мои друзья готовятся к некоему религиозному празднику, но эта стена — что-то новенькое. С тех самых пор, как я побывал здесь впервые, а случилось это десять лет тому назад, я никогда не видел, чтобы строили стену, и однако же я присутствовал — пусть и наблюдая издалека — при приготовлениях к десяткам церемоний.

В любом случае, пока они были так заняты, делать мне там было нечего. Я вернулся в Сами и принялся ждать. Мужчины возвратились довольно поздно и сделали вид, что не замечают меня. Лишь С'гами немного подотстал и, проходя мимо меня, прошептал едва слышно: «Не выходите, когда поднимется ледяной ветер с юга, вы можете столкнуться с богом, который приходит с ветром». Я едва не протянул руку, чтобы задержать его, потребовать объяснений, но он явно спешил; судя по всему, он не хотел, чтобы его видели со мной в этот вечер и, возможно, даже рисковал жизнью, предупреждая меня. Тот факт, что он использовал местоимение «вы» множественного числа, а не вежливое обращение «вы» единственного числа — (*вохи*, а не *ито*), — указывает на то, что это сообщение адресовано всем землянам. Я передал его Джеку Торренсу для распространения. Как говорится, продолжение следует, а этот ледяной ветер с юга, определенно, пробудил во мне любопытство.

2° *Палеонтология*. Вот здесь-то как раз черт знает что! Вы и сами знаете, Нелли, что, основываясь на работах Смита и Андерсона, Дельгадо и Мореля, а также на моих собственных, я полагал, что смог наметить параллель между геологической историей Земли и Ралинды. Параллель, которая работала достаточно хорошо, которая, в общем-то, всегда казалась правдоподобной. Палеозойская эра, с жизнью сперва в воде, а затем и наземной; мезозойская эра, с местным эквивалентом наших рептилий и даже динозавров и появлением первых ралиндийских млекопитающих; кайнозойская эра, с исчезновением большинства рептилоидов и развитием млекопитающих; наконец, четвертичный период, когда получили развитие предки ралиндийских гуманоидов. Есть даже любопытное сходство между некоторыми предметами из обтесанного кам-

ня, найденными в результате моих раскопок, и аналогичными предметами, которые хранятся в земных музеях, посвященных доисторическому периоду. Разумеется, это лишь конвергенция; наконечник копья не может иметь больше тридцати шести вариантов формы и оставаться при этом эффективным.

Были, однако же, и довольно-таки любопытные различия. Например, окончательное вымирание псевдодинозавров, возможно, является следствием большого ледникового периода в самом конце их мезозойской эры, тогда как у нас ледниковые периоды приходятся на времена намного более ранние или поздние. И это оледенение имеет, возможно, какое-то отношение также и к вымиранию антропозавров. Вы, конечно же, помните мой отчет № 223, в котором я описывал это «существо», не осмеливаюсь сказать «животное». У меня теперь есть его полный скелет: оно примерно четырех метров ростом, двуногое, хвост служит противовесом, большая ступня с пятью пальцами, передние лапы с цепкими кистями, на которых по шесть пальцев, причем большой более или менее противопоставлен другим, мощные челюсти, вооруженные прекрасными острыми зубами, но с некоторой дифференциацией на клыки, резцы и коренные зубы, и черепная коробка... Ах! Именно здесь, Нелли, все меняется! Черепная коробка хорошо развита, с мозгом, уступающим, конечно, мозгу современного человека, даже мозгу неандертальца, но находящимся примерно на уровне мозга земных питекантропов!

Да, я знаю. Антропозавр — рискованный термин. Возможно, мне следовало бы называть их питекозаврами, пусть ни одна из обезьян и не имеет столь развитого мозга. У меня нет ни единого доказательства того, что они когда-либо создавали какую-нибудь культуру. В любом случае, это было приблизительно восемьдесят миллионов лет назад — земных или ралиндийских, разница составляет около двадцати часов в год. Даже если предположить, что они обрабатывали какие-нибудь камни, шансы их найти... Ах! Если бы только нас было больше! Между прочим, вы могли бы напомнить вашему дяде, мировому сенатору, что если бы в университетах выделяли меньше денег на бейсбольные или футбольные команды и чуть больше на планетологию... Впрочем, даже не утруждайтесь, это ничего не даст!

Итак, у меня есть полный скелет, довольно-таки много фрагментов и масса отпечатков следов этого существа, которое, похоже, вступило на путь гоминизации ящеров. Антропозавры, или, если угодно, питекозавры, часто приходили на берега озер и оставляли свои следы на песке, вперемишку со следами их дичи и их конкурента, намного более крупного, более опасного, но в то же время и более глупого мегалозавра. Да, да, я знаю, что этот термин уже занят, что он применяется к земному динозавру. Но новые слова придумать не так-то и просто, а этот термин как раз таки и указывает на то, чем является это ралиндийское животное, — ужасным ящером. Пришлите мне словарь корейского или навахского языка, и я попробую изобрести новые слова, поскольку латинский и греческий языки, похоже, исчерпались за семьсот лет научной классификации. И звучать это будет не более варварски, чем Фасколотерий, Струтиомим или Метриоринх! В то время как большая часть фауны исчезала, антропозавры — будучи более умными, — по всей видимости, приспособлялись к условиям все более и более холодной окружающей среды. Были ли они теплокровными? Носили ли одежду? Изобрели ли огонь? Кто знает? В конце оледенения, в начале местной кайнозойской эры, они тоже, в свою очередь, исчезли. По крайней мере, так я думал до сегодняшнего дня. И, за неимением лучшего, я использовал их отпечатки в качестве ископаемых указателей. Их лапы изменялись по ходу эволюции, и, измеряя соотношения между разными пальцами, я полагал, что приблизительно знаю, в какой точке этого пути нахожусь. Таким образом я разобрался в серии окаменелостей из Таро — это примерно в шести километрах к югу отсюда, — серии, так часто прерываемой разломами со всех сторон, что кажется, здесь прошли все катаклизмы этой планеты. И, естественно, из-за этих отпечатков я приписал всю серию к окончанию ралиндийского мелового периода. Все, что я там нашел, было в виде окаменелостей, но этих там — огромное множество.

Как бы то ни было, сегодня днем, после неудачи, постигшей меня в туземной деревне, я взял аэрион и, воспользовавшись несколькими остававшимися светлыми часами, отправился еще раз обследовать четвертичные песчаники

озера Ваэта в надежде найти там какие-нибудь новые следы доисторических ралиндийцев. Я собрал там, на поверхности и в толще песчаника, немало палеолитических орудий, которым, по моим прикидкам, может быть от четырехсот до пятисот тысяч лет. Однако же на этот раз ветер сдул песок, скопившийся на большой плите, которую я еще никогда не видел открытой, и там, бросаясь прямо в глаза, находились отпечатки антропозавра! Несомненные, неоспоримые! И, под одним из них, вдавленные в тогда еще рыхлый песок всем весом этого существа, обнаружились четыре орудия из обтесанного камня!

Стало быть, 400 или 500 тысяч лет тому назад эти бес-тии все еще были живы, и все мои датировки серии из Таро необходимо переделать! И всю мою хронологию по отпечаткам — тоже! Мерзкая планета! Что меня поражает, так это тот факт, что я, неплохо зная кайнозойские отложения (не в этом, правда, регионе), никогда, повторюсь, никогда, не встречал в них отпечатки антропозавров. А если они дожили до середины местного четвертичного периода, то неизбежно были современниками предков ралиндийцев. Каковы были их взаимоотношения? Ралиндийцы их истребили? Однако же в то время они едва ли были более развитыми. Неужели полулюди победили сверхъящеров?

3° Сейсмология. Вот уже несколько дней кора в этом регионе колеблется, пусть и едва заметно. Быть может, это как-то связано с совпадением* трех внешних планет, в частности, самых крупных, Ва и Минами. Колебания кажутся немного более значительными, когда луна тоже находится в зените.

Такие вот, Нелли, дела. Через три или четыре дня эта магнитная лента улетит с грузовым звездолетом, который прибудет сюда за рудой. Будьте любезны, удалите все жалобы и грубые словечки, сделайте из этого настоящий отчет для Старика и постарайтесь все это упорядочить, чтобы, прилетев через полгода в отпуск, я мог бы сразу приступить к моему главному труду о Ралинде.

* С о в п а д е н и е — явление, наблюдаемое на небосводе, когда различные небесные тела начинают занимать одно место на небосводе, речь не идет о столкновении, т.к. эти тела могут находиться на различных расстояниях от наблюдателя (*Прим. переводчика*).

С поздней ночи стекаются паломники, и мы их направляем в верхние пещеры, откуда они спустятся только после ухода бога. Для них приготовили постели из соломы бонга и меха гоне, мягкие и белые. Атюр, глава торговцев из Нэбо, находится там, и, если представится случай, я расспрошу его о заморских чудесах и спрошу у него, правда ли, что люди там все еще используют каменные орудия. Но на сегодня у меня много работы, ибо я руковожу охотой, а запасы дичи для праздника еще недостаточны.

Маэми, вместе со всеми другими девушками клана Мэ народа гюисов, уже явилась в священную пещеру для прохождения обрядов очищения. Им предстоит оставаться там до того момента, пока ближайшей ночью рука судьбы не укажет супругу. Я горд тем, что принадлежу к клану бога ветра. Люди неба занимаются своими делами, но сегодня они опять не получают нашей помощи. Я видел, как летающая машина Пьера отправилась на восток, ибо он нашел на дне оврага Ро много костей. Ему я тоже не пойду сегодня помогать. Вчера я встретил его в деревне и предупредил, что нельзя выходить, когда поднимется холодный ветер. Жрецы пришли бы в ярость, узнай они об этом, но охотник — это охотник, а не женщина или ребенок, а Пьер — мой друг. Любая встреча бога и человека фатальна для последнего, если верить тому, что говорят об этом предания. Я знаю, что Пьер не боится богов и что ему подвластны силы демонов огня и молнии, но, к какому бы результату ни привела встреча, лучше, чтобы ее не было вовсе. Я знаю, что он передаст мое предупреждение своим братьям, как знаю и то, что он послушается меня и останется этой ночью в своем большом железном жилище. Он уважает наши верования, хотя и умирает от желания узнать наши тайные обряды. Он прячется вдалеке за большими камнями и наблюдает за нами в свою волшебную трубу, которая приближает предметы. Он думает, что мы этого не знаем, но мало что ускользает от зорких глаз охотников из клана Мэ народа гюисов.

Дневник Джека Торренса

3 июля 2403 г. Утром Пьер и Джон крупно повздорили. Предмет: туземные работники, которые, как и вчера, этим утром тоже отсутствуют. Джон хотел пойти за ними и привести пинками, Пьер, разумеется, был против. Джон упорствовал, и Пьеру пришлось пригрозить отправкой доклада в Бюро межзвездных дел, где у него немалый вес.

Затем мы говорили о предостережении, переданном С'гами. Пьер категоричен: речь на самом деле идет о ледяном ветре, хотя он и не больше меня понимает, что это означает. Возможно, некое еще не известное нам метеорологическое явление, но это не объясняет ни того, почему наш друг посоветовал, чтобы мы не выходили во время этого ветра, ни аллюзию на какого-то бога.

Перед тем как отправиться на рудник, я позавтракал с Мэри. Милая Мэри! И как только так вышло, что она дочь такого грубияна, как Джон?

19 часов. Днем я подвернул левую ногу. Более нелепого несчастного случая и не придумаешь — просто неудачно спрыгнул в траншею. А в аптечке больше нет ни венецила-3, ни хотя бы новокаина. Придется ждать прибытия грузового корабля, прилетающего через дня два-три, так как у Пьера тоже уже ничего не осталось. Ну да ладно, наши предки терпели боль, вот и я как-нибудь перетерплю, но мы к этому не привычны! Нога жуть как болит!

Дневник Пьера Беллера

3 июля 2403 г. Из каньона Ро, в котором я провел весь день, освобождая от породы кости ралиндийских динозавров, я вернулся уже поздно вечером. Поужинал, как обычно, в столовой при руднике. Джон тоже там был, сидел с недовольным видом. Этот парень, во всем прочем довольно-таки умный, да и добрый, несмотря на все его буйство, в том, что касается отношений с туземцами, отстал на несколько столетий. Он, вероятно, полагает, что природа

создала их для того, чтобы они работали как китайские кúли на «Межзвездные рудники»!

Видел и Джека с перевязанной лодыжкой: болезненный вывих, а в моей аптечке, как и в его, — шаром покати. Мы с ним поболтали о том о сем, впрочем, он говорил главным образом о Мэри. Он в нее влюблен как дурак, и я его понимаю. Если бы у меня не было тебя, Ирэн, тебя и наших детей, думаю, я бы тоже... Очевидно, он ей небезразличен, и все это, судя по всему, кончится свадьбой, хочет Джон этого или же нет. Мэри — девушка мягкая, но с характером, и если она любит Джека, то выйдет за него наперекор всей Вселенной, если так будет нужно.

Я просмотрел мои старые записи, но каких-либо упоминаний о боге, который приходит с ветром, не обнаружил. Впрочем, с моей стороны было бы наивно полагать, что я достаточно далеко продвинулся в понимании религии моих друзей гюисов! Я даже не смог войти ни в одну из их пещер, включая те, которые, как мне известно, служат всего лишь складами. Меня рады видеть на охоте, в деревне, но и только.

Между тем, несколько минут назад я связался по радио с Джеком, снова посоветовав ему не отменять распоряжения: ночью никому не выходить. Я слышу, как где-то сзади ворчит Джон: «Стало быть, вы тоже верите во весь этот туземный вздор?»

Где-то на юге уже поднимается легкий ветер. Теплый ветер. Уже полдесятого, а перед тем как отправиться спать, мне еще нужно привести в порядок свои записи. Спокойной ночи, Ирэн.

С'гами

Ритуальный пир окончен, мы спели священные гимны и в огромной пещере, освещенной факелами и масляными светильниками, станцевали танец бога. Приближается час выбора, и мы идем в первую пещеру, где нас ждут девушки, расположившиеся кольцом вокруг Руки судьбы. И я боюсь! Бог не может не знать, что Мазми — самая красивая и самая нежная. Я боюсь, что он выберет именно ее. Но

я — эгоист, ибо, что может значить жизнь жены скромного охотника по сравнению с жизнью супруги бога? Ведь это такая честь для ее семьи, и даже для меня самого!

Мы находимся в зале судьбы, все взрослые члены клана и некоторые важные люди из числа паломников. Жрецы раз-вернули Руку и проверили ее завесу. Теперь мы ждем только сигнал дозорного, который один остался снаружи, чтобы объявить о прибытии дыхания бога. Я смотрю на Маэми, она бледна и молчалива — как, впрочем, и все ее подруги, — подавлена возможным величием ее судьбы, но в какой-то миг наши взгляды встретились, и она мне улыбнулась. Теперь ее губы слегка шевелятся, она молится, но вот только чего она просит — чтобы ее избрали или чтобы оставили со мной?

Нохиа света! Поднялся жаркий ветер. Здесь, в пещере, за стеной, в которой оставлено только узкое отверстие для прохода дозорного и Избранной, мы его не чувствуем. Мы ждем, стоя в колеблющемся свете факелов, которые держат старейшины. Вверху, на площадке, стоит Огар-неофит, готовый открыть окошко в скале и впустить дыхание бога.

Ауто света! Прохладный ветер! Все напряжены, затаили дыхание. Бог идет к нам! *Броами света!* Приближается ледяной ветер. Орбло, верховный жрец, отдает приказ. Деревянное окошко открывается, и холодное дыхание Бога проникает в пещеру и ударяет в завесу. Рука судьбы поворачивается на своей хорошо смазанной оси. Окошко снова закрывается, завеса падает, и Рука судьбы поворачивается на конце деревянного рычага; вытянутый палец поочередно указывает на девушек. Одни едва сдерживают смех, другие дрожат. Рычаг поворачивается все медленнее и медленнее. О великий Ками, бог охоты, не оставь своего слугу, сделай так, чтобы палец не указал на Маэми! Он сейчас остановится, не дойдя до нее, укажет, на Валу-гордячку, он сейчас... Палец указывает на Маэми, она избрана!

Она проходит мимо меня, прямая как палка, взгляд ее устремлен вдаль; на ней шуба из меха божума, в которую ее только что облачили жрецы.

Перед тем как войти в пролом, она поворачивается, машет мне рукой на прощание и исчезает в ночи. Все кончено, укладываются последние камни, закрывая проход. Все кончено!

Мне следовало бы преисполниться радости и гордости, но я ощущаю смертельную грусть. Я никогда уже больше не увижу Маэми!

Джек

Приближается полночь, и в лагере техников все огни погашены, но окно Мэри и окно ее отца еще освещены. Я лежу, растянувшись на шезлонге, в северной галерее. Туземная деревня погрузилась во мрак еще с наступления сумерек; темно там и сейчас. На площади в этот вечер — ни единого огонька. Должно быть, они все находятся в глубине своих пещер из-за какой-то священной церемонии, в одной из тех пещер, куда даже Пьеру не удалось проникнуть. Где-то на юге поднялся ветер, вовсе не ледяной, и он становится все более и более неистовым. Песок скребет по металлу крыш и стен, но здесь, на северной стороне, я в безопасности. Из-за вывиха мне по-прежнему больно ступать на землю. Нужно уже идти спать, тем более что и ветер становится прохладным, температура падает. Неужели это и есть ледяной ветер С'гами?

Теперь уже очень холодно, ветер жестокий и бесспорно ледяной. Слышен грохот, идущий от ангара, вероятно, это оторвавшийся кусок жести, который вибрирует, подражая грому. И — я смотрю на часы, чтобы удостовериться, что я не ошибаюсь — хотя сейчас только двадцать минут первого ночи, мне кажется, что небо стало светлее, чем было только что, светлее, чем при нормальном освещении, создаваемом красной луной Ганэ. Она сейчас высоко-высоко, почти что в зените. Я поднимаюсь, прыгая на одной ноге, огибаю угол и перебираюсь на западную галерею, где меня тут же едва не сбивают с ног колючий песок и леденящая снежная буря. Разинув рот, я так и замираю на месте! Там, на юге, стоит день! Можно даже различить белые облака на голубом небе, или, скорее, в треугольнике голубого неба, в то время как повсюду в других местах стоит ночь, в которой сияют Ганэ и три внешние планеты, Гам, Ва и Минами. Впрочем, их я едва вижу: они теряются в сиянии луны, которая вот-вот заслонит их.

Позади меня раздается шум шагов; я скачком поворачиваюсь, забыв о ноге, и вскрикиваю от боли. Это Джон, и я молча указываю рукой на юг.

— Странный феномен, — говорит он. — Нашему ученой-другу Пьеру Беллеру придется сильно постараться, чтобы его объяснить. Но в данный момент мне нужно закрепить этот чертов кусок жести, который всех перебудит.

— А не лучше ли будет подождать наступления дня? Ледяной ветер, предсказанный С'гами, уже тут, и, быть может, выходить опасно...

— Глупости! Да, ветер есть, этого нельзя отрицать. Что касается бога, то я поверю в него, когда его увижу, да и потом, у меня есть револьвер!

Он сбегает по лестнице и исчезает. Я жду, не в состоянии сделать что-либо другое из-за моей поврежденной ноги. Ко мне присоединяется Мэри, облакачивается на балюстраду.

— Где отец?

— Пошел закрепить кусок жести, который...

О! Этот крик, этот ужасный крик, два выстрела, еще один крик, резко оборвавшийся! Мэри стоит на нижней ступени лестницы, глухая к моим призывам, я спешу, падаю, чуть не убиваюсь о поручень. Другой крик, пронзительный женский крик, за которым следует что-то вроде не совсем отчетливого бульканья, — и тишина. Мэри! Мэри! Я ползу, прыгаю на одной ноге, потом бегу, совершенно забыв о боли, добираюсь до участка, где находятся ангары, спотыкаюсь о темную массу. Это Джон, голова его наполовину оторвана. Мэри! Мэри! Никакого ответа. И тогда я изо всех сил дергаю за веревку сирены.

Пьер

Не думаю, что прошло больше тридцати или сорока секунд между моментом, когда я услышал сирену, и тем, когда я оказался за рычагами управления моего аэриона, кинув рядом с собой винтовку и фульгуратор. Я только что закончил приводить в порядок свои записи и уже собирался ложиться. Сирена посреди ночи может означать лишь сигнал тревоги или какую-нибудь катастрофу. Не думаю, что

это нападение, хотя мне и кажется, что чуть раньше я слышал выстрелы. Ветер сильный и ледяной, как и предсказывал С'гами, а на юге, примерно в шести километрах от нас, прямо над тем местом, где была обнаружена серия Таро, виден странный треугольник света и голубого неба!

Аэрион мчится столь быстро, насколько я могу себе это позволить, но из-за ветра с песком видимость на уровне земли почти нулевая. Тут уж ничего не поделаешь, времени подняться выше у меня нет, но я знаю, что между моим домом и лагерем нет препятствий. Резко торможу — и вот уже я у ангаров, рядом с которыми толпятся полтора десятка человек с рудника и Джек. Джек лишь что-то бессвязно лопочет и то и дело зовет: «Мэри! Мэри!» А когда люди расступаются, в свете фонаря я вижу труп Джона в большой луже крови.

Затем Джек немного успокаивается, и мне удается его спросить, так как остальные ничего не знают. Джон мертв, а Мэри исчезла, успев несколько раз вскрикнуть. На твердом грунте никаких следов, а если бы они и были, то топтание людей около этого места их стерло. Я хватаю за руку Ангуса Мак-Грегора — это суровый шотландец, которого ничем не испугаешь, — забрасываю его на второе сидение аэриона, и мы несемся практически над самой землей с включенными фарами, двигаясь строго на юг. Юг, с которого дует этот ледяной ветер, сейчас уже начавший понемногу спадать, юг, с которого, несомненно, пришел бог, что бы это такое ни было, юг, к которому он направился.

Я веду аэрион, Ангус осматривает землю. Мы движемся медленно, пытаюсь обнаружить следы. Нечто, способное одним ударом наполовину оторвать голову человека, должно быть крупным и тяжелым. Странно, но кажется, что треугольник голубого неба уменьшается по мере того, как мы к нему приближаемся. И тут вдруг Ангус кричит: «Там! Там!»

Там — это родник, прекрасно мне известный; к нему приходят на водопой дикие животные. В косом свете фар, не везде пробивающем ночной мрак, видна масса знакомых следов. И других тоже, знакомых уже одному лишь мне! Сначала я в это просто не верю, но они здесь, передо мной, свежие следы огромного антропозавра, глубоко вдавленные в рыхлый грунт. Самые свежие из них все еще заполняет вода.

Я спрыгиваю на землю, чтобы, подойдя ближе, рассмотреть их уже как следует. Видны две цепочки, одна более старая, уходящая к северу, другая, не столь давняя, уходит на юг. А вслед за ней тянется и кровь, человеческая кровь, много-много крови. Нам никогда уже не увидеть Мэри!

Мы возобновляем преследование и движемся так быстро, как вообще только возможно лететь над самой землей. Бог это или антропозавр, но чудовище скоро почувствует ласку фульгуратора, стреляющего на полную мощность. Сидящий рядом со мной Ангус тоже уже вытащил оружие. Я объяснил ему в нескольких словах, что именно — как мне кажется — случилось. Живой антропозавр! Где же они могут прятаться? Я много раз обследовал всю пустыню и ничего не видел. Ничего, я все равно их найду, и уж тогда-то...

Мы приближаемся к зоне голубого неба, «светлой» зоне, и я набираю высоту. И не верю своим глазам! Там, под этим треугольником, пустыня исчезла, вместо нее там теперь степь с высокими травами, река (я знаю ее изрезанное трещинами ископаемое русло, — именно там была обнаружена серия Таро), вдаль — покрытая льдом горная цепь, антропозавры и другие животные, часть из которых мне удастся идентифицировать по найденным мною останкам. Вся эта сцена относится к позднему меловому периоду! С ума сойти, да этого просто не может быть! Я еще немного добавляю скорости, но тут вдруг Ангус вырывает у меня штурвал, нас сносит влево, в то время как он кричит мне: «Оно закрывается!»

Так и есть, оно закрывается! Голубой треугольник почти исчез с неба, а пустыня под красным светом Ганэ с каждым мгновением возвращается обратно. Ветер свистит все сильнее и сильнее, как будто холодный воздух находит для прохода только узкую щель. Я замечаю прямо на границе большого антропозавра, держащего в своих челюстях нечто красное, то, чем раньше была Мэри. Рискаю вывалиться за борт, я поднимаюсь, вырываю фульгуратор из рук Ангуса и стреляю, стреляю, поливая огнем еще и группу других антропозавров, толпящихся перед грубым шалашом из ветвей. Шалаш загорается, темные фигуры падают, и все заканчивается. Степь захлопывается подобно челюстям.

С'гами

Клепсидра показывает час рассвета. Один за другим мы выходим из пещеры под бледный свет зарождающегося дня. У основания скалы намело кучи песка. И я иду, опустив голову, хмурый и лишившийся какой-либо надежды.

Крики! Я поднимаю глаза. Там, на площадке, на полпути от лагеря людей неба, виднеется силуэт! Маэми! От радости мое сердце едва не вырывается из груди, но тут же возвращается на прежнее свое место. Маэми обесчещена! Бог отверг ее, и мы, народ гюисов, навлекли на себя неудовольствие бога, вскоре удача нас покинет!

Медленным шагом, тихо плача, Маэми приближается к нам. Орбло пытается ее расспросить, но она лишь качает головой: она ничего не видела, но слышала крики в лагере людей неба, видела большие огни и машину Пьера, унесшуюся на юг к Двери бога.

Я со всех ног бегу в лагерь. Пьер уже там, грустный и в то же время какой-то озлобленный, а Джек сидит на ступеньках лестницы и плачет. Другие чужаки с враждебным видом смыкаются позади меня. Злой вождь был убит, а Мэри исчезла и, судя по всему, тоже мертва. Мэри? Так это Мэри была избрана! Я пытаюсь им объяснить, сколь великая честь была им оказана, что теперь им будет улыбаться удача, но они кричат на своем варварском языке, и, если бы не Пьер, вероятно, просто-напросто растерзали бы меня. Пьер берет меня под руку, заводит в одну из их комнат и говорит мне, что нет никакого бога, а есть только некое разумное животное, внезапно возникшее из другой эпохи, и что Мэри была этим животным съедена. Я ему не верю! Не хочу верить! Мэри мертва, и Маэми скоро...

Пьер

Я только что объяснил С'гами, что произошло, и он мне не поверил. Я собираюсь объяснить происшедшее и моим товарищам, но боюсь, и они поверят мне не больше. У меня

нет фотографий, ничего такого, что бы я мог им показать. И тем не менее я уверен, что прав. По словам С'гами, бог приходит примерно каждые десять поколений, то есть каждые триста лет, если считать поколения так, как это делают гюисы. Триста лет! Период, через который совмещаются внешние планеты и луна, равен 297 годам. Это слишком близко, чтобы быть простым совпадением, к тому же С'гами как-то раз говорил о священном времени, когда боги собираются на небе.

Мы находимся у самого Приграничья. Один писатель из XX века, Бертрам Чандлер, который написал цикл романов-предупреждений, действие которых как раз таки у Приграничья и происходит, утверждал, что на границе Великой Пустоты ткань пространства-времени более тонка, чем в центре Галактики, и что здесь все может произойти. Я думаю, он был прав. Я думаю, что каждые 297 лет под воздействием совместной силы притяжения трех внешних планет и луны эта ткань рвется в некоей точке планеты Ралинда и настоящее вступает в контакт с былыми эпохами. И эпохи эти приходятся на оледенение в конце ралиндийского мелового периода, на время антропозавров. Ледяной ветер представляет собой массы холодного воздуха, которые «толкают» перед собой нынешний теплый воздух. Поскольку деревня находится на севере чувствительной зоны, а во всех прочих направлениях в радиусе 1500 километров простирается только пустыня, именно южный ветер объявляет о прибытии бога, ледяной южный ветер, способный поразить воображение первобытных людей. И какой-нибудь антропозавр, побуждаемый любопытством, направляется на север (есть, вероятно, и другие, которые выбирают иные направления, но этих никто никогда не видит) и вступает в контакт с туземцами. Как родился ритуал принесения в дар супруги, я не знаю и, вероятно, никогда и не узнаю. Как не узнаю я и того, какой такой инстинкт указывает антропозавру на то, что хроноклазм скоро закончится и пора уже возвращаться в свою область. Эти вторжения восходят к очень раннему времени, что доказывают отпечатки, обнаруженные мною поверх палеолитических кремней. И сколько девушек, ушедших радостно или степенно в жены богу, нашли смерть в пастях антропозавров?

Через триста лет, если мы все еще будем на этой планете, наши потомки будут готовы. Мы не можем мечтать о том, чтобы завоевать прошлое и уничтожить антропозавров. Или же мы все же сделаем это? Было бы забавно, если бы мы стали причиной их исчезновения примерно в ту эпоху, которую я мельком увидел в треугольнике. Возможно, тело Мэри содержало бактерии, которые, будучи безвредными для нее, вызовут — уже вызвали — у антропозавров нечто вроде чумы, Великую Смерть. Не знаю. В любом случае, мы можем обнести место, где образуется проход, непреодолимой оградой. И можем также попытаться терпеливо разьяснить гюисам, что их бог всего лишь некое чудовище из прошлого.

С'гами

Маэми только что бросилась с вершины утеса, не желая дальше нести свой позор и вести жизнь парии. Я пытался отговорить ее от этого, предложил ей уплыть вместе со мной на корабле торговцев из Нэбо за моря, туда, где никто не будет нас знать. Она не захотела. Тогда я рассказал ей то, что мне объяснил Пьер, то, что я все еще не могу принять, хотя он никогда меня не обманывал. Она не больше моего поверила в эту фантастическую историю. Тогда я отвел ее на самую вершину Черной Скалы и держал за руку ровно до того момента, который она выбрала. Вечером я похороню ее, а если жрецы захотят мне помешать... Ха! Какое мне теперь дело до жизни!

Если верить Пьеру, то Маэми и Мэри умерли ни за что. Это было бы слишком ужасно, и я предпочитаю думать, что мы согрешили, что бог отвернулся от нас, чтобы отныне помогать людям неба. Но наш неизвестный грех, должно быть, был очень большим, чтобы вместо красавицы Маэми именно Мэри, бедная Мэри, дочь неба с бледной рыбьей кожей, была избрана богом, который приходит с ветром!

ЧЕЛОВЕК КАМЕННОГО ВЕКА

Открытия в Африке свидетельствуют о том, что древнекаменный век (палеолитический период) начался более двух миллионов лет назад. Первый, кто стал обрабатывать камень, — это австралопитек — промежуточное звено между антропоидными обезьянами и современным человеком, — обладающий еще неразвитым мозгом. Его орудиями были гальки, оббитые для получения режущего края, и грубые массивные отщепы.

Эволюция человека и соответственно его орудий протекала на протяжении весьма длительного периода. Питекантропы уже пользовались огнем (по крайней мере на территории Китая) и изготавливали орудия ашельского и раннеашельского типа, найденные в различных районах мира.

О типах людей, живших позднее — в средне- и позднеашельское время, — нам известно очень немного; наконец, около 100 тысяч лет назад появился *Homo sapiens*.

Раньше принято было проводить четкое различие между тем видом человека, который был характерен для мустьерской культуры и получил наименование «неандертальца» (*Homo neandertalensis*), и человеком современного вида (*Homo sapiens*), появившимся в эпоху верхнего палеолита. Сегодня существует тенденция говорить, скорее, о двух подвидах: *Homo sapiens neandertalensis* и *Homo sapiens sapiens*.

Как именно соотносились между собой эти подвиды? — этот вопрос пока еще спорный. Возможно, что между ними существовали еще какие-то промежуточные формы, в одних отношениях более «современные», и в других более «неандертальские», и что формирование человека современного типа происходило более или менее одновременно во всем Старом Свете. Как показывают, например,

раскопки в Джебель-Кафзех, люди современного типа существовали уже в мустьерский период и, возможно, даже раньше.

В последние 100 тысяч лет жизнь людей проходила в самых разнообразных природных условиях, обусловленных географическими особенностями того или иного района расселения или изменениями климата. Последние были особенно характерны для четвертичного (продолжающегося и ныне) периода истории Земли: за это время огромные ледники несколько раз погребали под собой не только Гренландию и Антарктику (где обширные их остатки можно увидеть и сейчас), но и Скандинавию, Северную Америку, все высокогорные районы, в том числе и на экваторе. В период наибольшего распространения скандинавские ледники покрывали север Европы, большую часть Англии, значительную территорию нынешних западных районов СССР. Во Франции альпийские ледники доходили почти до современного Лиона.

Ледниковые периоды сопровождались понижением среднего уровня температуры на Земле, хотя максимумы похолодания не обязательно соответствовали максимальному развитию оледенения. В разных местах и в различные эпохи периоды похолодания могли быть и сухими и влажными, а в соответствии с этим в районах южнее ледников развивались различные типы растительности — от тундры до леса. В Европе, впрочем, преобладали главным образом степи с большим или меньшим развитием лесных массивов.

Связанное с ледниками понижение температур охватывало, естественно, более значительные площади, чем в наши дни, однако вряд ли это значительно сказывалось на тропических и экваториальных районах; правда, в различные периоды, в зависимости от количества выпадавших осадков, территории пустынь то расширялись, то резко сокращались.

Ледники поглощали огромные массы воды, а это означало, что уровень морей и океанов значительно понижался — иногда более чем на 90 метров. Соответственно менялись и очертания материков: Англия составляла часть Европейского континента, а Япония соединялась с Азией. Учитывая это, можно сказать, что наши предки жили в мире изменчивом (хотя изменения происходили постепенно) и часто совсем не похожем на наш современный мир.

В течение всего этого времени главная роль принадлежала камню — им пользовались для изготовления различных видов изделий из дерева, кости, рога, кожи и т. д. Все они, за исключением изделий из кости и рога, естественно, не дошли до наших дней.

Дилетанты, не знающие сути дела, часто с пренебрежением говорят о человеке палеолита и его «грубых кремневых орудиях».

Но в действительности человек тех далеких времен был уже достаточно умелым мастером и успешно справлялся с материалом, находившимся в его распоряжении. Кажущаяся грубость многих изготовленных им орудий объясняется тем, что из кремня, легко раскалывающегося от точного удара, получались отщепы с хрупким режущим краем, который быстро изнашивался (обламывался), хотя кремень — минерал очень твердый, тверже стали. В этом можно убедиться, если поцарапать куском кремня лезвие ножа. Орудие и оружие, предназначавшиеся для длительного пользования или требовавшие по назначению своему совершенной формы, обрабатывались очень тщательно.

Но орудия изготавливались не только из кремня. Там, где его не было, использовался обсидиан (вулканическое стекло), который еще тверже кремня, хотя и более хрупкий, а также кварцит, песчаник, кварц. Последний с трудом поддается обработке, но с помощью соответствующей техники человеку удалось покорить и его.

В ряде районов использовались также мелкозернистые вулканические породы — базальты и риолиты. Орудия здесь часто составляли целые наборы: более мелкие изготавливались из кремня или вулканического стекла, те, что погрубее, — из базальта, кварца или кварцита. Выбор материала зависел от назначения орудия.

Сначала для раскалывания камня человек пользовался просто другим камнем, ударяя их друг о друга. Позже, с середины ашельского периода, появились так называемые отбойники, позволявшие добиваться лучших результатов. Это были цилиндрической формы орудия из дерева, кости и рога. Возможно, уже в мустьерское время и, безусловно, в верхнем палеолите обработку каменных орудий вели более сложным способом: помещая между изделием и отбойником деревянное или костяное долото. Широкое применение получила также отжимная техника обработки камня, позволявшая наносить на лезвие орудий более тонкую и тщательную ретушь, хотя работа и шла медленнее. В солютрейский период (около 19 000 лет до н. э.) человек установил, что медленный сильный нагрев кремня с последующим постепенным охлаждением изменяет структуру минерала, в результате чего облегчается применение отжимной ретуши.

В эпоху верхнего палеолита люди выдалбливали отверстия в глыбах песчаника, получая таким образом «сосуды» (иногда даже украшенные) для жировых светильников; но насколько нам известно, они не умели еще готовить посуду, появление которой относится к значительно более позднему времени.

В хронологическом отношении наряду с эпохой палеолита, для которой были характерны оббитые рубящие орудия, выделяют так-

же эпоху неолита с более совершенными шлифованными орудиями. Но различие это довольно условное и заключается в основном в том, что если человек эпохи неолита прибегал к шлифовке (хотя чаще по-прежнему ограничивался оббиванием), то в палеолите техника шлифовки была совершенно неизвестна (например, в Центральной Европе). В то же время частично шлифованные топоры, найденные в Северной Австралии, примерно на 15 тысяч лет старше европейских неолитических изделий.

Поскольку большая часть изделий древнего человека, изготовлявшихся из сравнительно недолговечных материалов, до нас не дошла, современные представления о повседневной жизни наших далеких предков основываются, как правило, на изучении каменных и костяных орудий, исследовании отложений на местах древних поселений, а также на сравнительных исследованиях жизни примитивных народов современности или недавнего прошлого. В районах с холодным климатом наши предки жили главным образом охотой, дополняя ее рыболовством, а также, если позволяли климатические условия, собиранием ягод, семян, съедобных корней. В более теплом климате главную роль играло, вероятно, собирание различных плодов, как в наши дни у бушменов из пустыни Калахари.

Образ жизни людей каменного века в разные периоды был, конечно, неодинаков скажем, в среднем палеолите (время мустьерской и аналогичных ей культур), когда жили неандертальцы, он отличался от образа жизни в условиях верхнего палеолита, когда сформировался современный тип человека. Тем не менее в целом для каменного века характерны некоторые вполне определенные черты.

Человека той отдаленной эпохи часто называют «пещерным человеком» — как будто первобытные люди вели существование настоящих троглодитов. На самом деле люди каменного века селились, как правило, не в глубине пещер, а у входа или под скальными навесами, образованными эрозией в песчанике, известняке или базальте. В суровых условиях ледникового периода такие укрытия сами по себе были, конечно, недостаточны. Их приходилось дополнять завесами из звериных шкур или строить жилища. На месте таких жилищ, случается, находят остатки стоек, поддерживавших крышу, или камни, расположенные по окружности либо прямоугольником, — следы фундамента.

Внутри или неподалеку от жилищ находят очаги. Иногда это просто кострища, обозначенные обожженными камнями и слоем золы. В других местах встречаются очаги более сложного типа — небольшие круги из камней или очаги, выложенные галькой, которая, возможно, служила для приготовления пищи: она накалялась

огнем костра, а затем очищалась от углей, золы, и на раскаленных камнях жарили мясо.

В некоторых очагах найдено много растрескавшихся камней — результат нагревания. И камни, видимо, использовались двумя способами: их специально раскаляли, чтобы они служили источником тепла, когда костер погаснет, либо раскаленные камни деревянными щипцами брали из огня и опускали в кожаный мешок с водой; вода закипала, и в ней варилось заготавливаемое впрок мясо. Эскимосы, например, и в наши дни применяют такой способ варки мяса.

В районах с теплым климатом оборудование пещер и гротов доставляло меньше хлопот. Здесь достаточно было защититься от ветра, устроив заслон из веток. Открытые стоянки напоминали, вероятно, стоянки нынешних бушменов или австралийских аборигенов с навесами либо шалашами из ветвей. В районах с частыми осадками укрытием служили навесы из листьев или тростника. Стоянки открытого (непещерного) типа были обнаружены и в районах с достаточно суровым климатом — там, где нет пещер, а также там, где они служили временным летним стойбищем. Много подобных жилищ найдено в Центральной Европе и на территории СССР. По типу они разнообразны: от небольших, круглых по форме полуземлянок, рассчитанных на одну семью (стенки их крепились вкопанными в землю костями крупных животных), до больших жилищ целой общины (например, известное поселение в Костенках на Дону, СССР). Жилища последнего типа походили, очевидно, на так называемые «длинные дома» американских индейцев. Стоянки непещерного типа мустьерского и верхнепалеолитического периодов известны также и во Франции.

В целом можно сказать, что мустьерские стоянки отмечены только толстым слоем отщепов кремня, обломками обожженных камней и остатками костей. Стоянки эпохи верхнего палеолита представляют собой уже хорошо оборудованные поселения, где часто обнаруживают многочисленные ямы от опорных столбов — следы стоявших здесь некогда жилищ. Эти поселения нередко располагались на вершинах небольших холмов, господствующих над окружающей местностью, по возможности на ровных сухих участках. Выбор такого местоположения понятен каждому, кому приходилось разбивать лагерь в лесу или в степи.

В больших жилищах Восточной Европы люди находились, видимо, постоянно, они как бы заменяли отсутствующие пещеры; в то же время найденные в Западной Европе жилища более примитивного типа являлись, скорее всего, стоянками охотников или летними поселениями. Поскольку на таких стоянках набор орудий почти

ничем не отличается от обнаруженных в пещерных жилищах той же эпохи, можно сделать вывод, что в охотничьих экспедициях первобытных людей принимали участие и женщины. Их обязанностью было выделывать шкуры и коптить мясо.

Вполне вероятно, что человек эпохи палеолита вел полуоседлый образ жизни в том смысле, что постоянные жилища (скажем, пещеры) были заселены круглый год какой-то частью племени, в то время как другая часть — охотничьи отряды — бродила в поисках добычи, разбивая временные стоянки. Так живут, например, современные бушмены — иногда все племя собирается вместе, а в остальное время разбивается на мелкие группы.

Иллюстрации к романам из жизни доисторического человека обычно изображают героев в набедренных повязках из звериных шкур. Возможно, что так оно и было в условиях мягкого климата или в погожие летние дни; в тропиках, естественно, не было нужды и в этом. Но для жизни людей у огромного ледника, особенно в зимнюю пору, больше подходила одежда типа эскимосской — можно предположить, что температура нередко опускалась до 40° ниже нуля.

Костяная игла появилась только в позднесолютрейское время (17 000–16 000 лет до н. э.). На первых порах люди, очевидно, могли обходиться без этого полезного инструмента: сначала иглу заменяли костяные острия-проколки и кремневые остроконечники, которыми легко прокалывались шкуры. Нитями для сшивания служили растительные волокна или сухожилия животных. В наши дни именно так используют сухожилия оленей многие народы арктических районов.

Человек каменного века, несомненно, пользовался уже и обувью, возможно типа мокасин, хотя все следы первобытных людей, которые были обнаружены в пещерах, представляют собой отпечатки босых ног.

Наборы орудий труда, в обще м-то, неодинаковы в различные эпохи, и у представителей разных культур они были различными. Кроме того, они не оставались неизменными, а развивались даже в рамках одной культуры.

Подавляющее большинство орудий мустьерского времени, дошедших до нас, — каменные, главным образом кремневые, отщепы. Это прежде всего различного типа скребла с одним или несколькими лезвиями, более или менее выровненными. Такими скреблами обрабатывали шкуры, но они могли служить и режущими орудиями — типа ножей — для обработки дерева. В ассортимент каменных орудий входили также пластины с выемками, орудия с зубчатым

краем, подобные пиле, скребки, резцы, сверла, длинные ножевидные пластинки с лезвием (другое скальвалось так, чтобы при работе в него можно было упереться указательным пальцем — подобно современному перочинному ножу).

Среди орудий труда мустьерского времени встречаются еще ручные рубила — универсальные орудия, более характерные для ашельского периода. Орудия из кости представлены главным образом заостренными осколками костей, которые служили, возможно, проколками при изготовлении одежды; кроме того, встречаются сильно поврежденные кости, использовавшиеся, вероятно, для обработки кремня способом отжима.

В эпоху верхнего палеолита наборы орудий становятся более разнообразными. Мало встречается концевых скребков — их заменяют различные типы скребков с боковым режущим краем.

Многообразие резцов свидетельствует о том, что все большую роль в жизни людей начинает играть обработка кости. Входят в употребление сверла и ножи с обушком (однако не совсем ясно, для каких именно рабочих операций они применялись). Из костей делали проколки, скребла для выделывания шкур; затем к концу эпохи верхнего палеолита появились и костяные иглы.

Оружие применялось главным образом для охоты, поскольку война, в современном смысле слова, была почти не известна в эпоху палеолита, хотя отдельные стычки из-за охотничьих угодий, несомненно, могли иметь место. В разных районах и в разное время оружие, как и орудия труда, было многообразным. Охотники мустьерского времени имели кремневые остроконечники — наконечники копий или дротиков, деревянные копья и, возможно, дубины; костяные наконечники стрел встречались еще редко. Оружие эпохи верхнего палеолита было уже более совершенным — появились разнообразные виды кремневых наконечников стрел (например, изящные наконечники лавролистной формы, характерные для солутрейского времени), зубчатые остроконечники, широкое распространение получили костяные наконечники стрел. В последний период палеолита, на мадленском этапе, появились также гарпуны.

В мустьерское время стрелы и дротики метали рукой, а в верхнем палеолите применяли копьеметалки — приспособления, которыми и сейчас пользуются эскимосы и австралийские аборигены для увеличения пробивной силы и дальности полета копья. Возможно, что в верхнемадленское время появились и луки, но прямых подтверждений этого пока нет.

Охота — древнейшее занятие человека, возникшее одновременно с ним. Вполне вероятно, что именно охота была важным

фактором эволюции человеческого рода, развивая не только силу и подвижность, но и умственные способности людей. Ко времени появления *Homo sapiens* охота существовала уже более 2 миллионов лет и ашельский человек, живший 100 тысяч (а может быть, и 500 тысяч) лет назад, был умелым охотником, добычей которого становились даже самые крупные животные.

Охотничьи приемы первобытных людей были весьма разнообразны: одних зверей убивали копьями и стрелами (сначала копья метались просто рукой, а позднее — с помощью копьеметалки и луков), других — отлавливали различными приспособлениями (ловчие ямы, сети, изгороди), третьих пугали огнем и загоняли в облава (вероятно, именно так охотились на северных оленей, бизонов, диких лошадей).

Ловушки, естественно, создавались разные — в зависимости от размеров добычи: для крупных травоядных рыли ямы, маскируя их сверху ветвями и листьями; хищников привлекали в западню специальными приманками, когда они пытались схватить легкую добычу, на них обрушивалось бревно, утяжеленное камнями; более мелких животных — скажем, зайцев — ловили силками.

Роль рыболовства в разные эпохи была не одинакова. В культурных слоях мустьерского времени, например, рыбы кости встречаются очень редко (впрочем, может быть, только потому, что их недостаточно искали). Мустьерский человек добывал рыбу, должно быть, с помощью копья или просто руками — о наличии в это время специальных орудий для рыбной ловли нам пока ничего не известно.

Однако в поселениях эпохи верхнего палеолита рыбы кости обнаруживаются уже гораздо чаще. Появляются первые снасти — главным образом в мадленское время, когда рыболовство играло, видимо, важную роль: грубые прототипы прямых рыболовных крючков современных примитивных народов в виде заостренных на обоих концах коротких костяных стерженьков, гарпуны (ими пользовались и при ловле рыбы, и на охоте), разного рода остроги. Вероятно, применялись уже и сети. Жарили рыбу, возможно, на очагах, выложенных галькой. Добычей древних рыболовов становились главным образом лосось и форель, но встречаются также кости щуки, окуня, угря.

Мало что известно о растениях, входивших в пищу первобытного человека. Данные анализа ископаемой цветочной пыльцы показывают, однако, что в определенные периоды в Европе было много орешника. Съедобными были некоторые виды желудей, а также ягоды (земляника, малина, черника, смородина, терн и т. д.), лу-

ковицы и клубни ряда растений, дикая морковь, щавель, наконец различные водяные растения. Собираение растительной пищи было частью обязанностей женщин и детей. В Африке и Юго-Восточной Азии растительная пища была, несомненно, более разнообразна.

Пользоваться огнем первобытный человек начал еще в эпоху питекантропов, по крайней мере в Азии и Европе (соответствующие свидетельства, найденные до настоящего времени в Африке, относятся к более поздней эпохе). Это не означает, однако, что уже питекантроп умел добывать огонь. Он просто мог поддерживать огонь, получив его в результате какой-то случайности (лесной пожар, зажженное молнией дерево и т. д.). Но в мустьерское время и, несомненно, в верхнем палеолите человек уже умел добывать огонь.

Известны два способа добывания огня: с помощью трения и высекания. В первом случае применялась тонкая деревянная палочка, которую заостренным концом вставляли в углубление в куске мягкой древесины и быстро вращали в ладонях. При втором способе применяли не два обломка кремня (как часто думают), так как получаемые при этом искры недостаточно горячи, а кремень и железный колчедан. Найденные в некоторых отложениях куски железного колчедана сильно оббиты. Это говорит о том, что ими регулярно пользовались для добывания огня.

Численность населения, существовавшего в то далекое время, подсчитать, естественно, нелегко, поскольку плотность его была крайне невысока. Поселения даже в несколько сот человек были очень и очень редки.

Продолжительность жизни была также невысока, хотя последние исследования в этой области позволили несколько увеличить предполагавшиеся ранее цифры. Лишь очень немногие, вероятно, доживали до пятидесяти и более лет. Уровень детской смертности был, несомненно, очень высоким.

Обычай погребения трупов появился впервые лишь в мустьерское время. Обнаруженный в захоронении у селения Ла-Шапель-о-Сен (Франция) костяк лежал в специально вырытой яме, ноги его были подогнуты в коленях, а голову закрывали кости крупных животных. Рядом с черепом погребенного лежало копыто бизона, здесь же, в небольшой ямке, находились рога и лобная кость того же животного — свидетельства заботы первобытной общины о своем умершем собрате. Анализ цветочной пыльцы из мустьерского погребения в Шанидаре (Ирак) показал, что труп покоился в могиле на ложе из цветов.

В эпоху верхнего палеолита погребальные обряды становятся более сложными. Вместе с трупами в могилы клали изделия из крем-

ня и кости, на шею умерших надевали ожерелья из просверленных раковин, тела их осыпали охрой. Иногда руки и ноги умерших придавливали тяжелыми камнями — вероятно, для того, чтобы они не могли являться к живым.

Открыто много захоронений и детских трупов. Советский исследователь истории первобытнообщинного строя А. П. Окладников считает, что обилие детских погребений объясняется тем, что человек каменного века больше заботился о посмертной судьбе детей, чем взрослых. Следует отметить и существование многочисленных женских захоронений. Костяки, обнаруженные в них, часто украшены так же пышно, как и костяки мужчин. Очевидно, охотники времен палеолита не знали дискриминации полов.

Искусство возникло, вероятно, даже раньше, чем мы это предполагаем. Во многих мустьерских поселениях обнаруживается присутствие различных минеральных красок — черной (двуокись марганца), желтой и красной охры. Но до эпохи верхнего палеолита нет никаких свидетельств в подтверждение того, что человек умел нарисовать, выгравировать или вылепить фигуру зверя. Люди мустьерского времени раскрашивали, вероятно, те предметы, которые не дошли до нас, и, может быть, собственную кожу (как австралийские аборигены в наши дни).

Однако в верхнем палеолите, особенно в мадленский период, искусство получает уже значительное развитие, появляются резьба, рисунок, скульптурные изображения, сравнимые с античными. Главная тема первобытных художников — изображение различных животных, но в некоторых пещерах (например, в Ла-Марше, Франция) мы видим и рисунки человеческих фигур. Пропорции их часто нарушены, словно бы точное их воспроизведение было запретным для художника.

Доисторическое искусство многими нитями связано с первобытными и религиозными представлениями и верованиями. После открытия памятников палеолитического искусства начались споры: являются ли эти памятники выражением высокоразвитого эстетического чувства? Позднее надолго укрепилось мнение, что искусство первобытных людей служило прежде всего магическим целям — с помощью изображений древние пытались обеспечить себе удачную охоту или умножение добычи.

В последнее время А. Леруа-Гуран интерпретирует искусство палеолита как выражение дуализма мужского и женского начала (согласно этой теории, изображения одних животных символизируют мужское начало, других — женское). Это, конечно, отнюдь не исчерпывающее объяснение; оно, может быть, и подходит в какой-то мере

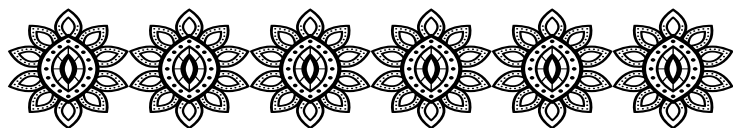
к произведениям ориньякского времени (30 000 лет до н. э.), но не находит подтверждений в мадленском искусстве (15 000–9000 лет до н. э.).

Долгое время считалось, что рисунки первобытного человека можно обнаружить только на стенах самых глубоких пещер, которые служили ему своего рода святилищами. Теперь выясняется, что рисунками и другими изображениями украшено вообще большинство пещерных жилищ древнего человека. Множество таких жилищ обнаружено сейчас по всей Западной Европе; рисунки первобытных людей в пещере найдены и на Урале.

О религиозных представлениях человека каменного века высказываются разные предположения, но достоверно известно все-таки очень и очень мало. Наличие погребальных обрядов свидетельствует о вере в загробную жизнь. Выдвигавшаяся ранее гипотеза о том, что в мустьерское время существовал культ медведя, подвергалась сильным сомнениям, но недавние исследования, кажется, дают новые свидетельства в ее пользу.

Относительно общественной организации людей палеолита мы знаем чрезвычайно мало, поскольку в большинстве случаев нам не известна численность тех человеческих коллективов, которые оставили те или иные дошедшие до нас памятники. Мы не знаем, например, какое число людей могло оставить данное количество орудий в определенном слое — 10 человек за сто лет или 100 человек за десять лет? Правда, в последнее время в этом отношении кое-что начинает проясняться. Следует отметить также, что определенное сходство в наборах орудий и тождественность многих художественных приемов в искусстве первобытного человека заставляют предполагать наличие контактов между различными группами людей, даже разделенных довольно большими расстояниями.

В заключение мне остается добавить, что о повседневной жизни человека каменного века нам предстоит узнать еще очень и очень многое. Но и то, что мы знаем сейчас, говорит нам: хотя эта жизнь была, конечно, тяжела и сурова, ее отнюдь нельзя считать жалким прозябанием. Когда охотники племени были удачливы, у древних людей, оставалось, вероятно, немало времени для творческого самовыражения в различных формах. Но если некоторые произведения изобразительного искусства наших предков все же дошли до нас через многие столетия, то традиции их устного творчества, их сказания, легенды и песни, к сожалению, исчезли навсегда.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пьер Бамбль. Франсис Карсак, Человек-Гора французской научной фантастики (перевод Максима Безгодова)</i>	5

В ГОРАХ СУДЬБЫ

<i>(перевод Льва Самуйлова)</i>	13

ЧИСТЫЕ РУКИ

<i>(перевод Льва Самуйлова)</i>	65

ЛЬВЫ ЭЛЬДОРАДО

<i>(перевод Льва Самуйлова)</i>	113
<i>Часть первая. Эльдорадо</i>	115
<i>Часть вторая. Паразиты в гриве льва.</i>	218
<i>Эпилог</i>	350

ОКНО В ПРОШЛОЕ

<i>(перевод Льва Самуйлова)</i>	353

БОГ, КОТОРЫЙ ПРИХОДИТ С ВЕТРОМ

<i>(перевод Максима Безгодова)</i>	363

<i>Франсуа Борд. Человек Каменного века</i>	388

Литературно-художественное издание

Классика зарубежной фантастики

Франсис Карсак

В ГОРАХ СУДЬБЫ
ЧИСТЫЕ РУКИ
ЛЬВЫ ЭЛЬДОРАДО
РАССКАЗЫ

Перевод

Льва Самуйлова

Максима Безгодова

Иллюстрации

Надежды Лозинской

Евгения Мельникова («Бог, который приходит с ветром»)

Редактор

Дмитрий Власов

Некоммерческий ознакомительный сувенир.
Не предназначен для продажи.